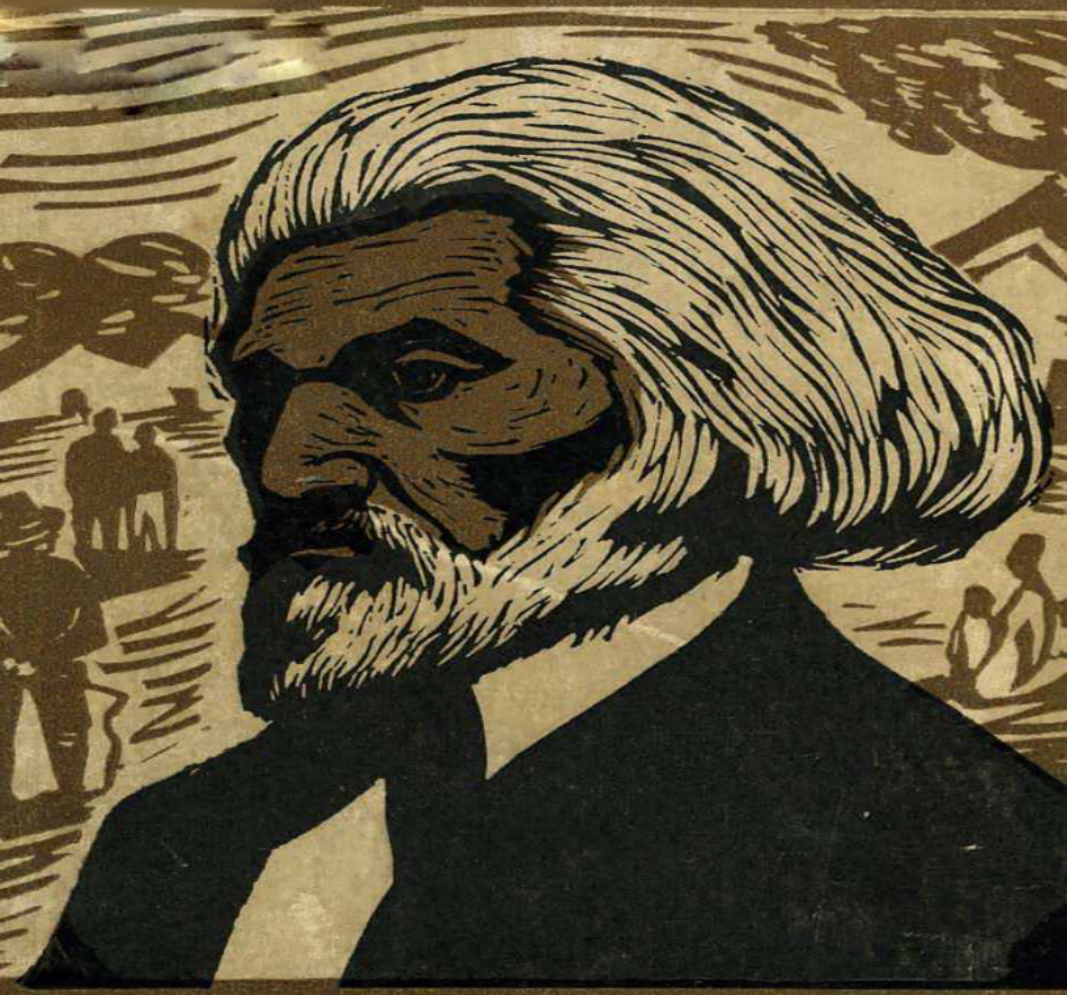
ЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Ш. Грэхем

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга современной американской писательницы и прогрессивной общественной деятельницы Шерли Грэхем рассказывает о героической жизни великого сына негритянского народа, выдающегося борца за освобождение негров Фредерика Дугласа.

Фредерик Дуглас родился в рабстве в штате Мэриленд. Двадцати лет он бежал из неволи на Север и стал активным участником, а затем и одним из вождей движения за освобождение рабов.

Писательница развертывает перед читателем широкую картину одного из самых важных и интересных периодов американской истории, создает образы таких выдающихся деятелей, как Джон Браун, Авраам Линкольн, Уильям Ллойд Гаррисон и др.

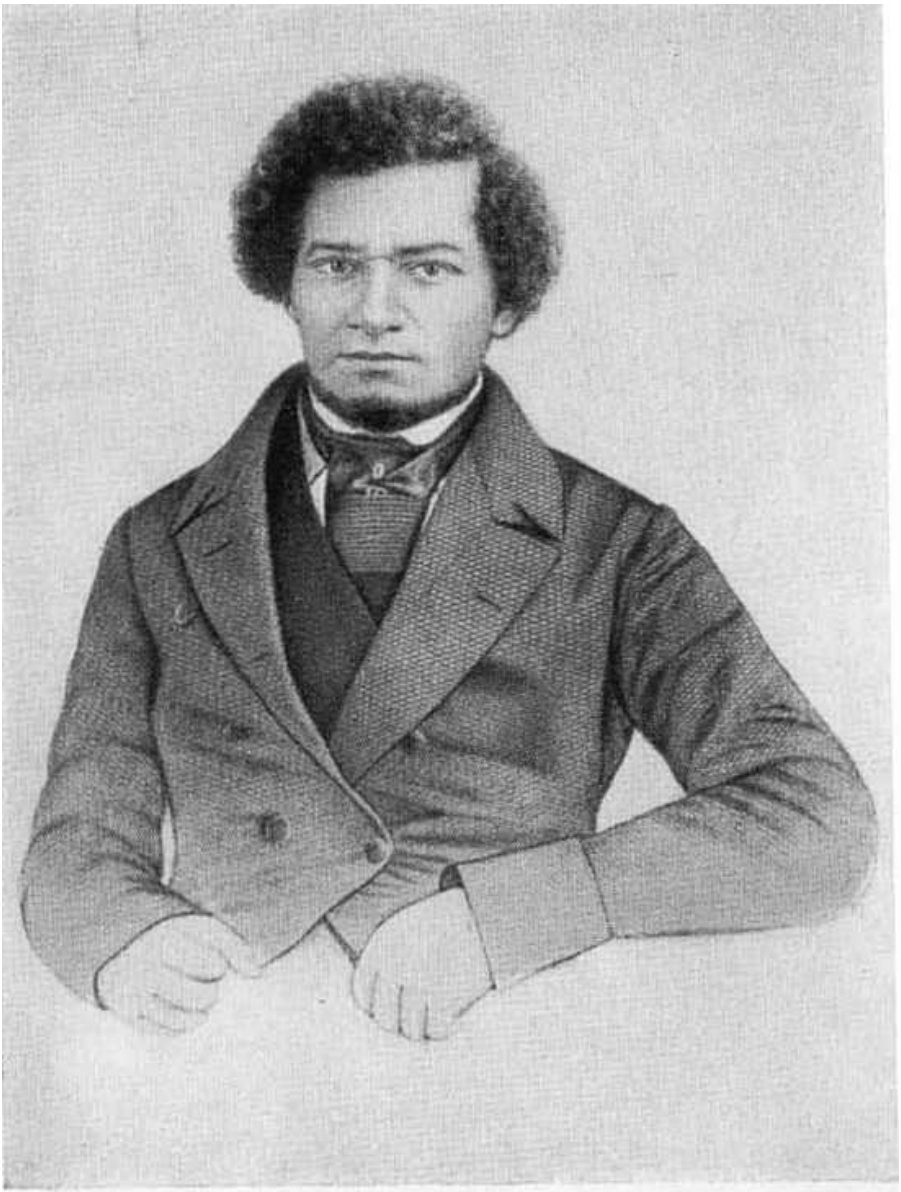
Увлекательно показан в книге путь вольнолюбивого негритянского юноши-самоучки, который, пройдя через жестокие испытания и опасности, становится замечательным публицистом, подлинно народным трибуном, героем всей демократической Америки.

- Шерли Грэхем
  -
  - ПРЕДИСЛОВИЕ
  - ПРОЛОГ
  - ЧАСТЬ I
    - ГЛАВА 1
    - ГЛАВА 2
    - ГЛАВА 3
    - ГЛАВА 4
    - ГЛАВА 5
  - ЧАСТЬ II
    - ГЛАВА 6
    - ГЛАВА 7
    - ГЛАВА 8
    - ГЛАВА 9
    - ГЛАВА 10
  - ЧАСТЬ III
    - ГЛАВА 11
    - ГЛАВА 12
    - ГЛАВА 13
    - ГЛАВА 14

- ЧАСТЬ IV
  - ГЛАВА 15
  - ГЛАВА 16
  - ГЛАВА 17
  - ГЛАВА 18
  - ГЛАВА 19
  - ГЛАВА 20
- ЭПИЛОГ
- От автора

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15

Шерли Грэхем
ФРЕДЕРИК ДУГЛАС
«Жил-был раб…»

Frederick Douglass

ПРЕДИСЛОВИЕ

История США запятнана самой позорной формой порабощения человека человеком — рабством негров, которое существовало до 1863 года. Лучшие люди Америки, негры и белые, героически боролись за уничтожение рабства, за равноправие негров. Почетное место в их рядах принадлежит Фредерику Дугласу, который в течение многих десятилетий был общепризнанным вождем негритянского народа США. О героической жизни и деятельности этого замечательного человека в яркой и доступной форме рассказывает книга негритянской писательницы и прогрессивной общественной деятельницы США Шерли Грэхем.

Дуглас жил в бурные революционные годы XIX века, когда аболиционисты, борцы за уничтожение рабства, начинали оказывать все большее влияние на политическую жизнь страны,

В рядах аболиционистского движения объединились представители различных классов — рабочие и фермеры, интеллигенция и служители культа, буржуазия и ремесленники. Среди аболиционистов были и белые и негры. Вполне естественно, что в этом движении имелись различные направления, его участники по-разному понимали пути и средства борьбы за освобождение негров. Сильное влияние среди аболиционистов имела группа, руководимая Гаррисоном, считавшая, что надо избегать насилия, что с рабством можно бороться моральными средствами.

На практике эти взгляды вели к разоружению аболиционистского движения, лишению его единственно действенного средства в борьбе с рабовладельцами. Известный американский прогрессивный историк Герберт Аптекер пишет: «Дуглас отвергал сектантство и анархизм Гаррисона. Он настаивал на самом широком наступлении против рабства и его отражения на Севере — расовой дискриминации негров. Он первый придал аболиционистскому движению политический характер и первый нанес серьезное поражение идеологической основе рабской системы — пресловутой теории неполноценности негритянского народа».

Величайшая заслуга Дугласа заключается в том, что он возглавил революционное крыло аболиционистского движения, активно боролся за вовлечение в его ряды широких масс трудящихся. Дуглас говорил: «Если нет борьбы, то нет и прогресса. Власть имущие ничего не уступают без боя. Так было и

будет всегда». Он был убежденным сторонником активных совместных действий белых и черных противников рабовладения.

Сила Дугласа как руководителя негритянского освободительного движения заключалась в том, что он являлся плотью от плоти и кровью от крови своего многострадального народа. В молодости Дуглас был рабом. Он знал, что такое подневольный каторжный труд на плантациях, бич надсмотрщика, постоянные оскорбления и унижения. Дуглас знал, какой дорогой ценой негры платят за свободу. Когда был раскрыт план побега, который готовил Дуглас и другие рабы, его пятьдесят миль протащили волоком за лошадьми, жестоко избили и бросили в тюрьму. Дуглас писал в своей автобиографии: «Мои ступни настолько потрескались, что перо, которым я пишу, можно было вложить в раны».

Испытав на себе все ужасы рабства, Дуглас умел находить слова и совершать дела, доходившие до сознания негров и всех противников рабства. Его авторитет среди аболиционистов рос изо дня в день и в канун гражданской войны 1861 года имя Дугласа было широко известно не только в США, но и за границей.

В начавшейся гражданской войне негритянский вопрос играл важную роль. Еще в 1854 году Дуглас с полным основанием заявлял: «Отношения между белыми и черными американцами являются жизненно важным вопросом нашего века». Однако гражданская война началась не как война за освобождение рабов. Важнейшей причиной начавшегося конфликта являлся антагонистический, непримиримый характер противоречий между двумя социальными системами — системой рабства на Юге и капиталистической системой на Севере. Экономическое развитие страны не могло больше базироваться на двух противоположных системах. Противоречия обострялись с каждым годом, взрыв был неизбежен, и он произошел. Началась гражданская война.

Всю свою энергию, весь свой огромный авторитет Дуглас использует на то, чтобы добиться освобождения рабов, дать неграм право сражаться в рядах армии Севера против мятежников-рабовладельцев.

Автор подробно показывает всю жизнь и деятельность Дугласа. Читатель видит, как развивался талант Дугласа — выдающегося американского общественного деятеля, мыслителя и организатора масс, пламенного оратора и блестящего публициста. Автор подчеркивает, что эти успехи не пришли сами собой. Читатель видит, с какой энергией и настойчивостью бывший бесправный раб трудится для того, чтобы овладеть

глубокими и всесторонними знаниями, без которых нельзя бороться за освобождение своего народа.

Деятельность Дугласа, протекавшая в сложной политической обстановке, не была лишена ошибок. Дуглас резко критиковал республиканцев, но он ошибался, когда рассматривал республиканскую партию, партию американской буржуазии, как искреннего союзника негритянского народа. «Республиканская партия — подлинно рабочая партия страны!» — говорил Дуглас. И это была тем более ошибочная точка зрения, что Дуглас придерживался ее в 1872 году, когда достаточно убедительно проявилась предательская позиция партии по отношению к неграм, ведшим в Южных штатах упорную, кровопролитную борьбу с плантаторами.

Ошибочным было также согласие Дугласа принять из рук республиканского президента Хейса должностной пост в федеральном округе Колумбия. Дуглас дал согласие на это назначение после 1877 года, когда республиканская партия пошла на прямой сговор с плантаторами и открыто предала своих негритянских союзников.

Но, говоря об ошибках Дугласа, надо подчеркнуть, что он на протяжении всей своей жизни оставался пламенным борцом за права негров и белых трудящихся. Можно полностью согласиться со словами Дугласа, когда в 1888 году он говорил: «В течение почти пятидесяти лет своей общественной деятельности я был последовательным и непреклонным защитником угнетенных. И если в чем-либо я и ошибался, то только не в этом».

Деятельность Дугласа не ограничивалась борьбой за освобождение негров. Еще в 40-х годах XIX века он активно выступил за предоставление избирательных прав женщинам. Дуглас горячо приветствовал революцию 1848 года во Франции. Он был убежденным сторонником мира и дружбы между всеми народами. «Наше знамя — всегда знамя мира», — говорил Дуглас. Он выступал с резкой критикой агрессивной внешней политики правительства США и других стран. Дуглас заявлял: «Война, рабство, несправедливость, угнетение…было тайным девизом таких правительств», которые «были и все еще остаются вооруженными лагерями».

Шерли Грэхем часто цитирует произведения самого Дугласа, что придает работе документальный характер и является ее настоящим художественным украшением, так как Дуглас был подлинным мастером художественного слова.

В книге широко использованы работы многих американских прогрессивных авторов. Особенно чувствуется влияние работ выдающегося негритянского прогрессивного историка и

общественного деятеля Уильяма Дюбуа, лауреата международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами». И это вполне закономерно, так как в жизни и деятельности Дугласа и Дюбуа имеется много общего. Всю общественную и научную деятельность Дюбуа можно с полным основанием рассматривать как продолжение в новых условиях той борьбы, которую начал в 40-х годах XIX века Фредерик Дуглас.

Книга Шерли Грэхем не является только биографическим очерком жизни Фредерика Дугласа. Прочитав ее, наш советский читатель узнает много интересных фактов из истории США. В книге американского автора особенно запоминаются ярко написанные рассказы о войне в Канзасе, о восстании Джона Брауна, о гражданской войне и реконструкции Юга. Даются интересные факты о жизни и деятельности крупнейших деятелей США второй половины XIX века: Уильяма Гаррисона, Уэнделла Филиппса, Джона Брауна, Чарльза Самнера, Авраама Линкольна, автора «Хижины дяди Тома» Гарриет Бичер-Стоу и многих других.

Ценна эта книга с точки зрения популяризации революционных традиций американского народа. Она, несомненно, найдет широкий круг читателей не только среди советской молодежи, но и среди читателей более старших возрастов.

Р. Иванов

ПРОЛОГ

«Глаз не свожу я с Полярной звезды. Думаю я о свободе».

(Из старинной невольничьей песни.)

Ему внушали, что он раб, что он должен гнуть спину, ходить смиренно, с опущенным взглядом, жить без мыслей и спать без сновидений. Но каждый удар мотыги о переплетенные корни, каждая узенькая борозда, взбегающая на холм, полет птицы над полем, поскрипывание запряженной волами повозки на дороге— все говорило ему о свободе. Ибо взгляд Фредерика Дугласа был обращен к звезде.

Этому темнокожему американцу так и не довелось узнать точную дату своего рождения. В какой-то месяц и день не то 1817, не то 1818, а может, 1819 года появился он на свет в Тэлботском округе, на восточном побережье штата Мэриленд. Кто были его родители? «Генеалогические древа, — писал он позже в своей автобиографии, — не были распространены в среде рабов. Лицо, играющее некоторую роль в цивилизованном обществе и иногда именуемое отцом, попросту не фигурировало ни в рабовладельческих законах, ни в повседневном быту невольников».

Раннее детство его прошло на небольшой ферме; там вместе со щенятами, поросятами и прочим приплодом, подраставшим на плантации, выращивались и негритянские дети для работы в поле и в сосновом лесу, где собирали древесную смолу. Немногие светлые воспоминания детских лет Фредерика тянулись к бревенчатой хижине его бабки. Помнилось ему, что однажды он прикоснулся к своей матери. Лет с четырех или с пяти он уже никогда не видел ее и ничего о ней не слыхал.

Перед вами история о том, как на скотном дворе вырос и поднялся на ноги Человек. Начинается она в 1834 году от рождества Христова. Эндрью Джексон был тогда президентом Соединенных Штатов, Горас Грили уже приступил к изданию своей газеты в Нью-Йорке. Уильяма Ллойда Гаррисона проволокли по улицам Бостона с веревкой на шее. Рабство было только что отменено повсюду, где развевался британский флаг. Даниель О'Коннелл громогласно призывал народ Ирландии к объединению. Гёте воспевал братство людей, и горное эхо вторило его песне. Льву Толстому было шесть лет от роду, а в

Иллинойсе мужал Авраам Линкольн.

ЧАСТЬ I
ДОРОГА

«Земля, расступающаяся перед моими вещими воплями.»

Уолт Уитмен

ГЛАВА 1
ФРЕДЕРИК ВЫХОДИТ НА ДОРОГУ

Долгий день приближался к концу. Стоило солнцу уйти за тощие сосны, как вдоль дороги заклубились маленькие столбики пыли. Со стороны залива подул ветерок, перебирая опавшие листья и сухие ветки.

Ворох лохмотьев и всклокоченные волосы, казавшиеся частью болотистой поросли, зашевелились. Настороженно приподнялась темная голова. Она была вся в ранах и кровоподтеках, глубоко сидящие глаза расширены ужасом. На какое-то мгновенье юноша застыл на месте, напряг все мышцы измученного тела, напряженно вслушиваясь в тишину; он был готов тут же нырнуть в густой кустарник. Но вот вечерний ветерок коснулся распухшего лица, юноша облизал растрескавшиеся, запекшиеся губы. Он снова бессильно поник головой, и капля крови тяжело упала на сухие сосновые иглы.

«Воды!» — широкие ноздри благодарно втягивали чуть влажный воздух, прохладный, как сырые кирпичи колодца. Пальцы, покрытые трещинами, судорожно подергивались. Юноше вдруг показалось, что они сжимаются вокруг грубой ржавой кружки, до самых краев наполненной благодатной холодной водой; он увидел старый колодец, вырытый в двух шагах от хижины его бабки, журавль которого был так искусно помещен между двумя сучками спиленного дерева и так уравновешен, что

даже самый маленький ребенок мог одной рукой поднять ведро воды. Ворох тряпья в кустарнике забила резкая дрожь. Онемевшее тело юноши возвращалось к жизни. Тихо! Полежи еще немного, дыши медленно!

Оцепенение, сковывавшее все его чувства в течение знойного августовского дня, рассеивалось. В висках стучало. Голова кружилась. Юноша прижимался к земле, сосновые иглы кололи ему губы. В памяти расплывались какие-то лица, звучали странные голоса. Солнце, палящий зной, босые ноги взметают пыль на дороге. Дорога ведет на пригорок. Он видит, как в клубах пыли исчезает бабушка. Ушла и мать, махнув рукой на прощанье. Дорога поглотила обеих.

В сосновом лесу темнота надвигается внезапно. Он опять поднял голову и огляделся вокруг. Белка прошмыгнула мимо и спряталась. И снова полная тишина — ни грубых голосов, ни проклятий, ни собачьего лая. Значит, его не ищут. С собаками-то найти его совсем не трудно! Коуви просто не захотел отрывать людей от работы. Коуви знает, что ему никуда не уйти.

Хозяева, которые отправляли своих рабов на эту узенькую полоску неподатливой земли между заливом и рекой, знали, что собственность их находится в полной сохранности. Эдуард Коуви пользовался репутацией первоклассного «объездчика скверных негров». Все соседние рабовладельцы обращалась к нему, когда возникали какие-нибудь неприятности. Занятие это приносило Коуви большую выгоду. Он мог обрабатывать свою ферму, почти ничего не затрачивая на работников. Подобно искусным объездчикам, которые бесплатно пользуются конями лучших кровей,

Коуви получал в свое распоряжение самых горячих и самых строптивых рабов. Он ручался, что любой невольник будет как шелковый, когда вернется к своему хозяину.

Капитан Олд передал Коуви этого дерзкого юнца, присланного на восточное побережье из Балтимора. Проверяя по спискам имущество своей жены, капитан обнаружил, что этот раб числится под именем Фредерик.

— Хитер и опасен! — Голос капитана Олда звучал жестко. — Надо укротить его, пока еще молод.

— Фредерик! — с отвращением проговорил, растягивая слоги, Коуви, оглядывая маленькими зелеными глазками коренастую, складную фигуру юноши, его широкие плечи и длинные коричневые руки. — Очень уж важное имя. Воображаю, как возгордился! — глухо проворчал он себе под нос. Но хозяину сказал подобострастно:

— Знаю я эту породу. Положитесь на меня. Я дурь из него

выбью!

Тут Фредерик поднял голову. Его широкое спокойное лицо обернулось к хозяину. Глаза красноречиво спрашивали: «За что?» Но он не разжал губ.

Капитан Олд строго произнес:

— Поосторожней только, не вздумайте вернуть мне его изувеченным! Через год-два за него можно будет взять немалые деньги. Он — хорошего племени.

Томас Олд (никто не знал, почему он именовался капитаном) не был прирожденным рабовладельцем. Рабы достались ему как приданое жены. Капитану Олду все эти дела были порядком противны, противны до тошноты, но он презирал себя за слабость, боясь злых насмешек супруги. Она выросла на плантации Ллойдов, где рабов было видимо-невидимо. «У полковника Ллойда никогда не бывало никаких хлопот со своими рабами», — колко говорила Люсиль. Олд в ответ только сжимал бесцветные тонкие губы. Одному богу ведомо, как он старается: морит себя голодом, чтобы прокормить эту кучку негодных черных бездельников. Он ненавидит их всей душой. Взять хотя бы вот этого откормленного юнца, которого вконец испортил в городе Хью Олд, собственный брат капитана, и его женушка с восковым лицом. Выучить негра читать! Погубить хорошего, сильного работника! Ну что ж, надо испробовать Коуви. Посмотрим, как он справится с этим делом.

Все это произошло вскоре после так называемого рождества. Теперь стояло знойное лето. Фредерику это время показалось очень долгим. Его «объезжали» в самом подлинном смысле этого слова.

Юноша застонал. Раздражение Коуви отчасти можно было понять. Фредерик в самом деле медленно и плохо справлялся со своей работой в поле и на скотном дворе. Но сам он не смел спрашивать, а так как никто его не учил, борозды у него получались кривые и мелкие.

Он не умел обращаться с топчаком. Никогда прежде не видывал он рогатого скота. Ничего удивительного поэтому, что горше всего приходилось ему из-за быков. Могучие, норовистые животные тащили его за собой, куда хотели, и что ни день Коуви порол Фредерика за то, что он не мог сладить с быками. У Коуви все учение заключалось в порке.

Первое время Фредерик мучил себя вопросами. Ведь они знали, что он не был приучен к полевым работам. Старый хозяин послал его еще совсем маленьким в Балтимор, в услужение к любимому своему внуку, краснощекому Томми. Фредерик запомнил увлекательное путешествие в Балтимор и ту минуту,

когда миссис Олд взяла его за руку, подвела к своему сыну и сказала: «Смотри, Томми, вот это твой Фредди».

Маленький раб застенчиво глядел на своего, такого же маленького, хозяина. Белый мальчик улыбнулся, и оба сразу стали закадычными друзьями. Фред не отходил от Томми ни на шаг. Сторожевой пес не мог быть более предан.

— Фредди возле Томми, — с полным спокойствием, бывало, говорила миссис Олд.

Вполне естественно, что когда Томми начал читать, то он с упоением вовлек в эту новую, захватывающую игру своего товарища. Мать забавлялась быстрой восприимчивостью негритенка. Она охотно разрешала детям учиться вместе, потому что считала это полезным для Томми. Но однажды она похвасталась успехами Фредди перед мужем. Мистер Олд пришел в ужас.

— Это противозаконно! — бушевал он. — Грамотой можно испортить самого лучшего черномазого! Научишь раба читать, и он потом никуда не годен. Того и гляди начнет писать, и тогда уж дело вовсе плохо. Это очень опасная штука, если черномазый пишет.

Миссис Олд никак не могла усмотреть в кудрявом темнокожем мальчике будущую угрозу. Он так любил и охранял Томми. Но миссис Олд привыкла подчиняться мужу. К тому же ей приходилось слышать страшные рассказы о рабах, которые «сбились с пути».

«Ну, что ж, ничего еще не пропало, — утешала она себя. — Ведь Фредди совсем ребенок, он скоро забудет все это».

И она позаботилась о том, чтобы в руки его больше не попадали ни книги, ни газеты.

Но Фредди не забывал. Зерно попало в хорошую почву. Теперь он упорно тянулся к знанию, проявляя при этом изобретательность совсем не по возрасту. Не так уж трудно было подбирать заброшенные школьные учебники. Фредди придумывал игры для Томми и его друзей — игры, во время которых надо было читать и писать. Белые мальчики уносили из класса мел и писали буквы и слова на тротуарах и заборах. К тому времени, когда Томми минуло двенадцать лет, Фредди мог уже свободно прочесть все, что попадалось ему в руки. А Томми каким-то образом догадывался, что об этих вещах лучше не болтать. Фредди здорово ему помогал.

Пришло время, когда все они начали учить речи из «Колумбийского оратора». И Фредди с большой охотой держал книгу, пока мальчики декламировали выразительные строки Шеридана об эмансипации католиков, речь лорда Четэма об

американской войне за независимость, речи великого Уильяма Питта и Фокса. Что-то смутно тревожило детей в этих речах, особенно когда в них говорилось об американской революции.

— Что ж, они, значит, воевали за свою свободу? — вдруг спросил Фредди.

Четверо мальчиков лежали, удобно растянувшись на полу погреба, ни один взрослый не мог их услышать, и все же этот вопрос заставил их испуганно оглянуться по сторонам.

— Тише, не ори!

— Рабы разве дерутся? — допытывался Фредди.

— Там рабов не было!

— Конечно, нет, это были янки[1]!

— Ненавижу я этих янки!

— Все их ненавидят!

Острый момент миновал. Фредди задумчиво перевернул страницу, и они принялись за следующую речь.

Томми подрос — это вдруг заметили все окружающие, — и решено было отдать его в пансион. И вот, прожив с ним семь лет, его темнокожий слуга и телохранитель — теперь уже не маленький негритенок с широко открытыми глазами — был послан обратно на плантацию.

Старый хозяин умер. При разделе имущества — скота, сельскохозяйственных орудий и рабов — Фредерик достался воспитаннице полковника Ллойда, Люсиль, вышедшей замуж за капитана Олда. И мальчика отправили к новому хозяину, поместье которого находилось вблизи устричных садков Сент-Микэлса. Обитатели деревушки Олда, тощие и серые, как их облезлые псы, глядели — на него во все глаза, когда он проходил мимо. Они пристально разглядывали его куртку и башмаки на ногах, хорошие башмаки с целыми подошвами. Никто, конечно, не догадывался, что в узелке Фреда запрятан старый томик «Колумбийского оратора».

Книга эта и привела его в лапы Коуви. Воспоминание вызвало внезапный приступ острой боли, все вокруг потемнело, тошнота подступила к горлу. Деревья приняли причудливые, зловещие очертания, ветви показались растопыренными руками, готовыми схватить его. Слова пылают в темноте, прыгают на Фредерика, жгут… На что ему понадобились книги? Ведь он раб — раб на всю жизнь.

Изумление и ужас нового хозяина были неподдельны. Он и представить себе не мог ничего подобного. Поселившись на плантации, Фред был послушен, вел себя спокойно. Капитан Олд удовлетворенно встретил добавление к жениному наследству. Мальчишка выглядел крепким и смышленым — хороший товар.

Но Фреду не удалось показать, на что он способен. Наступило рождество, и обычные работы на плантации приостановились.

На Юге было принято давать отдых всем обитателям плантации на время между рождеством и Новым годом. На крупных плантациях в эти дни происходили кулачные бои, борьба, состязания в беге, люди без конца плясали и пьянствовали. Хозяева находили очень полезным раз в году отпускать, так сказать, вожжи — это служило удобной, истощающей излишки энергии отдушиной для рабов. В эти дни разрешалась самая бешеная гульба. Спиртное привозили бочками и раздавали без ограничений. Не напиться пьяным во время рождества считалось позором, и плантаторы смотрели на таких рабов с некоторым подозрением.

Капитан Олд был слишком беден, чтобы устраивать у себя празднества на широкую ногу, однако и на его плантации в дни рождества можно было вытворять что угодно; и истощенные негры вливали в себя кувшины рома и кукурузной водки. Мужчины и женщины бродили, пошатываясь, и хрипло орали песни; пары барахтались в канавах, малыши плясали, едва держась на ногах, и надсмотрщики покатывались со смеху, глядя на них. Словом, веселились все напропалую.

Фредерику это было непривычно. Никогда еще не приходилось ему наблюдать такую низменную распущенность. Он чувствовал себя чужаком. С надеждой в душе расспрашивал он о людях, которых знавал еще ребенком. Никто не мог ничего ему сообщить. Рабы старого хозяина были поделены, распроданы, выменены; а невольники, уходя с плантации, не оставляют своего нового адреса. С обитателями плантации Олда Фредерика ничто не связывало. Он скучал по Томми и пытался представить себе, как тот обходится без него. А полевые рабочие и лущильщики устриц, в свою очередь, сторонились новичка, считая его «дворовым негром».

Он поглядел немного, как пляшут рабы, как они распевают молитвенные гимны, хлопая в ладоши и извиваясь всем телом, отведал жгучего напитка, а потом, после полудня, незаметно ускользнул прочь. День стоял мягкий, ничто не говорило о зиме, какой она бывает на севере. Для Фредерика этот досуг оказался совершенно неожиданным. Книга его была хорошо припрятана — он знал, что такие вещи запрещены. Теперь он сунул ее за пазуху и зашагал через вспаханное поле к лесу.

Там и набрел на него капитан Олд. Растянувшись под деревом, не отрывая глаз от книги, раскрытой перед ним на земле, Фредерик читал, усердно шевеля губами. Он был так поглощен, что даже не услышал, как его окликнули по имени.

Только когда хлыст капитана полоснул его по плечу, Фредерик вскочил на ноги. Но было уже поздно.

И вот на плантацию вызвали Коуви, объездчика рабов. Все это случилось семь месяцев назад.

Луна бывает очень хороша над Чесапикским заливом. В эту ночь было полнолуние, и верхушки сосен, устремленные в чистое небо, купались в серебре, легкая мерцающая рябь набегала на песчаный берег. Далеко в море с ленивой грацией двигался корабль, паруса его почти повисли.

Темная фигура, с трудом переползавшая от дерева к дереву, замерла на краю бухты. Широкий песчаный берег был залит лунным светом. Рискнуть?

— Воды! — это вырвалось как стон. Потом Фредерик поднял глаза и увидел проплывающее вдали судно. «Свободный корабль уходит в море. Господи!»

Бесшумной поступью, не потревожив даже ветки, кто-то приблизился к нему и зашептал:

— Полежи! Я принесу тебе воды.

Юноша отпрянул озираясь. Отделившись от дерева, к Фредерику нагнулся человек с очень темной кожей.

— Я Сэнди, — сказал негр гулким басом. — Ну-ка, ляг!

Фредерик почувствовал, что кровь, застывшая было в его жилах, прилила к сердцу. Он снова потерял сознание. На этот раз он уже не старался преодолеть слабость. Рядом был друг.

Негр между тем не терял времени. Опустившись на колени возле неподвижного юноши, он засунул руку под его рваную рубаху. Лицо Сэнди, словно вырезанное из отполированного черного дерева, оставалось непроницаемым, лишь глубоко в глазах зажегся тусклый огонек, когда он отрывал от тела грязные, липкие, в запекшейся крови лохмотья. Неужели поздно? Кажется, нет. Успокоенный, он поудобнее уложил скорченное тело Фредерика на сосновой хвое и, побежав к реке, зачерпнул воды в жестяную банку, которая висела на шнурке у него за плечами.

Почувствовав на губах живительную влагу, Фредерик открыл глаза. Он тихо стонал, пока Сэнди смывал с его лица засохшую кровь и касался зияющей раны в густых, спутанных волосах. Потом спросил, и собственный голос казался ему чужим:

— Ты как узнал?

— Я работал тут близко у мистера Кемпа. Пришла Кэролайн. Она мне сказала.

При звуке этого имени словно льдина растаяла в груди Фредерика и слезы хлынули у него из глаз.

Этого не могли добиться от него ни проклятиями, ни тычками, ни поркой. Кэролайн, рабыня, наложница Коуви, на

теле которой оставались следы его садистских наслаждений, женщина, редко поднимавшая глаза и говорившая только шепотом, — Кэролайн пошла за помощью!

Сэнди не делал попыток остановить бурный приступ рыданий Фредерика. Он знал, что это полезно, так раны заживут быстрее. Сэнди был очень мудр. По всему восточному побережью шла молва, что Сэнди — колдун, что он знаком с черной магией. Сэнди был чистокровным африканцем. Он помнил свое путешествие в Америку через моря и океаны. Он помнил темный трюм, стоны и отвратительное зловоние. Но Сэнди посчастливилось: той же самой цепью, которая прикрепляла его маленькую лодыжку к стене корабельного трюма, была прикована его великанша-мать, и он слышал в потемках ее голос. Весь долгий путь она говорила с ним в потемках. Эта стройная, необычайно высокая женщина считалась особо ценной добычей. Негров племени банту из Восточной Африки нелегко было захватить. На невольничьих рынках за них платили очень дорого. Сэнди помнил бешенство работорговцев, когда обнаружилось, что мать мертва. Так она и не ступила на эту новую землю. Но весь долгий путь она говорила, говорила, и Сэнди не забыл. Не забыл ни единого слова.

Истинный сын своей матери, Сэнди сидел теперь неподвижно на корточках возле Фредерика и ждал. Давно уже выучился он терпению. Воды великих рек движутся медленно, почти неуловимо; самые большие деревья в лесу стоят не шелохнувшись, а все же с каждым годом становятся выше; времена года сменяют друг друга в должный срок; ничто не остается неизменным. Сэнди знал это.

Фредерик прерывисто вздохнул и затих. Тогда Сэнди вскочил с земли.

— Пойдем к моей жене!

Фредерик попытался подняться. Сэнди подхватил юношу своими сильными руками и поставил его на ноги. На мгновенье Фредерик тяжело оперся на Сэнди, и тот потащил его через заросли кустарника. Сейчас Фредерик ничего не чувствовал, ни о чем не думал. Иначе он поколебался бы. Он ведь знал, что Сэнди женат на свободной цветной женщине, которая жила в собственной хижине на опушке леса. Она могла поплатиться жизнью за укрывательство непокорного раба и за помощь ему. «Свободные негры» не представляли собой никакой имущественной ценности для плантаторов. Кроме того, они считали «свободных негров» опасными. Жизнь «свободных» зачастую находилась под большей угрозой, чем жизнь рабов. И все же, как ни странно, рабы относились к этим необычным и

счастливым существам чуть ли не с благоговейным почтением.

По другую сторону леса, там, где над заливом расстилались плодородные земли, у входа в хижину сидела женщина по имени Нама, задумчиво глядя на догорающее пламя костра. В груде золы алели еще кусочки кокса, но отблески пламени уже не прыгали по деревьям, и тени улеглись на землю.

В этот теплый вечер женщина готовила ужин под открытым небом, подвесив над огнем чугунный котелок. В воздухе витал аромат варившейся пищи. Хороша похлебка! Всю неделю Нама работала и прятала для этого случая лакомые кусочки. Нама была полуиндианка. Она жила здесь, на берегу Чесапикского залива почти так же, как жило несколько поколений ее родичей со стороны матери. Плела и продавала сети для ловли сельдей, промышляла рыболовством и охотой не хуже любого мужчины. Хижину построил Сэнди, однако Нама сама раскопала и засеяла свой огород. Шесть дней и ночей проводила она здесь в одиночестве, но в субботу к вечеру всегда приходил Сэнди. Только у особо жестоких хозяев и в очень глухих местах рабов заставляли трудиться и по воскресеньям. Хозяин Сэнди разрешал ему проводить этот день с женой. И теперь она сидела, скрестив руки на груди, и ждала Сэнди. Сегодня он задержался дольше, чем обычно, но он обязательно придет.

Огонь уже совсем догорал, когда она услышала шаги Сэнди в кустах. Обычно он не появлялся с этой стороны, и Нама в тревоге вскочила с земли. Но она не вскрикнула, когда увидела мужа, который вел израненного, окровавленного человека. Она мгновенно поняла: надо сейчас же спрятать это беспомощное существо. Вдвоем с мужем они внесли его в хижину и бережно уложили в углу, на мягкой подстилке из соломы. Нама ни о чем не спрашивала.

Она быстро принесла теплой воды и, сняв с юноши грязные лохмотья, обмыла его раны и обернула голову сорванным с дерева листом. Она смазала растительным маслом его широкую коричневую спину, которая была вся рассечена и сочилась кровью. Одно из нижних ребер было, очевидно, сломано. Женщина оторвала полосу от своей юбки и вместе с Сэнди туго перебинтовала Фредерика в талии.

Затем Нама внесла в хижину дымящуюся миску. Фредерик весь день ничего не ел. В последние полгода пищей его был лишь жидкий водянистый суп. Сейчас он был уверен, что никогда в жизни не отведывал ничего более вкусного, чем эта наваристая похлебка. Женщина положила в котелок обрезки свинины, несколько крабов и устриц, пучок свежих морских водорослей, капусту, зеленый перец и спелые помидоры из своего огорода.

Она испекла кукурузную лепешку в горячей золе. Фредерик ел с жадностью, причмокивая. Сэнди сидел рядом с ним на корточках и с аппетитом расправлялся со своей порцией. Пылающая сосновая шишка освещала хижину. Сэнди улыбнулся жене.

Едва Фредерик очистил свою миску, как сон одолел его. Теперь, когда масло успокоило раны, вкусный горячий ужин насытил желудок и юноша почувствовал себя в безопасности, его окончательно разморило. Он уснул с недоеденной лепешкой в руке.

Сэнди и Нама вышли из хижины. Женщина поправила почти угасший костер, подбросила в него хворост. Сэнди растянулся у огня. Он рассказал жене, что нынче в полдень увидел в кустарнике, возле того места, где работал, притаившуюся Кэролайн. Она пряталась, как испуганный зверек, объяснил Сэнди, поэтому он сам к ней подошел. Лишь постепенно удалось ему вытянуть из Кэролайн, что Коуви зверски избил мальца капитана Олда, рассек ему голову, пнул ногой в бок и оставил лежать во дворе. Она видела, как парнишка уполз в лес. Она все беспокоилась, что он умрет.

— А я не думаю, что он умрет. Умереть человеку трудно. — С минуту Сэнди размышлял. — Я помогу ему.

— Как? — «С одной стороны лес, с другой — залив. Куда бежать?» — подразумевалось в коротком вопросе Намы.

Сэнди покачал головой.

— Сейчас бежать не надо. В этот раз он вернется к хозяину.

Жена выжидающе молчала.

— Слышал я об этом малом, он читает, пишет. Толковый, знает науку белых.

— А! — Теперь женщина начала понимать.

— Сегодня я покажу ему, что должен знать черный человек. Я разбужу силу в его теле, ведь черная мать родила его!

Сэнди долго лежал, безмолвно глядя на звезды сквозь верхушки высоких деревьев. Потом тихо заговорил снова:

— Я вижу в нем большую силу. Сейчас он узнает, что можно. Каждый день будет знать больше. Время наступит — уйдет. Тогда уже не будет один.

И женщина понимающе кивнула.

Фредерика разбудило не солнце, выкатившееся, как золотой шар, и затопившее залив ослепительным блеском и радужным сиянием, и не карканье ворон высоко на соснах, и даже не собачий лай, доносившийся издалека. Нет, сон рассеивался, пожалуй, от того, что постепенно в сознание юноши проникали какие-то пылающие слова. Неужели он нашел книгу— новую книгу, еще более чудесную, чем «Колумбийский оратор»?

Фредерик не видел слов, и все же они, казалось, окружили его со всех сторон — слова были живыми, они уносили его через широкие реки, высочайшие горы, беспредельные равнины. Во сне он видел людей — чернокожих людей, очень высоких и сильных. Они распахивали девственную землю, черную, как их широкие спины, охотились в лесах, некоторые из них шли в города, города, полные черных людей. Они были свободны: они шли, куда желали, и работали так, как им самим было нужно. Они даже летали как птицы высоко-высоко в небе. И он летел с ними, он смотрел вниз, на землю, которая казалась крошечной. Фредерик расправил крылья. Он могуч. Он умеет летать вместе с людской стаей. Но кто эти люди? Фредерик напряженно прислушался. Так вот в чем дело: он не читал, он слушал. Кто-то произносил речь. Но это была не речь, ничего подобного он не слыхал прежде; это было совсем не похоже на то, что говорил проповедник в Балтиморе.

Фредерик открыл глаза. Значит, сон еще продолжается. Он увидел рядом с собой странно изогнувшуюся, мерно раскачивающуюся фигуру, услышал звучный поток слов. Свет резал глаза, но Фредерик уже догадался, что это Сэнди. Он сидел на полу, скрестив ноги; голова была поднята, глаза казались огненными шарами, и он произносил что-то мягко и певуче. Если это и были слова, Фредерик не понимал их смысла. Яркое солнце заливало хижину через распахнутую настежь дверь. Запел петух, и. разом все вспомнив, Фредерик проснулся окончательно. Он поднял руку, чтобы прикрыть глаза от света. Поток певучих звуков внезапно замер, и под пристальным взглядом юноши сияние глаз Сэнди потухло, лицо окаменело, словно на него надели маску. Одно мгновенье фигура его сохраняла неподвижность, в следующий миг негр уже был на ногах.

— Хорошо. Ты проснулся. Пора тебе уходить! — отрывисто и повелительно сказал он, и Фредерик поспешно сел. Тело его вдруг стало легким. Он физически ощущал бодрость во всех членах, так же как ощущал запах сосны, который, казалось, источала каждая тесина в этой пустой хижине. Женщины не было видно, но это, наверно, она принесла воду — полное ведро стояло в углу. Сэнди подал ему завтрак. В руках у юноши очутилась теплая миска; Сэнди молча ждал, пока он поест. Фредерик глубоко вздохнул.

Он вспомнил: чернокожие, такие, как Сэнди, идут куда хотят! Надо это узнать. Фредерик взглянул на Сэнди.

— Когда… когда я спал… ты говорил…

Сэнди хранил молчание. Фредерик потер лоб тыльной стороной ладони. Он вдруг почувствовал себя неловко. Просто

приснился глупый сон… Однако что-то толкнуло его на вопрос.

— Ты говорил это для меня?

— Да.

Простой ответ заставил Фредерика недоуменно нахмуриться.

— Но… я не понимаю. Что ты мне рассказывал? Я ведь спал.

Какое-то выражение промелькнуло на бесстрастном лице Сэнди. Когда он заговорил, голос его прозвучал мягче:

— Тело спит, больное тело спит. Оно спит, и раны залечиваются. Но сам ты, — Сэнди нагнулся и своим длинным указательным пальцем легонько дотронулся до груди Фредерика, — сам ты не спишь!

— А… как это может быть?

Под твердым взглядом этих спокойных глаз Фредерик покорился. Понять он не понял, но запомнил. Помолчав, он спросил просто:

— Куда мне теперь идти?

Так вот оно что! Сэнди решил помочь ему бежать. Ну что же, он попробует. Он ничего не боится. Свобода пела в его крови. И потому ответ Сэнди пошатнул его, как удар.

— Обратно. Обратно к Коуви.

— Нет! Нет!

Весь ужас последних шести месяцев был вложен в этот вопль; дрожа, Фредерик закрыл лицо ладонями.

Рука Сэнди твердо опустилась на плечо юноши и вернула его к действительности. Страх постепенно отступал, какое-то новое чувство подняло его словно на крыльях. Он не мог бы объяснить, что произошло, но знал одно: теперь он не боится. И все-таки жить ему хотелось. Жить во что бы то ни стало. Он взглянул на Сэнди.

— Коуви убьет меня, засечет до смерти. — В голосе Фредерика не было прежнего страха — он просто объяснял.

Фредерик очистил миску до дна. Похлебка была вкусная. Потом он запил водой, которую Сэнди налил ему из ведра, она была свежая и холодная. Фредерику хотелось узнать, куда делась женщина. Ведь надо поблагодарить ее. Поблагодарить перед тем, как отправиться в обратный путь.

Сэнди пошарил у себя на груди под грубой рубахой и вытащил что-то завязанное в лоскуток материи.

— Слушай меня хорошенько!

Фредерик опустил миску на пол.

— Сейчас тебе не уйти. Мудрый встречает все, что ему суждено. Сильные деревья гнутся на ветру, но не ломаются. Сейчас не время. Потом уйдешь. Ты уйдешь далеко.

Фредерик склонил голову. Он верил словам Сэнди, но, как ни

радужны были эти надежды, при одной лишь мысли о биче Коуви вся плоть его содрогнулась. Сэнди протянул ему мешочек.

— Коуви больше тебя не тронет. Носи это на груди все время. Ни один человек больше не тронет тебя.

Сердце Фредерика упало. Он не сделал движения, чтобы взять мешочек. Голос его прозвучал неуверенно:

— Но… Сэнди, это же колдовство. Я не верю в талисманы. Я… я христианин.

Сэнди стоял неподвижно. Он пристально вглядывался в изможденное лицо юноши, видел окровавленную повязку на его голове; видел тень недоверия в широко раскрытых, ясных глазах; вспомнил его иссеченную спину и сломанное ребро, и взгляд его вдруг потеплел.

— Молодой ты еще, — мягко сказал Сэнди. Потом развязал мешочек и бережно высыпал себе на ладонь его содержимое: горстку земли, тонкой, как порошок, какие-то иссушенные травинки и несколько гладких, круглых камешков.

Он поднес ладонь к глазам Фредерика.

— Вот гляди, — сказал он, — африканская земля, ее привезли из-за моря; мать держала это на своей груди.

Затаив дыхание Фредерик склонил голову. Словно большая рука легла ему на сердце.

— А вот, — длинные пальцы Сэнди прикоснулись к сухому стебельку, — морская водоросль, росла она в больших морях, далеких морях, возле далеких стран.

Прах тысячи лет в одной руке! Прах людей, что давно ушли; они жили, чтобы дать тебе жизнь. Это твое, спрячь!

Он протянул Фредерику пустой мешочек. И Фредерик взял его, исполненный благоговения. С величайшей осторожностью, чтобы ни одна песчинка не упала на пол, высыпал он обратно в мешочек землю со своей ладони. Потом, туго обвязав мешочек, надежно запрятал его под своим тряпьем и встал на ноги. Голова была ясной. И Сэнди опять подумал: «Из него выйдет толк!»

Юноша не мог найти нужных слов. Ему многое хотелось сказать, многое пообещать. Этот день, это лучезарное утро, эта хижина — все показалось ему по-особенному значительным. Чужой человек спас ему жизнь, и Фредерик внезапно понял, что жизнь его кому-то нужна. Он положил руку на плечо негра и молвил;

— Я не забуду.

Вместе они вышли из хижины и, глядя на залив, вдыхая утреннюю свежесть, постояли с минуту на холме. Затем Фредерик повернулся и зашагал к лесу. Приостановившись у опушки, он помахал рукой на прощанье и скрылся на глухой тропинке.

ГЛАВА 2
ДОРОГА ВЕДЕТ ВДОЛЬ ЧЕСАПИКСКОГО ЗАЛИВА

Кровля некрашеного дома нуждалась в починке. Провисая внутрь, листы железа придавали диковинный вид скошенному потолку чердачной комнатки. В дождь, который обычно начинался ночью, здесь текло, и Эмилии приходилось вытаскивать свою кровать на середину комнаты. Кровать была железная и узенькая, не так уж трудно, казалось, передвинуть ее. Эмилия не жаловалась. Она была признательна мужу своей сестры и за этот кров над головой.

Эдуарда Кохуви все считали злым человеком. Соседям Эмилии с трудом удалось скрыть сострадание, когда она объявила о своем решении поселиться у сестры. «Неужели у той самой, что вышла за Эда Кохуви?»

И они принимались сконфуженно покашливать, жалея, что задали этот вопрос. В самом деле, куда прикажете деваться бедняжке — вдове Тома Кемпа? Лем Дрейк долго и безмолвно жевал табак, услышав от жены эту новость. Потом сплюнул.

— Эмилия никому зла не делала, — заметил он.

— Старый черт!

Лем знал, что жена имеет в виду Эдуарда Кохуви. Иначе он сделал бы ей замечание: женщине такие слова произносить не подобает.

И вот Эмилия Кемп приехала к Чесапикскому заливу и поселилась в доме Эдуарда Кохуви. До сих пор Эмилия не могла по-настоящему прийти в себя. Оказалось, что в тридцать лет жизнь ее окончена. Наверно, не следовало ей так близко принимать к сердцу смерть Тома. Она ведь знала, что муж скоро умрет, это знали все. Но Том все долбил и долбил свою землю, там, наверху, на горном склоне. Умер его отец, умерла мать, не стало и брата. А теперь и он сам — все они умерли, безнадежно долбя свою землю.

Эдуард Кохуви был совсем иным. Он, как говорили кругом, «преуспевал». Сестра Люси не уставала подчеркивать эту разницу с первого же момента приезда Эмилии. Но что совсем потрясло вдову, так это вид Люси. Она бы ее просто не узнала. Правда, сестры уже много лет не виделись и обе стали постарше. Эмилия знала, что в горных краях женщина в тридцать четыре года нередко увядает. Но Люси-то жила не в горах, а похожа она была

на старую ведьму. Эмилия даже испугалась собственных мыслей.

— Мистер Коуви — человек богобоязненный!

Это были чуть ли не первые слова старшей сестры, и Эмилия поглядела на нее довольно тупо. Все мысли вдовы неизменно возвращались к покойному мужу. Эмилия была уверена, что Люси вовсе не хотела попрекнуть этими словами ее Тома, хотя, по правде говоря, она немножко и сомневалась. Она никогда не слыхала, чтобы Том заявлял о своей богобоязненности. Он вообще не имел обыкновения болтать на религиозные темы.

Эмилия быстро оценила преимущества отведенной ей спальни на чердаке. В первые вечера, взбираясь наверх по узкой лесенке, она недоумевала, для чего предназначены несколько комнат на втором этаже. По всей видимости, они пустовали. Но вскоре она уже благословляла свою судьбу, и ей не понадобилось много времени, чтобы понять, кто придумал там ее поместить: мысль эта принадлежала ее сестре, а не Коуви.

Только надежно закрыв за собой дверь на чердак, могла она избавиться от присутствия этого человека. Только тогда не видела она его жестких зеленых глаз; не ощущала, как он крадется за ее спиной, не слышала его голоса. Голос его — вот от чего ей особенно хотелось закрыться на все замки. Этот голос выходил из уголка рта и так удивительно соответствовал коротким волосатым рукам Коуви. При воспоминании о страшных делах, которые проделывали при ней эти руки, мороз пробегал по коже Эмилии. Люси вышла замуж за Коуви в городе, куда она приехала, чтобы поступить на работу. Он не ездил к ним в горы знакомиться с родными жены. Поэтому Эмилия ничего не знала об «укрощении рабов». Увидев в поместье Коуви много невольников, она решила, что зять ее гораздо богаче, нежели ей казалось, и в первый же вечер никак не могла понять, почему у Люси такой изнуренный вид.

«Образование» Эмилии началось в первое же утро, когда ее позвали вниз еще до рассвета. Ей-то не привыкать, но ведь люди, имеющие рабов, могли бы разрешить себе понежиться в постели и чуть подольше! Так думала Эмилия, но все же торопливо оделась и поспешила вниз, где ей сразу дали понять, что все собравшиеся в большой комнате только ее и ждут. Тяжелый запах немытых тел ударил Эмилии в нос на пороге.

Первым ее ощущением был страх. Коуви, сидевший у стола над раскрытой огромной книгой, дернул своей круглой головой в ее сторону и блеснул волчьим взглядом. Пламя масляной лампы резко обрисовывало контуры его черепа. Свет играл и на бледном лице Люси и на фигуре другого мужчины, повыше Коуви ростом, который тупо и враждебно уставился на Эмилию. Но позади них в

неосвещенной части комнаты тесно сбились в кучу какие-то темные фигуры, замершие в странных, причудливых позах.

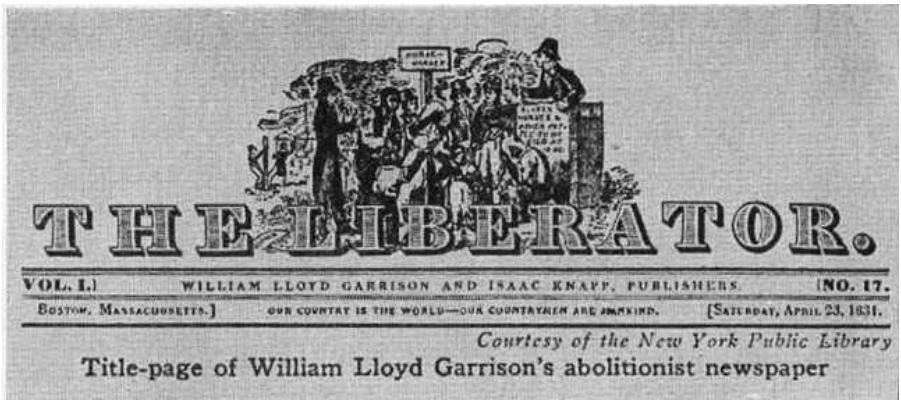
— Вы опоздали, сестрица Эмилия, — голос зятя звучал милостиво. — Все наши домочадцы начинают день молитвой, вся наша большая семья.

Он медленно обвел рукой комнату. В темноте возникло какое-то неясное движение, оно прошло, как дрожащая волна, и улеглось.

— О, простите, пожалуйста! — только и могла пробормотать Эмилия, на ощупь пробираясь к своему месту.

Сцены из жизни на рабовладельческом Юге (иллюстрация из первого издания автобиографии Фредерика Дугласа).

THE LIBERATOR.

VOL. I.] WILLIAM LLOYD GARRISON AND ISAAC KNAPP, PUBLISHERS. [NO. 17.

BOSTON, MASSACHUSETTS.] OUR COUNTRY IS THE WORLD—OUR COUNTRYMEN ARE MANKIND. [SATURDAY, APRIL 23, 1831.

Courtesy of the New York Public Library

Title-page of William Lloyd Garrison's abolitionist newspaper

Титульный лист аболиционистской газеты «Либерейтор».

Нападение рабовладельцев и их сторонников на Уильяма Ллойда Гаррисона в Бостоне в 1835 году.

Позади нее кто-то тяжело вздыхал. Она не посмела обернуться и опустилась на стул, кусая губы. Коуви, казалось, ничего не слышал. Он устремил глаза на книгу и, водя по строкам своим коротким толстым пальцем, начал читать вслух медленно и с трудом:

О, возблагодарим господа нашего, ибо он добр, ибо милость его пребудет вовеки.

Да скажут так спасенные господом, кого избавил он от руки вражеской;

И созвал их изо всех стран, с востока и запада, с севера и юга.

Одиноко блуждали они в пустынях, не могли найти города

для себя.

В голоде и жажде блуждали, и душа ослабела в них.

И воззвали они к господу о своей беде, и господь избавил их от несчастья.

И вывел на истинный путь, чтобы нашли они город…

— Хвала создателю! — прибавил от себя Коуви и тяжелым ударом кулака захлопнул библию.—

А теперь, Фред, запевай гимн!

Эмилия снова услышала за собой подавленный вздох. Ожидание казалось невыносимым.

— Я тебе говорю, Фред! — скомандовал Коуви еще раз.

Кто-то вскрикнул в темноте. В памяти Эмилии молнией сверкнула давняя сцена: Сид Грин яростно хлещет свою обезумевшую лошадь, которая свалилась в канаву. Том вырывает у него хлыст и сбивает Сида с ног…

Напряженный голос начал выводить дрожащую мелодию. Он пропустил несколько тактов, но постепенно окреп. Эмилия догадалась, что это поет юноша, стоящий позади нее. Сейчас же к нему присоединился Коуви, из перекошенного рта которого стали вылетать неровные, фальшивые ноты, затем зазвучал тоненький, как свирель, голосок Люси. Темные фигуры, толпившиеся позади, подхватили мелодию, и песнь полилась — странная, неотвязная, полная дикой силы. Сначала гимн показался Эмилии незнакомым, но вскоре она различила торжественные слова:

Пусть песнь из тысячи сердец,
Во славу господа ликует.
Ты наш спаситель и отец,
И милосердье торжествует…

Едва замерла мелодия, как Коуви упал на колени. Лицо его, озаренное светом масляной лампы, было обращено вверх. Поток слов рвался из его груди, слов, исполненных такого страстного рвения, что в этих удушливых, мрачных потемках они оглушали, как удары молотка. Он пресмыкался в бесстыдной душевной обнаженности, сваливая на склоненных перед ним людей весь свой тайный страх перед богом, всю свою вину за гнусные жестокости и прегрешения. Потом он встал с лоснящимся от пота лицом, взял из угла тяжелую плеть и стал выгонять едва волочивших ноги людей во двор, где уже занималось серое утро.

Эмилия вспомнила, что на дворе холодно — дрожь пробрала ее, даже когда она шла по коридору.

В помощь сестре оставалась только одна рабыня — молчаливое существо с медленными движениями.

— Прибери здесь и дай мисс Эмилии позавтракать!

Эмилия заметила, что, говоря это, сестра толкнула негритянку. Поразил Эмилию и грубый ее тон. Не прибавив ни слова, Люси скрылась в кладовой.

Эмилия была напугана. Она поняла вдруг, что именно страх остановил ее сегодня утром на пороге, и ничто уже не могло рассеять этот страх: ни чтение библии, ни песнопения, ни молитва. Теперь она боялась этой молчаливой темнокожей женщины, которая ступала бесшумно, отворачивая лицо. Под темной кожей таких… таких тварей наверняка таится какая-нибудь зловещая угроза. Без всякой связи Эмилии припомнилась вдруг вороная кобылка Тома — он, бывало, приезжал на ней, когда еще был женихом. Эмилия сделала повелительный жест.

— Я сяду вот здесь!

Страх придал ее голосу резкость. Она будет завтракать, как настоящая леди, а черномазая пусть прислуживает ей. Но женщина повернулась и взглянула Эмилии в лицо. Она оказалась вовсе не старой. У нее была гладкая коричневая кожа, молодые вздрагивающие губы и широко расставленные большие глаза, напоминающие глубокие темные озера.

«Мужчина может утонуть в таких глазах». Эта мысль возникла у Эмилии случайно, против воли; она внушала отвращение, и Эмилия мгновенно ее подавила, но от этого вдове стало еще неуютнее.

Утро тянулось неимоверно долго, и, пока Люси помешивала жир, шипевший в глубоких чанах, делала сальные свечи и нарезала длинные фитили из жесткой, грубой ткани, Эмилии удалось кое-что узнать. Работа по дому была бесконечной, и Люси кидалась без передышки от одного дела к другому. Эмилия недоумевала, почему она не поручит что-нибудь рабыне. Наконец она прямо спросила об этом сестру.

— Этой ленивой корове? — с какой-то бешеной злобой воскликнула Люси и, выдержав паузу, добавила — Ее держат для приплода! — Проговорив это, она поджала губы.

— Для приплода? Что это такое? Какая-нибудь особая работа?

Люси хмыкнула.

— А разве у нас дома нет еще рабов? — спросила она.

Эмилия отрицательно повела головой.

Люси вздохнула. Бесконечная усталость была в этом вздохе.

— Мистер Коуви говорит, что без черномазых теперь не разбогатеешь. Без них никак не обойтись.

— Но ты же сказала… — начала было Эмилия.

— Мистер Коуви купил ее на… племя, — с какой-то упрямой

жестокостью начала объяснять Люси. — Понимаешь? Мистер Коуви собирается скупить всю эту землю. Рабы ныне в цене. Ты даже представить себе не можешь, сколько содрали с мистера Коуви за эту самую Кэролайн! — она выпятила припухшие губы.

У Эмилии пересохло во рту. Она откашлялась.

— Что ж, для начала неплохо!

— Да нет! — Люси откусила нитку. — Это же не его собственные негры. Он берет рабов с соседних плантаций… в обучение.

— Значит, он…

В эту минуту во дворе раздался вопль, заставивший Эмилию в ужасе вскочить на ноги. Люси спокойно прислушалась.

— Похоже, что мистеру Коуви опять приходится пороть этого Фреда. Вот испорченный малый!

Эмилия слышала все, что происходило во дворе; с лица ее сбежала краска. Она устыдилась своей слабости, увидев невозмутимое равнодушие Люси, и закусила дрожащие губы.

— Тот самый мальчик, что пел сегодня утром?

— Тот самый. Упрям, как мул. Уж, наверно, завтра голосок у него будет малость потише!

И миссис Коуви хихикнула.

День разворачивался, как длинный свиток.

К середине дня все тело Эмилии было налито усталостью. На дворе ярко светило солнце — отличная февральская погода для раннего сева. Наружная дверь из кухни стояла настежь, и Эмилия вышла на крыльцо посмотреть на залив.

Маленькая девочка лет трех или меньше выползла из куста и заковыляла по замусоренному двору. Эмилия стала наблюдать за ней. Личико под шапкой спутанных каштановых кудрей было покрыто грязью. «Не слишком ли холодно еще такой крохе бегать босиком?» — подумала Эмилия, ища глазами, нет ли поблизости матери. Она протянула руку, и девочка остановилась, уставясь на нее большими глазами.

— Ты откуда взялась, малышка?

Однако на лице ребенка не появилось ответной улыбки. И вдруг Эмилия услышала позади себя быстрые шаги.

— Не трогай эту черномазую! — взвизгнула Люси, точно полоснула хлыстом. Лицо ее исказила ярость.

Эмилия увидела, что Кэролайн, согнувшаяся в углу над корытом, подняла голову. Люси подбежала к негритянке и наотмашь ударила ее по лицу.

— Тащи отсюда свое отродье! — завопила она. — Пусть знает свое место. Тащи ее вон отсюда!

Одним прыжком женщина очутилась за дверью кухни. Она

подхватила девочку на руки и, прижимая к себе, помчалась с ней за скотный двор.

— Наглая! Как она смеет! — Люси трясло как в лихорадке, казалось, она сейчас упадет.

Эмилия все не догадывалась, в чем дело.

— Но… Люси, я не понимаю. Ведь ребенок же белый?

— Заткнись, дура ты! — Теперь сестра обрушилась на нее. — Дура! Это ее девчонка, ее, слышишь? А кто она? Грязная, черная, вонючая обезьяна!

Люси зарыдала, и Эмилия крепко обняла ее, разом вспомнив большие зеленые глаза на худенькой детской физиономии.

Ничего особого не произошло в штате Мэриленд в ту весну 1834 года. В Виргинии повесили Ната Тернера[2]. Уильям Ллойд Гаррисон выпускал в Бостоне аболиционистскую[3] газету «Либерейтор» («Освободитель»), а некто по фамилии Лавджой пытался наладить издание газеты такого же направления на западе страны: в Канзасе и Огайо. Но в Мэриленде все было спокойно, ибо власти не дремали.

Супруги Коуви не имели соседей. Ферма, с трех сторон окруженная водой, лежала за широкой полосой, на которой беспорядочно торчали высокие сосны. На участке самой фермы все деревья были спилены, и сильные порывы северо-западного ветра расшатывали и заносили пылью некрашеные постройки. Из окошка своей мансарды Эмилия видела Кленовый остров, поросший густым черным лесом, и Кит-Пойнт, на песчаные голые берега которого набегали вспененные волны залива. Вокруг царило полное безлюдье.

Этой весной шли обильные дожди, и Коуви дотемна не уходил с поля, подгоняя рабов руганью и ударами. Хьюзу — своему кузену и надсмотрщику — он ничего не решался доверить.

— Эти черномазые заваливаются спать, стоит лишь отвернуться, — стенал Коуви, — нельзя отойти от них ни на шаг!

Эмилия непрерывно сражалась с грязью — ее натаскивали во все комнаты.

Потом наступило лето с гнетущим зноем и страшными грозами, которые исхлестывали в бурлящей ярости и реку и залив.

От «семейных» утренних молитв люди были свободны только по воскресеньям. В этот день, независимо от погоды, мистер Коуви с женой отправлялись в церковь. Как ни прискорбно, но он пока еще не имел возможности устраивать регулярные богослужения для рабов: на крупных плантациях — другое дело, там всегда могли похвалиться хоть одним негритянским проповедником. Он же, мистер Коуви, еще не достиг столь

высокой степени благополучия. Ничего, все это еще будет! Он соблюдал воскресенье как день отдыха, никого не посылал в поле, и вообще на ферме не работали, разве что готовили пищу.

Поэтому Эмилия могла подольше полежать в постели в это августовское воскресенье. Всю ночь на чердаке парило, как в духовке. Незадолго до рассвета стало чуть прохладнее, и теперь Эмилия отдыхала, совершенно обессиленная. Приподнявшись на локте, она могла увидеть кусочек неба и залива в узенькое, как щель, слуховое оконце. Белые паруса скользили по сверкающей глади. Эмилия вздохнула. В это утро корабли наводили на нее тоску. Они уплывали куда-то далеко, а она оставалась здесь.

Наверно, из-за этого пекла все стало еще хуже, чем было прежде, размышляла она, прикрыв глаза. Мистер Коуви убьет Фреда как пить дать, если тот вообще еще жив. Но, с другой стороны, почему же малый не работает как надо? Сначала ей казалось, что Фред смышленый парень, однако в последнее время в нем будто не осталось никаких проблесков разума; он просто бродит вокруг, угрюмый и вялый, и даже не обращает внимания на то, что ему говорят. А вчера вздумал притвориться больным.

— Похоже, что я переломал ему кости! — с удовлетворением пробурчал мистер Коуви.

— Капитану Олду это не понравится, — предостерегающе сказала Люси.

Замечание это совершенно взбесило мистера Коуви. Весь остаток вечера Люси старалась не попадаться ему на глаза. Эмилия видела, как он выкручивал руку Кэролайн, пока та не согнулась. Ох, эта баба! Но она тоже не очень бойка в последние дни, прихрамывает что-то. «И все-таки, — размышляла Эмилия, спуская с кровати худые ноги, — я рада, что за Фредом не послали собак». Теперь он слоняется где-то по лесу, злится на весь свет. Но мистер Коуви говорит, что собаки разорвали — бы его на части. Неважная смерть… даже для черномазого!

— Вернется! — рявкнул мистер Коуви. — Черномазый ползком приползет к своей кормушке, будьте уверены.

Эмилия оставила ворот своего ситцевого платья незастегнутым. Может быть, сегодня жара будет полегче. Люси уже сошла вниз, она еще больше осунулась, глаза были красные. Сестра догадалась, что она провела бессонную ночь на широкой супружеской постели в одиночестве. Кэролайн нигде не было видно.

Появился мистер Коуви в лучшем своем воскресном облачении с добродушнейшей улыбкой на устах. Только в этот день мог он позволить себе роскошь играть свою любимую роль — хозяина благоденствующей плантации, неторопливого,

милостивого, окруженного преданными черными слугами. Коуви наслаждался воскресными днями.

— Вы не идете в церковь, Эмилия? — спросил он любезно, поднимаясь из-за стола.

— Нет, мистер Коуви, мне… мне сегодня трудновато. Голова что-то побаливает, — извиняющимся тоном ответила Эмилия.

— Очень жаль, сестрица. Все эта ужасная жара. Лучше вам полежать немного. — И, обратясь к жене, сказал: — Поторопись, дорогая, а то мы можем опоздать. Ступай оденься, а я погляжу, запряг ли Билл коляску. — Ковыряя в зубах, он вышел во двор.

Эмилия принялась убирать со стола.

— Брось, — сердито заметила Люси, — полагаю, Кэролайн тоже может чем-нибудь заняться.

Эмилия спустилась с крыльца и вдруг увидала шагающего по дороге Фреда. Чудно он шел, не обычной своей походкой, а словно печатая шаг. Эмилия принялась было окапывать свои георгины, надеясь, вопреки очевидности, что они еще проявят признаки жизни. Луковицы она привезла с собой и высадила их перед домом. Цветы, разумеется, не росли, но Эмилия продолжала с ними возиться.

И вдруг она выпрямилась и стала всматриваться за ограду. Ну, конечно же, это Фред бодро идет по дороге, ишь, как пылит!

Мистер и миссис Коуви как раз спускались по ступенькам веранды, когда Фред распахнул калитку. Он продолжал шагать не останавливаясь. Бедняжка Люси даже рот разинула, но мистер Коуви только улыбнулся с кротостью святого.

— А, ты, значит, пришел назад. Все как с гуся вода!

Он помолчал, оглядывая посеревшую от пыли повязку на голове Фреда, его замызганное рубище. Потом сказал немного раздраженно:

— Приведи себя в порядок. Сегодня воскресенье.

Юноша отступил в сторону. Мистер Коуви с женой направились к ожидающем их открытой коляске. Фред повернул к черному ходу, и мистер Коуви закричал ему вслед:

— Да затони там свиней, что забрались вечером на нижнее поле. Будь хорошим мальчиком!

Хозяин перегнулся через борт сиденья, помахал Эмилии, дернул вожжи и покатил по дороге, сидя рядышком со своей доброй женой. Прелестная картинка! Эмилия видела, что Фред стоит возле дома и со странным выражением лица глядит на дорогу.

Эмилия никак не могла забыть его возвращение, его торжественный марш по дороге. Нелепые, фантастические мысли роились в ее голове. Неужели рабы действительно умеют думать,

как люди? Этого малого Коуви избил до полусмерти. А он явился так, словно все ему нипочем! Толстокожий, сразу видно! И эта его большая голова! До сих пор Эмилия даже не замечала, какая она у него огромная.

Добродушие Коуви ее не обмануло. Он никогда не порол рабов по воскресеньям, но можно поручиться, что парень получит от него завтра хорошую трепку.

В понедельник Эмилия проснулась рано и, вспомнив вчерашнее лицо Фреда, сбежала вниз. Похоже, что мистер Коуви подсократил сегодня утреннюю молитву. Это неспроста, очевидно, он что-то задумал. Эмилия слышала, как он велел Фреду вычистить хлев. Значит, его не посылают в поле с другими. Коуви задержался в доме на несколько минут, укрепляя ручку на своей плети.

Эмилия всегда старалась уйти куда-нибудь во время этих ужасных порок. Люси дразнила ее мокрой курицей. Однако сегодня странное возбуждение охватило Эмилию. Она хотела видеть, что произойдет. Во двор она решила не выходить, но, когда сестра отвернулась, Эмилия выскользнула из кухни и почти бегом взобралась по лестнице. Окошко ее мансарды выходило во двор.

Было уже совсем светло. Коуви и надсмотрщик стояли в нескольких шагах от черного хода. Хьюз держал в руках веревку с петлей на конце и тихо что-то объяснял Коуви, который очень внимательно его слушал. Эмилия видела их совершенно отчетливо, но не могла разобрать ни одного слова из разговора. Потом она заметила, что Фред распахнул двери хлева и подложил под них камни. Мужчины повернулись и стали наблюдать за ним. Ничего не скажешь, парень взялся за дело с охотой и зря не терял времени. Сейчас он готовился выводить из хлева быков.

Хьюз было ушел, но потом вернулся и что-то сказал. До нее долетел ответ Коуви:

— Ступай, я обойдусь без тебя.

Эмилия обратила внимание на то, как Фред управлялся с быками. Казалось, что он совсем не боится этих норовистых животных. Коуви тоже наблюдал за ним. Эмилии не было видно, куда он спрятал свою плеть. В руке он держал веревку, которую дал ему Хьюз. У Фредерика что-то не ладилось с одним из быков. Юноша шагнул назад и полез по приставной лестнице на сеновал.

Стоило Фреду повернуться спиной, как Коуви молнией пересек двор и очутился рядом с ним. Это было сделано так неожиданно и бесшумно, что Эмилия тихо вскрикнула. Она поняла маневр Коуви еще до того, как тот ухватил Фреда за ногу и сильным рывком сдернул его на землю. Он уже затягивал петлю

вокруг ног юноши, но внезапно Фред подскочил и, развернувшись, как пружина, всем своим гибким телом, обрушился на хозяина, а рукой схватил его за горло. Эмилия крепко вцепилась в подоконник и высунулась во двор. Теперь оба они лежали на земле, и раб подминал под себя хозяина. Юноша ослабил пальцы. Эмилия хорошо разглядела запрокинутую физиономию Коуви. Он пыхтел и отдувался, но не боль, а растерянность придала такое странное выражение этому побелевшему лицу. Юноша спрыгнул и встал, готовый к отпору, пока хозяин медленно и неуклюже поднимался с земли.

— Ты что, сопротивляешься, негодяй? — хрипло крикнул Коуви.

А Фредерик, готовый к прыжку, с занесенным кулаком, вежливо проговорил:

— Да, сэр. — Он тяжело дышал.

Коуви попытался схватить его, но Фред отпрыгнул в сторону. Коуви так завопил, что Люси выскочила из дома.

— Хьюз! На помощь! Хьюз!

Дошедший уже до середины поля Хьюз повернулся и побежал обратно. Фред между тем стоял твердо; он не собирался нападать сам, но был на страже.

«Мальчишка-раб взбесился!» Эмилия слышала, что на рабов иногда такое находит. Надо сойти вниз и помочь Коуви. Иначе их всех могут ночью перебить. Но почему-то она не могла отойти от окна. Не могла оторвать глаз от этой невероятной картины: безгласный раб, подняв голову, твердо и прямо стоит перед хозяином! Оказывается, он ростом почти с Коуви!

Во двор примчался Хьюз и набросился на Фреда. Но тот дал ему такой сильный пинок в живот, что ошеломленный Хьюз, шатаясь, отступил. Коуви тупо воззрился вслед своему надсмотрщику. Черномазый ударил ногой белого человека! Коуви невольно отпрянул, хоть и без всякой нужды, так как Фред даже не двинулся в его сторону. Он стоял на месте и спокойно ждал, готовый отбить любое нападение. Коуви смерил его взглядом.

— Ты что ж, и дальше будешь сопротивляться?

В вопросе хозяина послышалось что-то жалобное.

Эмилия подавила желание расхохотаться. Она еще больше высунулась из окна: надо услышать его ответ. Голос юноши донесся до нее совершенно отчетливо, он звучал твердо, уверенно:

— Да, сэр. Меня больше нельзя бить. Нельзя никогда.

Теперь Коуви всерьез перетрусил. Он осмотрелся вокруг: где его плеть? Хоть бы палку какую найти или еще что-нибудь… Хьюз уже пришел в себя и стоял с ним рядом.

— Я принесу ружье! — прорычал он.

Кохуви вздрогнул, но тихо ответил, скривив рот:

— Оно в передней.

Эмилия увидела, что Хьюз с лицом, покрытым багровыми пятнами, бросился к дому. До нее донесся визгливый голос сестры и громкая брань Хьюза. Она догадалась, чего требует Люси: чтобы они не смели убивать раба, принадлежащего капитану Олду.

А тот даже не пошевелился. Он не спускал глаз с Кохуви, заметившего суковатую палку, которая валялась возле конюшни. Кохуви начал потихоньку подвигаться к ней.

Эмилия почти задыхалась, у нее тряслись колени. Хватаясь онемевшими пальцами за неровные ступени приставной лестницы, то и дело проваливаясь ногами, она сползла со своего чердака. Ноги ее подкашивались, когда она очутилась на площадке второго этажа. Злобный голос Хьюза все еще раздавался на крыльце. Эмилия глянула через перила вниз, в темную переднюю. Ружье нельзя было рассмотреть.

Какие-то страшные тени, казалось, цеплялись за юбку Эмилии, ступеньки дрожали и скрипели под ногами, как ни старалась она спуститься бесшумно. Ее замутило от застоявшегося там тяжелого запаха. Холодными, трясущимися руками схватилась она за ствол ружья, которое оказалось в углу, и, когда входная дверь открылась, она уже успела взбежать на второй этаж. Выше подняться она не осмеливалась и, прижавшись к стене, взволнованно ловила звуки из передней. Она слышала, как Хьюз грохочет внизу своими тяжелыми сапожищами, сшибая с мест какие-то предметы, слышала его ругань — сначала негромкую, потом перешедшую в яростный рев. В нескольких футах от нее была приоткрыта дверь в комнату. Прижимая к себе ружье, Эмилия на цыпочках проскользнула туда.

Между тем Фредерик хоть и знал, что Хьюз побежал за ружьем, но с большей опаской следил за Кохуви, который кошачьими шагами подбирался к толстой суковатой палке.

«Он сейчас повалит меня», — подумал Фредерик. Он дышал ровно, зная точно, что будет делать. И в тот самый момент, когда Кохуви нагнулся, чтобы схватить палку, юноша подскочил, обеими руками схватил его за ворот рубашки и со всего размаха швырнул навзничь, прямо в коровий навоз. Кохуви уцепился за руки юноши и заорал во всю глотку.

Множество босых ног торопливо зашлепало к скотному двору. Новость распространилась по усадьбе.

Билл, еще один «ученик» Кохуви, показался из-за дома. Раскрыв рот, он воззрился на эту картину.

— Хватай его, Билл! Хватай! — кричал Коуви.

Билл словно прирос к земле. На лице его застыло тупое выражение.

— Чего говорите, хозяин?

— Хватай его! Держи!

Глаза Билла округлились. Он проглотил слюну и облизал губы.

— Мне в поле пора, хозяин. Пахать надо. Гляньте, солнце-то как высоко! — Билл неуверенно поболтал рукой, указывая на солнце, которое уже обстреливало своими лучами восточный край леса, и опасливо двинулся прочь.

— Куда пошел, дурак? Он убьет меня!

На широком плоском лице негра мелькнуло любопытство. Он сделал несколько шагов вперед. Фредерик угрожающе посмотрел на него и процедил сквозь зубы:

— Только тронь!

Билл сразу осел.

— Господи, да ты совсем спятил, парень, кто тебя трогает? — пробормотал он и вяло побрел за хлев.

Коуви проклинал всех и вся. Он никак не мог высвободиться. Фред обвивал его, как скользкий спрут, прижимая к земле руками и ногами.

Но Фредерик уже терял силы. Он обмер, когда увидал Кэролайн. Она, должно быть, доила коров под навесом, потому что несла в дом полное ведро молока. Коуви мог заставить Кэролайн прийти ему на помощь. Она была женщина здоровая, и сейчас, когда Фредерик уже совсем обессилел, ей ничего не стоило с ним справиться.

Коуви тоже заметил ее и уверенно позвал. Кэролайн остановилась. Поставила на землю ведро с молоком. Коуви облегченно вздохнул, и злобная ухмылка скривила его рот.

И вдруг Кэролайн засмеялась тихим коротким смешком. Коуви едва не задохнулся, услышав этот смех.

— Кэролайн! Держи его! — позвал он уже не таким свирепым голосом.

Едва слышно и хрипло, словно гортань ее заржавела от вечного молчания, Кэролайн произнесла три коротеньких слова:

— Это я-то?

И, подняв с земли ведро с молоком, чуть волоча за собой ногу, она пошла к дому.

Фредерик почувствовал, что все тело Коуви обмякло. И тогда он быстро поднялся на ноги, сам схватил суковатую палку и отступил на шаг-другой. Коуви перекатился на бок. Он не был ушиблен или поранен, только ошеломлен всем случившимся.

Когда плантатору удалось, наконец, покачиваясь, подняться на ноги, ему померещилось, что весь двор заполнен молчаливыми черными фигурами. На самом же деле только четверо или пятеро невольников прибежали на шум и теперь, стоя на почтительном расстоянии, безмолвно сверкали белками глаз. Но весь мир Коуви шатался и грозил рухнуть.

Юноша стоял, не сходя с места, с палкой в руке. И Коуви направился к нему. Раб увидел печать поражения на лице хозяина и не сделал никакой попытки ударить его. Воспользовавшись этим, Коуви схватил Фредерика за плечи и основательно потряс.

— Ну вот, а теперь ступай работать, негодяй! — приказал он громогласно. — Я бы не задал тебе такую порку, если бы ты не сопротивлялся. Это будет тебе наука!

Когда он снял руки с плеч Фреда и повернулся, темных фигур уже не было. Коуви постоял немного, щурясь на солнце. Снова будет жаркий день. Он провел рукавом по вспотевшему лицу, вымазав щеку навозом. Дверь кухни была закрыта. «И подлец же этот Хьюз — сбежал и оставил меня одного!» Сегодня же он прогонит его с места. Коуви чувствовал усталость. Он подошел к колодцу и остановился, глядя на зализ.

А Фредерик снова полез на сеновал. Сейчас он задаст быкам свежего, душистого сена. Потом начнет выводить их из хлева.

ГЛАВА 3
НА ДОРОГЕ ВСТРЕЧАЕТСЯ СТАРИК

Когда Коуви, вскоре после увольнения Хьюза, тяжело заболел, жена его была уверена, что дела на плантации пойдут прахом. Но, как ни странно, этого не случилось. Скот был всегда накормлен; люди каждое утро отправлялись в поле; дрова распиливались и складывались в штабеля; бесконечная работа по сбору хлопка шла своим чередом.

Эмилии в жизни еще не приходилось видеть такой красоты. У них в горах не рос хлопок, и сейчас она глаз не могла оторвать от высоких зеленых стеблей с серебристыми коконами. Теперь, когда во дворе уже никого не пороли, Эмилия стала обращать больше внимания на все, что делалось вокруг. Она поймала себя на том, что следит за ритмичными движениями работающих негров, за взмахами черных рук, погружающихся в пышный белый хлопок. Однажды до нее долетели даже обрывки песни Все вокруг дышало миром. А мальчишка этот, Фред, так и прыгал по двору, словно жеребенок.

…Коуви кряхтел и ругался. Через некоторое время он утих и теперь сидел молча, скорчившись в кресле и глядя на стену.

Да, Хьюза он выставил за дверь, как решил, так и сделал. Но хлопот с ним было до черта. Хьюз самым серьезным образом собирался ехать в город за властями. Он бушевал: черномазый ударил его и должен быть за это наказан. Жеребенок с норовом! Он и в самом деле здорово огрел дражайшего кузена! В ту минуту Коуви едва сдержал смех. Однако, что ни говори, произошла немыслимая вещь: черный ударил белого. Вот ублюдок! Но если только люди узнают, что он, Коуви, не смог справиться с полоумным мальчишкой, которому едва стукнуло шестнадцать, все пойдет прахом. Никто уже не даст ему для укрощения ни одного раба. Вот почему требовалось замазать Хьюзу рот. Он и сам хотел уйти, но заставил Коуви выплатить ему жалованье за целый месяц вперед. А самое скверное, что он прихватил и ружье в придачу.

Хьюз божился, что ружья он тогда не нашел. Но Коуви твердо помнил, что вычистил его накануне и поставил в передней за дверью. Там оно всегда стояло, там оно было и на этот раз. И нечего рассказывать, что его взял кто-нибудь из дворовых. Ни один негр даже близко не подойдет к ружью. Нет, разумеется, оно уплыло вместе с Хьюзом, и придется в ближайшую поездку в

Балтимор покупать новое.

К этому времени Коуви вполне убедил себя в том, что главным источником его бед был Хьюз. Взять хотя бы мальчишку капитана Олда. Ведь как спокойно он управляется с ним после ухода Хьюза.

Что касается Фредерика, то он отведал свободы — и до чего же это было хорошо! «Когда раба нельзя выпороть, — писал он много лет спустя, — то он уже более чем наполовину свободен».

И теперь Фредерик рассуждал, как свободный человек. Он докажет Коуви — а через него и капитану Олду — свою способность выполнять любые обязанности. Если он не понимал чего-то — он спрашивал. И не боялся больше. Ничего не боялся. Мало того, другие рабы стали поглядывать на него чуть не с благоговейным страхом. До сих пор он был всего лишь одним из звеньев той железной цепи, что приковывала их к страшной горе отчаяния. В их сердцах не было места жалости, души их были высушены, лишены надежды, тела обескровлены. Но вот они дожили до чуда! Они говорили об этом чуде снова и снова, согнувшись над своей работой. Они шептались о нем по ночам. Старики рассказывали о нем, шамкая беззубыми ртами, младенцы впитывали этот рассказ с материнским молоком.

И никто не догадывался, что это слово о чуде передавалось из уст в уста осторожно, потихоньку, и, наконец, по всему восточному побережью, в каждом поле и в каждой кухне стало известно о том, что произошло однажды утром на скотном дворе старого хрыча Коуви! И снова ожили предания, уже погребенные, казалось, навеки под лавинами горя и унижений.

До негров доходили смутные вести: кто-то «прорвался!» Следы, отпечатки ног вели на север, к Полярной звезде! И когда они шепотом толковали об этом, в тусклых глазах появлялся блеск и распрямлялись плечи.

Хорошая стояла осень. С этим должен был согласиться даже Коуви, который еле переползал из одного дня в другой. Урожай собрали богатый, и земля, которую он отвел под хлопок, обещала многое. Сомневаться не приходилось: хлопок — это дело. В будущем году он приобретет хлопкоочистительную машину и ничего другого сеять не будет. Но теперь предстоит огромная работа: взвешивать хлопок, паковать его в кипы и перевозить в город.

Силы медленно возвращались к Коуви. Одно время ему помогал Том Слейтер, однако Том не был силен в арифметике, арифметика же оказалась совершенно необходимой: ведь продувные горожане так и норовят тебя обсчитать!

Как-то воскресным вечером Коуви сидел на веранде, ожидая,

пока стемнеет, чтобы можно было отправиться спать. Из-за дома показалась Эмилия с садовой лопатой в руке. Коуви ничего не имел против цветов, посаженных Эмилией. Эта лиловая грядка выглядела очень мило. Но не успела Эмилия нагнуться над цветами, как из-за дома вышел этот самый парень, Фред. Он остановился на почтительном расстоянии и поклонился.

— Вы посылали за мной, мисс Эмилия?

Коуви одобрительно прищелкнул языком. Говорят, что этот черномазый приучен к службе в доме. Манеры у него и в самом деле есть. Эмилия быстро выпрямилась и оживленно заговорила:

— Да, Фред, Я подумала, не можешь ли ты починить эту старую калитку! Какой толк в ограде, раз нет хорошей калитки!

Она показала на источенные червем доски, осевшие между парой подгнивших столбов. Фред повернулся к калитке и, прежде чем ответить, внимательно оглядел ее.

— Мисс Эмилия, — медленно проговорил он, — лучше я сделаю вам новую калитку.

«Черт побери!» — произнес про себя Коуви.

Эмилия была в восторге.

— А ты сумеешь?

— Да, мэм. Я сейчас ее измерю.

Коуви смотрел, как Фред торопливо пересек двор, извлек откуда-то кусок бечевки, ловко и точно отмерил на ней высоту столбов и расстояние между ними.

— Надо еще припустить немножко. Я сделаю калитку чуть пошире, чтобы не болталась. Я знаю, в сарае найдутся такие доски, — объяснил он. — Вот только разрешит ли мистер Коуви?

— О, я уверена, что разрешит.

И вот уже Эмилия направляется к нему.

Куда только делся прежний унылый вид его свояченицы? В последнее время она вроде перестала чахнуть и киснуть.

— Мистер Коуви, правда, хорошо будет, если Фред сделает новую калитку? Он говорит, что умеет. Совсем по-другому будет выглядеть двор.

Да, она определенно повеселела!

— Ладно, — пробурчал Коуви.

Фред сделал последние замеры бечевкой.

— Пойду погляжу насчет досок, — сказал он и повернулся, чтобы уйти.

— Подождешь до завтра, — рявкнул Коуви. — Воскресенье еще не кончилось.

— Слушаю, сэр, — ответил Фред и исчез за домом.

Эмилия снова склонилась над своими цветами.

Настойчивая мысль пробивалась сквозь неповоротливые

мозги мистера Коуви. «Будь я проклят, если черномазый нахал не говорил сейчас точь-в-точь, как эти шустрые городские молодчики! И как он измерял калитку! Наверняка считать умеет!»

Это была ошеломляющая мысль, заставшая его врасплох, потрясшая своей чудовищностью. Но когда ужас поутих, когда, так сказать, круги разошлись по воде, Коуви успокоился и стал размышлять.

Он припомнил рассказ капитана Олда о том, как юнца загубили городские родственники капитана, избаловали и обучили грамоте, так что он сделался чересчур уж умен и самоуверен.

— Выбейте из него эту дурь! — бушевал капитан Олд. — Пусть позабудет все начисто!

И Коуви обещал это сделать. «Ну что ж…»

Плантатор сидел совершенно неподвижно, и Люси, которая украдкой выглянула на веранду, решила, что он задремал. Она отошла, покачивая головой. «Бедный мистер Коуви. Он нынче сам на себя не похож». А Коуви все взвешивал и обмозговывал свою идею. На всех богатых плантациях имелись теперь смышленые и бойкие рабы, умеющие обращаться с инструментом, измерять и подсчитывать, даже покупать и продавать. Ему-то, разумеется, был ненавистен самый вид этих негров, которых он частенько встречал в городе. Но если такой невольник заводится у тебя самого на плантации — это совсем другое дело. Это все равно, что иметь собственного черного проповедника.

Последние красные полоски догорели в посеревшем небе. Некоторое время на нем еще маячили черные силуэты высоких сосен. Потом все слилось, и высыпали звезды.

Коуви встал, зевнул и потянулся. Завтра он выяснит, умеет ли Фред считать. Воскресенье еще не окончилось.

На следующий день Коуви приступил к делу — и без всяких тонкостей. Он вел себя неуклюже, грубо, деспотично. Фредерик подозревал, что ему готовится ловушка. Но отступать было поздно. Он сказал:

— Да, сэр, я смогу подсчитывать кипы.

Отныне Фред помечал мелом и пересчитывал кипы хлопка, отправляемые с каждым возом, учитывал вес пшеницы и овса, записывал длинные столбики цифр. И Коуви стал брать своего «счетовода» в город. Среди белых пошла молва о том, что «олдовский мальчишка» умеет читать и писать. До белых хозяев доносились и другие слухи — смутные обрывки забавной «болтовни черномазых». Но было во всем этом и нечто тревожащее. В наше время держи ухо востро! Ведь появился же Нат Тернер! И при этой мысли волосы у плантаторов вставали

дыбом, словно от порыва леденящего ветра.

Срок службы Фредерика у Эдуарда Коуви истекал в первый день рождества 1834 года. Объездчик рабов отвез его на плантацию капитана Олда. Юноша вернулся в хорошем состоянии, но капитан встретил их обоих с кислой миной. Разговоры дошли и до его ушей, и он был уже предупрежден, что от этого невольника следует избавиться. Ведь недаром говорят: «Одна паршивая овца испортит все стадо». Капитан Олд не решался игнорировать советы своих всесильных соседей. Он владел куда меньшим числом невольников, чем они. Однако капитану не хотелось продавать этого юнца, пока нельзя будет взять за него полную цену, как за взрослого работника. Поэтому он договорился сдать мальчишку в услужение беспечному мистеру Уильяму Фрилэнду, который жил на красивой старой ферме в четырех милях от Сент-Микэлса.

Коуви гнал коня с бешеной скоростью, возвращаясь по грунтовой дороге от Олда. Он был в прескверном расположении духа. В этот же вечер он избил одного слабоумного негра до бесчувствия. Потом ворвался в дом и, не раздеваясь, грохнулся поперек постели. Люси не смела к нему подступиться, а Кэролайн не хотела.

Возвращение Фредерика на плантацию Олдов было настоящим событием для всех рабов. Малыши взирали на него круглыми от любопытства глазами, старики рассказывали ему о его бабке. Оказалось, что некоторые знали и его мать, другие вспоминали, как они с Фредом ели из одной кормушки под неусыпным надзором «тетки Кэти». Фредерик пришел как раз на рождество, и они могли угощать его вволю. Он видел выражение их лиц, ощущал их теплоту и радость. Впервые он заметил, что ему улыбнулась девушка. Хорошо жить на свете!

Ранним утром 1 января он отправился из Сент-Микэлса на плантацию Фрилэндов. Фредерику выдали новую одежду: брюки, куртку из реденького домотканого холста и даже пару тяжелых башмаков. Капитану Олду вовсе не хотелось, чтобы его раб, представ перед «аристократами» в неприглядном виде, опозорил своего владельца. Фрилэнды не были богаты, однако они принадлежали к числу первых семейств Мэриленда.

Фредерик знал, что жизнь его станет теперь легче.

Однако, бодро шагая в это утро по дороге, он спешил вовсе не потому, что думал найти в поместье Фриландов более зеленую траву и более тенистые деревья. Он шел и посвистывал, но вовсе не потому, что будет спать на кровати, а не на полу, и не потому, что пища его станет вкуснее и обильнее. Может быть, ему даже выдадут рубашку. Не в этом суть. Пара сильных коричневых ног

несла его на плантацию Фрилэндов, но мыслями и душой Фредерик уносился гораздо дальше.

Обувь свою он держал в руке. Еще, может быть, понадобятся эти добротные, крепкие башмаки! Они помогут ему идти по острым камням, болотам, полям, пробираться сквозь колючие заросли. «Натрешь подошвы перцем, и собаки не найдут твой след!» Фредерик с удовольствием взбивал босыми ногами мягкий сухой песок. Он шагал энергично, оставляя глубокие следы на земле.

Ему встретился старик на возу, запряженном мулом.

— Куда идешь, паренек? — спросил старик.

— Ухожу я в далекий путь! — это прозвучало как песня.

Старик пристально всмотрелся в лицо Фредерика. Почти уже слепой, он знал, что дни его сочтены. Но ему хотелось увидеть лицо человека, произнесшего такие слова.

— Что ты сказал, паренек? — настойчиво переспросил он.

— Хозяин посылает меня на плантацию мистера Фрилэнда, — пояснил Фредерик.

— О! — старик ждал, что он скажет дальше.

Фредерик понизил голос, хотя вокруг не было ни души.

— А плантация у самого залива.

Старик дышал со свистом; казалось, воздух проходит сквозь сухой тростник.

— Благослови тебя бог! — И он двинулся дальше, погоняя своего мула.

Несколько часов спустя Эмилия обогнала того же самого старика. Она вызвалась съездить в город и сделать некоторые покупки для дома. Когда Коуви огрызнулся: все мужчины заняты, — она бодро заявила, что умеет править сама.

— Я ведь всегда покупала для Тома все, что нужно было, — напомнила Эмилия.

Коуви нахмурился. Он не любил упрямых и самостоятельных женщин.

Эмилия уговаривала сестру тоже прокатиться: прогулка будет на пользу. Но бедняжка Люси только сжалась еще больше и отрицательно покачала головой.

Дело в том, что Эмилия надеялась получить письмо на городской почте. А кроме того, ей надо было отправить свое письмо. Она опять написала двоюродному брату Тома, Джеку, жившему в Вашингтоне.

Том страшно скучал по Джеку, когда тот уехал из дома. В юности они вместе стреляли белок и кроликов, но Джек так и не пристрастился к землепашеству. Он всегда был немного шалым парнем. Джек и Тома уговаривал бросить ферму, покинуть горы.

Но Том упорно стоял на своем — и вот он в могиле. Эмилии говорили, что она должна смириться, такова, мол, «божья воля».

Когда Эмилию стали одолевать сомнения на сей счет, она написала Джеку. «Почему умер Том?» — спрашивала она. И этот вопрос потянул за собой другие, множество других. Лист за листом покрывался ее размашистым почерком. Никогда еще не доводилось Эмилии писать таких длинных писем.

Джек ответил сразу. Но это было только начало их переписки. Он посылал ей газеты и книги. По мере того как Эмилия читала и перечитывала все это, изумление ее росло.

И теперь она подумывала уехать в Вашингтон. Поглощенная этими размышлениями, она проехала мимо старика на возу, запряженном мулом, не обратив на него внимания.

Да и старик не стал всматриваться, кто там едет. Его мул вежливо уступил Эмилии дорогу.

ГЛАВА 4
ФРЕДЕРИК ЗАХОДИТ В ТУПИК

Уильям Фрилэнд, владелец поместья Фрилэндов, лишь чуть-чуть натянул поводья, проезжая между массивными каменными колоннами. Хорошо побыть одному, чтобы выветрились из головы все воспоминания о Тилмэнах и о девичьем смехе Делии тоже. Он был рад, что рождество кончилось. Теперь его оставят в покое.

Едва ступив за узорчатые чугунные ворота, где величавый платан стоял на страже у посыпанной гравием подъездной аллеи, крупная кобыла приостановилась подрагивая. Отсюда старинный дом в глубине аллеи, окруженный купами пышных тополей, производил поистине внушительное впечатление.

Хороший это был дом, выстроенный еще в те добрые старые времена, когда Мэриленд мог похвалиться своей аристократией. В большом зале, возле винтовой лестницы, висел портрет Элеоноры, дочери Бенедикта Кэлверта, шестого лорда Балтиморского. Уильям Фрилэнд не происходил из рода Кэлвертов, но семьи. их связывала тесная дружба, и красавица Элеонора не раз танцевала в этих залах. Это было до того, как Мэриленд порвал связи с Англией. Долго еще находились люди, сожалевшие о том дне, когда Мэриленд подписал «Статьи конфедерации» [4]. Однако стоило жадным соседям посягнуть на их границы, как верные мэрилендцы сплотились для защиты своего штата; и в 1785 году отец Уильяма Фрилэнда, Клайв Фрилэнд, отправился в Маунт-Вернон[5], где разрешался спор его штата с Виргинией из-за прав на земли, лежащие вдоль Потомака. Он выступал красноречиво, и сам Александр Гамильтон сопровождал молодого человека назад в его поместье. Гам Гамильтон был принят прелестной молодой женой

Клайва, там он отдохнул душой и телом и, очарованный Фрилэндами, много рассказывал им о своей родине — залитом солнцем коралловом острове в Караибском море.

В те дни барский дом был окружен зелеными полями и пригорками. Раскидистые деревья высились в строго очерченных бордюрах: обсаженные дерном дорожки, окаймленные нежными чайными розами, пересекались под прямым углом, стелющиеся розы обвивали высокую изгородь парка; веранда тонула в пышных глициниях, ярко выделявшихся на фоне выбеленных кирпичных стен, а рядом, у парадного крыльца, благоухали розовый мирт и белые магнолии. Элегантный, смуглый

Гамильтон все откладывал и откладывал свой отъезд в Нью-Йорк. Он говорил Фрилэндам, что ненавидит кривые, грязные улицы этого города и крикливых нью-йоркских лавочников.

Все это было пятьдесят лет назад. Огромная плантация постепенно продавалась по частям. В оставшейся маленькой усадьбе пришли в ветхость службы, деревья поросли мохом, давно пора было подровнять живые изгороди, а на затоптанных лужайках поредела трава. Необходимо было заново покрасить все строения. Медленно, но верно на плантацию надвигалось разорение; потому что жук-вредитель уничтожал посевы табака. «На наш век хватит», — так думал нынешний владелец плантации, не принимая все это близко к сердцу.

В воздухе нежно пахло полевыми травами — пахло весной. Был только первый- день Нового года, но Фрилэнд знал, что пора начинать сеять. Весна будет ранняя. Он вздохнул. Все, разумеется, обстояло бы совсем иначе, будь в живых его старший брат, ибо Клайв Фрилэнд-младший обладал волей и энергией. Уж он-то следил бы, чтобы невольники работали как следует. У него урожай приносил бы доход. Клайв обладал воинственным характером. Настолько воинственным, что был убит в пьяной ссоре. Дело это замяли, а юного Уильяма отправили за границу. Несколько лет о нем говорили, что он «получает образование в Европе». Впрочем, он действительно узнал кое-что за это время. Он встречался с множеством людей, и довольно скоро они перестали казаться ему странными. В Италии ему довелось увидеть Байрона.

Каблограмма от матери заставила Уильяма спешно выехать домой. Но отца он уже не застал в живых.

Дома все показалось каким-то маленьким. Некоторое время, правда недолго, его приводило в ужас то, что он видел и слышал вокруг себя. А затем постепенно память обо всем, что лежало за пределами его нынешнего тесного мирка, стала отодвигаться все дальше и дальше. Фрилэнду показались просто глупыми его нерешительные попытки изменить порядок вещей. Он, видимо, совсем позабыл, какой легкой может быть жизнь в Мэриленде.

Теперь он сидел в седле, оглядывая свой прочный старый дом. Кто-то раскрывал ставни на втором этаже. Это означало, что мать уже проснулась. Фрилэнд усмехнулся. Он подумал, как похожа она на их старый дом — уходящие годы не согнули ее, не поколебали ее гордого величия. В семьдесят лет она сохранила всю свою властность подлинной хозяйки Фрилэнда. Сын всегда исполняет все ее желания… кроме одного. В сорок лет он все еще не женат.

Лошадь беспокойно била копытами. Кто-то насвистывал за

воротами. Фрилэнд подъехал поближе к низкой изгороди. На пеньке у самой дороги сидел негр. Он надевал башмак. Другой башмак лежал рядом на земле. Ясно, что весь этот путь по песчаной дороге он проделал босиком. Фрилэнд насмешливо фыркнул. Все черномазые одинаковы! Дай им пару хороших башмаков, и, стоит тебе отвернуться, как они стащат их с ног. А если не дашь, будут жаловаться, что не могут работать босиком. Этот парень, ясно, пришел к ним на плантацию и не хочет появляться разутым.

Вот он встал, тщательно отряхиваясь и приводя себя в порядок. Недурен собой, складный и крепкий малый. «Интересно, откуда он взялся? — подумал Фрилэнд. — Кожа у него не черная, а того теплого, густого коричневого цвета, который говорит о смешанной крови».

«Дурная кровь», — говорила его мать в таких случаях. И усомнись Фрилэнд в этом определении, она легонько, но чувствительно стукнула бы его своей тростью. Да и зачем, собственно говоря, сомневаться? Похоже, что Атлантический океан производит какие-то непостижимые алхимические изменения в составе крови. В Европе «смешанная кровь» — это просто-напросто смешанная кровь. Все знают, что на юге Франции, в Испании, в Италии смуглый цвет кожи указывает на смешение рас. Но здесь, в Америке, дело обстоит совсем иначе. У рабов нет решительно ничего, что способствовало бы улучшению породы. Он повидал достаточно, чтобы знать это.

Фрилэнд догадывался, что у матери есть сомнения и подозрения, которые она не высказывает вслух. Та лихорадочная поспешность, с которой она пытается женить его, достаточно прозрачна. Фрилэнд пожал плечами. Напрасные тревоги! Он знает людей, которые, не моргнув глазом, продают свою собственную плоть и кровь: детей, прижитых с негритянками. Ему приходилось поневоле встречаться с такими людьми на табачных рынках, но никогда он не приглашал их к своему столу.

Фредерик задержался на миг, подойдя к воротам. Они были распахнуты, и поэтому он не испытывал колебаний, входить ли, но ему просто еще не доводилось видеть таких огромных ворот. Он провел пальцем по узору чугунной решетки. Вблизи заржала лошадь. Фредерик повернулся и сразу понял, что перед ним владелец плантации — так уверенно и свободно сидел тот на большой каурой кобыле. Фредерик сорвал шапку с головы и поклонился.

— Что тебе нужно, парень? — голос был приятный.

— Я от капитана Олда, сэр. Он послал меня к вам на работу.

Фрилэнд пристально поглядел на коричневую физиономию.

Этот темнокожий отличался от других: среди рабов восточного побережья редко можно было услышать правильную речь. Он задал еще один вопрос:

— Сам-то ты откуда?

Фредерик ответил не сразу. Вряд ли капитан Олд рассказал мистеру Фрилэнду о том, что он провел год у Коуви. А вдруг это дошло до него из какого-нибудь другого источника? Тогда дело плохо. Он медлил, стараясь выиграть время.

— Сейчас я пришел из Сент-Микэлса, сэр.

— Ты, видно, рано вышел. Мы еще даже не завтракали. — Плантатор легко соскользнул на землю и бросил поводья на руки молодому негру. — Пойдем!

Фрилэнд понятия не имел, что все это значит. Но все непонятное со временем разъясняется. Он зашагал по аллее к дому. Фредерик следовал позади, ведя под уздцы лошадь.

— Ты принес какую-нибудь записку? — бросил Фрилэнд через плечо.

— Нет, сэр. Капитан Олд просто велел мне идти сюда.

«Что же это за капитан Олд, черт побери? О!» — Фрилэнд вдруг вспомнил. Ах да, Сент-Микэлс. Этот капитан говорил, что весной сможет прислать хорошего, крепкого работника. Но откуда у такой голытьбы мог появиться подобный раб? Свое недоумение Фрилэнд высказал в раздраженном восклицании:

— Ты ведь не полевой рабочий! Что ты знаешь о табаке?

У Фредерика на миг замерло сердце. Хозяин не хочет брать его, он ему не понравился! Он уже видел, как захлопываются за ним массивные ворота этой чудесной усадьбы. Он судорожно проглотил слюну.

— Я… я могу хорошо работать. Я очень сильный.

Фрилэнд щелкнул хлыстом по ветке, сбив листок, потом сказал:

— Ты вырос не в Сент-Микэлсе, и в поле ты не работал. Не ври мне, малый!

Он резко повернулся и посмотрел прямо в лицо Фредерику. Юноша застыл на месте, но не дрогнул. И не опустил глаз в смущении. Ведь объяснить все это очень просто.

— Когда я был маленьким, старый хозяин послал меня в Балтимор смотреть за его внуком Томми. Там я и вырос.

— Понятно. А чей ты?

Раздался быстрый ответ:

— Мы полковника Ллойда, сэр.

— О!

Так вот чей! Полковника Эдуарда Ллойда. Это была одна из самых великолепных плантаций Тэлботского округа,

расположенная в стороне от всех путей сообщения и торговли, но независимая, как маленькая держава. Полковник Ллойд на собственных судах отправлял товары со своей плантации в Балтимор. Все мужчины и подростки, находившиеся на борту, за исключением капитана, принадлежали ему, являясь его собственностью; на плантации были свои кузнецы, колесные мастера, сапожники, ткачи и бондари, и все это рабы, все — «люди полковника Ллойда». Мать Фрилэнда знавала щеголиху Салли Ллойд, старшую дочь полковника. Они вместе катались на яхте, носившей название «Салли Ллойд». Да, старого хозяина уже нет на свете. Понятно, что многие из его рабов теперь проданы. А с этим парнем повезло!

Они подошли к дому. Фрилэнд стал подниматься по ступеням веранды.

— Обойди с другой стороны, там черный ход. Сэнди займется тобой, — довольно неприязненным тоном бросил он, не оборачиваясь.

— Слушаю, сэр, — торопливо ответил Фредерик, но хозяин уже исчез за дверью.

Фредерик потрепал шею кобылы и шепнул в ее мягкое ухо:

— Все в порядке, старушечка! Что ж, пойдем искать Сэнди!

С дороги старый дом и заросший сад являли собой очаровательную картину дремотного покоя. Однако на службах позади дома, в кухне, на скотном дворе кипела шумная и суетливая деятельность. Рождество кончилось. Тетушка Лу подчеркнула этот факт в очень определенных выражениях:

— А ну, черные бездельники, живо убрать весь этот мусор!

Грабли, метлы, швабры, тачки — все находилось в движении. Время от времени раздавались санные зевки и звучные удары ладонью по голому телу. Один круглый детский задок был уже основательно отшлепан.

Известно, что в первый день Нового года все надо начинать как следует. Никто не подвергал сомнению авторитет и требования тетушки Лу. Ведь скоро появится мисс Бетси — старая хозяйка. И тогда, господи спаси и помилуй, ежели все вокруг не будет блестеть, как стеклышко! Конечно, мистер Уильям давно уже встал и ускакал куда-то на своей каурой кобыле. Но с мистером Уильямом никто особенно не считался. Хотя и он мог здорово отдуть, стоит ему разозлиться! Однако большей частью он ни на что не обращал внимания, ни на что решительно.

И вдруг какой-то чужой негр приводит лошадь мистера Уильяма. Вот тебе раз! Все маленькие ребятишки собрались вокруг и уставились на него, засунув пальцы в рот. Сюзен, которая вытряхивала ковер из окна второго этажа, едва не

вывалилась во двор. Джон и Хэнди разглядывали пришельца с живейшим интересом. Только Сэнди повернулся и посмотрел на него как ни в чем не бывало.

У Фредерика больно застучало сердце, но он тоже не подал виду, что узнает этого человека.

А затем «колдун» Сэнди улыбнулся, и всем сразу стало легко и свободно. Все в порядке!

В столовой с высоким потолком и дубовыми панелями на стенах молодой дворецкий Генри подавал завтрак. Старый Кэлеб всегда прислуживал за обедом и даже во время завтрака, если бывали гости, но Генри проходил курс обучения под присмотром своей госпожи. Все говорило здесь о привычке к комфорту и изяществу: начищенное серебро, белоснежные салфетки и скатерти, искрящиеся хрустальные бокалы. Небольшая хрупкая женщина, в черном платье из мягкого шелка, с воротничком цвета слоновой кости, сидела напротив мистера Уильяма. Волосы ее поседели, но время не коснулось белых рук с проступающими голубыми жилками, а взгляд живых глаз был все так же властен, как и в молодые годы. Хозяйка плантации не старела, а медленно увядала.

— Генри! — Она постучала по столу своей ложкой. — Поосторожней! Сколько раз я говорила тебе не подавать к завтраку эти чашки?

— Уж увольте, мисс Бетси, — ноющим тоном отвечал Генри, — я тут вовсе не виноват. Кэлеб их выставил, мэм. Вот прямо тут на буфете они и были…

— Перестань скулить, Генри!

Что за странно раздраженный той у ее сына? Миссис Фрилэнд бросила на него недовольный взгляд.

— Слушаюсь, мистер Уильям, только ведь… — снова завел было Генри.

— Он совершенно прав, матушка, — прервал его Фрилэнд. — Кэлеб подавал кофе Тилмэнам перед их отъездом. Я тоже выпил чашку с ними вместе.

— А, это хорошо! — Чашки были позабыты. — Вот не думала, что они так рано уедут. Я бы обязательно встала, чтобы попрощаться с гостями.

— Решительно никакой нужды, матушка! Я проводил экипаж довольно далеко. Не успеют они оглянуться, как будут в Ричмонде.

— Очень мило, что они приехали провести с нами праздники. — Она осторожно отхлебнула свой кофе.

По утрам в этой комнате всегда бывало приятно. Весело распевала канарейка в своей клетке, освещенной ярким солнцем.

Где-то за окном засмеялся ребенок. Старуха подавила вздох. Негритенок, конечно. Кто же еще?! Сын сидел, лениво откинувшись на спинку стула. Миссис Фрилэнд поджала губы.

— Никогда не думала, что Делия Тилмэн станет такой хорошенькой барышней. — Эта фраза была произнесена с нарочитой небрежностью. — Она просто очаровательна.

— Совершенно верно, матушка, — с готовностью согласился сын, но, поймав его усмешку, миссис Фриланд отвернулась.

— Я полагаю, будет лучше, если Кэлеб сам перемоет эти чашки. — Она снисходительно посмотрела на Генри. Слуга переминался с ноги на ногу. — Вероятно, повесничал всю ночь, а? — добавила она.

— Да, мэм! — Генри широко ухмыльнулся и скрылся за дверью, ведущей в кухонный коридор.

Фрилэнд презрительно фыркнул:

— Повесничал! Наверняка проспал подряд часов двенадцать! Безмозглый осел!

— Право же, Уильям, я не понимаю твоего отношения к твоим собственным людям. Генри ведь родился здесь, в нашем имении!

— Что, конечно, должно было помешать ему стать ослом. Увы!

Заметив обиженный взгляд матери, Фрилэнд тотчас же раскаялся:

— Простите меня, матушка, но я только что нашел для вас нечто куда более достойное ваших усилий.

— О чем ты говоришь?

Вернулся Генри с блюдом золотисто-коричневых печеных яблок, политых густым сиропом.

— Генри, — приказал Фрилэнд, — пойди в людскую и приведи сюда нового слугу.

Генри вытаращил глаза, но не тронулся с места.

— Ступай живо! Ты его увидишь.

Двигаясь куда быстрее, чем обычно, Генри исчез за дверью. Фрилэнд сказал с улыбкой:

— Сегодня утром я взял в дом нового слугу. Он вам понравится.

Миссис Фрилэнд спросила изумленно:

— Ты купил нового слугу?

— Я взял его на время у одного захудалого фермера в Сент-Микэлсе.

Мать поморщилась.

— Но на самом деле, — пояснил сын, — он из людей полковника Ллойда.

— О! Тогда другое дело. Должно быть, хорошей породы.

— Несомненно. Я бы не прочь и купить его.

Взор старухи приобрел мечтательное выражение.

Она покачала головой.

— Наверно, все их прекрасное имение пошло прахом. Как жаль, что полковник умер, не оставив сына.

За ее спиной с шумом распахнулась дверь, и на пороге возник Генри, отдуваясь, словно он бежал со всех ног.

— Привел его! — выпалил Генри.

Фредерик вошел и остановился. От вида этой комнаты у него перехватило дыхание. Солнечные лучи играли на дубовой обшивке стен, на полированной мебели; весело распевала залитая светом канарейка. Юноше захотелось нагнуться и посмотреть, не занес ли он на своих башмаках какой-нибудь пылинки со двора. По этому красивому полу надо передвигаться на цыпочках!

— Входи, мальчик.

У мужчины был приветливый голос. Миссис Фрилэнд резко повернулась и внимательно поглядела на новое приобретение сына. Она сразу же отметила цвет Фредерика, вернее — недостаточно черный цвет… значит… но старуха тут же оборвала свою мысль. Кто этот мальчишка, подобранный ее сыном в Сент-Микэлсе? Чем объяснить этот внезапный интерес к покупке незрелого юнца? Она приказала отрывисто:

— Подойди-ка сюда!

Он подошел поближе скромной, но уверенной походкой и учтиво поклонился. Не переступая с ноги на ногу и не опуская глаз, выдержал ее придирчивый осмотр. Молчание нарушил хозяин:

— Ну, матушка…

Мать оборвала его властным жестом.

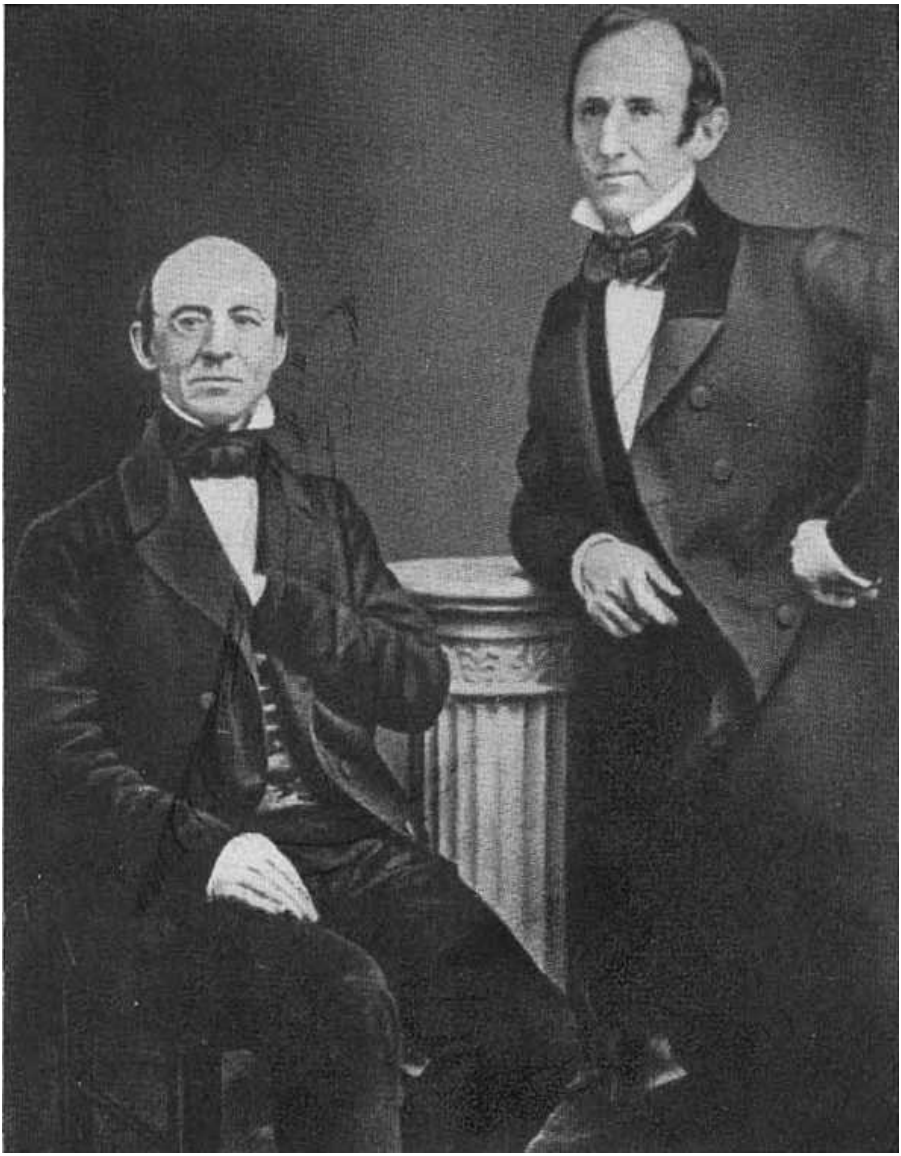
— Есть у тебя имя? — спросила она.

— Да, мэм. Фредерик. — Ответ прозвучал вполне почтительно — негромко и отчетливо.

Фрилэнд одобрительно кивнул головой. Мать его на минуту как бы застыла. Потом, со скрипучими нотами в голосе, задала вопрос:

— Кто дал тебе такое имя?

Фредерик почувствовал, как внутри у него что-то сжалось. Его имя всегда приводило людей в изумление. Ему в конце концов самому захотелось узнать, кто же окрестил его так? Бабушка? Мать? Или отец? В Балтиморе он как-то разговорился об этом с Томми. И маленький хозяин сказал своему маленькому рабу: «А, глупости! Какая разница? Ведь так тебя зовут, правда? Так и говори всем!»

Уильям Ллойд Гаррисон (1805–1879) (слева) и Уэнделл Филиппс (1811–1884).

Фредерик Дуглас в сороковые годы XIX столетия.

— Отвечай мне, мальчик! — требовательно сказала грозная старуха.

Выпрямившись, он повторил тем же почтительным тоном:

— Меня зовут Фредерик, мэм.

Она ударила его тростью, и пребольно. Хозяин с шумом отодвинул свой стул и привстал.

— Матушка!

— Какая дерзость! — глаза старухи пылали. — Убирайся вон!

Фредерик отступил на шаг. Тут и не убежишь и не ответишь. Но дрожать перед ней он тоже не станет. Не было нужды

спрашивать, чем именно он оскорбил старую хозяйку. Он догадался и на миг почувствовал свирепую радость. Раб мог проявить «дерзость» любым образом: взглядом, словом, жестом. Это считалось непростительным преступлением. Фредерик знал, что он виновен. Генри жался к стене, тараща глаза и разинув рот.

Уильям Фрилэнд вышел из-за стола и, не глядя на Фредерика, строго сказал дворецкому:

— Уведи его во двор. Я сейчас приду.

Фредерику безумно захотелось рассмеяться Генри в лицо, когда тот нерешительно подступил к нему. Нескладный чернокожий малый был, пожалуй, тяжелее его и года на два старше, но Фредерик знал, что в честном бою он осилит его. Сейчас, однако, у него даже не было мысли о сопротивлении. Просто глупо, что Генри взял его за руку с такой опаской.

Но едва только они очутились за дверью, поведение Генри изменилось.

— Скажи-ка, парень, — зашептал он, отпустив руку Фредерика, — а не ты, случаем, тот самый негр, что спятил и поколотил белого?

Фредерик повел плечами. Его недолгое воодушевление исчезло, сменившись тоскливой апатией. К горлу подступила тошнота.

— Ох, я и вправду спятил!

— Так я и знал! — восторженно зашептал Генри. — Я догадался! Пошли в коровник! Я расскажу, пускай все знают.

Жалобные ноты в его голосе сразу пропали, он и голову-то держал прямо.

Оказавшись за домом, Генри принялся возбужденно махать руками, и на его безмолвный призыв сбежалась вся дворня и негры, работавшие в конюшне и коровнике. Фредерик присел на пустой ящик. Генри стал рассказывать в лицах о том, что сейчас произошло. Все старались говорить вполголоса, и, когда Хэнди хлопнул себя по коленям и громко захохотал, Джон зашипел на него:

— Заткни пасть! Ты что, хочешь, чтоб весь дом услыхал?

— Отвечать так старой миссис!

— Господи, боже! Да она шкуру с тебя сдерет!

Все они смотрели на Фредерика с восхищением.

Один лишь Сэнди, неодобрительно покачав головой, проговорил:

— Нехорошо. — И больше ничего.

Фредерик, сидевший на своем ящике, был с ним совершенно согласен.

Трость миссис Фрилэнд упала на пол, едва лишь закрылась

дверь за обоими рабами. Рука ее тряслась. Озадаченный сын нагнулся, чтобы поднять палку.

— Матушка, вы расстроились. Извините, но я решительно не понимаю почему.

Маленькая седая головка вздернулась вверх.

— Ты не понимаешь! И это, по-твоему, «нечто лучшее». Какой-то ублюдок! — злобно выговорила она.

— Ради бога! Матушка!

Внезапно сцена, свидетелем которой ему только что пришлось быть, приобрела новое значение. Неужели мать помешалась на этой «дурной крови»?

— И как вошел! С каким видом, с какой дерзостью!

— Да, надо признать, для раба несколько самоуверен.

Фрилэнд не знал, как умиротворить мать.

— Я ведь говорил вам, что он с плантации Ллойда. Вероятно, его испортили. Это не простой работник.

Кое-как ей удалось справиться с собой. «Я не должна ссориться с Уильямом». Она проглотила слезы и поднялась с кресла.

— Оставь его на плантации, если хочешь. На вид он достаточно крепок. Но в доме я его держать не желаю.

Миссис Фрилэнд направилась к выходу; толстый ковер заглушал стук ее палки. В дверях она обернулась.

— Мне он не нравится. Это опасно, когда черномазый глядит тебе прямо в глаза. Пошли ко мне Тесси!

Зазвякали ключи, подвешенные к ее поясу. Старуха стала подниматься по лестнице, стук ее палки становился все слабее.

— Ч-черт! — выругался про себя Фрилэнд, глядя ей вслед. Затем он вернулся в столовую и взял свою трубку… Стоя, он начал задумчиво набивать ее сухими табачными листьями. «А что, если она права?..»

Некоторое время он сидел, покуривая, потом вскочил и направился на людскую половину. Он совсем забыл, что мать просила позвать служанку.

Негры были очень удивлены, когда Фредерика отправили работать в поле. Ведь, судя по всему, он предназначался для службы в доме. И затем, когда парень оскорбил старую миссис, все ждали, что он тут же удерет. Но вот некоторое время спустя во двор решительным шагом вошел мистер Уильям. Он был в высоких сапогах, со своим наездничьим хлыстом в руке. Громовым голосом он спросил, где прячется этот мальчишка. Один из негритят начал хныкать. Все были уверены, что малому достанется как следует. Но тут Фредерик быстро вышел из коровника. Хозяин стоял, поджидая, поигрывая хлыстом. Он не

произнес ни слова, пока Фредерик не подошел к нему совсем близко. Потом заговорил так тихо, что никто не мог разобрать:

— Ты хочешь работать на моей плантации?

Для Фредерика этот вопрос прозвучал так неожиданно, что он едва сумел выдохнуть:

— Да, сэр! Хочу, сэр!

Хозяин сказал погромче:

— Тогда отправляйся в лощину. — Он указал хлыстом, куда идти. — Да поторапливайся! — крикнул он ему вслед.

Но Фредерик уже не слушал, а стремглав мчался в поле. Мистер Уильям велел оседлать свою лошадь и во весь опор поскакал за ним. Дворня только ахнула: «Ну и дела!»

В этот вечер кое-кто из дворовых людей пытался утешить Фредерика. Они считали, что полевые работы тяжелы и унизительны и свысока смотрели на тех, кто трудится в поле. Однако сам Фредерик находил, что ему посчастливилось. Ему понравился мистер Фрилэнд, понравилось, как он велел опытному работнику показать новичку все, что требуется, а затем ускакал, оставив их вдвоем.

Фредерику отвели место в помещении над конюшней, рядом с койками Сэнди и Джона. Джон был братом Генри, но Генри спал в барском доме, чтобы являться по первому зову, если понадобится. Хэнди жил в хижине с матерью и сестрой. В первый же вечер Фредерик узнал все, что только можно было узнать об этих четверых неграх, которым суждено было стать ближайшими его друзьями. Сэнди, все еще принадлежавший мистеру Грумсу, был, как обычно, нанят на сезон мистером Фрилэндом. Сэнди рассказал Фредерику, что по-прежнему бывает по воскресеньям у своей жены Намы; она здорова. «Как-нибудь сходим к ней вместе», — пообещал он. Джон и Генри осиротели, когда они были совсем еще маленькими. Оба они выросли на плантации, ни разу не отлучались оттуда и очень любопытствовали по поводу того, что происходит за ее пределами.

Никогда еще Фредерик не имел таких близких, хороших товарищей. В Фрилэнде рабы ели вволю; на работе их не подгоняли бичом; у них оставалось время, чтобы сделать что-нибудь и для себя. Тетушка Лу надзирала за ними строго, но тетушку Лу можно было перехитрить. После изнурительного, непосильного труда у Коуви обязанности Фредерика казались ему весьма легкими. Он все еще оставался полевым рабочим, но труд под открытым небом был предпочтительнее любой службы в доме, где он мог попасться на глаза старой миссис. А так как никаких дел ни в доме, ни в парке у него не было, то он своей цели достигал. Время от времени, вдруг оторвавшись от работы,

Фредерик замечал наблюдающего за ним мистера Фрилэнда, но хозяин почти никогда не говорил с ним.

Фредерик превращался в крупного, сильного молодого человека и начинал гордиться тем, что как работник не уступает взрослым мужчинам. Невольники часто состязались друг с другом в труде, чтобы помериться силой. Однако они были достаточно предусмотрительны и не затягивали этих состязаний, чтобы выработка за день не оказалось особенно высокой. Благоразумие подсказывало им, что, если в какой-то день будет сделано очень много и об этом узнает хозяин, он может потребовать того же и в другие дни. Даже на плантации Фрилэнд одна мысль об этом немедленно гасила азарт состязающихся.

Дни становились длиннее, у рабов оставалось больше времени для отдыха, и мечты Фредерика о воле могли бы, казалось, отойти на второй план. Но теперь он вел все более и более серьезные разговоры с друзьями. Генри и Джон, когда хотели, могли быть на редкость понятливыми, смышлеными ребятами. Ни один из них не умел читать. «Был бы у меня мой «Колумбийский оратор»!» Фредерик рассказал им, как потерял свою драгоценную книгу и как в свое время выучился читать ее. А вдруг можно найти другую такую книгу?

— Что там есть, в книгах? — спрашивали друзья.

И Фредерик рассказывал им все, что знал сам из книг, прочитанных вместе с Томми, из учебников и газет, которые он таскал в Балтиморе, о том, как люди записывают свои дела и думы, о том, как живут в других странах, о том, как однажды белые люди вели войну, и о речи из «Колумбийского оратора», выученной одним мальчиком, — речи, где говорилось: «Дайте мне свободу или смерть!»

— И все это написано в книге?

Но вот они увидели, что мистер Уильям сидит над книгой. Теперь, когда дни стали длиннее, хозяин ездил верхом только по утрам. Они видели, что он часами просиживает на веранде и читает. И однажды Генри решился:

— Я достану книгу!

Это было нетрудно. Надо просто войти в обычно пустую комнату, где стоят книги, и взять одну из них. Ведь Генри все равно должен вытирать с них пыль, так что никто ничего и не заметит. Генри едва мог дотерпеть до вечера, когда Фредерик вернется с поля. Генри, Джон и Хэнди ждали его с книгой. Все были возбуждены.

У Фредерика тоже сердце запрыгало в груди, когда он увидел маленький томик. Он жадно схватил его и раскрыл заглавную страницу. Нахмурился. Слова были очень длинные и на первый

взгляд трудные. С картинками дело пошло бы, конечно, легче, но это неважно. Он перевернул страницу. Все затаили дыхание. Сейчас Фредерик будет читать.

Но Фредерик не начинал читать. Буквы лежали на странице прямо перед ним, но с ними произошло нечто ужасное. Как он ни напрягал зрение в поисках хоть единого знакомого слова — такого слова не было. Неужели он все позабыл? Не может этого быть! Мысленно он представлял себе все очень ясно — и те, прочтенные в свое время страницы и родные слова. Но ни одного из слов, которые Фредерик помнил, не было здесь. Что же это за книга? Медленно прочитал заглавие, тщетно пытаясь составить из этих букв хоть что-либо осмысленное.

— Gargantua et Pantagruel. — А под этим: — Rabelais.

Он покачал головой. Много лет спустя в Париже Фредерик Дуглас читал роман Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль». И живо вспомнил страшное ощущение растерянности, охватившее его, когда он впервые взял в руки этот шедевр французской литературы.

Товарищи ждали. Фредерик проглотил ком в горле.

— Ну, давай, грамотей! Читай же! — Генри выражал нетерпение.

— Я… я… — замямлил Фредерик. — Эта, эта… книга… она не та, не такая… Я разобрать не могу… Эта книга…

Он умолк. Джон придвинулся ближе.

— Книга это или не книга? — Он был готов вступиться за честь брата.

— Да, но…

— А раз книга, так читай!

Фредерик перелистал еще несколько страниц. Бесполезно. Он готов был провалиться сейчас сквозь землю. И тогда он промолвил через силу:

— Я… я не могу.

Товарищи смотрели на него, не веря своим ушам. Потом обменялись летучими взглядами. Значит, их провели. Он им все время врал.

Хэнди даже сплюнул от негодования.

Но Генри был озадачен. У Фредерика такой вид, словно он сейчас потеряет сознание. Так он не выглядел, даже когда старая хозяйка ударила его тростью, даже когда мистер Уильям пришел за ним со своим хлыстом. Генри беспокойно задвигался.

— Скажи-ка, Фред, а почему эта книга тебе не годится?

Благодарное чувство к Генри освежило Фредерика, точно прохладный ветерок. Он провел языком по губам.

— Сам не пойму, Ген. Она совсем другая. Такие чудные

слова… Все перепутано.

— Дай погляжу. — Генри отобрал у него томик и полистал страницы. Он с удовольствием прикасался к гладкой бумаге.

— Гм! — Хэнди снова сплюнул.

— Почему же это, по-твоему, все перепуталось?

В голосе Джона звучало глубокое недоверие. На Фредерика нахлынуло безрассудство отчаяния.

— Генри, а ты бы мог достать другую книгу? Я… я ведь не говорил, что умею читать все книги. Достанешь, а, Генри?

Генри вздохнул. Сунул под мышку отвергнутый томик.

— Постараюсь.

Этот короткий ответ вызвал испепеляющее презрение Хэнди.

— Ну гляди, спустят тебе шкуру. Слышишь, что я тебе говорю?

И с этими словами предупреждения Хэнди ушел прочь. Он был горько разочарован.

Следующий день тянулся невыносимо. На работе Фредерик заставлял себя выполнять привычные движения, в то время как в воспаленном мозгу все время кружились одни и те же мучительные мысли. Внезапно оказалось, что пора кончать работу, пора ужинать, пора возвращаться в усадьбу. Он знал, что Генри ждет его с другой книгой. Его потные руки прилипли к мотыге, ноги словно вросли в прохладную распаханную землю. Потом ноги понесли его домой.

Фредерик увидел их за сараем — Джона, Генри, и — немного поодаль — прислонившегося к дереву Хэнди. Он обстругивал веточку, когда подошел Фредерик. Хэнди вел себя как зритель, совершенно безучастный к происходящему. Тут Генри сказал осторожным шепотом:

— На, я принес другую.

Фредерик взял книгу дрожащими руками. Ножик Хэнди задержался в воздухе. И вдруг Фредерик радостно вскрикнул, и Хэнди, бросив свою ветку, мигом подбежал к ним.

— «Последний из м о-г и-к а н», — торжествующе прочитал Фредерик. Он, правда, не понимал, что такое «могикане», но разве значит что-нибудь одно маленькое словцо? Он перелистывал книгу и ликовал. Слова, слова, слова, как весело смотрели на него со страниц эти красивые знакомые фигурки! Он прижал к себе книгу. Он пустился в бешеный пляс, и все они вместе с ним, подняв такой шум, что Сэнди вышел из коровника узнать, что тут творится.

Сэнди был свой, поэтому, перебивая друг друга, они рассказали ему обо всем. Спрятав книгу, они поспешно проглотили свой ужин. Потом пошли к ручью, и Фредерик читал

им вслух, пока ночная тьма не погасила волшебство этих страниц. Тогда они стали разговаривать, повторяя отдельные слова, запоминая их.

Так это началось. Когда наступило лето и дни стали еще длиннее, у невольников оказалось больше досуга; добрая весть о книгах пошла по всей плантации, и к маленькой группе, собиравшейся у ручья, присоединилось еще несколько достойных доверия новообращенных. Теперь у всех была одна цель — научиться читать. Еще ряд книг исчез из господского дома. После того как Фредерик тайно обследовал чердак и нашел там несколько старых учебников, дело пошло по-настоящему успешно. И тогда начались осложнения.

Оказалось, что чуть не все рабы желают стать грамотными. «Это не годится», — возражало избранное меньшинство. Полевым рабочим грамота совершенно ни к чему. Но полевые рабочие упрямо стояли на своем. Тот факт, что сам учитель работал в поле, казалось, уничтожил привычное для них раболепство перед дворней. Один из них даже привел с собой Джека, нескладного малого с соседней плантации мистера Холла. Они ручались, что Джек не подведет, и он оказался понятливым учеником. А Джек, в свою очередь, привел товарища.

Сэнди советовал быть осторожнее. Фредерик, счастливый, захваченный своим делом, не очень-то прислушивался к воркотне Сэнди. Так бились они над первой своей дилеммой в области демократии!

Однажды в воскресенье их чуть не поймали.

Это был знойный, палящий день в самом конце июля. Они только что пообедали и сидели в тени большого дуба, что рос на кромке южного луга; человек десять-двенадцать собралось под деревом. За длинным валом, отделявшим владение Фрилэнда от соседей, показался Джек; он увидел их, приветственно махнул рукой и зашагал к дубу.

— А хорошо, когда не надо тащиться по жарище! — Джон только что узнал новое слово и настроение у него было приподнятое.

И вдруг они увидели, что Джек выпрямился, неистово замахал обеими руками и со всех ног помчался назад.

Книги были мигом запрятаны, листки бумаги исчезли, как по мановению жезла. Когда мистер Уильям и его гость выехали из-за деревьев, все, что они увидели, была кучка ленивых рабов, растянувшихся под дубом.

— Эй, берегись!

Кобыла Фрилэнда шарахнулась в сторону. Притворно всхрапнув, Генри перевернулся на другой бок.

После этого случая «воскресная школа» стала еще многочисленнее. Теперь никто уже не говорил о том, чтобы как-то ограничивать число «учеников». Название «воскресная школа» придумал Фредерик, и все подхватили его, прекрасно понимая, в чем тут дело. Ведь было хорошо известно, что плантаторы редко возражают, если рабы' по воскресеньям отправляются, даже довольно далеко, на молитвенные собрания и проповеди. И поэтому теперь можно было совершенно свободно говорить о воскресной школе на плантации мистера Фрилэнда.

Однажды мистер Уильям ехал верхом по дороге, и кто-то из соседей окликнул его:

— Я слышал, старина, что ваши черномазые устраивают богослужения? Хороший у вас проповедник?

— Понятия не имею! — со смехом ответил Фрилэнд и поскакал дальше.

Однако на другое утро он спросил Генри:

— Да, Генри, что это я слышу о каких-то богослужениях у нас?

— Чего изволили сказать, мистер Уильям? — и Генри озадаченно распустил губы. Ни проблеска мысли не отражалось на его физиономии.

— Богослужения. Ты ведь знаешь, что это слово значит? — Фрилэнд старался сдержать раздражение.

— О да, сэр! — Генри широко ухмыльнулся, показав все зубы. — Да, хозяин. Богослужение. Ну, как же не знать, сэр.

— Так вот, бывают здесь у вас богослужения?

— Богослужения? Здесь?.. У нас? — Белки вытаращенных глаз негра сверкали, как мраморные.

Фрилэнд отшвырнул ногой стул. В конце концов не все ли равно, черт побери!

Перед Новым годом Уильям Фрилэнд побывал в Сент-Микэлсе и возобновил контракт с капитаном Олдом; Фредерик продолжал жить на плантации. Фрилэнд похвалил его: работает хорошо, никаких претензий предъявить ему нельзя. Глаза капитана Олда алчно блеснули, когда он прятал деньги. По всей видимости, юнец становится толковым работником. Еще год, и на рынке за него дадут большие деньги.

Фрилэнд был искренне тронут благодарностью Фредерика, узнавшего, что он остается на плантации. Фредерик и в самом деле очень тревожился. Год подходил к концу, и юноша чувствовал, что упускает драгоценное время. Ведь столько надо было сделать — составить план и тщательно выработать маршрут, он должен вырваться на свободу!

Опять рождество и Новый год. А в день Нового года надо все

начинать как следует. Кто этого не знает?!

Как всегда, первыми проведали о происшествии дворовые люди: черный Кранч убежал! Когда всадники влетели в ворота и галопом проскакали по аллее, нигде не было видно даже самого маленького негритенка. Старый Кэлеб открыл двери и поклонился со своей обычной изысканной почтительностью. Но они бесцеремонно отпихнули его в сторону и громко потребовали хозяина. Старая миссис презрительно нюхала воздух и держалась очень прямо, однако мистер Уильям умчался вместе с ними.

На следующую ночь по всему восточному побережью рабы, вздрагивая, жались по темным углам. Собачий лай не давал спать и кое-кому из белых. Черного Кранча так и не поймали. Ушел черный Кранч.

В воздухе чувствовалось смутное возбуждение. Пятерка друзей сплотилась еще теснее, дав друг другу торжественную клятву хранить тайну. Это были: Фредерик, Хэнди, Генри, Джон и Сэнди. Они решили уйти вместе — все пятеро. Джон просил их взять с собой и его невесту, молоденькую Сюзен. У Сэнди была жена, и он знал хорошо, что ей грозит опасность, если он сбежит. Хотя Нама не была рабыней, в случае бегства Сэнди ее могли снова захватить в неволю. Нама тоже это знала. Тем не менее она оказала просто: «Иди!»

Восточное побережье Мэриленда соприкасалось со свободным штатом Пенсильвания. Могло показаться, что бегство отсюда не представит особых трудностей. Но главным препятствием служило не расстояние. Чем ближе подходили рубежи любого рабовладельческого штата к рубежам свободного, тем бдительнее были рабовладельцы. На каждом пароме стояла стража, на каждом мосту — часовые, в каждом лесу бродили патрули и охотники за беглецами. Кроме того, вдоль границ орудовали шайки похитителей беглых рабов.

Если невольник все же достигал свободного штата, это еще не означало его свободы. Где бы его ни поймали, он всегда мог быть снова обращен в рабство. Хозяева постоянно внушали своим невольникам, что рабовладельческая территория безгранична, а власть плантаторов беспредельна.

Фредерик и его друзья имели самое неопределенное представление о географии страны. У них была одна цель — «попасть на Север». Они знали, что есть Канада, Нью-Йорк, Бостон. О том, как добраться туда с восточного побережья, они понятия не имели.

После долгих обсуждений был выработан, наконец, план бегства. В субботу вечером перед пасхой они возьмут большой челн, принадлежащий мистеру Гамильтону, спустят его на воду в

Чесапикском заливе и будут грести что есть сил по направлению к мысу, примерно семьдесят миль вверх по течению. Достигнув этого пункта, они высадятся на берег, пустят лодку по волнам и пойдут, держа курс на Полярную звезду, пока не доберутся до свободного штата.

В плане этом было несколько превосходных моментов. На воде их могут принять за рыбаков, выехавших на лов по приказу своего хозяина; собаки потеряют их след; отсутствие их может остаться незамеченным до конца пасхи. С другой стороны, в непогоду воды Чесапикского залива бывают бурными, и сильной волне ничего не стоит опрокинуть челн. К тому же хозяин лодки может скоро хватиться ее, и, если возникнет подозрение, что она уведена рабами, из Сент-Микэлса отправят в погоню быстроходное судно.

Они подготовились еще к одной, вполне вероятной опасности. Любой белый имел право, если ему заблагорассудится, остановить негра где угодно, допросить и задержать его. Нередко шайка негодяев окружала свободного негра, требуя, чтобы тот предъявил свои бумаги, а когда негр исполнял приказ, эти головорезы тут же уничтожали бумаги, хватали несчастную жертву и продавали в пожизненную неволю.

За неделю до намеченного дня бегства Фредерик написал для каждого из них пропуск — разрешение побывать в Балтиморе на пасху. Подписал он эти бумаги инициалами Уильяма Гамильтона — владельца табачной плантации, чью лодку они собирались забрать. В пропуске говорилось:

«Сим удостоверяется, что я, нижеподписавшийся, предоставил подателю сего, моему слуге Джону, полную свободу поехать в Балтимор, чтобы провести там праздник пасхи.

Тэлботский округ, близ Сент-Микэлса, Мэриленд.

У. Г.».

Хотя они вовсе не собирались в Балтимор, а намеревались плыть в том направлении, в котором шли в Филадельфию пароходы, и высадиться к востоку от Северного мыса, пропуска могли пригодиться в нижней части залива, по пути к Балтимору. Однако предъявлять эти бумаги можно только в случае крайней необходимости, если прочие объяснения окажутся недостаточными. Заговорщики полностью сознавали, как важно сохранять спокойствие и самообладание в разговоре со встречными, если такие разговоры возникнут; не раз репетировали они, что будут делать, если в них начнут стрелять.

Когда все, наконец, обсудили, начались долгие и томительные дни и ночи ожидания. Необходимо было следить за каждым своим движением, словом, взглядом. Атмосфера

накалялась. Рабовладельцы были начеку, их взгляд был зорок и хорошо натренирован. Нередко им удавалось с большой точностью прочесть на черном лице раба, что у него на уме и на сердце. Любое необычное настроение давало повод к подозрению.

Но, с другой стороны, разве не естественно было, что, когда закончена пахота, когда весна в воздухе и приближается пасхальный отдых, рабы распевают в своих жилищах после долгого трудового дня:

О надежда моя, Ханаан,
Я уйду в страну Ханаанскую.

Так пели они, и хор звучал мелодично и стройно. Уильям Фрилэнд, который часто сиживал по вечерам на веранде, вынул трубку изо рта и улыбнулся своей матери.

— Я всегда говорю: черные бесподобно поют, просто бесподобно. У некоторых наших людей прямо великолепные голоса. Вот послушайте!

Владелец Фрилэнда произнес это с искренней гордостью.

В господском доме старый Кэлеб суетливо поправлял занавеси. Какая-то внутренняя дрожь била его. Этот чистый молодой голос, что доносится из темноты:

Говорят, что туда не дойти,
Что львы нас ждут по пути.
Ну что ж, все равно.
Долго я здесь не пробуду…

И дружный хор подхватывает ликующий, полный веры припев:

О надежда моя, Ханаан,
Долго я здесь не пробуду…

— Совсем спятили! — прошептал Кэлеб. — Разве можно так петь?

«Кричать об этом на весь свет!» Предостеречь бы их как-нибудь! Кэлеб сокрушенно покачал головой. Он тоже был когда-то молод. И тоже мечтал о свободе. Теперь он стар. Он умрет рабом. Волоча ноги, он побрел в чулан и закрыл дверь. Туда пение не доносилось.

За два дня до намеченного срока Сэнди вышел из компании.

Он не мог убежать и оставить жену. Юноши упрашивали его, но тщетно.

— Вы молоды, ступайте. Пусть вам будет хорошо. А я останусь.

Джон, очевидно, был потрясен больше всех. Маленькая Сюзен не раз плакала в последнее время из-за его мрачного молчания и раздражительности. Сообщив, что решение его нельзя поколебать ничем, Джон ушел с непреклонным и суровым видом.

И тогда Сэнди признался, что видел сон — дурной сон.

— Про нас? — спросил Фредерик. На сердце его легла тяжесть. Если уж Сэнди говорит так, значит дело плохо.

Сэнди встревоженно зашептал:

— Снилось мне, что меня разбудил какой-то чудной шум. Это стая злых птиц пролетает надо мной и шумит, как ураган над верхушками деревьев. Выглядываю. Вижу тебя, Фредерик, в когтях большой птицы. А кругом много разных птиц, больших и малых, всех цветов. И все они клюют тебя. Потом они улетели на юго-запад. Я смотрел им вслед, пока они не исчезли.

Сэнди умолк. Фредерик глубоко втянул в себя воздух.

— А меня они унесли с собой?

— Да.

Фредерик отвел глаза в сторону и выпрямился.

— Это ведь только приснилось тебе, Сэнди. Послушай, ты ведь знаешь, мы все теперь малость не в себе. Вот и все. Правда, Генри, а? Что значит какой-то пустяковый сон?

Генри вступил в разговор с необычной для него твердостью.

— Уж меня-то никакие сны не остановят!

Фредерик стиснул ему руку, благодарный за эту твердость и решимость. Он остро ощущал свою ответственность за все это предприятие. Если их постигает неудача, вина будет лежать на нем. Лучше бы Сэнди не рассказывал своего сна.

Наступил рассвет условленного дня. Фредерик вышел в поле раньше обычного. Он не мог сейчас сидеть без дела. Генри в последнее время стал еще более неуклюжим, чем обычно. Прислуживая во время завтрака, он разбил одну из драгоценных чашек. Старая миссис долго и гневно распекала его. Сын ее молчал.

Утро тянулось бесконечно. Фредерик разбрасывал в поле навоз, и ему казалось, что конца не будет этой работе. И вдруг, без видимой причины, его охватило предчувствие, от которого помутился взор. «Пропало наше дело!»

Юноше представилось, будто сотни глаз следили за ним со всех сторон, будто на синем небе огромными буквами были написаны все его тайные планы. Через несколько минут протяжно

и заунывно запел рожок, созывая невольников к обеду. Фредерику совершенно не хотелось есть. Он озирался по сторонам, как будто что-нибудь в окружавшем его привычном ландшафте могло подсказать причину этого страшного предчувствия поражения. Он попытался стряхнуть его, но это не удалось. Изо всех сил прижал к губам ладонь.

Пересекая поле, Фредерик увидел Уильяма Фрилэнда, который вышел из дому и направился к службам. Фредерик подошел ближе; перед ним открылась вся длинная, посыпанная гравием аллея. И вдруг он заметил, что четверо всадников свернули с дороги на аллею и поскакали к дому. А позади лошадей бежали двое негров — на расстоянии нельзя было разглядеть, кто это. Но один из них, похоже, был связан.

«Что-то случилось! Нас предали! Только не бежать…» Фредерик быстро прошел по двору, перемахнул через низкую изгородь и едва пригнулся, чтобы пролезть под полусгнившей решеткой, увитой розами, как один из всадников выехал вперед и оказался возле самого дома. Это был владелец табачной плантации мистер Уильям Гамильтон. Он остановил лошадь на всем скаку и окликнул Фредерика:

— Эй, парень! Где хозяин?

Даже в этот горький миг поражения какой-то бес, сидевший в Фредерике, заставил его ответить очень четко и вежливо:

— Мистер Фрилэнд, сэр, только что прошел на скотный двор.

Гамильтон взмахнул хлыстом, но не ударил Фредерика. Он резко повернул лошадь, взметнув облако пыли, и помчался к конюшне. В ту же минуту подъехали остальные всадники, и Фред увидел, что это констебли.

Он ворвался в кухню, не побоявшись гнева тетушки Лу. Но в кухне царила зловещая тишина. Один только Джон стоял там и глядел в окно. Он быстро повернулся, и Фредерик увидел, что лицо друга передергивается. Они крепко схватились за руки и встали рядом в ожидании.

Снова открылась кухонная дверь, и со двора вошел мистер Фрилэнд. На его угрюмом лице глаза казались сейчас стальными. Голос звучал резко.

— Вот ты где! — Он в упор посмотрел на Фредерика. — Ступай во двор! Эти люди хотят допросить тебя.

— Он ничего не сделал, мистер Уильям! — испуганно взмолился Джон.

— Молчать! — Фрилэнд подтолкнул Фредерика к двери.

Едва тот ступил за порог, как его схватили двое констеблей.

— Что вам нужно? За что вы меня?

Сильный удар кулаком рассек Фредерику губу. Констебли,

скрутив ему руки назад, повалили юношу на землю.

Гамильтон, который стоял возле своего коня, указал «а Джона, вышедшего из кухни вслед за Фредериком.

— И этого тоже! Заберите его!

В руках у Гамильтона было ружье.

Джон закричал, когда его схватили.

Все это произошло перед кухонным крыльцом, на некотором расстоянии от скотного двора и других служб. Но там уже столпилось немало черных фигур и был слышен приглушенный плач.

Из коровника выбежал Генри, за ним — Сэнди. Навстречу им шагнул констебль с тяжелым револьвером на поясе. Он держал в руках веревку. Гамильтон кивком указал на Генри.

— Вяжите его!

— Давай руки! — приказал констебль.

Генри задыхался. Он не сразу мог заговорить. Несколько мгновений он озирался. Затем, посмотрев прямо в глаза стоящему перед ним человеку, он сказал:

— Нет!

Все были ошеломлены. Владелец Фрилэнда уставился на Генри так, словно видел его в первый раз.

— Ах ты, черная!.. — заорал констебль с пеной у рта. — Не желаешь! — Он потянулся за револьвером.

— Генри! — крикнул надтреснутым голосом Фрилэнд.

Но Генри бросил взгляд на хозяина и повторил еще решительнее:

— Нет! Не дамся!

Теперь уже все трое констеблей окружили Генри, целясь в него из своих револьверов. Мистер Гамильтон пришел в возбуждение. Он тоже поднял ружье.

— Ей-богу, Фрилэнд, он опасен!

Уильям Фрилэнд не мог выдавить из себя ни слова. Ему казалось, что горло его сжимает железный обруч. Подумать только: Генри! Этот глупый, неуклюжий раб внезапно вырос на целую голову.

— Стреляйте! Стреляйте, и будьте вы прокляты! Не дам вязать себя!

И, прокричав эти слова под дулами приставленных к его груди револьверов, Генри внезапно поднял кулаки и выбил из рук констеблей оружие.

В поднявшейся суматохе Фредерик успел подбежать к Джону.

— Пропуск? — спросил он. — Пропуск у тебя?

— Я сжег его в печке.

— Хорошо! По крайней мере одна улика уничтожена.

Генри боролся, как разъяренный тигр. Старая миссис, услышав весь этот шум, поспешила во двор.

— Генри! Генри! — закричала она. — Они убивают Генри!

Сын бросился к ней, пытаясь объяснить происходящее. Но она оттолкнула его.

— Останови их! Останови этих негодяев!

В конце концов констебли одолели Генри. И когда он лежал на земле, весь в крови, со скрученными назад руками, Фредерик и Джон при всей своей беспомощности почувствовали стыд за то, что не сопротивлялись, как он. Джон плакал от горечи и бессильной ярости. Фредерик стоял неподвижно, ему было мучительно больно дышать. Миссис Фрилэнд, сама в слезах, пыталась утешить Джона:

— Не плачь, Джонни. Я знаю, что все это ошибка. Мы все уладим. Мы вызволим и тебя и Генри!

Констебли забрали и Сэнди, черная физиономия которого оставалась бесстрастной и непроницаемой. И тогда владелец табачной плантации сказал:

— А не поискать ли нам пропуска, которые написал для них, как нам известно, негр капитана Олда?

Фрилэнд настойчиво и громко потребовал, чтобы всех арестованных немедленно отвели в тюрьму и подробно допросили. Выходка матери совершенно лишила его присутствия духа, в чем он безмолвно признался самому себе. Фрилэнд хотел лишь одного: покончить с этой историей, ничего больше не видеть и не слышать.

Когда, надежно связанные, четверо негров были готовы к отправке в Сент-Микэлс, во двор снова вышла старая хозяйка с полными руками пышек, которые она поделила между Генри и Джоном, обойдя Сэнди и Фредерика. Направившись было к дому, она остановилась и потрясла костлявым пальцем в сторону Фредерика.

— Это все ты! Ты, желтый дьяволенок! — крикнула она юноше. — Это ты подбил их на бегство, ты замутил им головы! Джон и Генри — хорошие слуги! Это твоя работа! Твоя, долговязый желтый дьявол!

Фредерик окинул ее таким взглядом, что старуха испуганно и злобно вскрикнула и поспешила в дом, захлопнув дверь.

Констебли привязали негров к седлам длинными веревками. Теперь Фредерик узнал две черные фигуры, которые раньше заметил издали. Это был Хэнди, а с ним — паренек, принадлежавший мистеру Гамильтону.

Сегодня утром Хэнди ускользнул с плантации, чтобы запрятать их запасы продовольствия возле лодки.

Гамильтоновский паренек, видно, оказался поблизости. Может, Хэнди попросил его помочь. Наверно, так и случилось. Малец был избит. Рубашка висела на нем клочьями. Под испытующими взглядами белых ни один из негров не показал виду, что знает других. Они молча ждали; лошади беспокойно рыли копытами землю, песок и мелкий гравий сыпались неграм в лицо.

Фрилэнд вскочил, наконец, в седло, и Гамильтон, показав на Сэнди, спросил его:

— Это ваш негр?

— Нет, не мой. — Фрилэнд отрицательно покачал головой. — Я нанимаю его у некоего Грумса. Он живет в Истоне. — Фрилэнд сухо усмехнулся. — Очень не хочется терять хорошего плотника; такого у меня уже давно не было.

— Мне кажется, я где-то видел его, — Гамильтон пристально глядел на Сэнди. — По-моему, это его называют колдуном.

Фрилэнд лишь пожал плечами, поудобнее усаживаясь в седле. Гамильтон прибавил несколько зловеще:

— Потому советую не спускать с него глаз.

— Да неужто вы действительно верите в черную магию рабов? — насмешливо поддел его Фрилэнд.

Гамильтон, в свою очередь, пожал плечами, и процессия, возглавляемая нелюбезным хозяином, тронулась по аллее парка.

В господском доме Кэлеб трясущимися руками расправлял изношенные парчовые занавеси. Он чувствовал себя старым и никому не нужным. На втором этаже Сюзен пыталась заглушить рыдания, уткнувшись лицом в диванную подушку и не замечая, что тонкая полотняная наволочка уже вся мокра от слез. В хижинах не слышно было даже детского голоса — все боялись дышать.

В теплом воздухе чувствовалось приближение пасхи. Солнце ярко светило и грело землю. Рабы уже предвкушали праздничный отдых, и надсмотрщики были не так строги, как обычно. Опершись на мотыги, рабы смотрели, как едут по дороге пятеро белых всадников в низко надвинутых на лоб шляпах, с расстегнутыми воротниками, а позади в облаках пыли бегут привязанные негры. Головы их были обнажены, с грязных лиц струился пот; разбивая о камни босые ноги, дергаясь на длинной веревке, они едва поспевали за конями.

Фредерик, привязанный к седлу одной веревкой с Генри, изо всех сил тянул ее к себе, пытаясь хоть немного умерить бег коня. Он знал, какую муку терпит сейчас избитый Генри. Констебль, заметив попытку Фредерика, стегнул его хлыстом, после чего предпочел больше не обращать на черных внимания.

До истонской тюрьмы ехать было долго, день стоял знойный,

и констебль не особенно спешил.

Теперь Генри удалось немного отдышаться. Старая хозяйка все-таки заставила констеблей высвободить одну его руку. В этой руке он все еще сжимал пышку. С благодарностью глядя на Фредерика, Генри спросил шепотом:

— Пропуск! Что мне делать с пропуском?

Фредерик ответил не колеблясь:

— Съешь его вместе с пышкой!

Генри сунул в рот скатанный бумажный шарик. Он долго и основательно жевал; потом, наконец, проглотил и ухмыльнулся, не обращая внимания на струйку крови, потекшую из его рассеченной губы.

Сэнди, бежавшему рядом с Джоном, был передан приказ:

— Проглоти пропуск! Ни в чем не признавайся. Мы ничего не знаем!

Пусть намерения их каким-то образом стали известны — вера друг в друга осталась непоколебимой. Кто-то сделал ошибку, но они твердо решили быть вместе, что бы ни случилось.

К тому времени, как всадники и рабы достигли окраины Сент-Микэлса, стало ясно, что весть об этом событии опередила их.

Шайка беглых рабов! Лучшего развлечения в субботу после обеда и не придумаешь. «Бунт, — одно это слово вызывало дрожь, — начал олдовский малый, тот самый больно умный негр».

— Паршивец!

— Вздернуть его!

Гогоча, мужчины заказали еще по стакану жгучего виски. «Хоть бы случилось что-нибудь в этой проклятой скучной дыре!»

Процессия задержалась у дома капитана Олда. Капитан громогласно изливал свое негодование:

— Я все сделал для этого мальчишки, все, что только можно! Обещаю вам, он будет наказан, я с него шкуру спущу! Все кости переломаю!

Ему напомнили, что Фредерик и другие рабы уже находятся в руках правосудия. Если вина их будет установлена, они понесут наказание. Услышав это, капитан умолк. Дело принимало неожиданный оборот. Ведь Фредерик принадлежит ему. Тяжелодум Олд погрузился в размышления. Он не осмеливался ссориться ни с Фрилэндом, ни с Гамильтоном. Но в то же время не мог он и пожертвовать ценным имуществом ради столь неопределенного понятия, как «правосудие». И что за выгода от этого? Олд вперил во Фредерика суровый взор, отмечая про себя, какие у него широкие, мускулистые плечи и длинные ноги.

— Что ты натворил, неблагодарный мерзавец?

— Ничего, хозяин, ровно ничего! Как позвали, я пошел обедать… а меня схватили! Они меня схватили…

Фредерик тоже размышлял и очень усиленно. Юноша твердо решил, что обвинителям придется взять на себя поиски доказательств. Он заметил, что страстные уверения в невиновности уже возымели свое действие: капитан хмыкнул и попросил джентльменов объяснить все несколько обстоятельнее. Что же сделал все-таки этот малый?

Разумеется, у них не нашли ни одного пропуска. Все шестеро обвиняемых твердили одно и то же: что они в этот день занимались своими обычными делами. Они не имели ни малейшего представления, за что их арестовали. Хэнди со множеством подробностей рассказал, как тетушка Лу послала его с поручением на плантацию мистера Гамильтона. Он как раз возвращался, выполнив это поручение. А гамильтоновский парень был, в это время на берегу, чинил сети.

Невольники клялись в своей невиновности торжественно, громогласно и красноречиво. «Слишком красноречиво», — эта мысль мелькнула у каждого из хозяев. Однако она осталась невысказанной. Нельзя же признаться себе в том, что их дурачит какая-то кучка хнычущих негров.

Арестованных отвели в окружную тюрьму и заперли в камере. Это было старое, ветхое, полусгнившее здание. Казалось, что сильный ветер с залива может свалить его и достаточно поднести к нему зажженную спичку, чтобы оно сгорело дотла.

Тем не менее это была тюрьма со всеми ее прелестями. Генри, Джона и Фредерика поместили в одной камере; Сэнди, парня с гамильтоновской плантации и Хэнди — в другой. Кроме них, там не было никого, и места хватало. Арестованных накормили и заперли на ночь. Они были рады и этой передышке.

Но в светлое Христово воскресенье целая свора работорговцев и их посредников налетела на тюрьму; прослышав о том, что в Истоне имеется «хороший улов», они спешили узнать, не желают ли хозяева избавиться от опасных «смутьянов». При подобных обстоятельствах нередко удавалось покупать живой товар по дешевке. Непокорные невольники были, как правило, крепкими, толковыми работниками. Если взять их в ежовые рукавицы, они станут смирными. А на больших плантациях, где теперь выращивают огромные урожаи хлопка, такие работники в большой цене. По округу уже распространился слух, что в истонской тюрьме сидят молодые и на редкость здоровые негры.

Шериф охотно разрешил торговцам осмотреть арестантов. И они накинулись на негров, как стая стервятников. Ощупывали их

руки и ноги, трясли за плечи, проверяя мускулы, заставляли подпрыгивать на одной ноге, разглядывали зубы.

Один из работорговцев «обследовал» Фредерика.

— Пойдешь со мной, а, малец? — и мужчина легонько пнул Фредерика ногой.

Фредерик, задыхавшийся от ярости, молчал.

— Видно, язык проглотил, — буркнул другой торговец.

— Посмотрите на его глаза, — сказал первый. — Достанься он только мне, я бы очень быстро выбил из него беса!

Так продолжалось в течение нескольких дней, однако без всяких допросов и побоев. Неизвестность терзала заключенных. Мечта о свободе совсем поблекла.

Но вдруг однажды в тюрьме появился владелец Фрилэнда с мистером Гамильтоном, чтобы забрать с собой всех заключенных, кроме Фредерика. Они возвращались домой без наказания. Старая хозяйка убедила сына, что это единственный верный образ действий:

— Никто не виноват, кроме этого чужого мальчишки. А наших привези домой!

Фрилэнд переговорил с Гамильтоном. За отсутствием другого выхода, оба согласились, что так и придется поступить.

Фрилэнд сам не мог объяснить себе, почему он разрешил своим невольникам проститься с Фредериком. Все, что мать говорила об этом негре, оказалось правильным. Он и в самом деле опасен. Фрилэнд был совершенно уверен, что этот юноша, который так спокойно стоял сейчас перед ним, замышлял побег его невольников. Сколько человек участвовало в заговоре и куда собирались они направиться? Почему решились они оставить плантацию? Ведь у рабов куда меньше забот, чем у их хозяина, — есть крыша над головой, одежда, пища. Его мать сама лечит больных невольников. Их никогда не заставляют тяжело работать. Фрилэнд не прочь был бы задать несколько вопросов этому парню.

Фрилэнду было также совершенно ясно, что остальным не хотелось возвращаться. Генри цеплялся за руку Фредерика, крупное, грубое лицо его подергивалось. Фрилэнд слышал, как молчаливый обычно Сэнди произнес: «Большое дерево только гнется на ветру. Большое дерево стоит!»

— Я этого не забуду, — сказал ему Фредерик.

Потом все они вышли из тюрьмы и влезли в ожидавший их фургон. Возвращались домой с помпой, в запряженном мулами фургоне; правил один из людей мистера Гамильтона. Оба хозяина ехали верхом. Фредерик, стоявший у зарешеченного окна, видел, что друзья махали ему руками, пока фургон выезжал на дорогу.

Оставшись в одиночестве за решеткой, Фредерик целиком предался своему горю. Он не сомневался, что теперь уже наверняка обречен на отправку в ненавистную и страшную для всех рабов Джорджию, Луизиану или Алабаму. Теперь-то уж за ним придут, чтобы услать его «вниз по реке». И все же Фредерик был рад, что товарищей не отправляют вместе с ним. По крайней мере им сейчас будет не хуже, чем прежде, до того, как они начали мечтать о свободе. Зато теперь они выучились грамоте. В конце концов им удастся вырваться на волю. Но Фредерик был еще слишком молод, чтобы эти мысли принесли ему настоящее успокоение, слишком молод и нетерпелив.

Неделя тянулась долго, и, наконец, к радостному облегчению Фредерика, явился капитан Олд, чтобы забрать своего невольника. Громким голосом объявил он шерифу, что собирается отослать мальчишку к своему приятелю в Алабаму.

Шериф взглянул на Фредерика. Жаль, что такой славный на вид, крепкий работник не сумел вести себя как следует! Шериф с отвращением выплюнул только что заложенную за щеку свежую порцию табака. Почему-то она вдруг потеряла всякий вкус. У Фредерика упало сердце, но он послушно отправился за своим хозяином.

Последующие дни были проведены в относительной праздности в поместье Олда, находившемся под самым Сент-Микэлсом. Положение Фредерика среди других невольников изменилось к лучшему. К нему относились, словно к почетному гостю, и юноша находил в этом некоторое утешение.

Однако приятель из Алабамы все не появлялся, и, наконец, капитан Олд сказал Фредерику, что решил снова отправить его в Балтимор, к своему брату Хью. Сказал также, что Фредерик должен изучить какое-нибудь ремесло и если будет вести себя хорошо, то в свое время капитан, может быть, позволит ему выкупиться на волю.

Фредерик не верил своим ушам. Но вот наступило утро, когда они отправились в Сент-Микэлс, где Фредерик был сдан на руки капитану маленького клипера. Судно поставило паруса и взяло курс на Балтимор.

ГЛАВА 5
И ЕЩЕ РЕКА ВПЕРЕДИ…

На своем пути к морю, река Патапаско разрезает надвое старый город Балтимор. Здесь линия обрыва— то место, где твердые скалы Пидемонта встречаются с более мелкими породами прибрежной равнины, — проходит ближе к берегу, и широкое речное устье образует большую, укрытую от непогоды гавань. Балтимор был в те дни городом двойственного облика; по темпераменту своему он еще склонен был мечтательно оглядываться на Юг, но уже деловито — в дневное время, во всяком случае, — обращал свои взоры на Север. Старинные английские семьи, по всей видимости, начинали чахнуть, а «выскочки» хотели развития коммерции.

В начале XIX века Балтимор был вторым после Нью-Йорка портом по количеству прибывавших в него иммигрантов из Европы: ирландцев, итальянцев, греков, поляков, скандинавов. Из Балтимора они растекались по всему Мэриленду. Остальные округа относились с опаской к резкому росту населения в Балтиморе, в особенности населения неанглийской национальности. Когда в 1819 году федералисты были отстранены от власти, в законодательном собрании штата встал вопрос о том, чтобы делегаты от округов избирались соответственно количеству населения. Но это предложение было провалено, ибо другие округа отказались отдать весь огромный сельскохозяйственный штат Мэриленд «в руки купцов, спекулянтов-банкиров, торговцев лотерейными билетами, иностранцев и балтиморской черни».

Долгие годы такое отношение к Балтимору мешало евреям получить гражданские права. Только в 1826 году им разрешили голосовать. Произошло это ровно через два года после того, как худощавый, сутулый Бенджамен Ланди пришел пешком из лесной глуши Теннесси с печатным станком за спиной и начал выпускать свой «Дух всеобщей эмансипации» — первую в Соединенных Штатах газету, направленную против рабства.

После принятия «Закона об евреях» балтиморцы стали пристальнее глядеть за газетой, издаваемой Ланди. Пошли разговоры о влиянии иностранцев. Однажды Остин Вулфолк, работорговец с особенно дурной славой, напал на издателя на улице и до полусмерти избил его.

Городская торговля и промышленность расширялись.

Судостроение зародилось там давно, еще в колониальную эру. Когда по вновь проложенным дорогам в Балтимор привозили товары с Запада, купцы стали отправлять их на собственных судах, и значение города как морского порта окончательно упрочилось. В 1810 году Балтимор был уже третьим по величине городом в Америке. Со времени принятия Декларации независимости население его выросло в четыре раза. Балтиморские клиперы привозили кофе из Южной Америки, чай и опиум из Китая, невольников из Африки.

Ни для кого не было тайной, что когда ввоз в страну африканских невольников стал считаться уголовным преступлением, в стране развилась контрабанда. К 1826 году работорговля между штатами достигла колоссальных размеров. Парусные суда, наполненные скованными рабами, шли вдоль берегов Атлантического океана и залива в Новый Орлеан— на самый крупный невольничий рынок Юга. Объявления об этом живом товаре открыто печатались в газетах рядом с известиями о других товарах. Что бы ни гласил закон, для славного города Балтимора все это было лишь «праздной болтовней», мешающей столь прибыльному делу. Уильяма Ллойда Гаррисона посадили в тюрьму — этот чужак лез не в свое дело. Издание «Духа всеобщей эмансипации» запретили, а все экземпляры этой подстрекательской газеты уничтожили; так по крайней мере казалось работорговцам. Однако потрепанные, зачитанные страницы ее то и дело появлялись в самых неожиданных местах.

Еще ребенком, следуя повсюду за своим юным хозяином, Фредерик безотчетно подмечал деловую суету, спешку, оживленное движение быстро растущего города. Сидя на ступеньках школы в ожидании Томми, он видел подводы, груженные доверху товарами, направляющиеся в гавань. Иной раз подвода увязала в дорожной грязи, мул пытался изо всех сил ее вытащить, а иностранцы кричали что-то по-своему, что — Фредерик не понимал. Когда с воза падал на землю стебель сахарного тростника, Фредерик припрятывал его. А вечером они с Томми подолгу жевали сладкое волокно — маленький хозяин в постели, его раб — растянувшись на полу.

Фредерику приходилось видеть невольничьи партии, бредущие по улицам Балтимора, скованных вместе мужчин и женщин, а иногда и маленьких детей. Мальчишки всегда бросали игру и долго смотрели им вслед.

1836 год был хорошим годом для Юга. Горы хлопка высились на берегу — целая лавина, которая грозила разорением в будущем, но пока цены на хлопок стремительно росли. В тот июньский вечер, когда корабль, привезший Фредерика, вошел в

балтиморскую гавань, юноша увидел вокруг себя бесконечное множество корабельных мачт, покачивавшихся над водой. Мачты словно рассказывали ему о далеких краях, они звали его, манили. Фредерик ответил им безмолвным кивком; сердце его громко стучало.

Он оставил Балтимор ребенком, вернулся в него почти взрослым человеком. Теперь он внимательно оглядывался вокруг, размышляя, оценивая, вспоминая те места, где ему надо побывать, и людей, которых ему надо будет найти.

Но пока что — вот мистер Хью Олд ожидает его на набережной. Томми не видно. И вдруг он вспомнил. Ведь Томми тоже стал взрослым — свободным белым человеком. Что-то больно кольнуло Фредерика.

Хью Олд со своим братом приехали на Юг в поисках удачи. Им, выросшим в Вермонте, была по душе мягкость климата и пышная растительность Мэриленда. Нанятый полковником Ллойдом для работы на его холмистых прибрежных землях, Хью вскоре женился на младшей дочери полковника и основал свое дело в Балтиморе. Хью Олд добился успеха. Теперь он был совладельцем одной из верфей. Скоро она будет именоваться «Компания Олд и сын».

Фредерик, просияв, бросился было вперед, но мистер Олд, не взглянув на него, завел неспешный разговор с капитаном.

— Добрый вечер, капитан. Я вижу, вы привезли моего малого.

— Да, сэр. Все в полном порядке, сэр. Он нисколько не был мне в тягость.

Некоторое время они стояли, беседуя, а Фредерик ждал.

— Ну что ж, спасибо. — Мистер Олд поправил на голове панаму. — Теперь я вас освобожу от обузы.

— Ступай, мальчик! — промолвил капитан.

Мистер Олд уселся в ожидавшую коляску, жестом приказав Фредерику забраться на козлы рядом с кучером, и они покатили по направлению к Нижнему Бродвею. Экипаж с трудом пробирался вдоль складов, между огромными кипами хлопка и табака, уставленными в пирамиды бочонками рома и зловонными рыбными рядами. Наконец мистер Олд заговорил:

— Так вот, Фред, мы решили сделать тебя конопатчиком.

Фредерик повернул к нему голову.

— Слушаю, сэр.

— Что ж, ты сильный, крепкий малый. Работник из тебя должен выйти хороший. Только веди себя примерно.

После этого они продолжали ехать молча; кучер искоса поглядывал на Фредерика, но ни тот, ни другой не произнесли ни слова. Они еще успеют наговориться. Коляска прогрохотала по

булыжнику Тэймз-стрит — улицы сплошных лавок и трактиров — и выехала в красивую жилую часть города, где стояли нарядные дома с островерхими крышами и тяжелыми дубовыми дверями, с окнами, прикрытыми узорчатыми ставнями. Здесь дышалось легко и приятно в этот июньский вечер. Они проехали мимо великолепного старинного дома, возле которого цвела пышная магнолия, благоухавшая на всю улицу. За узорными оградами особняков играли дети. Молодые щеголи прогуливались по тротуарам, прельщая скромных девиц, что сидели на белых крылечках или за зелеными ставеньками и почти не поднимали глаз от рукоделья. Негритянские служанки в ярко-красных головных платках сновали по улице, легко неся на голове полные корзины. Коляска миновала серое здание собора и остановилась возле небольшого кирпичного дома с белыми колоннами у входа и белым мраморным крыльцом.

У Фредерика заколотилось сердце. Крыша дома была недавно окрашена, лужайка перед ним аккуратно подстрижена, окна задернуты кружевными занавесями. На всем лежал отпечаток большой зажиточности. Это показалось Фредерику новым, но из всех мест, где ему приходилось когда-либо жить, дом Олда был самым родным для него, и юношу охватило волнение. Увидит ли он сейчас Томми? Хозяин вышел из коляски, а кучер с Фредериком объехали здание и остановились у черного хода. Вот и дверца погреба — как часто Фредерик спускался туда вместе с Томми; толстого суковатого дерева уже не было. Интересно, что сделал Томми со старыми записными книжками, которые они запрятали в его дупло — листки этих книжек были покрыты старательным почерком Фредерика, выводившего буквы вслед за своим хозяином. Фредерик спрыгнул с козел и, постаравшись, чтобы голос не выдал его волнения, спросил молодого кучера:

— А что мистер… мистер Томми сейчас дома?

Чернокожий парень поглядел на него, не отвечая. Потом переспросил:

— Молодой хозяин?

Фредерик утвердительно кивнул.

— Да, мистер Томас тут.

Разумеется, теперь Томми стал «мистером Томасом»! Фредерик подавил вздох и улыбнулся пареньку, такому же темному, как он сам.

— Меня зовут Фред. А тебя? — дружелюбно спросил он.

— Меня — Джеб, — с готовностью ответил тот, но вид у него был по-прежнему озадаченный.

Они в это время распрягали вдвоем лошадь. Кучер откашлялся и выпалил:

— Ты говоришь совсем как белые. Откуда это?

Фредерик был захвачен врасплох. Рассказать ему о записных книжках и о совместных уроках с молодым хозяином? Поколебавшись, решил, что лучше не надо, и со смехом ответил:

— Глупости!

По дороге в дом Джеб украдкой рассматривал Фредерика. Нравится ему этот Фред, нравится его взгляд, его походка, но что-то в нем есть непонятное, над чем надо еще поразмыслить.

Очень некрасивая, худая, мрачного вида негритянка, стоявшая у плиты, обернулась, когда они вошли в кухню. Она не улыбнулась, но глубоко посаженные темные глаза женщины неторопливо оглядели Фредерика с головы до ног. Затем она молча указала парням на чисто выскобленный сосновый стол. Они уселись на табуреты.

— Это Нада, — шепнул Джеб, нагнувшись к Фредерику. — Она свободная! Понимаешь, свободная негритянка!

Теперь уже Фредерик, в свою очередь, уставился на высокую женщину. Она двигалась по кухне медленно, неуклюже, словно тело ее было на пружинах и все они сдали от постоянной усталости. Лицо, все в глубоких складках, было покрыто оспинами; от самых глаз до большого запавшего рта тянулись шрамы. Но эта женщина была свободна, и Фредерик смотрел на нее с завистью.

В Балтиморе в те годы насчитывалось несколько сот «свободных цветных». Жилось им невыносимо трудно. И все же никогда ни один раб, которому удавалось выкупиться или получить свободу от милостивого хозяина, не возвращался добровольно в рабство. По законам штата вольноотпущенник не пользовался никакими гражданскими правами. Ссылаясь на то, что, мол, нет разрешения судьи, ему могли запретить тот или иной род занятий: торговлю табаком или другими товарами. Он не имел права держать собаку, носить оружие, вступать в тайные религиозные общества и продавать спиртные напитки. Одного слова белого было достаточно, чтобы привлечь негра к суду и обвинить в любом преступлении. И расправа бывала скорая и беспощадная.

Люди эти шли работать за гроши: конопатчиками на верфях, подносчиками извести и кирпича, портовыми грузчиками. Некоторые из них были опытными каменщиками и плотниками. Но какую бы работу ни выполняли свободные негры, они должны были довольствоваться любой платой. Вот почему белые презирали и ненавидели своих негритянских конкурентов, чей дешевый труд часто вытеснял их с рабочего рынка. Поднимающееся купечество и буржуазия находили для себя

выгоднее нанимать негров для домашних работ за несколько центов в неделю, чем покупать невольников. За содержание своего раба хозяин в какой-то мере отвечал. За наемных же слуг он не отвечал нисколько. Нада, например, работала у миссис Хью Олд с шести часов утра до восьми, а когда и девяти вечера. Затем она исчезала задворками — никто даже не знал, где она живет.

После ужина миссис Олд зашла на людскую половину, чтобы побеседовать с Фредериком. Она была из семьи Ллойдов и еще помнила бабку Фредерика. Сейчас она расспрашивала о подруге своего детства — жене капитана Олда, воспитывавшейся в их доме, которую много лет не видела. В приливе сентиментальных воспоминаний о далеких девичьих днях на плантации Ллойда, миссис Хью Олд потрепала руку юноши.

— Ты стал совсем взрослым и таким видным, крепким, — сказала она. — Мы гордимся тобой!

Мистер Томас так и не пришел.

Лишь на следующий день, уже работая на верфи, Фредерик вдруг услышал рядом с собой приятный голос:

— Здравствуй, Фред! Говорят, ты собираешься строить корабли?

Фредерик поднял голову и увидел высокого стройного молодого человека в отлично сидящем костюме.

— Да, мистер Томас, — ответил он, пытаясь улыбнуться, но голос его прозвучал резко.

Лицо белого словно затуманилось. Секунду они стояли друг против друга. И облачко, которое во времена их детства было величиной с ладонь, не больше, внезапно разрослось и встало между ними. До Фредерика едва долетели слова уходящего Томаса:

— Ну, желаю тебе удачи. До свиданья!

Больше Фредерик его не видел. Через несколько дней Томас Олд отправился в плавание на одном из отцовских кораблей. А год спустя он утонул в бурю недалеко от побережья Калькутты.

У Гардинера, владельца большой судостроительной верфи в Феллс-Пойнте, были неприятности. Недавно он разом пресек требования рабочих повысить им жалованье, наняв несколько негритянских механиков и плотников.

— И, оказывается, негры — чертовски хорошие работники! — подчеркнуто сказал он своему мастеру. — Можете теперь объявить всей этой немчуре, итальяшкам и еврейчикам, что, если им не нравится мое жалованье, пусть убираются хоть сейчас!

Рабочие организации в Балтиморе доставляли промышленникам все больше хлопот, но до сих пор Уильяму Гардинеру удавалось как-то обходить их. Однако его пробирала

дрожь при мысли о мрачном будущем. Самое время начать сейчас экономить, набрав побольше дешевых чернокожих.

Белым рабочим пришлось мириться со своим поражением. Некоторые, наиболее квалифицированные, и в самом деле ушли, поклявшись отомстить, но большинство побоялось бросить работу.

Поубивать бы всех этих черномазых!

Что могли, они сделали: основательно поколотили нескольких негров и теперь угрюмо ждали своего часа.

Час этот наступил, когда Гардинер, широко размахнувшись, заключил контракт с мексиканским правительством на строительство двух больших военных судов. Заказ оказался срочным — суда надо было спустить на воду в августе. За нарушение этого условия владельцу верфи грозила большая неустойка. Строительство шло ускоренным темпом. Кое-кто из негров был поставлен на места, требовавшие самой высокой квалификации.

И тогда совершенно неожиданно для хозяина белые плотники решительно объявили, что не желают больше работать вместе со свободными неграми.

Уильям Гардинер уже видел воочию, как пропадают его денежки. С таким же успехом он мог спустить их на дно Чесапикского залива! Совершенно потеряв голову, кинулся он к своему приятелю и коллеге Хью Олду. Мелкий судостроитель Олд был польщен, что его совета ищет такой всесильный человек, как Гардинер. Поразмыслив, мистер Олд предложил решение:

— Увольте несколько черномазых, — сказал он, — а затем наберите побольше учеников, и белых и черных. Пусть они работают вовсю под хорошим присмотром. Как-нибудь вытянете.

Гардинер слушал его хмуро, пощипывая колючие усики.

— Да вы успокойтесь! — мистер Олд ободряюще похлопал приятеля по спине. — У меня самого есть несколько превосходных парней, я могу вам одолжить их.

В числе учеников и подручных, отправленных на верфь в Феллс-Пойнт, был и Фредерик. Он уже знал, что такое настоящая работа, и учили его у Олда хорошо. Однако на верфи Гардинера он оказался в непривычной обстановке.

Здесь все было охвачено лихорадочной спешкой, никто не знал ни минуты отдыха. Вместе с Фредериком работало около ста человек. Семьдесят-восемьдесят из них были квалифицированные плотники, занимавшие особое положение. Новичок ничему не успевал здесь обучиться. Фредерик обязан был выполнять все, что приказывали ему плотники. Таким образом, он оказался на побегушках чуть ли не у семидесяти пяти человек. Все они

являлись его начальниками. Ежеминутно с десяток голосов окликал Фредерика со всех сторон. Ему бы и — десятка рук не хватило, чтобы сразу выполнить все, что от него требовали!

— Мальчик, помоги мне поставить брус!

— Парень, подкати-ка сюда это бревно!

— Держи конец фала!

— Эй, черномазый! Ступай сюда, поверни точильный камень!

— Сбегай принеси мне стамеску!

— Почему ты не греешь смолу, негр? Чтоб у тебя глаза полопались!

Так продолжалось час за часом, день за днем. Давай! Давай, давай! Пойди сюда… ступай туда… Стой тут… Пошевелись только, я из тебя все мозги вышибу, будь ты проклят!

Фредерик был всего лишь учеником, но белые рабочие видели угрозу и в нем и ненавидели его. Гоняли его беспощадно. Белые ученики считали зазорным для себя работать вместе с ним. Поощряемые взрослыми, они стали со злобным презрением говорить о «черномазых», желающих «прибрать к рукам всю страну», которых следует поубивать.

И однажды эта пороховая бочка взорвалась.

Стоял знойный полдень. Фредерик только что уложил на место тяжелую балку. Кто-то позвал его. Юноша быстро шагнул назад, зацепив нечаянно Эдуарда Норта — самого задиристого, злобного малого из всех. Норт больно ударил его. И тогда одним сильным движением Фредерик схватил белого парня и швырнул его на палубу.

На него двинулась целая орава. Один, вооруженный кирпичом, очутился прямо перед Фредериком, двое — по бокам, один — сзади. Они подступили к нему вплотную, и Фредерик, поняв, что его жизнь под угрозой, стал яростно отбиваться во всех направлениях. Но удар ганшпугом свалил его на бревна. Тогда белые кинулись на юношу и принялись молотить его кулаками. Несколько секунд Фредерик лежал неподвижно, затем рывком поднялся на колени и стал отталкивать от себя врагов. В этот момент один из них стукнул носком сапога по левому глазу Фредерика. Увидав, что кровь течет по лицу, они приостановились.

Толпа собравшихся зрителей наблюдала это нападение четырех на одного.

— Убить его! — кричали зрители. — Пристукнуть черномазого! Он ударил белого парня!

Фредерика шатало из стороны в сторону, но он схватил ганшпуг и пошел в наступление. Обидчики не ожидали этого. На юношу бросилось еще несколько плотников, в их руках он

оказался совершенно беспомощным. Фредерик рыдал от ярости. Что может он сделать, когда против него — пятьдесят человек и все гогочут, злорадствуют, осыпают его бранью? В этот момент на палубе показался надсмотрщик — привлеченный шумом, он решил выяснить, что тут происходит. Толпа мгновенно поредела. Воспользовавшись моментом, Фредерик перелез через борт и убрался с верфи. Он знал, что у местных властей правосудия не найти!

Весь окровавленный, в изодранной одежде, притащился он, наконец, домой, до полусмерти напугав Джеба своим видом. По зову Нады в кухню прибежала миссис Олд. Приказав перенести Фредерика на чердак, где стояла его кровать, она сама присмотрела, чтобы раны его были обмыты, и привязала кусок сырого мяса к его подбитому глазу.

— Звери! Дикие звери! — повторяла миссис Олд, смазывая каким-то снадобьем голову Фредерика.

Когда мистер Олд вернулся вечером домой, он отнесся к случившемуся совершенно недвусмысленно: он просто кипел от возмущения. Ему, разумеется, и в голову не приходило винить хоть в чем-либо своего приятеля Уильяма Гардинера. Все эти головорезы с верфи виноваты, негодовал мистер Олд, весьма возможно, что здесь какой-нибудь «ирландский заговор», но ничего, он добьется, чтобы мерзавцы были наказаны.

Едва Фредерик оправился от ушибов, мистер Олд поехал с ним в канцелярию мирового судьи Уотсона на Бонд-стрит, чтобы добиться ареста четырех рабочих — зачинщиков драки. Хозяин Фредерика изложил судье суть происшествия. Мистер Уотсон спокойно выслушал его, сложив руки.

— А кто был свидетелем нападения, мистер Олд? — холодным тоном справился он.

— Сэр, все это происходило на верфи, где было полно рабочих.

Судья пожал плечами.

— Сожалею, сэр, но я могу начать судебное дело лишь на основании показаний белых свидетелей.

— Да вот перед вами же мой человек! Вы только взгляните на его лицо и голову! — Мистер Олд начал терять терпение.

— Мне не дано права предпринимать что-либо без скрепленных присягой показаний белых свидетелей.

На один миг словно пелена упала с глаз Хью Олда, кровь его застыла от ужаса. Ведь если бы мальчишку убили, все было бы точно так же! Он схватил Фредерика за руку и отрывисто бросил:

— Пошли отсюда!

Несколько дней подряд мистер Олд все кипел и не мог

успокоиться. Он побывал у мистера Гардинера. Владелец крупной судоверфи принял своего младшего собрата весьма сдержанно.

— Вы теряете голову, Олд, — заметил он язвительно, — а такое поведение может привести к тому, что потеряете и последнюю рубаху. Думаете, я соглашусь расстроить всю работу на верфи из-за того, что одному черномазому нахалу раскроили голову? Мне надо выполнять заказ.

— Но… — мистер Олд постепенно терял свой задор.

— Разумеется, — столь же холодно продолжал мистер Гардинер, — я возмещу вам все издержки. Может быть, вам пришлось пригласить врача, чтобы подлатать вашего парня? — Он потянулся за бумажником.

Очутившись на улице, Хью Олд почувствовал, что, несмотря на знойное августовское солнце, его пробирает дрожь.

Год еще не истек, когда было решено, что Фредерик принесет больше дохода своему хозяину в качестве конопатчика, работающего по найму, чем на маленькой судоверфи Олда. Поэтому ему позволили искать поденную работу. Фредерик оказался в завидном положении, так как мог сам подыскивать себе места и уславливаться о плате. Он был известен под именем «парня Хью Олда» и пользовался репутацией необычайно толкового и надежного работника. Он сам заключал соглашения и получал деньги, принося хозяину в разгар строительного сезона по шесть-семь, а иной раз даже по десять долларов в неделю.

Фредерик имел основания поздравить себя с успехом. Судьба его изменилась к лучшему. Теперь можно было и пополнить свой небольшой запас знаний. На восточном побережье он сам учил своих товарищей. Едва начав самостоятельную работу в Балтиморе, он стал разыскивать негров, которые могли бы учить его. Вот каким образом Фредерик услыхал о Восточнобалтиморском обществе умственного усовершенствования и встретился со свободной цветной девушкой по имени Анна Мюррей.

Святым сестрам ордена Провидения пришлась по душе темноглазая стройная Анна Мюррей. Мадам Монтелл сама доставила девушку к боковому входу семинарии св. Марии. Она сообщила монахиням, что Анна — дочь свободных родителей и служит у нее в доме. Мадам попросила их, чтобы девушка получила хорошее образование.

А потом мадам Монтелл умерла. Плачущей Анне сказали, что госпожа завещала ей приданое: большую перину, пуховые подушки, немножко столового серебра, постельное белье, посуду.

Сердце ее переполнилось благодарностью. Родственники покойной хозяйки не отобрали у преданной девушки ее богатства.

Они упаковали сундук Анны и позаботились о том, чтобы устроить ее на хорошее место в семействе Уэллсов на Саут Кэролайн-стрит. Сами же они возвратились в свою любимую Францию, куда покойная мадам Монтелл собиралась увезти и Анну.

Уэллсы не были французами, но оказались добрыми людьми, и Анна чувствовала себя не плохо в их доме.

Свободные негры очень любили ее. Анна была начитанна; мадам разрешала ей читать свои книги, и рассказы девушки обычно слушались с живым интересом, давали пищу для размышлений. Тянулись к ней и негры с Гаити. Анна понимала их французскую речь, хотя сама редко пыталась говорить на этом языке.

Несмотря на огромные препятствия, отдельным группам свободных негров все же удавалось как-то найти средства к существованию даже на территории рабовладельческих штатов. Они занимались мелкой коммерцией, владели собственностью, порой им доверялись хорошие должности. В девяностых годах XVIII века государственные деятели из Вашингтона, купцы из Ричмонда и Атланты приезжали в Балтимор, чтобы приобрести часы у негритянского часовщика Бенджамена Баннекера.

Если негры хотели собраться вместе, то самым безопасным местом для этого была церковь. Белые охотно поощряли религиозное рвение «по-детски простодушных» черных христиан. «Рабы да будут покорны своим хозяевам»—.этот библейский текст всегда был на устах пастырей. Сладкими речами о небесном покое и благодати они и стремились притупить земные страдания черных. А уж у свободных негров только и была надежда, что на бога!

Восточнобалтиморское общество умственного усовершенствования обычно устраивало собрания в Африканской методистской епископальной церкви на Шарп-стрит. Собрания, дабы никто не сомневался в их цели, начинались звучными песнопениями и долгой молитвой; затем снаружи выставлялись часовые, а в храме в это время шли по рукам экземпляры издававшейся в Нью-Йорке «Фридэмс-Джорнэл»[6] и новой газеты «Либерейтор».

Группа портовых рабочих из Феллс-Пойнта пожелала порекомендовать нового члена общества.

— Это очень порядочный молодой человек, — сказал один.

— Хороший конопатчик, трудолюбивый и уравновешенный малый, — прибавил другой.

— Хорошо пишет и считает, — вставил третий.

— Обязательно пригласите к нам этого юношу! — радушно

ответил председатель. — Как его фамилия?

Рабочие из Феллс-Пойнта были в явном замешательстве.

— Но… он… пока еще в неволе.

Одноногий, обезображенный огромными шрамами старик презрительно сплюнул. Он был одним из участников восстания виргинских рабов под водительством знаменитого Габриэля. На его глазах умер, не проронив ни слова, этот двадцатичетырехлетний гигант. Сам же он оказался в числе тех четырех приговоренных к смерти повстанцев, которым удалось бежать. И теперь старик не склонен был проявлять терпимость к здоровым молодым людям, которые довольствовались рабской долей.

— В неволе? Пусть там и остается! — рявкнул он.

Один из конопатчиков повернулся к старому негру и почтительно, но твердо возразил:

— Дядя Бен, я видел, как он дерется. Это настоящий человек.

— Имя? — снова спросил председатель.

— Его знают под именем Фредерика.

Так Фредерик стал членом общества. Первый раз явившись на собрание, он сидел безмолвно, только слушал. Когда один за другим люди поднимались с мест, читали вслух или обращались к собранию с речью, Фредерик чувствовал себя круглым невеждой. Голова у него шла кругом. Это становилось невыносимым. Но вот поднялась еще раньше примеченная им молодая женщина, которая до сих пор тихо сидела в углу. В руке она держала газету, а когда заговорила, то голос ее оказался негромким и мелодичным. Сперва Фредерик ничего не воспринимал, кроме музыки этого голоса. Потом он встряхнулся и заставил себя вслушаться в смысл ее слов.

— Третье издание «Призыва Уокера»[7] напечатано совершенно заново, с множеством исправлений и важных добавлений. Дэвид Уокер умер, но будем помнить, что слова его обращены к нам, к каждому из нас. Помните вступление к его четырем статьям, собственные его слова: «К цветным гражданам всего мира, но, в первую очередь, к цветным гражданам Соединенных Штатов». Сейчас уже слишком поздно, чтобы прочесть весь текст его последнего послания. Однако в это тяжелое мрачное время я хотела бы привлечь ваше внимание к одному абзацу. — И подойдя поближе к коптящей масляной лампе, она прочла: — «Хотя, быть может, господь и не покарает угнетателей рукой угнетенных, но господь может навлечь на них погибель иным путем, ибо суждено им ополчаться друг против друга, и будет их лагерь разделен и расколот, и станут они угнетать друг друга. А потом возьмут мечи в руки и начнут

междоусобную войну».

Она снова села в свой уголок среди полного и сосредоточенного молчания присутствующих. После этого члены общества стали поспешно расходиться поодиночке, но Фредерик схватил за рукав своего приятеля из Феллс-Пойнга.

— Как ее зовут? — прошептал он.

Тот сразу понял, о ком идет речь.

— Анна Мюррей.

Цепи рабства показались Фредерику еще тяжелее. Перед глазами светилось тихое, милое лицо Анны Мюррей. Он должен быть свободен!

Фредерик жил и работал среди свободных людей и ни в чем им не уступал. Почему же он должен оставаться рабом? Он зарабатывал полтора доллара в день. Сам заключал соглашения, сам трудился, сам получал эти деньги. Жалованье выплачивалось ему, и все обиднее и труднее становилось отдавать каждую субботу всю свою получку мистеру Олду. Фредерик никак не мог взять в толк, почему его трудовые деньги целиком пересыпались в хозяйский кошель.

Весьма вероятно, что мистер Олд в какой-то мере чуял этот непокорный дух, хотя и не подозревал его интенсивности. Каждый раз он тщательно пересчитывал деньги, каждый раз испытующе глядя на молодого человека, спрашивал: «Это все?» Мальчишке не следовало понимать, что он приносит большой доход. С другой стороны, когда Фредерик сдавал уж очень большую сумму, мистер Олд обычно возвращал ему шестипенсовик или шиллинг и добродушно трепал юношу по плечу.

Однако эти подачки не производили желаемого эффекта. Раб считал их признанием своего права на весь заработок. Оставляя ему несколько центов, хозяин успокаивал свою совесть.

Фредерик не знал, что ему делать. Таким путем ему даже не купить свободы. Для побега тоже нужны были средства. Свободные друзья дали ему совет: пусть он попытается для начала откупить у хозяина свободу распоряжаться своим временем. В больших городах это делалось довольно часто. Невольник, считавшийся достойным доверия, мог, еженедельно внося своему хозяину определенную сумму, использовать свое время как угодно.

Фредерик решил подождать, пока настоящий его хозяин, капитан Олд, не приедет в Балтимор за весенними покупками. Мистер Хью был в данном случае лишь доверенным лицом капитана, однако юноша не сомневался, что капитан Олд получит о нем самый хороший отзыв.

В этом его не постигло разочарование. Хью Олд сообщил брату, что раб хорошо изучил свое ремесло и усердно работает. Но когда Фредерик явился со своей просьбой, лицо капитана побагровело.

— Нет! — заорал он. — И гляди, не вздумай чего-нибудь натворить! — Сузившимися глазами капитан пристально всматривался в мрачное лицо невольника, — Запомни раз и навсегда: убежать ты не сможешь! Выкинь эту дурь из своей черной башки! Нет такого места, где я не разыскал бы тебя и не водворил назад, — жестко произнес он. — И тогда уже ты так легко не отделаешься! Тогда уж реки тебе не миновать!

Он имел в виду, что продаст его «вниз по реке», то есть на Юг. Фредерик ушел.

— Посади свинью за стол… — бурчал капитан, передавая этот разговор брату.

Хью Олд сочувственно покачивал головой. У него были свои собственные неприятности. Вместе со многими другими коммерсантами, игравшими на бирже, он начинал сомневаться в благоразумности своих «совершенно надежных» капиталовложений. Он закупил акции железной дороги Балтимор — Огайо и канала Чесапик — Огайо. А теперь шли толки о неминуемом крахе этих компаний. Мэрилендский банк прекратил платежи, — временно, конечно, — но пока что неделя сменялась неделей, а деловая жизнь замирала.

Вот почему, когда месяц спустя Фредерик пришел к нему с той же самой просьбой, Хью Олд ответил, что подумает. Работы для конопатчиков-поденщиков становилось все меньше, заработки их снижались. А у него на руках этот здоровенный детина. Кто знает, как сложатся дела в ближайшие месяцы? Пусть попробует прокормиться собственными силами. И мистер Олд объявил юноше, что предоставляет ему полную свободу действий на следующих условиях: Фредерик должен еженедельно выплачивать своему хозяину 3 доллара, питаться и одеваться за свой счет, а также покупать на свои деньги все нужные ему инструменты.

От этих слов Фредерик пошатнулся. Последняя неделя была для него не слишком удачной. Он проработал всего четыре с половиной дня. Значит, сегодня он не получит даже своего обычного шестипенсовика. Оба они стояли в кухне во время этого разговора. Фредерик ужинал, когда вошел хозяин.

— Ну, что же ты? Решай!

Фредерик увидел, как весь его недельный заработок исчез в маленьком черном кошельке. Легкое движение Нады, стоявшей возле плиты, заставило его оглянуться. Нада безмолвно

изображала губами слово «да» и энергично кивала ему головой.

— Видишь ли, — благодушно продолжал мистер Олд, — когда ты сам себе хозяин, это поважней всяких денег. Словом, согласен ты или не согласен?

Лицо Фредерика не изменило своего выражения, но юноша решительно расправил плечи.

— Да, сэр, я согласен.

— Отлично. Можешь начинать с понедельника.

Оставшись в кухне вдвоем с Надой, Фредерик озабоченно посмотрел на нее. Негритянка ответила одной из своих редких улыбок.

— Не тревожься! — сказала она. — Переходи жить ко мне.

Джеб был напуган. Фредерик обучил его грамоте, и теперь он взирал на юношу чуть не с обожанием. Ночью они долго разговаривали в чердачной каморке.

— Ты убежишь! Ты убежишь, да? — Горло мальчика перехватило от ужаса: он живо представил себе свирепых собак, мчащихся по следу, и пойманного беглеца в тяжелых цепях.

— Тише! — Фредерик схватил его за плечи и шепнул — Ты хочешь быть рабом всю свою жизнь?

— Нет! Нет! Господи Иисусе, не хочу! — зарыдал Джеб.

— Тогда молчи и отпусти меня!

Паренек жалобно всхлипывал. Потом тихонько сказал, придвинувшись к самому уху Фредерика:

— Возьми меня с собой, а, Фред! Возьми меня с собой. Я совсем даже не боюсь.

Фредерик легонько оттолкнул его.

— Не болтай! Иди!

— Ты про меня не забудешь?

И Фредерик обещал:

— Не забуду.

На следующий вечер, когда Нада исчезла в темном переулке, рядом с ней шел Фредерик.

События развертывались быстро. Решительно все члены Общества умственного усовершенствования занимались судьбой Фредерика. Все знали, что он намерен предпринять. Конопатчики повсюду выискивали ему работу, люди постарше давали советы, а в глазах Анны Мюррей появилось мягкое сияние. Теперь Фредерик иногда участвовал в общих беседах, но большей частью он сидел и молчаливо слушал других. Потом он провожал Анну домой, избегая освещенных улиц, я, вдохновляемый ее участием и поддержкой, без конца рассказывал подробности своего безумного замысла. Чтобы прорваться сквозь строгие заградительные кордоны, созданные вокруг Балтимора для

поимки беглых рабов, требовался смелый план.

Железная дорога из Балтимора в Филадельфию находилась под таким неусыпным контролем, что даже свободные негры практически почти не могли ею пользоваться. Они обязаны были иметь при себе соответствующее удостоверение, в которое были вписаны имя, возраст, цвет кожи, рост и телосложение пассажира; тщательно отмечались шрамы и другие особые приметы. Перед тем как впустить негров в вагон, их измеряли и придирчиво осматривали; ездить они могли только в дневное время. Такие же правила царили и на пароходах. Цветным морякам из Англии запрещалось выходить на берег в портах Южных штатов. Американский матрос африканского происхождения всегда должен был иметь при себе «паспорт моряка» с описанием примет предъявителя и подтверждением того факта, что он действительно свободен и служит во флоте США.

Однажды Фредерика познакомили с моряком, которого, по-видимому, хорошо знали в обществе. Старики, собравшись вокруг обоих молодых людей, внимательно их рассматривали. А затем дядя Бен коротко произнес: «Годится!»

После этой встречи Фредерик проводил все свое свободное от работы время в обществе матроса. Вместе они заходили в битком набитые трактиры, расположенные в стороне от Нижнего Бродвея, и, облокотись о стойку, подолгу болтали с просоленными насквозь моряками, у которых земля еще ходуном ходила под ногами.

В конце августа в воскресенье Фредерик, как обычно, явился к мистеру Олду со своими тремя долларами.

— Я увожу миссис Олд в деревню и в следующее воскресенье не буду здесь, — сказал хозяин. — Ее мучит эта страшная жара. Приходи в тот понедельник,

Фредерик понял, что наступило время действовать. Всю неделю он исправно являлся на свою поденную работу, стараясь заработать как можно больше денег. В воскресенье вечером он незаметно проскользнул в маленький садик, примыкавший к дому на Саут Кэролайн-стрит. Анна ждала его там.

— Береги себя! Ох, береги себя! — шептала она,

— Скоро напишу тебе с Севера! — уверенно пообещал Фредерик.

Филадельфийский поезд, пыхтя, подходил на следующее утро к станции Балтимор, когда на платформе появился слегка пошатывающийся молоденький матрос. Несколько пассажиров-негров стояли в стороне, сбившись в тесную кучку. Все они уже подверглись тщательному осмотру. Нетерпеливый морячок и не подумал к ним присоединиться. Широкие штаны шлепали его по

ногам, черный галстук, свободно повязанный вокруг шеи, сбился набок; озабоченно всматриваясь в глубь ведущей к вокзалу улицы, он сдвинул на затылок свою клеенчатую шапку. Кондуктор закричал: «По вагонам!», и в этот момент к вокзалу, дребезжа, подкатил ветхий наемный экипаж. Моряк подскочил к нему, распахнул дверцу и, прежде чем неповоротливый старик кучер успел опомниться, выхватил изнутри большой, видавший виды саквояж, сплошь обклеенный разноцветными ярлыками и туго перевязанный пеньковой веревкой.

— Черт бы тебя подрал! — на бегу бросил матрос кучеру. — Из-за тебя еще на корабль опоздаешь!

Поезд отходил; матрос вскочил на подножку последнего вагона. Кондуктор расхохотался.

Они проехали уже большую часть пути до Гавр-де-Грейс, когда кондуктор добрался, наконец, до последнего вагона, чтобы взять билеты у негров и проверить их бумаги. Проверка носила довольно поверхностный характер, так как он знал, что на станции это уже было проделано со всей основательностью. Кондуктор весело хмыкнул, увидав в глубине вагона чуть не сползающую с лавки фигуру матроса, успевшего уже погрузиться в крепчайший сон. Сразу видно, малый погулял ночку. Может быть, даже просрочил свой отпуск и теперь знает, что на корабле его ждут кандалы. Подумаешь, этих черномазых ничем не пронять! Виски да бабы — больше им ничего не нужно! Кондуктор шутливо потряс моряка за плечи. Тот раскрыл глаза и, моргая, уставился на белого.

— А ну, морячок, предъяви свой билет!

— Есть, сэр! — Матрос неуверенно пошарил в складках своей блузы и извлек довольно замусоленный кусочек картона. Парень был явно навеселе.

— А бумага, что ты свободен, у тебя тоже есть?

Моряк закатил глаза так, что одни лишь белки сверкали, и энергично затряс головой.

— Нет, сэр. Я эту бумагу в плаванье не беру, никогда не беру.

— Но ведь есть у тебя с собой что-нибудь, где сказано, что ты свободный, правда?

Физиономия матроса просияла.

— Да, сэр! Есть у меня такая бумажка, а на ней, значит, американский орел. Эта самая птичка и носит меня вокруг света! — Он вытащил откуда-то бумагу и осторожно развернул ее.

Кондуктор сразу же узнал матросский паспорт, бегло взглянул на изображение распростертого орла, кивнул и двинулся дальше по проходу.

Руки Фредерика дрожали, когда он снова складывал свою

бумагу. В ней были указаны приметы человека, значительно более темнокожего, чем он. Стоило лишь кондуктору всмотреться в него повнимательней, и Фредерик был бы задержан, мало того — арест и жестокое наказание ожидало моряка, передавшего ему свой паспорт.

Но опасность еще не миновала. После Мэриленда они должны были проехать через Делавэр — еще один рабовладельческий штат, где охотники за беглыми невольниками подстерегали свою добычу.

Вскоре поезд прибыл в Гавр-де-Грейс, где Фредерику надо было переехать на пароме через реку Сускеганну. Он пробирался сквозь толпу к борту, чтобы стать спиной к другим пассажирам, и вдруг наткнулся на Генри в буквальном смысле этого слова!

Генри увидал его первым. В тот же миг он что было силы толкнул Фредерика в сторону, и поэтому шедший рядом мистер Уильям Фрилэнд так и не увидел молодого матроса.

— Что с тобой, Генри? — удивленно спросил мистер Фрилэнд.

У парня был такой вид, словно ему дурно.

— Ничего, сэр! Ровно ничего! — быстро ответил Генри.

Последним опасным пунктом, которого он страшился более всего, был Уилмингтон. Там ему надо было сойти с поезда и сесть на пароход. Беглец провел мучительный час ожиданья, но никто не остановил его; и вот он уже плывет по широкой, красивой реке Делавэр на пути в город квакеров — в Филадельфию.

Фредерик ничего не ел с самого отъезда и, поднявшись на палубу, почувствовал необычайную слабость. Он глядел на реку и думал, что нет на свете ничего более прекрасного. Настороженность, однако, не оставляла его ни на мгновенье.

Пароход пришел в Филадельфию к концу дня. Небо уже окрасилось малиновым румянцем, когда юноша впервые ступил на свободную землю. Хотелось петь и кричать от радости; но Фредерик спешил — его предупреждали, что нельзя нигде задерживаться; только в Нью-Йорке сможет он по-настоящему отведать вкус свободы.

Первого встречного негра Фредерик спросил, как ему попасть в Нью-Йорк. Прохожий показал ему дорогу на железнодорожную станцию на Уиллоу-стрит. Юноша поспешил туда и без труда купил билет. До отхода поезда оставалось несколько часов; Фредерик провел их в здании вокзала. Ожидание казалось бесконечным, но вот, наконец, он благополучно вошел в вагон и поезд тронулся.

Было еще совсем темно, но пассажиры начали выходить из вагона.

— Вылезай, матрос! — сказал Фредерику кондуктор. И, видя, что тот не понимает, пояснил: — Надо сесть на паром, чтобы переехать в Манхэттен.

В предрассветном тумане вырисовывались очертания Нью-Йорка. Хриплые свистки, раздававшиеся на пристани, звучали в ушах Фредерика как песня; корабельные склянки выбивали марш свободы. Он сошел по сходням, опустил на землю свой саквояж и оглянулся. Запруженная судами река напоминала оживленную, деловую улицу. Босоногий негр, прислонившись к столбу, наблюдал за Фредериком.

— Что это за река, малец? — спросил Фредерик,

Тот уставился на него во все глаза.

— Не знаешь, что ли? Река Гудзон! А ты сам откуда, матрос?

Беглец с восточного побережья улыбнулся.

— Ох, издалека! Немало рек переплыл!

Рано утром 4 сентября 1838 года Фредерик вошел в Нью-Йорк, Он был свободен!

ЧАСТЬ II
МОЛНИЯ

«Разве людей не вздымает волна истории?
Искры летят от одного к другому.
Наваленный воздух плавится,
Поднимается ввысь со дна черного гетто,
Взмывает к самому небу,
Превращается в пламенное древо свободы,
Семена которого летят во все концы
охваченной битвой земли!»

Гарри Грэник

ГЛАВА 6
ЧТО ЭТО: ВЕЩЬ ИЛИ ЧЕЛОВЕК?

Фредерик предполагал обосноваться в Нью-Йорке. Он свободен, в кармане у него есть деньги, он обязательно найдет работу. Он ни о чем не загадывал — только бы добраться до этого огромного города, здесь живут аболиционисты, издающие газеты с призывами освободить рабов, здесь есть множество свободных негров. И здесь он может работать в полной безопасности…

Но в первый день Фредерику не удалось найти работу. В поисках места он неожиданно натолкнулся на новое препятствие — негры, к которым Фредерик пытался обращаться, явно уклонялись от разговора с ним. И вот, когда ему снова встретился на улице негр, Фредерик решительно подошел к нему и заговорил. Негр был в забрызганной краской одежде, нес в руках ведро и кисть — очевидно, он работал маляром.

— Добрый вечер, мистер! Не скажете ли вы мне, где тут можно найти жилье? Я только что приехал и…

Темнолицый, со впалыми щеками человек быстро и тревожно огляделся по сторонам.

— Дай пройти, я знать ничего не знаю, — пробормотал он и шагнул было вперед, но Фредерик загородил ему дорогу.

— Послушайте, мистер, я хочу только…

Человек ответил негромко, но весьма воинственно:

— Я тебя не знаю, матрос! И ничего тебе не скажу!

Фредерик глядел ему вслед, пока негр не скрылся за углом. Наступил вечер, и юноша вошел вслед за двумя матросами в какую-то таверну, окутанную клубами табачного дыма. Там он плотно поужинал; подавал ему смуглый, добродушного вида малый, отец которого, вероятно, выращивал маслины где-нибудь на горном склоне под Римом. Чесночный аромат, грубый хохот, запах моря, пропитавший одежду и тела матросов, — все смешалось в этой тускло освещенной, душной комнате. Несколько человек приветственно приподняли пенящиеся пивные кружки, когда Фредерик, забравшись в уголок, тяжело опустился на стул. Юноша помахал им рукой в ответ. Однако, боясь себя выдать, он решил не задерживаться в таверне.

Выйдя на улицу, Фредерик бесцельно побрел в сгущающуюся тьму. Ему почудилось, что на него подозрительно взглянул фонарщик, ставивший на углу свою лестницу. Фредерик свернул в переулок, где было потемней. Он устал. Тащить саквояж было тяжело.

Бородатый моряк, который шел по другой стороне, вынул изо рта короткую трубку и с интересом посмотрел вслед удаляющейся фигуре. «Странно, молоденький матрос-и такой тяжелый саквояж? Ишь, как хлопает по ногам!» — подумал моряк и, перейдя улицу, устремился за юношей.

— Привет, морячок, — негромко окликнул он.

Фредерик вздрогнул всем телом и обернулся. Он не мог разглядеть в потемках, белое или черное лицо скрывается за густой бородой незнакомца и поэтому ограничился словами:

— И вам привет.

Моряк пошел с ним рядом.

— Давно прибыл?

— Вчера. Из Вест-Индии. — Ответ прозвучал совершенно непринужденно.

«И все же, — подумал моряк, — здесь что-то не так!» Он искоса взглянул на молодого матроса и спросил:

— С какого ты судна?

К этому вопросу Фредерик был хорошо подготовлен.

— С «Сокола».

Несколько шагов они прошли в молчании. Незнакомец попыхивал своей трубочкой. Фредерик ждал, что будет дальше.

— А может, ты держишь курс… на Полярную звезду?

У Фредерика громко застучало сердце. Фраза эта могла иметь только один смысл. Кто же этот человек: друг или враг? Можно ли довериться ему?

— Говорят, Полярная звезда выводит на верный путь, — осторожно ответил он.

Незнакомец взял его за руку.

— Тебя она вывела правильно. Пошли!

В маленьком домике на Сентр-стрит Фредерика приветливо встретила мать моряка Тома Стюарта — невысокая женщина с живыми глазами. Но не успел юноша коротко поведать им свою историю, как сон одолел его — он уснул впервые за двое суток.

Тогда Том Стюарт быстро направился на угол Черч-стрит и постучался в дверь дома Дэвида Раглса, секретаря Нью-Йоркского комитета бдительности.

— Вы правы, — сказал секретарь, выслушав сообщение моряка. — Здесь он не в безопасности.

— Нью-Йорк полон южан. Сейчас они как раз возвращаются с курортов, — добавил Стюарт. — Если он станет искать работу в доках, его тут же схватят.

Раглс усмехнулся: эта широкая усмешка на миг закрыла шрам, пересекавший его черное лицо.

— Сегодня его спасла божья воля. Теперь дело за нами — надо увезти его отсюда.

Он прикрыл рукой свои незрячие глаза и замолк, размышляя.

Дэвид Раглс родился свободным. Он получил образование, был находчив и отважен. Но однажды отвага завела его слишком далеко. В штате Огайо разъяренный рабовладелец хлестнул его плетью по лицу. Удар пришелся по глазам, и Раглс ослеп на всю жизнь. Зато невольник, которому он помог бежать, вырвался на свободу. И Дэвид Раглс сказал: «Мои глаза — в обмен на жизнь человека? Мы в выигрыше!»

Моряк нерешительно откашлялся.

— У него есть девушка, свободная. Они должны встретиться здесь.

Секретарь нахмурился.

— Боже праведный! По-моему, нам хватает дела и без устройства любовных свиданий!

Но Том Стюарт улыбался в темноте, возвращаясь домой. Ведь он хорошо знал сердце этого негра, знал, что завтра утром, приветствуя в своем доме молодого беглеца, Раглс не выскажет ни малейшего неудовольствия.

Агент «тайной дороги»! Фредерик готов был целовать руки слепца, так твердо сжавшие его ладони. «Тайная дорога» — эти слова передавались шепотом по всему восточному побережью. Теперь ему довелось услышать, что их произносят громко и свободно.

Все большее и большее число рабов исчезала с плантаций, несмотря на строжайшие кордоны, окружавшие рабовладельческие штаты, несмотря на страшную кару, которая

постигала пойманных беглецов; эти массовые исчезновения порождали самые фантастические слухи. Заболоченные реки и озера Луизианы, лесные заросли Алабамы и Миссисипи, трясины Флориды и горные ущелья атлантических штатов, казалось, бесследно поглощали беглых рабов. Говорили, что во Флориде есть целая колония негритянских поселенцев, что они спокойно живут где-то в глухой лесной чаще, окруженные заболоченными реками, через которые не может перебраться ни один белый. Другая группа беженцев, по рассказам, сеяла хлеб на широких равнинах, лежащих у границ штата Джорджия, а еще две тысячи человек скрывалось где-то среди мрачных трясин Виргинии; некоторые из них выходили из леса за покупками.

Ни для кого не было секретом, что негры с удивительной регулярностью переходили границу — беглые рабы с рисовых полей Джорджии и Южной Каролины, с табачных плантаций Виргинии и Мэриленда, с хлопковых полей Алабамы.

— Тысяча рабов в год исчезает бесследно! — бушевал в конгрессе Джон Калхун. — Можно подумать, что их уносит какой-то подземный поезд!

Эта идея овладевала умами. Молодая Америка расширяла свои территории — железные дороги вели в новые края. Для людей, еще не отвыкших от почтовой кареты, железная дорога была символом предприимчивости, поездка по ней — целым приключением. «Тайная дорога» к свободе! Мужчины браво сдвигали набекрень шляпы, сбривали усы и укрепляли на поясе кобуру; мелкие лавочники навешивали на двери тяжелые замки и потихоньку уходили на собрания; высокие, мускулистые молодые люди — среди них были и сыновья плантаторов, — осушив стакан виски со льдом и мятой, вскакивали в седло и куда-то мчались; набожный квакер, вложив закладку в библию, принимался копать поглубже погреб под своим домом, разгораживать комнаты фальшивыми стенками и запасаться широкими плотными плащами и длинными черными вуалями.

Что же удивительного, если негры пели в своих хижинах: «Вот поезд идет, вот уж поезд за углом!» и «По вагонам, ребята, по вагонам скорей!..»

«Поездом» мог быть плот, прочно связанный и застланный водорослями. «Поездом» могла быть тележка бродячего торговца, или открытая повозка с сеном, или вместительный рыдван, которым правил спокойный мужчина в широкополой квакерской шляпе, негромко беседовавший с сидящими возле него дамами в серых платьях и квакерских чепцах, с лицами, закрытыми вуалью. «Поездом» могла быть просто-напросто потаенная лесная тропа. Но голоса рабов звучали радостным торжеством.

Поезд несется,
Вот он несется мимо,
Аллилуйя!

«Кондуктора» составляли маршруты движения этих «поездов». А Дэвид Раглс в своем доме в Нью-Йорке на Черч-стрит принимал их и переправлял дальше. Он занимался сбором и раздачей денег, получал донесения и уточнял маршруты. У Дэвида Раглса дел было по горло.

Он молча выслушал рассказ Фредерика. Юноша был озабочен. Куда же ему ехать, если нельзя оставаться в Нью-Йорке?

— Мы живем в большой стране, — успокоил его мистер Раглс. — Рабочий человек сумеет найти себе место. Поглядим, что тут можно сделать… А вы написали уже молодой девице? — без обиняков спросил он.

Фредерик почувствовал, что лицо его пылает. Как необычно, что вокруг него люди, с которыми можно поделиться своей драгоценной тайной!

— Д-да, сэр, — заикаясь, ответил он. — Я отправил письмо сегодня утром. По дороге сюда.

Он бросил взгляд на Тома Стюарта, устремившего на него смеющиеся глаза.

— Встал до света, чтобы написать письмо, — подтрунивая, сказал моряк.

— Если она свободная женщина, — улыбнулся мистер Раглс, — то, очевидно, сможет немедленно приехать сюда.

— Да… Да, сэр.

— Отлично. В таком случае, до ее приезда вам надо скрываться.

— В моем доме он в полной безопасности, — быстро ответил Том Стюарт, и секретарь кивнул.

— Хорошо. А теперь сделаем запись.

При этих словах худенький мальчик лет девяти или десяти, который тихонько сидел у стола, открыл большую конторскую книгу и взял гусиное перо. Все это он проделал молча, но блестящие смышленые глаза его обратились к Фредерику. Мистер Раглс опустил ладонь на плечо мальчика.

— Мой сын — это мои глаза, — сказал он.

Фредерик с изумлением разглядывал парнишку.

Он действительно собирается писать!

— Тебя зовут Фредерик? — спросил отец.

Фредерик вздрогнул.

— Иногда я слышал и другое имя — Бэйли… Я… я, право, не

знаю. Все меня называли Фредерик.

— О фамилии мы пока беспокоиться не станем. Сейчас безопаснее будет отказаться от всего, что дает какую-то возможность опознать тебя. Запиши: Фредерик Джонсон, сынок! — Мальчик писал совершенно свободно. — Джонсонов так много. Но вообще-то, раз ты стал свободным человеком, надо будет потом подобрать себе настоящую фамилию — фамилию, которую ты передашь своим детям.

— О да, сэр!

Дни проходили быстро. Приехала Анна, приветливо встреченная матерью Тома Стюарта и тут же упрятанная куда-то до того самого момента, когда она встала перед священником рядом с Фредериком. Анна, с огромными, сияющими радостью глазами, в прелестном шелковом платье цвета спелых слив. Их венчал священник Пеннингтон, отец которого, освобожденный от рабства Джорджем Вашингтоном, верно служил ему в Валлей-Фордже. Священник отказался от вознаграждения, предложенного ему счастливым новобрачным.

— Это мой свадебный подарок вам, молодой человек. И да поможет вам бог!

Молодых посадили на пароход «Джон У. Ричмонд», который курсировал между Нью-Йорком и Ньюпортом в штате Род-Айленд.

— Езжайте в Нью-Бедфорд, — сказал им Дэвид Раглс. — Там живет много квакеров, а в доках постоянно снаряжают корабли для китобойных экспедиций. Хороший конопатчик всегда найдет там работу. Желаю счастья, мой мальчик!

Цветным пассажирам не разрешалось занимать каюты, и новобрачным пришлось провести свою первую ночь на палубе. Но что за важность: холод ли, жара ли, проливной ли дождь — они стоят, облокотившись на перила, посреди клейких бочонков, потом отдыхают прямо на полу. Им все равно, они свободны, молоды, они отправились в путь, чтобы создать свою семью, начать новую жизнь!

О, как ярко сверкали в ту ночь звезды! Анна заметила, что Фредерик, подняв вверх лицо, что-то шепчет. Она прильнула к нему, и он еще крепче обнял ее плечи и прошептал:

— Этого я никогда не забуду.

Две эти ночи на открытой палубе словно сомкнулись вокруг Фредерика и Анны, отгородив их от всего мира. Вновь обретенное счастье растопило боль и холод, что накопились в их сердцах за все годы одиночества. А потом в сером тумане вдруг проступили суровые очертания берега — нового мира.

Когда судно приблизилось к Нью-Бедфорду, тесная гавань, облупленные, замызганные, видавшие виды суда и грязные

склады на берегу показались молодым людям золотыми воротами, которые, по воле небес, распахнулись только для них. Фредерику хотелось кричать от радости.

— Смотри! Смотри! — показал он на внушительного вида здание, что стояло на вершине холма, возвышаясь над городом. — Вот такой дом будет у нас с тобой. Большой, красивый! Я его построю собственными руками. Я свободен, Анна, я смогу выстроить дом не хуже этого!

Глаза Анны радостно смеялись.

Так прибыли они на скалистые берега Новой Англии, куда свободные люди проникли еще задолго до них. Лейф, сын Эрика Красного, некогда выходил на этот берег со своими норвежцами. В 1497–1498 годах здесь побывал знаменитый мореплаватель Джон Кэбот, который заявил о притязаниях Англии на всю эту местность. Кэбот под британским флагом, Веррацано под королевской лилией Франции и Гомес под стягом Испании — все они высаживались здесь еще до отцов-пилигримов — первых английских колонистов.

В Нью-Бедфорд давно уже проник крепнущий ветер возмущения — граждане Род-Айленда, люди, подобные Роджеру Уильямсу и Анне Ханчинсон, не давали ему утихнуть. Снова и снова налетал этот свежий ветер на города и поселки Массачусетса. В течение почти всего XVIII столетия порывы его, сильные и настойчивые, приносили жителям. Массачусетса завоевания в области политической свободы, просвещения, религиозной терпимости. Обедневшие фермеры шли за Даниэлем Шейсом, а один из первых губернаторов штата, Джеймс Салливан, произнес взволнованные слова: «Там, где большая часть народа невежественна, бедна и несчастлива, не может быть общественного мнения, а есть лишь мнения, порожденные страхом». Этот ветер возмущения совсем было утих в период подъема федерализма, но сейчас он снова овевал лица фабричных работниц Лоуэлла и механиков Бостона. От дуновенья его беспокойно шевелились груды мертвых сухих листьев в Кембридже и Конкорде. Крепнущий ветер разносил семена аболиционизма.

В Бостоне жил Уильям Ллойд Гаррисон, которого нельзя было заставить замолчать ни тюрьмой, ни поджогами, ни угрозами, ни элегантной риторикой Уильяма Эллери Чаннинга. Гаррисон высоко поднял над страной свою газету «Либерейтор», еще больше раздувая ветер возмущения. Он твердо стоял на своих позициях, и могучему порыву бури, вызванному этим человеком, суждено было потрясти до основания всю американскую нацию.

«Не требуйте от меня умеренности в таком вопросе, как этот.

Цели мои серьезны. Я не стану увиливать. Я не буду прощать. Я не отступлю ни на шаг, и я добьюсь того, что меня услышат!»

Некоторые рабовладельческие штаты объявили денежную награду за голову Уильяма Ллойда Гаррисона. И тем не менее в феврале 1837 года в зале палаты представителей в Бостоне собрался съезд Массачусетского общества борьбы с рабством. Зал был набит до отказа, пять, тысяч человек были вынуждены разойтись из-за отсутствия мест. Нэйтан Джонсон был одним из делегатов от Нью-Бедфорда.

Нэйтан Джонсон гордился своими земляками — гражданами Массачусетса. Родители его жили среди голландцев-фермеров, молочные хозяйства которых удобно расположились на сочных лугах, примыкавших к Шеффилду. У них был крохотный участок земли. Нэйтан ходил в школу, потом обучился ремеслу и, как множество молодых массачусетцев — детей фермеров, побывал в морском плаванье. Некоторое время он провел в Шотландии, где негры были в диковинку. Горы и каменистые долины этой страны притягивали к себе Нэйтана. Потом он понял, что тоскует по дому, возвратился в Массачусетс, женился и занялся своим ремеслом — он был плотником, — устроившись поближе к морю, чтобы всегда видеть и слышать его, дышать его соленой влагой. Нэйтан Джонсон имел представление о том, что такое рабство, но он верил, что штат Массачусетс постепенно перевоспитает нацию и отучит ее от дурных обычаев.

Дэвид Раглс написал Нэйтану Джонсону о Фредерике. Вскоре пришел ответ: «Пусть едет к нам». И сейчас Джонсон спешил в гавань, чтобы встретить «этих бедняжек».

Однако молодой человек, сошедший с парохода и так крепко пожавший руку Нэйтана Джонсона, отнюдь не вызывал жалости. На взгляд янки он совсем не походил ни на беглеца, ни на раба. Матушка Джонсон решительно пресекла все расспросы. Она хлопотливо сновала по комнате, готовя приезжим горячий, вкусный ужин.

— Небось ног под собой не чуете от усталости, — говорила она. — Вот умойтесь с дороги и располагайтесь как дома.

Она принесла гостям свежей воды, подала полотенца из толстого белого холста, а маленькие дочки Джонсонов, Лития и Джейн, смотрели на них во все глаза.

Все вокруг словно плавало в блаженном тумане. Этот дом, этот уставленный снедью стол, эта комната — все казалось совершенно неправдоподобным. У Фредерика руки зудели — так хотелось ему снять с полки книжки, полистать раскиданные везде газеты. С трудом он перевел взгляд на оживленное лицо хозяина, который с увлечением говорил:

— Ни в законах, ни в конституции Массачусетса нет ни единого слова насчет того, чтобы негра нельзя было выбрать губернатором штата, ежели он покажется людям подходящим!

Лития серьезно кивнула головкой и улыбнулась Фредерику. Мамаша Джонсон деликатно вздохнула. Нэйтан оседлал своего любимого конька — опять он расхваливает Массачусетс! Ничего, для славной молодой парочки это безопасная тема. По крайней мере они смогут поужинать спокойно, не заботясь о поддержании беседы. И она поставила перед Анной тарелку аппетитно пахнущего супа из моллюсков.

— Ни один рабовладелец не посмеет увезти из Нью-Бедфорда своего беглого невольника! — Джонсон стукнул кулаком по столу так, что задребезжали стаканы.

Фредерик усмехнулся.

— Я рад это слышать после всего, что мне рассказали о Нью-Йорке.

Янки презрительно хмыкнул.

— Нью-Йорк не Массачусетс, молодой человек! Там народ пестрый. Доверять никому нельзя!

— Да ведь и у нас в Нью-Бедфорде есть скверные люди, — мягко заметила его жена.

— Ну что же, ведь мы-то знаем, как их приструнить!

В Новой Англии стояло бабье лето. Темнело поздно, воздух был совсем теплый. После ужина они сидели во дворе, и хозяин, покуривая трубку, завел неторопливую беседу. Постепенно разговорился и Фредерик. Слушая его рассказ, Джонсон вынул трубку изо рта и нагнулся вперед; губы его угрюмо сжались.

— Не могу я уразуметь, как это на свете творятся такие дела! — сказал он, сокрушенно качая головой.

Войдя в дом, Фредерик повернулся к хозяину и горячо пожал ему руку.

— Как мне благодарить вас? — спросил он.

Джонсон усмехнулся в ответ.

— Не нужно пышных слов, сынок. Вы оба пришлись нам по душе — и мне и моей хозяйке. А теперь ступай!

И он отправил его к Анне.

Разбудил их перезвон колоколов. Потом они услышали, как дети собираются в церковь. Анна виновато вскочила. Может быть, они задерживают миссис Джонсон?

Но в доме царила уютная воскресная тишина; она разливалась по всей улице — по всему Нью-Бедфорду. День прошел в неторопливом обсуждении планов устройства молодых людей. Вот теперь-то Фредерику действительно надо выбрать себе фамилию.

— Некоторые принимают фамилию прежнего своего хозяина.

— Не собираюсь, — энергично произнес Фредерик.

— Верно, — согласился Нэйтан. — Нечего детям привязывать камень на шею. Пусть у них будет хорошее имя! — Он улыбнулся Фредерику и Анне. — Когда я гляжу на вас, то вспоминаю одного парня, о котором читал в книжке, его фамилия была Дуглас.

— Ты что же, отец, хочешь назвать его по книжке? — расхохоталась жена.

— А почему же нет? Он уже немало получил от книг. А этот самый шотландец, Дуглас, был отличным человеком. В книге сказано, что у него была «верная рука».

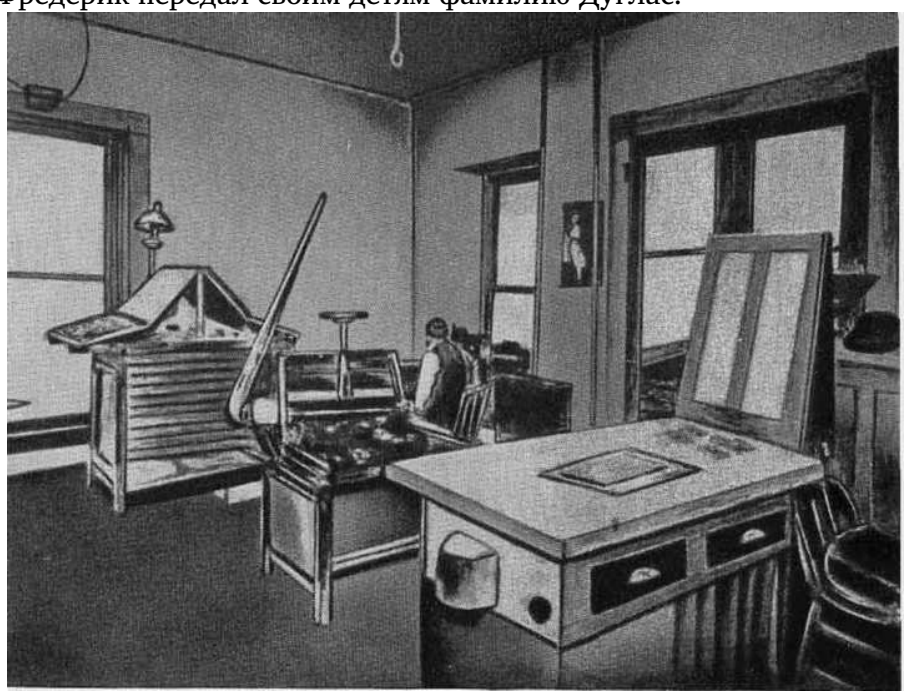
Нэйтан пустился было в красочное описание Шотландии, но вскоре снова вернулся к вопросу о фамилии.

— Да, это бы хорошо — Дуглас.

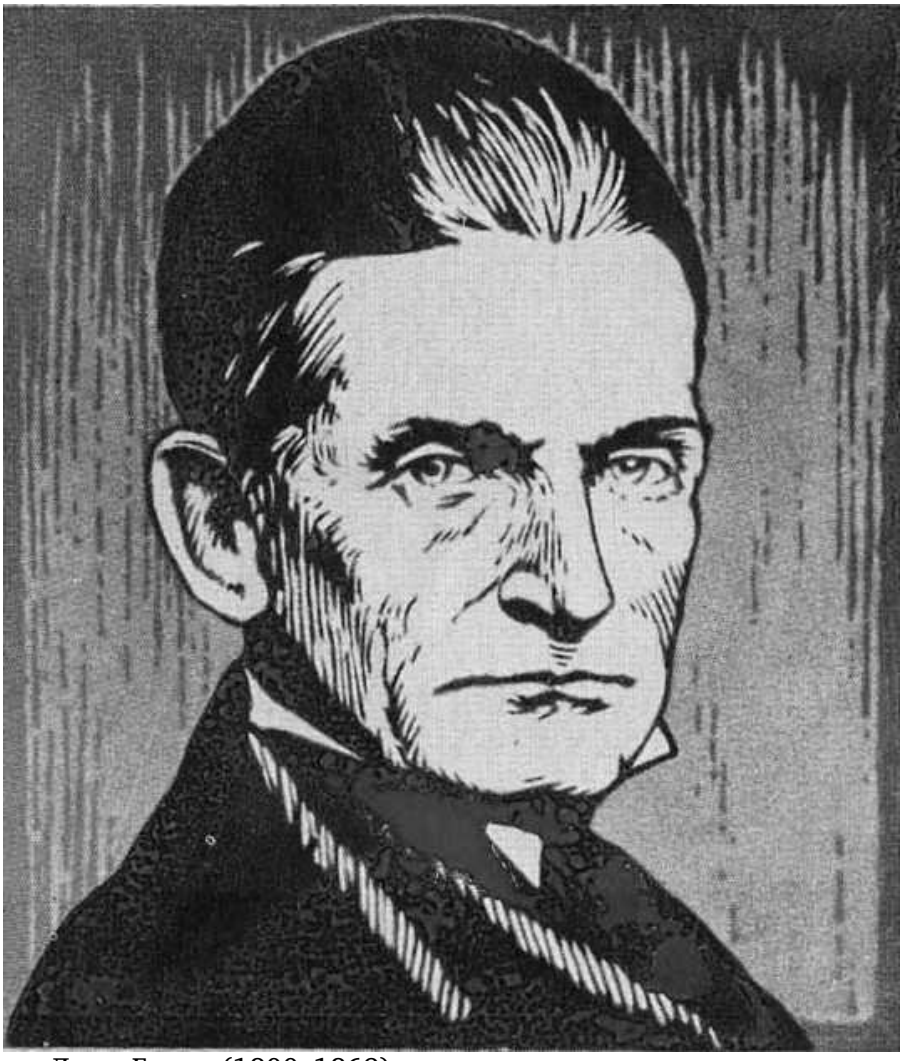
— Фредерик Дуглас — хорошо звучит, как-то сильно, — тихо молвила Анна.

— Тебе нравится, Анна? — Фредерик пристально посмотрел на нее.

Анна улыбнулась и кивнула головой. Так произошло, что Фредерик передал своим детям фамилию Дуглас.

Типография «Полярной звезды» в Рочестере.

Джон Браун (1800–1869).

На следующий день он отправился па пристань и в первый раз увидал, как грузят и разгружают суда в Новой Англии.

«При виде широкополых шляп и простых квакерских одежд, которые встречались мне на каждом шагу, — вспоминал он позже, — я все больше укреплялся в своей уверенности, что нахожусь на свободе и в безопасности. «Я среди квакеров, — думалось мне, — и ничто мне не угрожает». Отлично оснащенные суда самых лучших образцов, готовые выйти на китобойный промысел, стояли у причалов или покачивались на волнах. Справа и слева от меня тянулись большие здания складов с облицованными гранитом фасадами. На этих пристанях я видел усердие без суеты, работу без спешки и гомона и тяжелый труд

без применения плетей. Здесь не слышалось громкого пения, как в южных портах во время погрузки и разгрузки судов, грубых окриков и ругани, но все двигалось легко и равномерно, словно части хорошо налаженной машины. Как не похоже все это было на повседневный труд докеров и судостроителей в Балтиморе и Сент-Микэлсе — труд шумный, зверски тяжелый и страшно неумелый. Одним из первых примеров, наглядно показавших мне превосходство северян над южанами в приемах работы, оказался способ выгрузки масла. В южном порту понадобилось бы двадцать-тридцать человек вместо пяти-шести, которые занимались этим делом здесь, с помощью одного-единственного быка, привязанного к концу фала. Голая сила, не подкрепленная мастерством и сноровкой, — вот метод рабского труда. Старый бык ценой в восемьдесят долларов выполнял в Ныо-Бедфорде работу, которая потребовала бы в южном порту усилий многих рабов, обошедшихся хозяевам в пятнадцать тысяч долларов. Если в Балтиморе служанка тратила не меньше десятой части рабочего времени на хождение по улице с ведрами воды, то здесь насос был во дворе, под рукой. Дровяные сараи, домашние водокачки, раковины для мытья посуды, трубы для стока грязной воды, самозапирающиеся ворота, механические приспособления для стирки белья — все это были новые для меня вещи, говорившие, что я нахожусь среди изобретательных и разумных людей. Плотники не делали здесь ни одного лишнего движения, а конопатчики никогда не махали впустую своими деревянными молотками».

Дуглас мало вспоминает о тяготах своей первой зимы на Севере, лишь мимоходом заметив, что ему не разрешали работать по специальности — конопатчиком. Даже здесь труд белого вытеснял труд чернокожего. Жалованье чернорабочего-поденщика было вдвое меньше, чем у конопатчика. Однако Фредерика ничто не могло остановить. Ведь он свободен! И он пилил дрова, рыл погреба, перебрасывал уголь, выкатывал с пристани бочонки с маслом, грузил и разгружал суда. Но запомнился ему главным образом холод.

Этот холод застиг их врасплох — немая, туманная, серая стужа, которая, словно тисками, охватила землю. Крохотный домик на окраине, казавшийся им раньше осуществлением самых заветных желаний, продувало насквозь. В нем не было никаких удобств, облегчавших жизнь северян, и каждое путешествие по сугробам к дальнему колодцу с обледенелыми ведрами стоило мучительных усилий, от которых дыханье спирало в груди.

Каждое утро Анна при свече готовила мужу завтрак, и Фредерик отправлялся на работу. Нелегко было находить

случайные заработки, и все они были недолгими. В эту зиму закрылось немало бумагопрядилен в Новой Англии и многие суда праздно стояли на причале вдоль всего мыса Код. Новый президент в Белом доме оказался слабым и бездеятельным человеком. Банки терпели крах, разваливались коммерческие и промышленные фирмы. Именно в этом году отец Сюзен Антони потерял все — фабрику, магазин и дом. Восемнадцатилетняя Сюзен — девушка из семьи квакеров, в глазах которой отражались зеленые холмы Беркшайра, поступила учительницей в школу.

В самые тяжелые зимние месяцы заработок Фредерика не достигал и десяти долларов в месяц. Оба они с Анной часто недоедали. Но никогда не падали духом — все-таки они жили в новом мире. Фредерик не упускал возможности посещать собрания нью-бедфордских негров. Эти собрания проходили гораздо интереснее, чем сборища членов Восточнобалтиморского общества умственного усовершенствования, и Фредерик опять сидел молча, внимая и учась. Его постоянно приводил в изумление характер предлагаемых резолюций и дискуссии, которые они вызывали. А все ораторы, казалось ему, обладали совершенно необычайными талантами.

В эти первые месяцы жизни в Нью-Бедфорде произошли два события, оказавшие решительное влияние на его жизнь.

«Одной из первых моих забот после прибытия в Нью-Бедфорд, — писал он несколько лет спустя, — было войти в лоно церкви, ибо я никогда, в сущности, не порывал с религией. Я несколько поостыл и не проявлял большого рвения, это правда, но по-прежнему не сомневался в том, что долг мой — стать членом церковной общины… И поэтому я решил присоединиться к методистской церкви в Нью-Бедфорде и воспользоваться духовными радостями богослужений. Священником методистской церкви на Элм-стрит был тогда его преподобие мистер Бонни. Хотя из-за цвета моей кожи я не мог. занимать место в главном помещении церковного здания, этот запрет я рассматривал просто как уступку необращенным прихожанам, которые еще не познали Христа и не примкнули к его братству; я добровольно принимал этот запрет, дабы не отвращать грешников от спасительной силы священного писания. «Когда они будут обращены, — размышлял я, — то, разумеется, станут видеть во мне человека и своего брата. Конечно же, — думал я, — у этих христиан не может быть никакого предубеждения против цветных…»

«Вскоре мне представилась возможность досконально убедиться в том, как относится к этому вопросу церковь на Элм-

стрит… Поводом послужила церемония причастия… По окончаний проповеди священник отпустил прихожан по домам, а члены церковной общины остались, чтобы причаститься хлеба и вина господня. Я тоже остался, так как желал поглядеть на это празднество, проникнутое, как мне казалось, духом великого Учителя.

В то время всего лишь с полдюжины негров состояли членами общины церкви на Элм-стрит… Они спустились с галереи и заняли места возле самой дальней от алтаря стены. Брат Бонни был очень оживлен, он с большим чувством исполнил гимн «Спасение — радостный клич», а затем начал раздавать причастие. Я очень беспокоился о том, как будут держать себя негритянские прихожане, и результаты оказались самые унизительные. В течение всей церемонии негры выглядели поистине овечками без пастуха. Белые прихожане заполнили передние места возле алтаря; когда же стало ясно, что все белые уже причастились вина и хлеба, брат Бонни — благочестивый брат Бонни, — сделав долгую паузу, словно еще раз желая убедиться, все ли белые причастились, и удостоверившись, наконец, что эта важная цель достигнута, перевел взор на дальний угол, где жалась его чернокожая паства, поманил ее рукой и напыщенно провозгласил: «Подите сюда, темнокожие друзья, подите сюда! Ведь и вам надо отведать крови Христовой. Перед господом все равны. Идите сюда, не стесняйтесь, отведайте святого причастия». И негры — бедные, рабские души — приняли это приглашение и вышли к алтарю. А я вышел вон и с той поры ни разу не был в этой церкви, хотя самым искренним образом собирался присоединиться к числу ее прихожан».

Второе событие оказалось более радостным. Однажды, вскоре после того, как Фредерик и Анна перебрались в свой домик, в дверь их постучался незнакомый молодой человек. Фредерик только что вернулся домой; он провел особенно тяжелый день и почти ничего не заработал. Анна отвернулась от плиты, на которой готовила ужин, и внимательно прислушалась к разговору. Она собралась что-то сказать, но тут раздался усталый голос Фредерика: «Подписаться на «Либерейтор»?»

— Да! — энергично воскликнул незнакомец. — Вы ведь знаете, это аболиционистская газета Уильяма Ллойда Гаррисона. Уж мы-то должны поддерживать ее!

Анна шагнула было к двери, но увидела, что Фредерик с сожалением покачивает головой.

— Нам бы очень хотелось… но сейчас… я просто не могу.

Анна подошла поближе, ее горячая, чуть влажная ладонь скользнула в ладонь Фредерика. Молодой посетитель понял, в

чем дело.

— Но вам хотелось бы читать газету? — спросил он, откашлявшись.

— Да! — выдохнула Анна.

— Ну что же, заплатите мне потом!

— Ох, Фредди, как чудесно! — сказала Анна, но ее сияющие глаза были устремлены на молодого человека. Тот улыбнулся в ответ и исчез за углом. «Женщина с головой!» — подумал он одобрительно.

Анна весело напевала, хлопоча у плиты.

— В Балтиморе мы едва осмеливались получать «Либерейтор» по почте. Подумать только, что теперь мы можем сидеть и читать его на собственном своем дворе!

«Либерейтор» приходил раз в неделю, и Анна ждала его с нетерпением. Вынув газету из почтового ящика, она победно размахивала ею в воздухе. Гаррисон был настоящим героем. Власти изгнали этого уроженца Новой Англии из Балтимора. Но искры, которые он разбросал вокруг, вызвали к жизни Восточнобалтиморское общество умственного усовершенствования. Каждый прочитанный ею и мужем номер газеты Анна отсылала в Балтимор.

— Э-ман-си-па-ция, — Фредерик споткнулся на длинном слове. — Что это такое, Анна?

— Свобода, Фредерик… или, лучше сказать, освобождение людей. Вот. послушай.

Две темные головы склонились над газетным листом, освещенным масляной лампой.

«В конституции Соединенных Штатов не говорится ничего о белых или чернокожих людях; не делается никакого различия по признаку цвета кожи или по общественному положению жителей».

Фредерик проникся любовью и к газете и ее издателю. Теперь он был в состоянии по-настоящему беседовать с Нэйтаном Джонсоном. Нэйтан нашел в нем способного ученика, а матушка Джонсон приняла под свое крыло Анну.

Дни становились прохладней, и люди вокруг стали поговаривать о празднике благодарения.

— Что это? — наморщив лоб, спросила Анна.

Тогда матушка Джонсон рассказала ей об отцах-пилигримах — об их первой тяжелой зиме, о том, как теперь каждый год после сбора урожая жители Новой Англии в память о них устраивают праздник и приносят благодарение за все плоды, которые дает земля.

— Какая чудесная мысль! — задумчиво произнесла Анна. —

День благодарения!

«Наши бедняжки молодые в жизни своей не пробовали индейки!»

Матушка Джонсон принесла Нэйтану эту трагическую весть и было решено преподнести им индейку.

— Я научу Анну, как ее жарить. — Матушка Джонсон очень привязалась к молодой женщине.

Чета Джонсонов доставила в маленький домик только что убитую птицу еще во всем ее великолепном оперении.

— Надо воды, побольше горячей воды!

Нэйтан засучил рукава и под внимательным взором молодых, следивших за ним с детским увлечением, быстро ощипал индейку и вручил Анне.

— Теперь мы всю зиму будем с мясом! — расхохотался Фредерик, глядя на сияющее лицо жены.

Этой осенью маленький домик был наполнен счастьем. Анна и Фредерик ждали ребенка — ребенка, рожденного на свободной земле,

— Он будет свободным! — в устах Фредерика слова эти звучали, как торжественный гимн.

И Анна улыбалась,

В апреле в Нью-Бедфорд приехал Уильям Ллойд Гаррисон.

— Ты должен пойти один, Фредерик, — сказала Анна. — Я ведь не могу. Погляди, на что я стала похожа!

— Без тебя не пойду. — Молодой супруг решительно затряс головой, но Анна лишь рассмеялась и заторопилась с ужином.

Фредерик вошел в зал, где происходило собрание, одним из первых.

В этот вечер он видел перед собой только одно лицо — лицо, которое он назвал «божественным», слышал только один голос — голос, который «никогда не звучал резко или крикливо, был невозмутим и тих, как летнее небо, и так же чист и ясен».

Гаррисон был в то время молодым еще человеком с необычайно приятным, серьезным лицом.

«С самого начала борьбы против рабства, которую мы ведем с помощью морального убеждения, девизом, начертанным на нашем знамени было: «Наша родина — мир, наши соотечественники — все человечество», — говорил он. — Мы надеемся, что эти слова будут единственной нашей эпитафией. — Мы избрали еще один девиз — «Всеобщая эмансипация». До сих пор мы относили его лишь к тем, кого южные плантаторы считают живым товаром, имуществом, бессловесным скотом. Отныне мы намерены применять этот девиз в самом широком смысле: мы говорим теперь об освобождении всего рода

человеческого от владычества тиранов, от эгоизма, от власти грубой силы, от господства греха, затем, чтобы отдать его во владычество бога, во власть духа, в подчинение закону любви и в свободное послушание Христу, который остается неизменным ныне и присно и во веки веков».

Сердце Фредерика билось часто. Он тяжело дышал. Слова Гаррисона едва доносились до него, ибо их заглушал ликующий внутренний голос. «Этот человек— пророк Моисей! Вот он, Моисей, что выведет мой народ из рабства». Юноше хотелось броситься к ногам этого человека, хотелось помогать ему во всем.

Потом вокруг него запели — песню подхватил весь зал, а Фредерик тихонько выскользнул на улицу. Всю дорогу домой он бежал. Идти обычным шагом казалось невозможным.

Наступило лето. Когда появился на свет сын Фредерика, на верфях была горячая пора. Фредерик лишь смеялся над трудностями. Он «им» еще покажет! «Они» — теперь это был весь мир: белые конопатчики, которые отказывались работать вместе с ним, все люди, которые не желали дать место в жизни его маленькому сыну, за то, что кожа у него розовато-коричневого цвета! Молодой отец поступил на медеплавильный завод, где всю следующую зиму он работал по семь дней в неделю да еще две ночи. Казалось бы, что тяжкий труд днем и ночью возле открытой печи, из которой расплавленный металл бежал ручьями, словно вода, не должен был бы настраивать на размышления. И все же, раздувая пламя в горне, Фредерик грезил о будущем; в пляшущих языках огня перед ним возникали яркие видения. Надо быть наготове! Надо больше знать, учиться. И Фредерик прибивал газету к столбу, врытому рядом с воздуходувкой, и читал, толкая вверх и вниз тяжелую рукоять.

Летом 1841 года Массачусетское общество борьбы с рабством созвало в Нантукете генеральный съезд. Фредерик решил на день отпроситься с работы и побывать на одном из заседаний.

Легкий ветерок свободы разрастался в ураган. Теологи, конгрессмены, губернаторы, купцы и промышленники обрушивали на Общество борьбы с рабством, на «Либерейтор» и его редактора Гаррисона оскорбления, брань, угрозы и пытались разделаться с ними при помощи закона. В Лондоне Гаррисон отказался присутствовать на заседаниях Всемирного конгресса Обществ борьбы с рабством, потому что в зал не были допущены женщины-делегатки. И теперь этого человека, который был зачинателем антирабовладельческого движения в Америке, осыпали проклятиями многие из прежних его последователей.

Но Фредерик знал лишь одно: Уильям Ллойд Гаррисон будет в Нантукете.

Судно обогнуло маяк Брэнт-Пойнт, и внезапно из моря вырос перед глазами Фредерика город. Мощеные улочки Нантукета пестрели летними платьями женщин, легкий ветер долетал сюда с маленького залива, где стояли на якорях старые китобойные суда; стройные мачты длинных шлюпов поднимались к небу, рыбачьи лодки покачивались на грязной воде; на молу теснились облезлые здания складов.

Фредерик без труда нашел дорогу к большому залу заседаний, так как съезд аболиционистов был сейчас в городе самым важным событием. Весь город жил им, на улицах стояли, возбужденно переговариваясь, небольшие группы мужчин; квакеры, не покидая своих крытых экипажей, сняв шляпы, негромко беседовали друг с другом; а женщины, стараясь не бросаться в глаза, укрывались под сенью деревьев; но и женщины не молчали.

Утреннее заседание было очень бурным. В рядах участников антирабовладельческого движения произошел серьезный раскол. Во время своего отсутствия Гаррисон подвергся нападению группы священников за ряд высказываний и поступков, которые они именовали «еретическими». Непосредственной причиной нападок явилось сейчас несоблюдение им «воскресного дня». Гаррисон, по-видимому, не понимал, почему следует «отдыхать» от борьбы против рабства в какой-либо день недели. Он утверждал, что все дни недели должны быть священными. Гаррисон не знал снисходительности, не проявлял христианского терпения, заявляли его противники. Он «публично ворошил грязное белье» Америки в Европе. Он «оскорбил» своих английских собратьев, высказавшись за полное признание полномочий женщин на Всемирном антирабовладельческом конгрессе, хотя, как известно, святой Павел заклинал женщин хранить молчание. Гаррисон опубликовал в «Либерейторе» следующее обращение: «Со всей определенностью заявляю, что я основываюсь на библии, и только на библии во всех моих взглядах на воскресный отдых, церковь и духовенство, и знаю, что если в библии не найду опоры и поддержки для достижения победы, то мне не найти опоры и в целой вселенной. Все мои аргументы почерпнуты из библии и не из какого другого источника».

Несколько недель бушевал этот спор; ему посвящались проповеди, газетные статьи и письма в редакции. Теодор Паркер, молодой священник из Бостона, был единодушно осужден духовенством за то, что выступил в защиту Гаррисона. Теперь все они собрались в Нантукете — приверженцы и противники Гаррисона; вопрос о рабстве был отодвинут в сторону, пока

ученые мужи на все лады изощрялись в казуистике, а теологи монотонно повторяли догматы.

Все утро Гаррисон просидел в молчании. Правая кисть его нервно подергивалась. Острая боль пронизывала всю руку до самого плеча. Лицо его выражало страдание и глубокую усталость. На душе лежала тяжесть. То одно, то другое растерянное темное лицо в огромной аудитории с надеждой обращалось к нему. Уильям Ллойд Гаррисон опускал глаза и стискивал зубы, чтобы удержать стон, вырывающийся, казалось, из самой глубины его сердца.

Поэтому он и не заметил, как еще один темнокожий человек с трудом пробрался в переполненный зал. Однако Уильям К. Коффин, квакер и ревностный аболиционист, заметил его. Он встречался с Фредериком в доме своего друга Нэйтана Джонсона. Коффин пробился сквозь толпу и положил ладонь на руку Фредерика.

— Ты пришел в добрый час, мой друг, — произнес он.

Фредерик напряженно смотрел на платформу, где сидели ораторы. Юноша находился так далеко, в зале было так тесно и люди, так напирали друг на друга, что он уже отчаялся что-либо услышать или увидеть,

— Пойдем со мной, впереди есть свободные места, — сказал Коффин.

Он повел Фредерика через боковой проход — на скамье у самой стены оставалось немного места. Фредерик с трудом втиснулся на скамью рядом со своим спутником.

— Вот хорошо-то, — шепнул он, — я так боялся пропустить что-нибудь. Но… но ведь я не должен здесь сидеть, — сконфуженно проговорил он, оглянувшись на других обладателей боковых мест.

Квакер усмехнулся.

— Твое место здесь! — Потом придвинулся ближе и посмотрел на него очень серьезно. — Дуглас, я прошу тебя сказать сегодня несколько слов на этом съезде.

Фредерик уставился на него, горло у него перехватило от неожиданности.

— Это мне-то? Говорить?

Огромный переполненный зал казался ему ареной, куда собрался народ со всего света! Квакер, конечно, шутит. Нет, он говорит очень тихо, но со спокойной уверенностью.

— Расскажи им историю своей жизни, Дуглас, так, как ты рассказывал ее рабочим на заводе. Говори им одну только правду, не думай о словах.

Фредерик беспомощно замотал головой. Не может он выйти и

встать перед всеми этими людьми! Он пытался вслушаться в то, что говорил сейчас очередной оратор, но слова, казалось, не имели никакого смысла. В зале стояла удушающая жара. Мужчины вытирали лица влажными платками. Фредерик расстегнул ворот рубашки и спустил с плеч сюртук.

— Ты не можешь уклониться от своего долга, Дуглас, — тихо, но настойчиво продолжал мистер Коффин. — Оглянись вокруг! Сегодня твоему народу нужно, чтобы ты говорил от его имени.

Фредерик затаил дыхание, а квакер прибавил очень серьезно:

— И он нуждается в тебе. Этому доброму человеку, который так много работает, нужна твоя помощь.

Следуя за взглядом квакера, Фредерик пристально посмотрел в лицо Гаррисона, человека, которого ‘он так почитал и любил. Какой у него усталый вид, какие запавшие глаза!

— Он нуждается в тебе, — снова повторил квакер.

Губы Фредерика зашевелились сначала беззвучно.

— Я постараюсь, — прошептал он наконец.

Фредерик не мог бы сказать потом, сколько времени прошло, но внезапно он оказался на ногах и его тихонько подталкивали к платформе. Только поднявшись на нее, стоя перед аудиторией, он сообразил, что так и не надел свой сюртук. Рубашка на нем была чистая, свежевыстиранная и отутюженная Анной, но все же!.. Неуклюжими, словно закоченевшими пальцами он безуспешно попытался застегнуть пуговицу у ворота. Не может он застегнуть ее, когда все эти лица — целое море лиц — обращены к нему в ожидании его речи. Какая тишина вокруг! Все ждали. Он с трудом глотнул.

— Леди и джентльмены!

Маленькая девочка с большими серьезными глазами откинула со лба влажные от пота кудряшки и улыбнулась ему, подбадривая. И внезапно Фредерика словно подхватила и подняла могучая волна. Он понял: все эти люди радуются, что он стал свободным. Они хотели, чтобы он стал свободным! И он начал снова.

— Друзья, еще совсем-совсем недавно я был рабом. Теперь я свободен! — Он увидал, что слушатели наклонились вперед. — Я не могу рассказать вам о том, как мне удалось бежать, потому что, если это станет известным, люди, которые помогли мне, пострадают страшно, страшно. — Фредерик произнес это слово во второй раз и увидел по лицам, что в какой-то мере люди поняли его.

— Я ничего не прошу для себя. У меня есть руки— есть силы. Я могу работать. Все моря и океаны на свете не могли бы вместить мою благодарность всемогущему господину… и вам.

Фредерик помолчал несколько мгновений, и все увидели, что глаза его потемнели, а лицо исказилось, словно от боли. Когда он заговорил снова, голос его дрожал, и людям приходилось наклоняться вперед, чтобы услышать.

— Но я только один. Где мои братья? Где мои сестры? Их стоны звучат в моих ушах. Их голоса доносятся ко мне, моля о помощи. Моя мать, моя собственная мать — где она? Я надеюсь, что она мертва. Я надеюсь, что она обрела единственное успокоение, которое приходит к рабу, — последний покой в могиле. Но, может быть, в эту самую минуту, когда я стою перед вами… может быть… — Фредерик умолк и закрыл лицо руками. И когда снова поднял голову, глаза его сверкали решимостью.

— Слушайте меня, — сказал он, — слушайте меня, я расскажу вам о рабстве.

И затем твердым голосом он стал рассказывать им о Кэролайн, о том, почему она волочила ногу, о Генри и Джоне, о Наде и Джебе. Он рассказывал им о маленьких детях, отчаянно цеплявшихся за своих матерей, продаваемых на другие плантации: о мужчинах и женщинах, «норов» которых надо было укротить; об унижениях, о потере людьми человеческого облика. Он рассказывал им о том, что такое рабство.

— Я свободен, — хотя голос его снова упал, слушатели, вытянувшись вперед, старались не упустить ни одного слова. — Но клеймо бича осталось на мне навеки.

Одним движением он распахнул свою рубашку. Потом повернулся, и все увидели, что вся его широкая молодая спина покрыта глубокими, узловатыми шрамами— следами ран, что доходили до самой кости и, затянувшись, оставили красноватые шишки на гладкой коричневой коже.

По залу прошел шорох.

— Я не забыл, я ничего не забыл. Я не забуду до тех пор, пока останется на земле хоть одно место, где есть рабы.

Он повернулся, чтобы сойти с платформы. И тогда в тишине раздался другой голос — звучный, мелодичный голос. Казалось, боевая труба зовет их в поход.

— Что ж это, вещь, имущество или человек?

Уильям Ллойд Гаррисон стоял рядом с Фредериком, преображенное лицо его осветилось воодушевлением. Он ждал ответа, держа в своей руке руку Фредерика, неподвижно стоя перед публикой. И тысяча голосов ответила ему мощным возгласом:

— Он человек!

— Человек! Человек!

Гаррисон не пытался успокоить гул возбужденной толпы.

Мужчины плакали, не стыдясь своих слез. Аплодисменты и возгласы были слышны далеко на улице, люди бежали к зданию, где происходил съезд, чтобы узнать, в чем дело.

Все это время Гаррисон стоял перед аудиторией, не выпуская сильной коричневой руки. Наконец он легонько пожал ее, и Фредерик, спотыкаясь, пошел на свое место. И тогда Гаррисон шагнул к краю платформы.

Даже люди, которым часто приходилось слышать Гаррисона, люди, давно знавшие его, были потрясены тем, как он говорил в тот день. Это был поистине волшебник, и огромная аудитория внимала ему как единое существо.

— И этому делу мы торжественно посвящаем наши силы, наш ум, наши души и нашу жизнь!

Даже через много лет мужчины и женщины, которые слышали тогда Гаррисона, вспоминали этот августовский день в Нантукете.

Когда заседание окончилось, Джон А. Коллинс, генеральный агент Массачусетского общества борьбы с рабством, оказался возле Фредерика.

— Мы хотим сделать вас своим сотрудником, — сказал он. — Пойдемте, мистер Гаррисон просил привести вас к нему.

И снова, окруженный взволнованной толпой, великий человек держал в своей руке руку Фредерика; но теперь он испытующе всматривался в коричневое лицо.

— Вы будете работать с нами, Фредерик Дуглас? — спросил он.

— Сэр, я член общества в Нью-Бедфорде, — быстро и горделиво ответил Фредерик.

Гаррисон усмехнулся.

— Разумеется. Но я имею в виду нечто большее, гораздо большее. Я прошу вас оставить все, чем вы занимаетесь, и начать работать со мной. Жалованье-жалованье неопределенное. Мне сказали, что у вас есть семья. У меня тоже семья.

— Да, сэр, я знаю, — ответил Фредерик, глядя на него с детским обожанием.

— Я прошу вас оставить свою семью, чтобы потрудиться на благо более обширной семьи созданий божьих.

— Да, сэр, понимаю. Я хочу помочь. Но ведь я невежественный человек. Я собирался поступать в школу.

— Вы будете учиться в пути, Фредерик Дуглас. Сейчас ваша сила нужна людям. Вы нам нужны.

Итак, Фредерик оставил свою работу в литейной и в качестве агента Массачусетского общества борьбы с рабством начал активную деятельность, направленную на уничтожение института

рабства во всей стране,

ГЛАВА 7
РАБОТА В ВАШИНГТОНЕ И ВЫБОРЫ В РОД-АЙЛЕНДЕ

Эмилия Кемп стоял а у окошка своей мансарды. Зеленые с белыми гребешками волны беспокойно вздымались над поверхностью Чесапикского залива, и казалось, что густые лесные чащи на дальнем Кленовом острове поднимаются и опускаются вместе с ними. Какое-то судно обогнуло Кит-Пойнт. Несколько мгновений Эмилия видела верхушки мачт и кусочек белого паруса, выделявшегося на синеве неба. Потом все исчезло. Но сейчас ее уже не печалило зрелище корабля, скользящего по волнам, уходящего в открытое море, Эмилия тоже собиралась в дальний путь.

Люси умерла. Сегодня утром они опустили ее изможденное тело в могилу, вырытую на опушке сосновой рощи. Коуви в своем воскресном костюме, висевшем на нем мешком, тупо смотрел, как засыпают гроб комьями жесткой глины. Священник усердно потряс руку вдовца, напомнив ему, что «бог дал, бог взял», и Коуви с золовкой вернулись в некрашеный, покосившийся дом. Больше делать было нечего. Она могла уезжать.

Вернувшись домой с похорон, Коуви поднялся на веранду и рухнул в кресло. Весь он как-то согнулся и обмяк за эти годы. Коуви так и не удалось нажить состояния. Он не знал ровно ничего об экономическом спаде, охватившем всю страну, он понятия не имел о том, что существует какая-то связь между президентскими выборами 1840 года и ценами на хлопок. Но он отлично знал, что теряет почву под ногами. Как бы ни колотил Коуви своих рабов, все равно хлопок либо не родился, либо сгнивал на корню, скот погибал, долги нарастали, рыночные цены падали, и на всем побережье залива царило уныние и раздражение.

А теперь вот умерла жена. И не хворала вовсе. Просто зачахла. На дворе стоял апрель, солнце палило уже немилосердно.

Коуви сплюнул через перила веранды и снова откинулся на спинку кресла. Ну, конечно, это девчонка Кэролайн все еще носится по двору, как дикий звереныш. Пора ей начинать что-нибудь делать. Может быть, имеет смысл поскорее избавиться от нее? Скоро она уже будет годна для продажи, а за молоденьких мулаток на рынке дают хорошие деньги. Надо сказать Кэролайн,

чтобы она немного подкормила девку. Лучше всего забрать ее в дом. Важно только, чтобы Кэролайн ничего пока не подозревала.

Коуви с трудом поднялся и направился в дом. Может быть, у Кэролайн найдется для него какая-нибудь еда.

В коридоре его остановила Эмилия. Она была в шляпе и несла чемодан. Коуви нахмурился.

— Ох, мистер Коуви, а я вас искала! — По тону Эмилии чувствовалось, что у нее какое-то безотлагательное дело к нему.

Эмилия имела обыкновение вдруг, с удивительной живостью возникать откуда-то, когда ее меньше всего ждали. Иногда он по нескольку месяцев почти не встречался с ней. А вот теперь взяла и выскочила! Какого черта ей надо? Он молча ждал объяснений.

— Я уезжаю.

Только и всего? Попусту слов она не тратит. Коуви обшарил ее своим невыразительным взором. А ведь она совсем недурна, Эмилия. И нрав поживее, чем у сестры. Он медленно проговорил:

— Я вас никуда не гоню.

— О, я знаю, мистер Коуви, — благодарным тоном ответила Эмилия. — Не в том дело. Просто теперь, когда бедной Люси нет, я больше не имею права… навязываться.

Коуви вспомнил, что все эти годы он предоставлял ей кров, что без него ей негде было бы и голову приклонить. А что он получил за все это? Ровно ничего. Он прищурился.

— Куда вы собираетесь ехать?

— Поеду в Вашингтон. Там живет двоюродный брат Тома… Джек Хейли… Он пишет, что я смогу… достать работу.

Начало фразы было выпалено одним духом, но в конце ее Эмилия запнулась, словно сама испуганная своим невероятным намерением.

«Работа в Вашингтоне! Помешалась эта женщина, что ли?»

Чувствуя себя мужественным покровителем слабого пола, Коуви сердито прикрикнул:

— Кто сказал, что вам надо уезжать и искать себе работу? А? Кто это сказал?

Эмилия поперхнулась. Она не ожидала возражений и совсем не хотела спорить по этому поводу. Ей пора отправляться в дорогу, не то она опоздает на пароход. И она твердо сказала:

— Мистер Коуви, это уже решено окончательно. Я уезжаю. Бен сказал, что вы посылаете его в город. Я поеду с ним.

Коуви медленно проговорил, отчеканивая слова:

— Черномазый врет, как всегда. Пусть только посмеет отлучиться отсюда. А вам советую выбросить из головы эти дурацкие мысли. Вы можете оставаться тут и присматривать за домом. Я не против.

И он вышел в кухню. Теперь все в порядке. До Сент-Микэлса десять миль. У нее есть время подумать. Но что это за тип в Вашингтоне, она говорит, что кузен покойного мужа… Мда!.. Эта Эмилия позанозистее бедняжки сестры.

Эмилия продолжала стоять в передней. Вздохнув, она опустила на пол свой чемодан. Хорошенькое дело! Неужели Коуви думает, что сможет насильно удержать ее здесь? Что она — одна из его рабынь? И вдруг Эмилия прозрела. Конечно, она рабыня, уже много лет рабыня. И сейчас она бежит отсюда, как эти черные рабы, о которых пишут в газетах.

Эмилия подхватила свой чемодан, вышла на веранду, спустилась с крыльца, прошла по тропинке за калитку, посмотрела на длинную пыльную дорогу, ведущую к Сент-Микэлсу и зашагала вперед.

До плантации Лоусона было почти две мили и, очутившись в благодатной тени небольшой рощи, Эмилия присела отдохнуть. Пока что все в порядке, это расстояние пройдено быстро. Она энергично потерла онемевшую руку и попыталась вспомнить, нет ли в ее тяжелом чемодане вещей, которые можно выбросить. Да уж, ноги она сотрет в кровь. Впрочем, скоро шоссе. Но если никто не подвезет ее, на пароход она опоздает. Надо спешить!

Позади застучали колеса, но Эмилия не слышала ничего, пока подвода, запряженная мулом, не поравнялась с ней. Лишь тут она остановилась, чувствуя, что ноги ее подкашиваются. Остановился и мул без всякой команды возницы-негра. Это был не тот мул и не тот старый негр, которых однажды утром, шесть лет тому назад, обогнала Эмилия на проселочной дороге. Столько негров разъезжает на запряженных мулами подводах по дорогам восточного побережья! Этот негр был молод, и видел он очень хорошо. И то, что он увидел, весьма его озадачило и встревожило: белая женщина одна на дороге, тащит чемодан и, по всем признакам, собирается попросить, чтобы он ее подвез.

«Нехорошо!» Мрачный как туча негр ждал, что она скажет.

Эмилия улыбнулась и сконфуженно откашлялась. Мул флегматично посмотрел на нее.

— Парень, — заговорила она, и тон ее подтвердил худшие опасения негра, — ты не в Сент-Микэлс ли направляешься?

— Нет, мэм. Чуть только по дороге и сразу назад. Нет, мэм! Даже близко к Сент-Микэлсу не подъеду. Ох, нет, мэм!

Очень уж рьяно он отпирается! Эмилия видела, что лицо у негра растерянное, и, поскольку она теперь многое понимала, поняла и причины этой растерянности. Надо было успокоить его.

— Понимаешь, я хочу вовремя добраться в Сент-Микэлс. Надо успеть на пароход, — доверительно сказала Эмилия.

Во взгляде негра промелькнула какая-то искорка. Человек, который куда-то едет, всегда вызывал здесь интерес. Но возница молча покачал головой. Эмилия отвела глаза. Дорога, казалось, трескалась под палящим солнцем.

— Видишь ли, я уезжаю очень далеко. — Теперь она посмотрела ему прямо в лицо, как смотрят в лицо другу, и тихо проговорила: — Я держу курс на Полярную звезду.

Возможно, что руки негра крепче сжали поводья. Во всяком случае, мул внезапно мотнул головой. Черное лицо словно окаменело. Одно мгновенье стояла полная тишина. Потом негр неторопливо огляделся по сторонам. Направо и налево пустынные поля, кое-где одинокие деревья да пыль столбом.

Он спрыгнул с подводы и поднял чемодан Эмилии. Сказал, не глядя на нее:

— А я ведь вспомнил, мэм. Я, пожалуй, мог бы доехать до Сент-Микэлса. Пожалуй, да.

— О, спасибо! Большое тебе спасибо! — воскликнула Эмилия с таким жаром, что негр не удержался от улыбки.

— Позвольте, я тут устрою вам местечко позади.

И он действительно устроил для нее место, отодвинув в сторону мешки и вязанки дров. Это был отнюдь не мягкий экипаж, но он благополучно доставил ее в Сент-Микэлс. Эмилия вылезла у рынка, чтобы не привлекать излишнего внимания. Однако негр настоял на том, чтобы поднести ее чемодан до пристани.

— Мэм, — сказал он, вертя в руках свою широкополую соломенную шляпу. — Оно, конечно, вам чудно покажется, только… я вам желаю удачи.

И Эмилия, глядя на него сияющими глазами, ответила:

— Спасибо, спасибо, мой друг. И тебе того же!

Невольник, лениво прислонившись к груде мешков, ждал, пока не убрали сходни; из-под опущенных полей шляпы он бросал быстрые настороженные взгляды во вое стороны. Затем, когда полоса грязной воды между берегом и судном стала совсем широкой и пароход плавно двинулся вперед, негр выпрямился, помахал своей шляпой в воздухе и, утирая со лба капли пота, громко проговорил:

— Дай бог!

Вашингтон становился настоящей проблемой для бостонских аболиционистов. Однажды вечером в редакции «Либерейтора» собралась небольшая группа людей, чтобы выработать план действий.

— Все дороги для нас закрыты! Наши газеты даже не. доставляются почтой! — сердито говорил Паркер Пиллсбери,

вскидывая голову.

Квакер Уильям Коффин примирительно отвечал ему:

— Вашингтон — рабовладельческий город. Ты должен считаться с фактами.

— Но ведь это наша столица, это город, в котором несколько тысяч жителей, а рабовладельцы окружают его глухими стенами, — раздраженно подал реплику священник Уэнделл Филиппс.

— Нам следовало бы провести собрание в Вашингтоне, — и Гаррисон печально вздохнул, думая о том, сколько невежественных, заблуждающихся людей живет в этом городе.

Эти слова были встречены глубоким молчанием. О собрании аболиционистов в Вашингтоне не могло быть и речи. Несколько Южных штатов уже объявили денежную награду за голову Гаррисона. Фредерик, сидевший поодаль, внимательно изучал нахмуренные, озабоченные лица; он понимал, что каждый человек в этой комнате так или иначе взят на заметку. Все они являлись агентами Общества борьбы с рабством, и дороги на Юг были им заказаны так же, как и ему. А Вашингтон был Югом. Вдруг с порога раздался тягучий голос:

— Джентльмены, вы можете больше не беспокоиться. Для меня Вашингтон — это дом. — И стройный мужчина шагнул вперед, в освещенную часть комнаты.

Заслышав этот мягкий, тягучий южный выговор, Фредерик оцепенел. Но никто не поднял тревоги, а в негромком приветствии Гаррисона прозвучала радость:

— Гамалиель Бэйли!

Мужчина продолжал:

— Я слышал только часть разговора, но достаточно, чтобы выразить свое полное согласие. Нам действительно нужен представитель в Вашингтоне. Я не хочу льстить себе, но я готов.

— Нет! Вы нужны нам здесь, — отозвался Гаррисон с непривычной для него страстностью.

Фредерик медленно поднял голову. Человек был ему совершенно незнаком. Речь его сразу выдавала южанина. Теперь Фредерик увидел перед собой красивого брюнета в черном сюртуке тонкого сукна и свободных серых панталонах. Он смотрел на Гаррисона блестящими черными глазами.

— Только я могу взяться за это дело, — сказал он.

Уэнделл Филиппс одобрительно кивнул головой и проговорил своим мелодичным голосом:

— Он прав, Гаррисон. Гамалиель Бэйли может ехать в Вашингтон. Там он среди своих.

— Но как же, там ведь знают, что вы сотрудничаете с нами.

Вы очень известный аболиционист, — раздался чей-то суровый голос.

Гамалиель Бэйли заботливо смахнул несуществующую пылинку со своего жилета и ответил с мягким смешком:

— Я ведь из виргинских Бэйли. С этим приходится считаться. Не бойтесь, мистер Хантон! — Вдруг он заметил темное лицо Фредерика, выделявшееся среди белых, и в глазах его вспыхнул интерес. — А это, очевидно, новый агент, о котором я уже слышал?

— Да, — сразу ответило несколько голосов, — это Фредерик Дуглас.

Когда прибыло судно из Сент-Микэлса, на котором ехала Эмилия, Джека Хейли не оказалось на пристани, и для этого были сваи причины. Накануне на улицах Вашингтона появился первый выпуск газеты «Нэшнл ира», и словно бомба разорвалась на Пенсильвания-авеню. Какая буря поднялась в тот день в конгрессе, на улицах и в клубах! Опаснейшая ересь печаталась и распространялась среди жителей в двух шагах от Капитолия. Разве не проберет дрожь каждого богобоязненного американца, когда отпрыск такого старинного и уважаемого рода, как Бэйли из Виргинии, подстрекает черных ублюдков к бунту! Некоторых джентльменов и впрямь пробирала дрожь. А ухмыляющиеся репортеры бегали по городу, стараясь разузнать, что говорят на совещаниях партийных группировок.

Джек был гораздо моложе своего двоюродного брата Тома Кемпа. Жену Тома он вспоминал с теплым чувством. Письма ее вызывали интерес и любопытство, и Джек был рад, что Эмилия приезжает в Вашингтон.

Он разыскал ее на набережной; окруженная кипами хлопка, она безмятежно покачивалась в плетеной качалке.

Эмилия поймала на себе его пристальный взгляд и вскочила на ноги, радостно вскрикнув:

— Джек, я знала, что вы придете за мной! Я ничуть не беспокоилась. А добрый капитан Дрейтон устроил меня со всеми удобствами.

Джек держал ее руки в своих. Эмилия была такая худенькая, маленькая. Седеющие волосы, старательно зачесанные за уши, еще больше оттеняли впалость щек; платье на ней было ситцевое, вылинявшее от частых стирок. Но голубые глаза глядели на него молодо и ясно.

Эмилия даже ахнула от восторга, увидав маленький кабриолет, который ожидал их возле пристани. Джек подсадил ее, уложил в ноги чемодан, уселся сам и взял вожжи.

Весна в Вашингтоне! Колеса тяжелых фургонов увязании в

колее, в уличной грязи барахтались свиньи, но над городом плавала нежная дымка, окутывая его весенним очарованием. Они катили по широкой улице, и Эмилия старалась разглядеть все сразу. Внезапно у нее захватило дух: она увидела Капитолий, сверкающий купол которого уходил в просторное небо.

Они обогнули Капитолий, свернули в тенистый переулок и подъехали к двухэтажному кирпичному дому, стоявшему в глубине дворика в окружении четырех толстых вязов.

— Ну, вот мы и прибыли, — улыбнулся ей Джек.

— Как славно! Значит, вы здесь живете?

— Нет, мэм! Но я надеюсь, что здесь будете жить вы.

— Но кто же?..

— Подождите немножко. — Джек выпрыгнул из коляски и обмотал вожжи вокруг столба.

Вся улица была укрыта тенью больших деревьев, от которых веяло прохладой. Когда Джек протянул ей руку, чтобы помочь выйти, Эмилия нерешительно спросила:

— А здесь не удивятся моему появлению?

— Дорогая моя, миссис Ройял не удивишь ничем!

— Джек! Неужели та самая миссис Ройял, писательница? — и Эмилия застыла на месте.

Джек твердо взял ее за локоть.

— А кто же еще? На свете есть только одна миссис Ройял. Пойдемте, я потом вернусь за чемоданом.

Эмилия расправила юбку и последовала за ним по дорожке, которая вела за дом.

Низенькая старая дама, склонившаяся над клеткой, где копошились пушистые желтые цыплята, казалась самой обыкновенной добродушной бабушкой. Ситцевое платье, собранное вокруг ее пышного стана, изрядно полиняло, так же как и чепец, из-под которого выбилось несколько прядей седых волос.

— Добрый день, миссис Ройял! — тепло и почтительно сказал Джек.

Старушка выпрямилась и расправила плечи. Движения ее отличались большой живостью; с загорелого, еще не покрытого морщинами лица смотрели удивительно яркие блестящие глаза.

— Скажите на милость, Джек Хейли! А что это за женщина с вами? — Голос у миссис Ройял оказался неожиданным для ее внешности: деловым и холодноватым.

— Моя родственница, миссис Ройял. Разрешите мне представить миссис Эмилию Кемп.

— Здравствуйте, — чопорно произнесла старуха, бросив на Эмилию мимолетный, но проницательный взгляд.

— Мне очень лестно познакомиться с вами, — едва сумела выговорить растерянная Эмилия.

— Она приехала в Вашингтон работать, — продолжал Джек. — И я привел ее к вам.

Серые глаза миссис Ройял сердито сверкнули.

— Почему же вы привели свою родственницу именно ко мне?

— Потому что она интересуется работой в газете. А вы — самый лучший газетчик в Вашингтоне, прошу простить мне это выражение, миссис Ройял. — И Джек изысканно поклонился.

— Не трудитесь! — Она повернулась к Эмилии.

— Я читала одну из ваших книг, сударыня. Джек посылал мне. Я столько нового узнала из нее об Америке!

Серые глаза, несомненно, смягчились, но тон оставался прежним.

— Почему же вы не ведете ее к своему другу — к этому самому пакостному аболиционисту?

— Миссис Ройял! — Джек, казалось, был ошеломлен. — Неужели вы так выражаетесь об издателе Гамалиеле Бэйли?

— Как ему только не стыдно! Продаться этим долгополым пустозвонам…

— Но, миссис Ройял…

— Не перебивайте меня. Пришел бы он ко мне, я научила бы, как покончить с рабством. Это самое настоящее проклятие в нашей стране. Но все эти миссионеры, распевающие псалмы… Уф!

— Позвольте напомнить вам, — вкрадчиво заметил Джек, — что, вернувшись из Бостона, вы чрезвычайно высоко отзывались о священнике Теодоре Паркере. А ведь он…

— Он вовсе не поповского звания, — с чувством произнесла старуха. Лицо ее посветлело, и она ласково добавила: — Он, вернее всего, сектант.

Миссис Ройял расхохоталась, и всякая натянутость и неловкость исчезли.

— Уж вы простите старую болтунью, повинную в тех же грехах, за которые она судит других. — Она подняла голову. — Взгляните, как наш Капитолий сверкает на солнце. Видели вы где-нибудь такую красоту?

— Я еще никогда нигде не была, сударыня. Вашингтон так хорош, я представить себе не могла ничего подобного.

— А ведь вот есть люди, которые недостойны своего города. Но вам надо отдохнуть с дороги.

Я плохая хозяйка. Кстати, знает ли ваша родственница, что я преступница, осужденная преступница? — Миссис Ройял с хитрецой посмотрела на Джека.

Фраза прозвучала очень таинственно, и Эмилия широко раскрыла глаза. Джек засмеялся:

— Вы сами расскажете ей, миссис Ройял!

— Это такая грустная история, — насмешливо продолжала хозяйка. — Видите ли, суд присяжных вынес решение, что я «обыкновенная скандалистка». В Англии меня окунули бы в пруд, но здесь есть только Потомак, и достопочтенный судья счел это нежелательным — ведь я могла бы заразить воду. Так что меня отпустили на все четыре стороны. А знаете, — она слегка нахмурилась, — единственное, против чего я действительно возражаю, это слово «обыкновенная». Вот это мне совсем не нравится.

— Согласен с вами, сударыня. Когда миссис Ройял ругает сенаторов, конгрессменов, банкиров, епископов и даже президентов, — это всегда работа высокого класса. Слово «обыкновенная» совсем сюда не подходит.

Старуха одобрительно взглянула на него.

— Где только вы набрались таких хороших манер, позволительно спросить? В Вашингтоне это сейчас большая редкость! — И прежде чем Джек успел ответить, она как любезная хозяйка обратилась к Эмилии — Когда-нибудь, моя дорогая, я расскажу вам о маркизе Лафайетте. Ах, вот у кого были манеры!

— Liberté! Fraternité! Equalité![8] — почти беззвучно скороговоркой произнес Джек.

Хозяйка услышала и гневно повернулась к нему. Но тут же на лице ее заиграла озорная усмешка.

И вот Эмилия поселилась вместе с Анни Ройял, вдовой давно усопшего капитана Уильяма Ройяла. Он сражался бок о бок с генералом Вашингтоном во время войны за независимость и всю жизнь был его близким другом. Анни Ройял тоже вела войну — на свой собственный лад. Каждую неделю она сама выпускала на допотопном печатном станке, стоявшем у нее в сарае, маленькую, но воинственную газету под названием «Охотница». Газета ратовала за бесплатные школы для всех детей, свободу торговли и щедрые ассигнования на научные исследования. Эмилия помогала своей покровительнице хозяйничать и разводить цыплят, сопровождала ее на интервью; ей приходилось замечать, как багровые от злости сенаторы переходят на другую сторону, чтобы не встречаться с миссис Ройял. Постепенно Эмилия познакомилась с тем, каким образом делают газету, но еще лучше — с нравами и обычаями столицы США, Вашингтона.

Эмилия жила у миссис Ройял уже три недели, когда Джек, забежав однажды вечером, объявил:

— Я уезжаю на Север!

— Куда? Зачем?

— Шеф услыхал что-то о восстании в Новой Англии. Он рад до смерти и говорит, что, может, янки теперь отучатся совать нос в чужие дела. Он посылает меня туда, хочет раздуть вокруг этой истории скандал.

— А сами-то вы что-нибудь знаете об этом? — миссис Ройял навострила уши.

— Насколько я мог понять, похоже, что многие бедняки в Род-Айленде захотели участвовать в выборах. А крупным воротилам это не по нраву!

Вся Новая Англия была вовлечена в борьбу. Две местные партии претендовали на руководство штатом Род-Айленд, и столкновение казалось неминуемым. До 1841 года Род-Айленд участвовал в выборах соответственно старой колониальной хартии, которая отстраняла от голосования граждан, имевших менее ста тридцати четырех акров земли. Поэтому законодательные органы штата целиком находились во власти консервативно настроенных землевладельцев, а растущие промышленные города, большая часть населения которых была лишена избирательного права, оказывались в невыгодном положении. В 1841 году Томас Уилсон Дорр, виг и питомец Гарвардского университета, возглавил движение за реформу: был составлен проект новой конституции штата. Эта конституция должна была расширить основы представительства в законодательных органах штата и упразднить ненавистное требование земельной собственности. Однако избирательное право согласно этому проекту предоставлялось только белому населению; негры, поселившиеся в Род-Айленде, подчеркнуто отстранялись от голосования.

Квакеры были непротивленцами, чуждались политики, но они всегда стояли на страже интересов негров. Все сторонники отмены рабства хотели новой конституции, однако им не нужен был несовершенный документ, уже с самого начала требовавший изменений. И поэтому они «е могли поддержать Дорра. Братья Перри, фабриканты из Провиденса, написали своему другу Джону Брауну, торговцу шерстью, который жил в Спрингфилде, штат Массачусетс:

«Настало время гражданам Род-Айленда проникнуться более широким пониманием прав человека, чем то, на котором основывается конституция Дорра. Мы беседовали с ним, но, соглашаясь с нами в принципе, он боится сделать решительный шаг».

Джон Браун переправил это письмо Джону Гринлифу Уиттьеру, секретарю Массачусетского общества борьбы с

рабством. Уиттьер беседовал о нем со священником Теодором Паркером, который собирался несколько раз выступить в Род-Айленде, разоблачая расовую дискриминацию в конституции, именующейся народной.

— Почему бы неграм не голосовать вместе со всеми другими рабочими? — спросил Уиттьер. — Ведь, ограничивая избирательное право, новая конституция в известной мере теряет свои преимущества?

Теодор Паркер устало вздохнул.

— Этого хотят сами рабочие. Борьба за существование ослепила их.

— Ты прав. — В очень серьезном разговоре Уиттьер обращался к собеседнику на «ты», как все квакеры. Взгляды их встретились, притянутые друг к другу одной и той же мыслью. И почти одновременно оба произнесли:

— Фредерик Дуглас!

Несколько секунд собеседники молча улыбались друг Другу, поздравляя себя с этой замечательной идеей, но лицо Уиттьера быстро омрачилось. Он покачал головой.

— Боюсь, что друг Гаррисон не согласится. Тебе известно, что он против нашего участия в политике.

Паркер некоторое время не отвечал, барабаня по столу длинными пальцами. И вдруг черные глаза его сверкнули.

— А разве мы говорим о политике? Сейчас нас интересуют права человека.

Уиттьер отмахнулся от него, не сдержав, однако, усмешки.

— Поосторожней! Цитаты из Томаса Пейна тебе не помогут.

— Чепуха! У Томаса Пейна было больше веры, чем у всех массачусетских церковников, вместе взятых. — Молодой священник вскочил на ноги, его худое лицо загорелось радостью.

— Дуглас отправится в Род-Айленд! Уговорить Гаррисона я беру на себя.

Так и порешили, и Дуглас оказался в числе трех аболиционистов, объездивших буквально все уголки этого маленького штата. Это были: Стефен С. Фостер из Нью-Гэмпшира, Паркер Пиллсбери из Бостона и Фредерик Дуглас из неизвестного района рабовладельческих территорий. Двое белых и негр — все трое молодые, крепкие, воодушевленные своей целью люди. Блестящее, страстное красноречие Фостера, грозные обличения Пиллсбери и одно лишь присутствие Фредерика производили везде настоящий фурор. За ними следовали галдящие оравы недовольных; их обливали грязной бранью, выгоняли из таверн, забрасывали камнями и тухлыми яйцами.

Но они продолжали свои выступления в школах и храмах, в

наемных помещениях и на рыночных площадях, в складах, на фабричных дворах и пристанях. Иногда аболиционистов сопровождала Эбби Келли, которая стала потом женой Стефена Фостера. Юность и ясная красота этой истинной дочери квакеров в сочетании с удивительной серьезностью, большими познаниями и незаурядной силой логического убеждения покоряли противников. Ей удавалось утихомирить самые бурные страсти.

Люди начали прислушиваться. Они выдвинули проект «конституции свободного человека», противопоставив его конституции Томаса Дорра; в Провиденсе был созван огромный митинг. Газетные заголовки и афиши, распространявшиеся по всему штату, объявляли, что основным оратором будет Фредерик Дуглас, бежавший из неволи.

Джек Хейли увидел эти афиши, приехав поздно вечером в Провиденс. Наспех глотая в гостинице свой ужин, он все время прислушивался к разговорам об этих делах. Когда Джек подошел к переполненному зданию, митинг был в самом разгаре. С трудом протиснувшись в дверь, он сразу понял, что в зале происходят какие-то события. Кто-то требовал слова.

— Это Сэт Лютер! — перешептывались возбужденные слушатели. — Правая рука Томаса Дорра.

— Давай, Сэт, говори! — раздался зычный голос в толпе.

Молодой человек на платформе жестами призвал к молчанию и кивнул человеку, стоявшему в проходе.

— Вот вы, филантропы, оплакиваете участь рабов на Юге, — резким голосом заговорил оратор. — Что же, поезжайте ка Юг и помогайте им! Наша забота — равные права человека, освобождение белых людей; только добившись этого, можно бежать на выручку черным, будь они свободные или рабы. Не лезьте не в свое дело!

Часть присутствующих встретила это выступление аплодисментами, другая — свистом и возмущенными возгласами. Но когда Лютер возвращался на свое место, люди, сидевшие около него, одобрительно переговаривались между собой.

Потом Джек увидел, что председатель собрания отошел о сторону и его место на платформе занял человек очень внушительного вида. Не успел он еще вымолвить слова, как в обширном зале воцарилась полная тишина. Ибо это, вне всяких сомнений, был тот самый «беглый раб», ради которого слушатели пришли сюда. Джек глядел на него во все глаза: неужели этот человек был когда-нибудь рабом? Массивные плечи, прямой, хорошо развитый торс, крупная голова с густой гривой волос, откинутых назад с широкого лба, глубоко сидящие глаза, упрямая челюсть, опушенная бородой, спокойное достоинство и

сдержанная сила, пронизывающая каждое его движение, — все это заставило Джека невольно воскликнуть:

— Бог мой! Вот это человек!

На него зашикали со всех сторон. Фредерик Дуглас начал свою речь.

— Этот джентльмен желал бы, чтобы мы вели себя потише. Он говорит о белых рабочих и неграх рабах так, словно наше дело чем-нибудь отличается от его собственного. Разве мы думаем о чем-либо другом, кроме равных прав человека? И неужели мы должны доказывать принадлежность негритянской расы к роду человеческому? Разве не вызывает удивления, что, хотя мы возделываем землю, сеем и собираем урожай, пользуемся всевозможными механизмами, воздвигаем здания, строим мосты и суда, обрабатываем железо, медь, бронзу и золото; что, хотя мы читаем, пишем и считаем, служим клерками и секретарями, работаем на калифорнийских приисках, охотимся на китов в Тихом океане, выращиваем скот на горных пастбищах; что, хотя мы существуем, двигаемся, действуем, размышляем, строим планы и, наконец, молимся христианскому богу — от нас требуют доказательств, что мы люди!

Я должен вам сказать, что рабовладельцы из самых темных джунглей Юга признают этот факт. Они подтверждают его, вводя определенные законы; подтверждают его, карая всякое проявление непокорности со стороны раба. В штате Виргиния семьдесят два вида преступлений караются смертью, если они совершены неграми, пусть даже самыми невежественными, и только два из них требуют подобного же наказания для белого преступника. Чем же является этот факт, если не подтверждением полной моральной ответственности негра как разумного человеческого существа? Известно, что своды законов южных штатов полны распоряжений, запрещающих под угрозой больших штрафов и других наказаний обучать рабов чтению и письму. Если вы укажете мне хоть один подобный закон, относящийся к тягловому скоту, я соглашусь с вами, что принадлежность негров к роду человеческому нуждается в доказательствах.

Зал огласился восторженными возгласами. Слушатели стучали ногами и кричали, кидали в воздух шапки. Дуглас, дождавшись тишины, перешел на более спокойный тон. Он говорил о значении конституционного правительства, о том, чего сможет добиться эксплуатируемый народ, если он будет держаться вместе, и что все они потеряют, ведя распри между собой.

— Рабовладельцы с присущим им коварством подстрекают белых трудящихся на враждебные поступки против негров и,

таким образом, превращают белого бедняка в такого же раба. Разница заключается лишь в том, что черный раб принадлежит одному хозяину, а белый — всем хозяевам вместе. И того и другого обирают одни и те же грабители.

Когда собрание окончилось, Джек попытался пройти вперед, чтобы задать несколько вопросов этому удивительному оратору, но ему никак не удавалось пробиться сквозь напиравшую толпу. В конце концов Джек сдался и возвратился в гостиницу. А на другой день ему сказали, что аболиционисты уехали в Бостон. Томас Дорр лишился народной поддержки. Когда, наконец, приняли новую конституцию штата Род-Айленд, оговорка, относящаяся к белому населению, была из нее вычеркнута.

Гарриет Тамбен (1820–1913).

Соджериер Трузс.

Люси Стоун.

Лукреция Мотт (1793–1880).

Сюзен Антони (1820–1906).

Гарриет Бичер-Стоу (1802–1886).

Авраам Линкольн (1809–1865).

Джек Хейли вернулся в Вашингтон и вручил редактору газеты, где он служил, свой отчет о «мятеже». Редактор перечеркнул большую часть отчета «заявил, что они только зря потратили деньги на эту сумасбродную поездку.

В отличие от него Гамалиель Бэйли — редактор «Нэшнл-ира», внимательно прочел мелко исписанные листки, которые Джек

положил на его стол. Сейчас материал этот действительно нельзя было поместить в газете, но Бэйли обвел кружком имя «Фредерик Дуглас» и спрятал отчет в особую папку, чтобы использовать его в дальнейшем.

Джек Хейли застал миссис Ройял и Эмилию в их домашней типографии, за работой. Эмилия смертельно побледнела, услышав его рассказ. Миссис Ройял даже уронила на землю верстатку и в испуге взглянула па свою помощницу.

— Она больна!

Но Эмилия отрицательно повела головой. Прислонившись к столу, она пыталась заговорить; бледное лицо ее постепенно освещалось радостью, в голубых глазах заиграли яркие огоньки.

— Вы говорите, что его зовут Фредерик, не правда ли? А сколько ему лет, по-вашему?

— Что такое? — спросила миссис Ройял.

— Сколько лет? — переспросил Джек.

— Ну да! — нетерпеливо отвечала Эмилия. — Тому человеку… Рабу, о котором вы рассказывали… Я совершенно уверена, что знаю его!

— Ох, боже мой, Эмилия! Эго невозможно! — нахмурившись, сказал Джек, а миссис Ройял насмешливо фыркнула.

— Опишите мне его, Джек, — настаивала Эмилия, — опишите очень подробно.

Пока Джек без особой охоты выполнял эту просьбу, Эмилия утвердительно кивала головой. Но Джеку все это казалось пустой тратой времени.

— Не могло быть в ваших краях такого необыкновенного раба. Мы бы, конечно, услышали о нем! — сказал он в заключение.

Эмилия только усмехнулась.

— Я помню, как он шагал в тот день по дороге; пыль вздымалась столбом! Тогда он был совсем еще мальчик. Теперь стал мужчиной. Но это он, я уверена.

И Эмилия поведала о том памятном утре, когда, высунувшись из окна своего чердака, она увидала, как молоденький невольник бросил вызов объездчику рабов; как он одним пинком заставил надсмотрщика со стоном отлететь в сторону; как он повалил на землю своего хозяина. Она рассказывала об этом впервые в жизни, но рассказывала очень хорошо.

— Его звали Фредерик — он был такого же цвета, у него были такие же сильные, широкие плечи и крупная голова.

— Но этот человек выглядит старше и потом ведь он образован! Если бы вы только слышали его!

Эмилия улыбнулась.

— Я узнала позже, что даже тогда он уже умел читать и писать. Он помогал мистеру Коуви вести счета.

— И все же это невероятно! Не может этот человек быть с восточного побережья Мэриленда! — изумленно оказал Джек.

— Молодой человек, — назидательно заметила миссис Ройял, — когда вы доживете до моего возраста, то узнаете, что именно невероятные вещи делают жизнь замечательной.

А Эмилия добавила:

— Не может быть на свете двух таких Фредериков!

ГЛАВА 8
ПО ОБЕ СТОРОНЫ АТЛАНТИЧЕСКОГО ОКЕАНА

Многие люди вместе с Джеком отказались бы поверить истории, рассказанной Эмилией. С течением времени Массачусетское общество борьбы с рабством оказалось перед сложной дилеммой. Комитет общества знал все факты, касающиеся Фредерика, и принимал все меры для его безопасности: название штата и округа, откуда он был родом, имя его хозяина и прочие подробности, которые могли бы привести к поимке Фредерика, тщательно скрывались от публики. Даже при этих условиях аболиционисты все время были начеку. Однако многочисленные слушатели, собиравшиеся на выступления Фредерика, начали поговаривать, что этот человек ие может быть «беглым рабом».

Первые три-четыре месяца речи Фредерика почти полностью сводились к воспоминаниям о его жизни в неволе.

— Давайте нам только факты, — говорил ему секретарь общества Коллинс. — О философии мы сами позаботимся.

— Расскажите свою историю, Фредерик, — шептал ему Гаррисон, когда его подопечный поднимался, чтобы выйти на платформу.

И Фредерик, преданно улыбнувшись учителю, старался точно выполнить его наказ.

Но Фредерик мужал и набирался знаний. Перед ним широко распахнулись двери библиотек, принадлежавших ученым людям. У Теодора Паркера было шестнадцать тысяч томов; библиотека занимала весь третий этаж его дома.

— Приходите в любое время, Фредерик. Книги, мой мальчик, пишутся для того, чтобы их читали.

И Фредерик упивался Томасом Джефферсоном, Карлейлем, Эдмундом Берком, Томасом Пейном, Джоном Квинси Адамсом, Джонатаном Свифтом, Уильямом Годвином. Книги пьянили его как вино; шатаясь, с красными глазами, брел он поздно вечером домой и валился на кровать. Он углублялся в чтение бесчисленных газет, которые Гаррисон выписывал для редакции «Либерейтора» со всех концов страны; он постоянно бывал на выступлениях крупнейших ораторов того времени— Уэнделла Филиппса, Чарльза Редмонда, Теодора Паркера и других. Нередко, жуя сэндвич, он слушал, как читает свои стихи Джон

Уиттьер. За Гаррисоном молодой беглец следовал неотступно, жадно впитывая в себя каждое его слово, черпая из источника его мудрости, ловя каждую интонацию любимого голоса.

Речи Фредерика становились все примечательнее по своему содержанию, логике и манере изложения.

— Фредерик, если так пойдет дальше, люди перестанут верить, что вы были когда-либо рабом, — предупреждал Коллинс.

Но Гаррисон решительно сказал:

— Оставьте его в покое!

На севере и западе страны нарастала расовая вражда белых к неграм. Хулиганье выгнало восьмерых негров из Портсмута в штате Огайо. В течение трех дней шайка головорезов держала в своих руках власть в Цинциннати, она изгнала из города всех свободных негров. Беззащитные негры подвергались нападениям в собственных жилищах, и многие из них спасались бегством из города. В 1839 году, во время расистского погрома в Питсбурге, был почти полностью сожжен и разрушен негритянский квартал города. В Филадельфии три белые женщины насмерть забили камнями негритянку. Из-за жестокой экономической депрессии, охватившей этот город, многие белые жители оказались без работы и винили в этом негров. Толпа безработных сожгла только что выстроенный Африкан-холл, негритянскую церковь, негров избивали на улицах. Пришлось в помощь полиции, безуспешно пытавшейся навести в городе порядок, вызвать войска штата.

Темпераментного Гаррисона не удовлетворяла программа Американского общества борьбы с рабством. Члены общества усердно трудились, чтобы добиться немедленного уничтожения рабства, но Гаррисону их деятельность казалась недостаточно энергичной. Они не желали признать за женщинами равные с мужчинами права в этой работе, не смели критиковать двусмысленную позицию церковников в вопросе о рабстве. После филадельфийских волнений Гаррисон и его приверженцы решили взять в свои руки деятельность Общества борьбы с рабством. На съезде, состоявшемся в следующем году, старания их увенчались успехом. Лукреция Мотт,

Лидия Чайльд и Мари Чэпмен — давние и активные участницы движения против рабства, были избраны в исполнительный комитет общества. В результате часть делегатов покинула съезд, заявив, что отныне аболиционизм фактически поглощен женским движением за равноправие. Это не помешало, однако, съезду открыть очень широкую кампанию, для завершения которой потребовалось полгода. Исполнительный комитет разработал планы проведения в разных районах страны сотни собраний и конференций и предписал Фредерику Дугласу

объехать штаты Нью-Йорк, Пенсильванию, Огайо и Индиану.

Первое собрание произошло в Миддлбери. В этом городке аболиционисты натолкнулись на яростное противодействие жителей. Штат Вермонт гордился тем, что в его пределах «и один раб еще не был выдан своему хозяину, однако в множестве городков и поселков люди не желали, чтобы их замешивали в «агитацию».

Это сопротивление, в известной мере характерное для Вермонта — «штата зеленых гор», как его называли, — оказалось, к несчастью, еще более характерным для Нью-Йорка — следующего штата, указанного в маршруте Дугласа. Вдоль всего канала Ири, от Олбани до Буффало Фредерик встречал апатию, безразличие, а порой и сталкивался с хулиганскими выходками. Сиракузы отказались предоставить помещения для митингов; аболиционистов не пускали ни в церкви, ни на площади, ни в общественные здания. Мистер Стефан Смит, в доме которого разместились аболиционисты, едва не заболел от огорчения. Фредерик стоял у окна, устремив взгляд на раскинувшийся недалеко от дома парк с молодыми деревцами.

— Не беспокойтесь, мой друг, — сказал он грустному хозяину, — мы все же проведем наш митинг.

На следующее утро Фредерик облюбовал себе место под деревом в юго-восточном уголке парка и обратился с речью к аудитории, состоявшей из пяти прохожих. После полудня его слушало уже не менее пятисот человек. Вечером ему нанесли визит представители церкви индепендентов и предложили воспользоваться старым деревянным зданием, которое раньше занимала церковь. Здесь съезд аболиционистов продолжался три дня.

В Рочестере, растущем городе, прием оказался более радушным. Несколько сот человек собралось в большой зале, чтобы услышать рассказ Дугласа о его жизни в неволе. Они встретили аплодисментами его призыв сплотиться, чтобы избавить страну от этого страшного зла. Председательствовал на этом собрании эксцентричный, ученый и богатый Джеррит Смит, с которым Дугласу предстояло поближе познакомиться в дальнейшем. Джеррит Смит был настроен еще более воинственно, чем Гаррисон. Он требовал использования избирательной системы в борьбе за уничтожение рабства и настаивал» а том, чтобы аболиционисты выступали против всех законов, поддерживающих рабство.

Из Рочестера Дуглас и Уильям Брэдбери, приятель Смита, направились в Буффало, также быстро развивавшийся город, где деловая жизнь кипела вовсю и пароходы ежедневно подходили к

пристани.

Местным квакерам удалось достать для них только одну комнату в полуразвалившемся заброшенном доме на глухой окраинной улочке; раньше здесь помещалась почта. Явившись туда в назначенный час, Дуглас и Брэдбери увидели в комнате лишь несколько извозчиков; в грубой мятой одежде, с кнутами в руках, сидели они на лавках, оставив перед домом запряженные экипажи.

Брэдбери был возмущен. Потратив час на пустую, как ему казалось, болтовню, он ушел и в тот же вечер уехал пароходом в Кливленд. Но Фредерик остался. Почти всю неделю он ежедневно приходил на старый почтамт и говорил перед аудиторией, которая становилась все больше и больше. Затем перед ним раскрылись двери баптистской церкви. В ближайшее воскресенье он выступал уже под открытым небом, в парке, где собралось несколько тысяч человек.

В Ричмонде, штат Индиана, митинг аболиционистов был сорван, а ораторов забросали тухлыми яйцами. В Пендлтоне, в том же штате, программа выступлений Фредерика была неожиданно нарушена.

В городе невозможно было найти здание, и поэтому на самой окраине, в лесу, поставили платформу для ораторов. Вокруг нее собралось множество народу, и Фредерик, а также сопровождавший его на митинг Уильям Уайт были в очень приподнятом настроении. Но едва лишь забрались они на эту трибуну, как буйный отряд, состоявший примерно из шести десятков всадников, вооруженных дубинками, кирками и кирпичами, выехал из лесу, спешился и двинулся на них с явным намерением «убить черномазого».

Это была яростная, но неравная схватка. Квакеры старались прикрыть Фредерика, однако они и сами были беззащитны. Уайт, не покинувший своего поста, пытался умиротворить хулиганов и получил свирепый удар по голове — удар, от которого он упал, обливаясь кровью. Фредерик завладел палкой и отбивался изо всех сил, но враги одолели его, избили и оставили лежать на земле, думая, что он уже мертв. Затем все эти молодчики взобрались на своих коней и ускакали по направлению к Андерсену, где жило большинство из них.

Фредерик, весь окровавленный, в беспамятстве, лежал на опушке леса. Квакер Нил Харди перенес его в коляску и доставил к себе домой. Там Фредерика перевязали и заботливо ухаживали за ним. Правая рука его оказалась сломанной и навсегда утратила природную силу и гибкость. Но уже через несколько дней Фредерик поднялся и отправился в дальнейший путь — с правой

рукой на перевязке, но в остальном, как писал он позже, «целехонек».

Следующей зимой вопреки советам друзей Дуглас решил начать действовать самостоятельно.

— Ваши слова подвергают сомнению, — сказал он Гаррисону и Филиппсу, — этого я не могу вынести. Меня называют обманщиком. И я решил, что подробно напишу о всех событиях и обстоятельствах моей жизни в рабстве, изложу точные факты, сообщу все имена и названия местностей.

— Это будет необычайно сильная повесть, — задумчиво сказал Гаррисон, глядя на тлеющие в камине угли.

— Настолько сильная, — раздраженно ответил Теодор Паркер, — что вся эта свора немедленно явится сюда, чтобы увезти его. И ни законы, ни жители Массачусетса не смогут его защитить.

— Вы с ума сошли! — Мелодичный голос Уэнделла Филиппса сейчас звучал резко. — Как только эта рукопись будет закончена, я посоветую вам тут же бросить ее в огонь!

Но Гаррисон только усмехнулся.

— Джентльмены, — сказал он, — мы найдем выход Господь не допустит потери такого человека, как Фредерик Дуглас!

Собеседники долго глядели на Гаррисона; он сидел, окутанный сумерками, слабый свет камина озарял его спокойное лицо. Иногда немногословная вера Гаррисона ошеломляла этих ученых богословов.

И выход действительно был найден. В мае 1845 года появилась «Повесть о жизни Фредерика Дугласа», которой были предпосланы письма Гаррисона и Филиппса. Книга стоила пятьдесят центов и была издана большим тиражом. В августе Дуглас сел на британское судно «Кэмбрия», направляющееся в Англию; в кошельке его лежало двести пятьдесят долларов, собранных друзьями в Бостоне; вместе с Фредериком ехали аболиционисты и певцы — супруги Хатчинсоны и Джеймс Баффем, вице-президент Массачусетского общества борьбы с рабством.

Анна стояла на набережной и махала рукой на прощанье. Она улыбалась, хотя из-за набежавших слез уже не могла различить очертания корабля и дорогое лицо стоявшего на корме Фредерика. Оглушительный гудок парохода заставил маленького Фредди в тревоге ухватиться за мать и спрятать лицо в складках ее юбки. Ему хотелось домой. Рядом с Айной прямо и невозмутимо стоял шестилетний Льюис, держа за руку свою плачущую сестренку Розетту. «Заботься о матери и малышах, сынок. Я на тебя полагаюсь» Льюис повторял про себя

прощальные слова отца. Теперь он — мужчина в доме. Девчонкам, конечно, поплакать можно. Льюис пристально глядел на лицо матери.

Прозвучали последние возгласы, в последний раз взвились в воздух платочки, раздались чьи-то приглушенные рыданья, и вот уже родные и друзья уехавших начали расходиться с набережной. Анна почувствовала легкое прикосновение к своей руке.

— Пойдемте, миссис Дуглас, — перед ней стояла жена Уэнделла Филиппса, — мы отвезем вас домой.

Анна улыбнулась. Она сама хотела, чтобы Фредерик уехал, чтобы он был вне опасности. Она не могла больше выносить смертельного страха, который постоянно владел ею с той самой поры, когда Фредерик вернулся из своей поездки по Западу. Муж не придавал особого значения «случаю в Индиане», но ведь сломанную руку не скроешь. Каждый раз, когда он после этого покидал дом, Анна знала, что может случиться. И поэтому она убедила его уехать, поэтому она улыбнулась и сказала: «Не тревожься о нас, Фредерик. Ты должен ехать!»

— Мое жалованье будут выплачивать тебе.

— Я управлюсь. Теперь, когда мы в своем доме, все пойдет легко.

Он не услышал от нее ничего, кроме слов одобрения и уверенности в нем и себе.

Прошлым летом они купили участок земли в Линне — массачусетском городке, вместе обдумали, каким должен быть их дом, и осенью — в промежутках между поездками — Дуглас с помощью нескольких друзей выстроил себе коттедж.

Анне страшно не хотелось оставлять Нью-Бедфорд — «город друзей», как она его называла.

— Но, понимаете, — грустно объясняла она своим близким знакомым, — семейство Дугласов так разрослось, что этот маленький домик просто трещит по швам. Нам нужно больше места.

Их выбор пал на Линн; оттуда Фредерику было удобно отправляться в свои поездки, кроме того, там было активное Общество борьбы с рабством. Наступил день, когда они перебрались в свой собственный коттедж. Анна мыла окна и полы, а Льюис, неотступно следуя за отцом, помогал ему конопатить щели, чтобы, когда наступят холода, в домике было тепло и уютно.

По высохшей, хорошей дороге, освещенной мягким майским солнцем, священник Уэнделл Филиппс вез семейство Дугласов домой в своей коляске.

— Как вы думаете, мистер Филиппс, сколько времени ему

придется там пробыть? — Они уже приближались к дому, когда Анна осмелилась, наконец, задать этот вопрос. Уэнделл Филиппс подстегнул лошадь и помедлил с ответом.

— Трудно сказать, миссис Дуглас. Мы уверены, что там, среди людей, которые не знают по-настоящему ужасов американского рабства, он окажет неоценимые услуги делу освобождения. А мы тем временем постараемся сделать все возможное, чтобы возвращение его было безопасным.

— Будем просить бога, чтобы это произошло поскорее! — Миссис Филиппс положила ладонь «а руку своей спутницы.

Вскоре они подъехали к калитке и распрощались. Дети проворно вылезли из коляски и побежали по дорожке в дом. Анна двигалась медленнее. Она улыбнулась, увидав на руках у соседки толстощекого, пускающего пузыри Чарли. Это был их младший сын. Бедняжечка! Сердце Анны сжалось. Он-то даже и не знает, что отец его так далеко уехал.

— Ни разу не заплакал! — сказала соседка, которая присматривала за Чарли во время отсутствия семейства. — Так что я успела сварить вам горшок супа. Он на плите, горячий. Вы небось проголодались все.

Растроганным голосом Анна поблагодарила добрую женщину. Та ободряюще потрепала ее по руке и заторопилась домой.

Малыш Чарли чувствовал себя превосходно, и Анна, оставив его с другими детьми, вошла в комнату, которую занимала вместе с мужем. Комната была очень тесна. Когда открывали шкаф, то дверца его стукалась об умывальник, придвинутый вплотную к кровати. Анна сняла шляпу, положила ее на полку и закрыла дверь. Механическим жестом выплеснула из таза остатки воды и повесила на место старую люстриновую куртку, которую Фредерик в последнюю минуту решил не брать с собой. Неподвижно постояла посреди комнаты, размышляя.

Анна не сказала мужу, что ждет еще одного ребенка — он мог бы не уехать, узнав об этом. Но она знала, что на его маленькое жалованье семье не прожить. Оставить детей и поступить на работу нельзя. Надо придумать себе какое-то другое дело. Она должна справиться. И вдруг лицо Анны осветилось. В городе Линне существовало одно ремесло, которое в начале сороковых годов XIX века получило большое распространение. Линн стал походить на средневековый английский город с ремесленными гильдиями, и в этот вечер Анна решила заняться делом, которым занимались там многие семьи, — шить обувь.

Со временем она стала заправским сапожником.

Между тем судно, увезшее Фредерика, выходило в открытое

море. И плавание с самого начала оказалось не слишком спокойным.

— Нам надо было ехать на французском корабле, пусть даже они идут дольше! — возмущенно говорила миссис Хатчинсон, укоризненно глядя на сконфуженного корабельного эконома.

— Я сейчас же иду к капитану. — И Джеймс Баффем энергично отправился на его поиски.

Дело было в том, что Фредерику Дугласу не отвели каюты. Хотя билеты у всех были одинаковые, путешественников разделили: Хатчинсонов и Баффема направили в каюты, а Фредерика Дугласа — на палубные места.

Сам Дуглас не принимал участия в гневных спорах, сопровождавших это происшествие. Для него все это было такой старой, знакомой историей. Негры, которые опрометчиво пускались в поездку по Соединенным Штатам Америки, всегда и везде подвергались оскорблениям и унижениям. В проливе между Нью-Йорком и Стонингтоном ни одному цветному пассажиру не разрешалось заходить в носовую часть корабля. Во все времена года, в жар и холод, сушь и ненастье, единственным местом для него была палуба. Дугласу приходилось участвовать во многих стычках, его не раз колотили проводники и кондуктора. Он с усмешкой вспомнил сейчас, как однажды понадобилось шесть человек, чтобы извлечь его из вагона поезда на Восточной железной дороге между Бостоном и Портлендом. Фредерик ухитрился при этом оторвать от стенок несколько сидений и разбить несколько окон.

Но в это утро, когда «Кэмбрия» осторожно выходила из залива, держа курс на Старый Свет, который столько людей покидало в поисках свободы, Дуглас только пожал плечами.

— Неважно! — сказал он. — Ведь все мы приедем в Англию в одно время. Если мне нельзя заходить в каюты, то вы можете навещать меня на палубе.

— Нет, нет, мистер Дуглас! — быстро вмешался капитан Джадкинс. — Требуется только формальное приглашение. Вы можете в любое время навещать своих друзей в их каютах.

— Благодарю вас, сэр, — серьезно ответил Дуглас с вежливым поклоном.

Однако миссис Хатчинсон никак не могла успокоиться.

— Это нелепость!

Муж ее вздохнул и взял Фредерика под руку.

— Давайте лучше пойдем сейчас на палубу и постараемся получше устроить нашего друга, — сказал он.

Все они направились на палубу. И там, к пользе и удовольствию палубных пассажиров, отныне проводили почти все

свое время. Но, как всегда бывает в маленьком мирке, весть о Дугласе быстро разнеслась по кораблю, и на палубе стали бывать другие пассажиры первого класса.

Хатчинсоны, широко известные исполнители, пели самые свои любимые песни, а на грубом настиле возле полубака постоянно собирались группы людей, оживленно беседовавших с Фредериком Дугласом.

— Я всегда считал, что аболиционисты малость помешаны, — хмуро заметил пассажир из Индианы.

— Никогда бы не подумал, что какой-нибудь… э… э… негр может так разговаривать! — Человек родом из Делавэра, произнесший эти слова, действительно не знал ничего подобного.

— Этот человек… не негр. — Слабый иностранный акцент, прозвучавший в этих словах, заставил американцев, которые сидели вокруг, резко поднять головы.

Быть может, этот безукоризненно одетый, смуглый пассажир родом из Квебека? Житель Вашингтона смерил его ледяным взглядом и поднялся.

— Все равно, он черномазый! — с этими словами он отошел от группы.

После его ухода все замолчали. Но вскоре несколько пассажиров обратилось к капитану с просьбой, чтобы оя предложил необычному пассажиру прочесть лекцию в салоне. Капитан Джадкинс, который был очень смущен и расстроен историей с Дугласом, охотно согласился. Он сам ходил на нижнюю палубу и долго беседовал с бывшим рабом. Манеры этого темнокожего совершенно пленили его.

Лекция была объявлена. По кораблю пошли толки о визите капитана на полубак. Однажды вечером в одной из самых роскошных кают сидели трое молодых людей. Они буквально дрожали от ярости.

— Клянусь богом, сэр, — произнес один, стукнув по столу кулаком, — мы этого не потерпим!

— Приглашен в салон! — подхватил другой.

— Самим капитаном! — Балованный сынок плантатора из Луизианы с такой злостью рванул свой шелковый галстук, что порвал его. — Выставлять напоказ этого пса, этого беглого раба! — молодой человек задохнулся от возмущения.

Кузен его с готовностью поддакнул:

— Дурацкого капитана следует выдрать! — Светловолосый юноша из Джорджии осушил свою рюмку коньяка и замахал рукой; он был совсем пьян.

— Одну минуточку, джентльмены. Не спешите! У меня есть план… есть, значит, план…

— Какой там план, ко всем чертям планы! — Смуглое лицо луизианца зловеще налилось кровью. — Мы просто швырнем черномазого за борт, пусть только вздумает показать в салоне свою наглую физиономию!

— Да, — согласился его кузен, — мы покажем этим проклятым янки.

Они не могли поверить, что он действительно придет. Но ведь они не знали Фредерика Дугласа.

В назначенный вечер салон рано заполнился пассажирами. Мало кто из дам отважился побывать на нижней палубе, и теперь цветные оборки и пушистые локоны трепетали, пока их возбужденные обладательницы поудобнее устраивались на мягких диванах. Точно в указанный час в дверях появилась внушительная фигура. По знаку капитана, вставшего со своего стула, Дуглас направился к приготовленному для него месту.

Тут-то и началось. К упоминавшимся уж трем молодым людям присоединились еще двое; теперь их стало пять. При появлении Дугласа двое, находившиеся в салоле, вскочили и сейчас же в комнату вбежали остальные, которые ждали этого знака на палубе.

— Заткни ему глотку!

— Хватай черномазого!

— Бросай его за борт!

Дамы завизжали, мужчины повскакали с мест, однако Дуглас стоял неподвижно и ожидал приближения противников. Может быть, он был готов к чему-либо подобному. Во всяком случае, лицо его не изменилось. Шум и смятение нарастали, ибо хулиганы с проклятьями и руганью обрушивались на всех, кто пытался им помешать. Но они не подумали о капитане. Громовым голосом старый британец отдал какой-то приказ. Немедленно в салон вбежали матросы. И не успели заносчивые южане опомниться, как их схватили дюжие британские моряки; крепко держа барахтающихся молодчиков, они ждали дальнейших приказаний капитана.

Капитан Джадкинс был вне себя. Он свирепо уставился на совершенно ошеломленных этим поворотом событий драчунов, которые бессвязно пытались выразить ему свое неудовольствие. Но капитан предпочитал оставить без внимания все, кроме одного очевидного факта:

— Надеть на этих пьяных молокососов кандалы, пока они не протрезвятся! — И капитан отвернулся от них, предоставив опытной команде выполнение приказа.

Луизианец побелел. Он тупо озирался вокруг, ожидая, что пассажиры возмущенно вступятся за арестованных. Но этого не

произошло. Лица вертелись словно в каком-то бреду перед его глазами, когда он, спотыкаясь, выходил с матросами из салона. Позже он услышал доносившиеся с верхней палубы аплодисменты.

На следующий день показалась земля. Серая дымка между небом и океаном стала зеленой, превратилась в очертания берега. Человек, стоявший на палубе возле Фредерика, крепко сжал поручни пальцами с обломанными ногтями.

— Ирландия, — еле слышно произнес он, и в голосе его была боль и страстная тоска.

В эту ночь Фредерик не спал. Он провел ее вместе с другими пассажирами, не уходившими с палубы. Сбившись в кучку, они разговаривали вполголоса, ловили глазами вдруг вспыхнувшие вдали огоньки, напрягали слух, пытаясь услышать что-нибудь. Некоторые из этих людей потерпели неудачу в ошеломляющем Новом Свете и теперь возвращались на родину. Другим повезло больше и теперь они ехали за своими родителями, женами, детьми.

У Фредерика было иное. Он переплыл океан! Он переплыл небо! Америка, и все, что с ней связано, осталось далеко позади. Как-то примет Европа темнокожего беглеца из страны рабства?

Корабль вошел в Ливерпульский порт, однако какие-то формальности помешали пассажирам немедленно сойти на берег. Ни Балтимор, ни Нью-Бедфорд, ни даже Нью-Йорк не шли в сравнение с Ливерпулем. Этот город быстро разрастался, превращаясь в какого-то чудовищного паука английской торговли, протягивая свои цепкие щупальца в самые дальние уголки земного шара, собирая в свою паутину все богатства, которые дает человеку земля в самых далеких уголках света.

Выросший на узкой полоске земли близ устья реки Мерсей, которая постоянно очищалась от наносов ила морским прибоем, Ливерпуль служил некогда спокойной гаванью для рыболовецких судов, регулярно возивших товары в Ирландию. Моряки средневековья не уделяли особого внимания песчаным холмам, возвышавшимся над болотистым берегом. Потом река Ди, в которую входили океанские суда, покрылась илом. Тем временем стала развиваться торговля с Америкой и выяснилось, что Ливерпуль расположен чрезвычайно удобно и может сыграть большую роль в новых условиях. Часть речной заводи была приспособлена для плавучих доков, заболоченные места высушены и засыпаны грунтом, в холмистом песчанике без труда проложили железнодорожные тоннели. Британская империя расширялась.

Теперь в порту сновали разнообразные торговые суда,

груженные железом и солью, строительным лесом и углем, зерном, шелками, шерстью, табаком и, чаще всего, необработанным хлопком из Америки.

Фредерик видел, как разгружали хлопок и высокими кипами укладывали его на пристани. Он знал, что хлопок этот предназначен для ланкаширских ткачей. А знают ли эти ткачи, как его сеют, выращивают и собирают?

Совершенно неожиданно в городе стало известно о существовании Фредерика Дугласа.

Молодые южане, которым столь невежливо помешали осуществить задуманную расправу с Фредериком, по прибытии в Ливерпуль отправились в полицию, требуя ареста «беглого раба» и капитана Джадкинса. Они, однако, не были подготовлены к невозмутимости британского правосудия. Все же, ничуть не сомневаясь в исходе дела, американцы побывали в редакциях газет, везде они подробно рассказывали о «возмутительном обращении» с ними на корабле, обвиняли капитана и всю его команду и ругали как могли дерзкого подстрекателя этого «преступления против общества».

Нелегко пробудить любопытство англичан. Но и пресса и городские власти были задеты выражениями молодых джентльменов. Поведение наглых американцев им не понравилось. Представители полиции и газет навестили капитана Джадкинса. Кратко, энергично и недвусмысленно изложил он суть дела. Полиция осведомилась, не желает ли он, чтобы этих молодчиков посадили в тюрьму. Капитан хладнокровно обдумал это предложение и решил, что эти субъекты его, пожалуй, не интересуют. Он, безусловно, поведет свою супругу послушать черного американца: это доставит ей очень большое удовольствие. «А теперь, если у инспектора больше нет вопросов, разрешите откланяться — миссис Джадкинс ждет», — и капитан торопливо зашагал прочь своей раскачивающейся морской походкой, а репортеры решили, что им надо побывать у «черного американца».

Достопочтенный Уильям Гладстон, который приехал из Лондона в Ливерпуль на несколько дней, сидя в одиночестве за поздним завтраком, еще раз перечитал одно место в утренней газете. Вновь назначенный министр колоний проводил большую часть своего времени в Лондоне, однако домом его по-прежнему оставался Ливерпуль. Гладстон жил в великолепном особняке, выстроенном в пригороде. Здесь, подальше от грязи и шума причалов и товарных складов, в стороне от проезжей дороги, отгородившись высокими заборами и пышной зеленью, располагались резиденции самых влиятельных представителей

британского купечества. Гладстон с двадцатитрехлетнего возраста представлял своих соседей в правительстве, сначала в качестве вице-председателя, а потом и председателя торговой палаты. Теперь, в тридцать шесть лет, он занял пост министра колоний. Чтобы заправлять делами, связанными с Египтом, Австралией и сказочно богатой Индией, нужен был человек, хорошо знающий торговлю, понимающий, какие меры способствуют ее развитию.

Гладстон нахмурился и скомкал газетный лист.

— Невинс! — позвал он.

— Что угодно, сэр?

— Невинс, вы были в городе на этой неделе?

Невинс ответил не сразу. В этих делах требуется точность.

— На этой неделе не был, сэр.

— А слышали вы какие-нибудь толки о собрании Общества Британской Индии?

— Простите, сэр, я не понял.

— Индийского общества или вообще о чем-нибудь, имеющем отношение к Индии, — пояснил министр колоний. — Насколько мне известно, в провинции происходят в последнее время митинги, идут разговоры о голоде в Индии, о независимости Индии — словом, ведется какая-то агитация.

— У нас не было ничего подобного, — с некоторым неодобрением отвечал Невинс

Министр колоний снова взял в руки газету и, нахмурясь, продолжал читать.

— Я думаю о том, дет ли здесь какой-то… связи. Хотя бы отдаленной. Ведь это вполне возможная вещь…

— Не понимаю, сэр.

— Здесь говорится, что беглый раб из Америки будет выступать сегодня в городе — в одном из этих рабочих клубов. Их теперь очень много стало.

— Вы сказали раб, сэр? Быть может, африканский людоед?

— Не может быть, а точно. Вот тут рассказывается невероятная история о том, что произошло с этим малым на корабле. Капитан утверждает, что он образован.

— Не могу этому поверить, сэр.

— Гм… Если это факт, то очень странный. Но кто бы мог привезти его сюда?

Время еще не успело смягчить память об американской войне за независимость. За американцами — белыми или черными, безразлично — нужен глаз да глаз!

— Невинс!

— Слушаю, сэр.

— Мне бы хотелось, чтобы вы присутствовали на этом митинге.

— Я, сэр?

— Да, послушайте, о чем говорит этот раб, и постарайтесь выяснить, что за всем этим скрывается.

Хатчинсоны задумали дать в этот вечер обычный концерт. Общество борьбы с рабством предложило мистеру Баффему произнести перед началом несколько слов. Дугласа должны были только представить публике, он хотел сказать лишь, что рад своему приезду в Англию. Но газеты так широко раздули историю с Фредериком Дугласом, что устроители в последнюю минуту решили использовать представившийся случай и дать Дугласу выступить. Когда зал начал заполняться, стало ясно, что народ идет сюда ради «черного человека».

Пока толпа в почтительном молчании слушала пение Хатчинсонов, Фредерик внимательно разглядывал свою первую английскую аудиторию. В ней чувствовалось нечто новое, непривычное, подтверждавшее то, что он успел подметить, бродя эта два дня по Ливерпулю. Впервые в жизни он видел белых людей, участь которых можно было сравнить с участью негритянских рабов в Америке. «Правда, здесь, в Ливерпуле, они могут уйти с работы, — размышлял Фредерик, — но это значит, что дети их будут голодать». Он видел, в какой немыслимой нищете живут эти люди: ютятся по нескольку семейств в двух-трех комнатках или без перегородок в грязном подвале, спят на соломе и стружках.

Сейчас он сидел на эстраде и пристально всматривался в лица собравшихся. Их глаза, решительно сжатые челюсти говорили о какой-то упрямой, жесткой силе, которую ничем нельзя уничтожить. В них было нечто сродни собственной его силе. И поэтому, когда Фредерик поднялся, чтобы начать свою речь, ему не пришлось искать нужные слова. Он сказал им, что рад своему приезду в Англию, рад, что здесь, на британской земле, он свободен по-настоящему, что ни один охотник за беглыми рабами не может стащить его с этой платформы и никакая самая длинная рука не дотянется сюда, чтобы вернуть его хозяину. Здесь он стоит перед ними как свободный человек среди свободных людей.

Аудитория бурно откликнулась на эти слова. И когда стихли, наконец, аплодисменты и возгласы, Фредерик заговорил о хлопке. Он рассказал им о кипах хлопка, которые высятся сейчас в ливерпульских доках, и о том, откуда они сюда попали. Он рассказал о черных руках, собирающих этот хлопок, о крови, обагряющей землю, на которой он растет.

— Из-за того, что английским фабрикантам нужен хлопок, рабство в Америке по-прежнему возмущает умы всего цивилизованного мира и препятствует деятельности аболиционистов и в Америке и в Англии. Если бы Англия покупала хлопок, выращенный свободными людьми в другой части света, если бы она прекратила покупку хлопка, выращенного подневольным трудом, рабство в Америке просто перестало бы существовать.

Он ярко изобразил ужасы рабства. Объяснил, каким образом труд закованного в цепи раба обесценивает труд всех рабочих. Ливерпульцы слушали затаив дыхание, вытянувшись вперед, не сводя глаз с Фредерика.

— Хлопок можно выращивать с помощью свободной рабочей силы, недорого и в гораздо больших количествах в Индии. Англия в собственных своих интересах и из гуманных соображений должна без промедления исправить причиненное Индии зло, взять под свою защиту и покровительство ее угнетенный и страдающий народ и таким путем обеспечить себе постоянное и обильное снабжение хлопком, взращенным и собранным свободными людьми.

— Сильная речь, сэр! — доложил на следующее утро Невинс.

Министр колоний несколько раздраженно взглянул на своего секретаря.

— Ну, знаете, Невинс! Будем выражаться точнее. Негр произнес сильную речь — не кажется ли это В'ам некоторым преувеличением?

— Он не настоящий негр, сэр, — к удивлению министра, отвечал Невинс.

— Боже праведный! Кто же он, в таком случае?

— Не могу сказать с уверенностью, сэр. — В Невинсе чувствовалось сегодня какое-то удивительное упрямство.

Министр передернул плечами.

— Ну, ну. О чем же он говорил?

Ум Невинса вдруг озарила ясная мысль.

— Он говорил о хлопке, сэр.

— О хлопке? — министр недоверчиво посмотрел на Невинса. — Что же он мог сообщить о хлопке, скажите на милость?

— Он сказал, что в Индии можно выращивать лучший хлопок, чем в Америке.

Минута озарения миновала, и больше из Невинса ничего нельзя было выжать. Однако министр колоний еще до возвращения в Лондон прочел в газетах подробные отчеты о речи Дугласа. Он достал свою записную книжку и на чистом листке

записал имя — «Фредерик Дуглас». Потом в задумчивости обвел его кружком. Уильям Гладстон мысленно перенесся в будущее, когда, быть может, из Америки уже не будет поступать дешевый хлопок. Министр колоний был основательным человеком и не привык относиться легкомысленно к чему бы то ни было.

В Дублине в ярко-красном кирпичном доме неподалеку от Рэтланд-сквер сидел Даниель О'Коннелл. Вокруг него сгущались сентябрьские сумерки. В руке О'Коннелла было письмо — письмо, которое он перечитывал в ожидании гостя. Друг из далекой Африки, Уильям Ллойд Гаррисон, писал:

«Я посылаю его к вам, О'Коннелл, потому что только у вас и ни у кого другого он может почерпнуть полезное для себя. Это настоящий молодой лев, он еще не развернулся как следует, но полон могучей силы, которая еще проявится. Я дрожу за него! Я человек не очень ученый. Меня могут повергнуть в замешательство хитроумные фразы, составленные из длинных слов. Ученые богословы говорят, что я вечно стремлюсь к недосягаемому совершенству… Я верую, что, как христиане, мы должны обращать в свою веру и учить добру род человеческий. И все же, да простит мне господь, сомнения одолевают мое сердце. Вот человек, который всего лишь несколько лет назад был рабом. Каждый раз, когда я смотрю ему в лицо, я чувствую себя преступником. Я стыжусь своей принадлежности к нации, которая совершила столько несправедливостей по отношению к нему и при этом продолжает держать его народ в ужасной неволе. Я пытаюсь искупить свою вину. Но кто я такой, чтобы определять жизненный путь этого молодого человека? На моей спине нет следов бича; я рос, окруженный нежной заботой матери; я с гордостью произношу имя своего отца. Я свободный белый человек, живущий в государстве, которое было создано для свободных белых людей. Но вы, О'Коннелл, знаете, что такое рабство! Народ ваш не свободен. Нагой и голодный живет он в обществе, где все пороки цивилизации сочетаются с тяготами и дикостью примитивного существования. Но если дикари пользуются свободой и могут кочевать по своим лесам и ловить рыбу в своих реках, то ирландцы лишены всего этого; лишены они также и хлеба, который получают подневольные люди за свою службу. У вас Фредерику Дугласу есть чему поучиться. С любовью рекомендую его вам. Он снова вселит твердость в ваше большое сердце. Он укрепит вашу веру и надежду на будущее человечества».

Старик сидел, перебирая листки письма. На его плотной, тяжелой фигуре лежало бремя прожитых лет. Сейчас он, казалось, снова услышал свой юный голос: «Сыны Ирландии! Поднимайте

народ!»

И все же голодных арендаторов продолжали сгонять с земли. Огромный замок, окруженный убогими, разваливающимися хижинами, отбирал всю пищу и топливо у окрестных жителей. Ирландцы были невежественны, потому что им негде было учиться, ленивы, потому что им нечем было заняться; они пьянствовали, потому что мерзли в своих холодных жилищах. Ирландия долгое время находилась под игом, достаточно тяжелым, чтобы ожесточить народ, но все же недостаточным, чтобы привести его в полное повиновение. Однако случившийся в этом году недород картофеля поверг людей в состояние какой-то мертвенной апатии. Ирландский бедняк-арендатор считал, что как бы он ни старался, лучше ему все равно не станет, а хуже быть уже не может. И повсюду были жандармы, пьяные вдребезги и вооруженные карабинами и штыками, с наручниками наготове.

Даниелю О'Коннеллу было тридцать шесть лет в 1812 году, когда в Дублин прибыл Роберт Пиль. О'Коннеллу этот двадцатичетырехлетний министр по делам Ирландии казался воплощением английского духа. Ирландец О'Коннелл должен был стать священником и получил соответствующее воспитание; но вместо духовной деятельности он посвятил себя юриспруденции и стал продвигаться очень быстро, насколько это было возможно католику при протестантском правительстве. Ирландский католик имел право голосовать, но не мог быть избранным в парламент; он имел возможность служить в армии, во флоте, избирать ученые профессии, но нигде не достигал высоких постов и званий. Ему не разрешалось преподавание в университетах, и все сколько-нибудь важные государственные должности были ему недоступны.

Как адвокат, О'Коннелл пользовался огромной популярностью. Это был высокий человек с шапкой рыжих кудрей и неправильными, почти безобразными чертами лица. Говорили, что голос его можно услышать за милю, а звучал он мелодичнее музыки. Отчаянный и хитрый, великодушный и мстительный, О'Коннелл неутомимо сражался за Ирландию. Он был брошен в тюрьму за то, что вызвал на дуэль Роберта Пиля. Дуэль так и не состоялась. В конце концов О'Коннелл принес извинения, думая, что таким путем удастся умилостивить англичанина во время обсуждения в парламенте законопроекта о католиках.

Ныне Роберт Пиль стал премьер-министром Англии, а нищета и страдания по-прежнему саваном окутывали всю Ирландию. О'Коннелл тряхнул головой. Гаррисон заблуждается. О'Коннеллу нечему научить этого молодого человека. В семьдесят лет человек заканчивает свои жизненные труды, а он, Даниель

О’Коннелл, так и ничего не добился.

Через некоторое время служанка внесла зажженную лампу и поставила ее на стол. О’Коннелл ничего не сказал. Он ждал.

Вот он услышал голоса в передней и поднялся со стула, устремив зоркие глаза на дверь. Она распахнулась, и Фредерик Дуглас ступил через порог. С минуту темнокожий гость стоял неподвижно, озаренный светом лампы, потом улыбнулся. И что-то откликнулось на эту улыбку в усталом сердце старого ирландца. О’Коннелл пересек комнату, положил обе ладони на плечи молодого человека и глубоко заглянул ему в глаза.

— Сын мой, я рад вам, — сказал он.

И вот Фредерик Дуглас увидел Ирландию и познакомился с ее народом. Он узнал, почему так быстро стареют лица женщин, закутанных в платки.

Он видел малышей, жадно подбирающих кусочки угля на замусоренных причалах Корка. Он видел тучные стада, пасущиеся на заливных лугах Голдн-Вейла, в то время как маленькие дети умирали, потому что для них не было молока. Вглядываясь в даль, открывавшуюся за озерами Килларни, он видел по одну сторону заброшенные высохшие земли, заболоченные пустыри, поросшие вереском, кое-где низкорослые ели; а по другую у подножья гор, обрамляющих чудесные озера, — веселые зеленые пашни и луга, густые рощи, пышную, почти тропическую растительность. Он знал, что в Ирландии существуют только богачи и бедняки, только дворцы и лачуги.

— Плохое управление вызвано невежеством, а невежество порождается плохим управлением, — говорил О’Коннелл, выбивая о край стола свою короткую трубку. — Мало кто из англичан посещает Ирландию. А те, что приезжают, лишь катаются в своих экипажах из одного поместья в другое. Нищие, которыми кишмя кишит Дублин, вызывают в них только отвращение.

— Но… но почему же эти нищие не работают?

— В Ирландии нет никакой промышленности. Шерсть и пшеница идут на английские фабрики и мельницы. Чтобы работать в Ирландии, надо иметь надел земли.

Сосредоточенно хмурясь, Дуглас пытался разрешить эту новую задачу. Значит угнетают не только негров? Должна быть какая-то общая для всего причина. О’Коннелл кивнул головой.

— Собственность на землю! Вот из-за чего повсюду идет борьба, говорим ли мы о Шотландии или Ирландии, о темнокожих народах Индии или о неграх Южной Африки. А где теперь, если уж на то пошло, краснокожие племена у вас в Америке?

На лице молодого человека отразился ужас.

— Неужели мир так мал и тесен, что люди должны уничтожать друг друга из-за клочка земли?

— Вовсе нет. Но всегда были и есть такие люди, которые ничем не хотят поделиться с другими. Завоевание стало считаться подвигом. Теперешние герои отнимают, а не дают.

Старик был в отличной форме в ту осень. Его вдохновляло и подбадривало присутствие этого молодого человека, в котором постоянно трепетала пытливая, настойчивая, горячая мысль. Несколько месяцев назад О'Коннелл отменил грандиозный митинг, намечавшийся в огромном здании Консилэйшен-холл. Здание вмещало двадцать тысяч человек, и О'Коннелл чувствовал, что такая аудитория ему не по плечу. Однако теперь он объявил, что передумал: они с Дугласом будут выступать там вместе.

Митинг превратился в событие, о котором долго еще толковали потом зимними вечерами. «Дан, наш Дан», как называл его народ, превзошел самого себя. Массивные, но сутулые плечи старика расправились, седая голова была высоко поднята. Снова зазвучал в полную силу его изумительный голос.

«Пока я не услышал этого человека, — писал позже Дуглас, — я думал, что рассказы о силе его ораторского искусства преувеличены. Я не представлял себе, как это можно говорить перед аудиторией в двадцать-тридцать тысяч человек так, чтобы вас слышала по крайней мере значительная ее часть. Но эта загадка разъяснилась, когда я увидал внушительную фигуру этого человека на платформе и услышал его музыкальный голос. Красноречие его обрушивалось на эту огромную аудиторию, как летний грозовый ливень на пыльную дорогу. Подчиняясь его воле, народ то роптал, охваченный бурей негодования, то погружался в молчание, которое можно было сравнить лишь с тишиной, царящей вокруг колыбели уснувшего под материнское пение ребенка. Какая мягкость, какой пафос, какая всеобъемлющая любовь звучали в этой речи! И вместе с тем, какой гнев, какое пламенное, громовое обвинение; какое остроумие и юмор; ничего превосходящего и даже равного мне никогда не доводилось слышать ни на родине, ни за границей».

В журнале «Браунсонс ревью» появилась статья о выступлении О'Коннелла. Мистер Браунсон, недавно принявший католичество, осуждал «освободителя Ирландии» за его нападки на американские общественные институты. О'Коннелл произнес еще одну речь.

— Меня обвиняют в том, что я нападаю на американские общественные институты — так именуется рабство, — начал он. — Что ж, я не стыжусь этого… Мое сочувствие обездоленным

не ограничено тесными пределами нашей зеленой Ирландии; душа моя переносится через моря и земли; повсюду, где только есть страдания и горести, присутствует и мое сердце, готовое помочь и облегчить горе.

Эта поразительная пара — Дуглас и О'Коннелл — объездила вместе всю Ирландию. О'Коннелл говорил об антирабовладельческом движении и разъяснял, почему народ Ирландии должен к нему примкнуть; Дуглас пропагандировал мысли О'Коннелла о равноправном участии всех народов Англии в управлении страной и праве наций на самоопределение.

— Государство должно существовать, — сказал О'Коннелл. Оба они сидели в доме старика и негромко беседовали. — И народ должен участвовать в управлении страной, должен учиться выбирать и принимать на себя ответственность. У вас, в Соединенных Штатах Америки, есть превосходная конституция. Я внимательно изучил ее.

— А я никогда ее не читал, — с чувством стыда произнес его темнокожий собеседник.

— Нет? — О'Коннелл пристально посмотрел на сумрачное лицо Фредерика. — Но зато вы читали великолепную Декларацию независимости.

— Да, читал! — В голосе Дугласа зазвучала глубокая горечь. — И убедился, что все это — одни лишь красивые слова!

Ирландец наклонился вперед, положил руку на колено молодого человека и мягко произнес:

— Да, мальчик, слова! Но слова, которые могут претвориться в жизнь! И ради этого стоит работать и даже воевать!

ГЛАВА 9
«…И ОТНЫНЕ ОБЪЯВЛЯЮ СВОБОДНЫМ, ОТПУЩЕННЫМ НА ВОЛЮ И ОСВОБОЖДЕННЫМ ОТ КАКОЙ БЫ ТО НИ БЫЛО ЗАВИСИМОСТИ…»

Два письма пришли одновременно: одно от Джеймса Баффема Фредерику, другое — О'Коннеллу от английского аболициониста Джорджа Томсона. Томсон был в Америке, когда он выступал в Бостоне, в него бросали камни. Томсон не был знаком с Дугласом, но слышал о нем от Уильяма Ллойда Гаррисона.

Суть писем заключалась в одном: «Дуглас нужен нам в Шотландии».

«Установлено, — писали Баффем и Томсон, — что Свободная церковь Шотландии во главе с прославленными докторами богословия Каннингемом, Кэндлишем и Чалмерсом принимала от работорговцев деньги на построение храмов и плату священникам, проповедующим евангелие». Противники рабства в Глазго считали это позором. Эти духовные руководители именем бога и священного писания разрешали не только брать деньги от торговцев живыми людьми, но и вступать с ними в какие-то деловые связи. В народе Шотландии все это вызвало большое возбуждение. Повсюду возникали митинги и срочно требовались хорошие ораторы. Баффем и Томсон уже выехали в Эдинбург.

— Вы вернетесь сюда, Фредерик? — в голосе О'Коннелла было что-то тоскливое. Казалось, он расстается с сыном.

— Езжайте с нами, — убеждал его Фредерик.

Но О'Коннелл лишь покачал головой.

— Нашему народу грозит голод. Сначала здесь не уродился картофель. А теперь неурожай пшеницы в Англии. Времени больше нет. Ричард Кобден пишет, что премьер-министр собирается приехать к нам. Надежда слабая, но все же я должен быть на месте, если я понадоблюсь.

— Тогда, быть может, мы встретимся в Лондоне? — Фредерику невыносимо было думать, что он никогда больше не увидит этого старика.

— Быть может, Фредерик. Да благословит вас бог!

Славный старый город Эдинбург был в буквальном смысле слова заклеен газетными листами и плакатами, когда приехал

Фредерик. «Отошлите деньги назад!»— эти слова глядели на него с каждого угла. Этот лозунг украшал все площади города. Он был наспех написан на тротуарах и начертан большими белыми буквами на склоне скалистого холма, который, словно Гибралтар, стоит на страже Эдинбурга. «Отошлите деньги назад!»

Несколько дней подряд Джордж Томсон, Джеймс Баффем и еще один американец, Генри К. Райт, проводили в городе митинги, посвященные борьбе против рабства. Как только прибыл Дуглас, они привезли его в самое прекрасное здание из всех, где ему довелось до сих пор побывать. Участники митинга уже собрались и приветствовали его одобрительным гулом. Не тратя времени на то, чтобы смыть с себя дорожную пыль и сажу, Фредерик тут же поднялся на платформу и начал рассказывать о своей жизни в неволе.

После этого возбуждение в городе усилилось. Слова «Отошлите деньги назад!» появились в виде заголовка на первой полосе крупнейшей эдинбургской газеты. Кто-то написал популярную песенку, где слова эти служили припевом. Где бы ни появлялся Дуглас, вокруг него собирались целые толпы. Он снова стал символом требования народа.

Наконец генеральная ассамблея Свободной церкви Шотландии не выдержала и объявила, что а Кэннон Милз состоится открытая сессия ассамблеи.

Четверо аболиционистов решили обязательно присутствовать на этом собрании. То же решили чуть не все остальные жители Эдинбурга. Зал в Кэннон Милз вмещал около двух с половиной тысяч человек. Задолго до начала большая толпа собралась перед зданием, ожидая, когда откроются двери.

Дуглас всегда с огромным удовольствием — вспоминал этот митинг в Кэннон Милз.

Доктор Каннингем, встреченный оглушительными аплодисментами, поднялся с места и начал произносить свою ученую речь. Логично и красноречиво развивал он цепь своих аргументов, сводя их к тому, что ни Иисус Христос, ни его святые апостолы не считали рабовладение грехом.

Едва только духовный пастырь достиг этой кульминационной точки, как раздался негромкий, но полный упрека голос Томсона: «Слушайте, джентльмены! Слушайте!» Оратор умолк, в аудитории воцарилась гробовая тишина.

«Этот очень обычный возглас произвел почти неправдоподобный эффект, — писал Дуглас. — Казалось, словно стремительный речной поток был внезапно остановлен гранитной стеной… И доктор и его слушатели были, очевидно, поражены как дерзостью, так и уместностью этого упрека».

Выждав мгновенье-другое, оратор старательно откашлялся и продолжал говорить. Однако теперь слова застревали у него в горле — поток его красноречия преградило солидной плотиной. Речь еще тянулась как-то несколько минут, а затем доктор, под очень жидкие хлопки, спотыкаясь, побрел на свое место.

Свободная церковь Шотландии продолжала держаться за свои запятнанные кровью деньги, а люди опускали головы в горьком стыде.

— За нашими плечами — столетия неумелого руководства и слепого, покорного повиновения рядовых людей, — печально сказал Эндрью Пэтон.

— Однако на этот раз вы протестовали по-настоящему. Теперь шотландский народ знает, что такое рабство, — заверил его Джордж Томсон.

Томсон, Баффем и Дуглас вместе отправились в Лондон. Они ехали в почтовой карете, останавливаясь на ночлег в придорожных гостиницах. Путешествие это было настоящим удовольствием. Фредерик любовался прозрачной нежной дымкой, которая окутывала землю. Нечто успокаивающее, домашнее таилось в этом ландшафте; застывшее величие массивных утесов Шотландии постепенно сменялось округлыми холмами, просторными долинами, слегка волнистой поверхностью поросших вереском торфяных болот. В Ирландии дороги были прескверные, редко попадавшиеся постоялые дворы убоги и грязны. Сейчас они ехали быстро и с удобствами, а когда опускалась ночь, огни гостеприимного крова приветливо подмигивали путникам; обед был всегда горяч и сытен, хозяин таверны добродушен и услужлив. «Бесспорно, — думал Фредерик, — жизнь в Англии куда приятнее».

Все трое аболиционистов были трезвенниками — они принципиально воздерживались от спиртных напитков. Однако Фредерик не мог побороть искушения отведать пенистого эля, который с таким смаком поглощали все вокруг.

— Вы уверены, что это спиртное? — спросил Фредерик.

Томсон от души расхохотался, откинув назад голову.

— Если вы боитесь опьянеть, выпив кружку эля за обедом, то я могу вас уверить: этого не будет. — Англичанин лукаво поглядел на него. — Хотите попробовать?

— Фредерик! — Баффем нахмурился, явно не одобряя этого легкомыслия. На три четверти массачусетский пуританин, он ощущал свою ответственность как старший из них.

Но англичанин воздел руки и убеждающе заговорил:

— Пусть это будет испытанием для него, друг Баффем. Перед вами человек, только что прибывший в Англию. Он подмечает,

что эль — национальный напиток. Он спрашивает — почему? — Томсон наклонился вперед. — Разве он сможет говорить о соблазнах каких-либо спиртных напитков, даже не попробовав эля? Будьте же логичны!

Фредерик был уверен, что один глаз Томсона явственно подмигнул во время этой серьезной тирады. Молодой человек широко ухмыльнулся и обратил просящий взор на секретаря Массачусетского общества борьбы с рабством. Теперь ему уже самым серьезным образом хотелось эля. Баффему ничего не оставалось, как рассмеяться, пусть несколько принужденно.

— Фредерик, Фредерик! Что скажут об этом дома? — Томсон уже делал знаки бежавшему мимо слуге, чтобы тот принес большую кружку эля. — Это происшествие, — глубокомысленно произнес он, вновь повернувшись к своим спутникам, — не будет занесено на скрижали истории. — Он окинул взглядом широкую физиономию Фредерика, на которой появилось сейчас несколько торжественное выражение, и, подняв брови, закончил: — Но, по моему мнению, этот единичный случай разгула не принесет большого вреда нашему юному другу.

Появился слуга не с одной, а с тремя большими пенящимися кружками эля — так он истолковал заказ Томсона, — со стуком опустил их на стол, разбрызгав пену во все стороны, и исчез, прежде чем кто-либо успел произнести слово.

— Однако!.. — Томсона разбирал смех. — Похоже, что наш юный друг не будет предаваться разгулу в одиночестве. Быть по сему! — И он высоко поднял свою кружку.

Следующие дни прошли в хлопотах. Баффем и Дуглас поселились на Тейвисток-сквере, недалеко от Тейвисток-хауза, где десять лет прожил Диккенс. Лондон должен был стать штаб-квартирой Фредерика. Отсюда он будет совершать поездки по всей Англии, а весной отправится в Уэльс. Фредерика посещали представители комитета по Британской Индии, Общества друзей (квакеров), Африканского колониального общества и группа деятелей, боровшихся за отмену хлебных законов.

— Это борьба бедняка, — говорили они.

Фредерик внимательно слушал, читал утренние и вечерние газеты и задавал вопросы. Он выступил в Масонском зале, избрав темой своей речи право каждого рабочего на хлеб. Дуглас говорил хорошо, ибо стоило ему лишь ступить за порог своей лондонской квартиры, как он видел всюду нужду и голод. А затем писатели Уильям и Мэри Хоувит прислали Фредерику милую записку с приглашением провести конец недели в их загородном доме. К счастью, Фредерик уже успел побывать у хорошего портного.

— Поезжайте, Фредерик, — убеждали его товарищи. — Хоувиты — квакеры и очень влиятельны. И вы хорошо отдохнете там.

Осеннее ненастье словно саваном окутало Лондон, но в Клэпхеме, где жили Хоувиты, было чудесно. Супруги горячо приветствовали гостя.

— Мы читали вашу «Повесть», так что вы для нас — старый друг.

Так началось знакомство Фредерика с жизнью английской усадьбы. Он вышел в прекрасный сад и едва не наступил на Ганса Христиана Андерсена.

Мэри и Уильям Хоувиты переводили на английский язык сказки датского писателя. Андерсен очень любил эту чету, и дом их в Клэпхеме всегда служил для него тихой пристанью. Если наезжали гости, Андерсен обычно уходил в сад и начинал возиться с цветами. Он знал, что сегодня должен приехать знаменитый бывший раб, но собирался познакомиться с «им вечером, когда закончится парадное чаепитие с чужими людьми. Теперь, стоя на коленях, с выпачканным в земле носом, взрыхляя садовой лопаткой клумбу, он с изумлением разглядывал пришельца. «Какой он темный и бородатый, и что за великолепная голова!»

Мелодичный смех, раздавшийся за его спиной, заставил Фредерика обернуться. Смешной человечек неуклюже поднялся на ноги, и Мэри Хоувит, которая вышла в сад вслед за Фредериком, сказала:

— А это наш дорогой Ганс.

Андерсен почти не говорил по-английски, а Фредерик никогда не слышал ни одного датского слова, поэтому они могли только широко улыбнуться друг другу. Но поздно вечером, сидя у пылающего камина, Фредерик читал волшебные сказки Андерсена, а писатель, потягивая коньяк, следил за его выразительным темным лицом. Глаза их встретились, и они сделались друзьями.

На следующий день Дуглас стал расспрашивать Хоувитов об их переводческой работе и о том, как изучают чужие языки. Затем заговорил сказочник. Он говорил по-датски, и Мэри переводила. Он рассказывал о различных языках, их истории и развитии. Он говорил Фредерику о словах, об их символическом Волшебном смысле. И еще один темный уголок осветился в мозгу Фредерика.

Лето и осень 1845 года были очень дождливыми. Роберт Пиль, премьер-министр Великобритании, стоял у своего окна и смотрел, как водяные струйки барабанят по вымощенному булыжником двору. Но видел он перед собой не эти камни, не

вымокшие стены. Он видел гниющие под дождем незрелые колосья пшеницы. Он знал, что надвигается кризис, и не был к этому готов.

Роберт Пиль принадлежал к партии тори. Его происхождение и воспитание, его правление в качестве министра по делам Ирландии, его политическая деятельность— все было самым тесным образом связано с консервативной партией. У премьера всегда было высокомерное выражение лица. Но это был честный человек, быстро набиравшийся государственной мудрости.

До начала 1840-х годов, несмотря на обширные индустриальные преобразования последних пятидесяти лет, в Англии еще сохранялось какое-то равновесие между промышленностью и сельским хозяйством. Фермеры могли прокормить большую часть рабочих на фабриках, в рудниках и во вновь возникавших городах. Однако население все росло, деревня приходила в упадок, и страна покрывалась сетью новых промышленных городов. Когда Пиль пришел к власти, Англия находилась в чрезвычайно бедственном положении. Надо было решить экономическую проблему — это премьер-министр знал. Он прислушивался к речам Джона Брайта, квакера-ткача из Ланкашира, и принимал у себя Ричарда Кобдена.

— В эту самую минуту в тысячах английских домов жены, матери и дети рабочих умирают с голоду.

Пойдемте со мной, и вы не будете знать отдыха, пока не накормите их, — говорил Кобден.

Кобден подкреплял факты логикой. Высокие таможенные тарифы, говорил он, препятствуют ввозу в страну продовольствия и самых необходимых товаров; помещики вздувают цены на пшеницу, обрекая рабочих на голод. Англия находится на грани социальной революции.

И тогда консерватор Роберт Пиль начал снижать таможенные пошлины. В 1842 году он ввел постепенно снижающуюся шкалу налогов на хлеб. Он старался переместить основную тяжесть налогов с бедняков на более зажиточные общественные классы и удешевить насущно необходимые товары. Роберт Пиль хорошо понимал, что без реформы не обойтись, однако ему не хотелось проявлять поспешность. И в этой излишней осторожности таилась его погибель.

Собственная партия отвернулась от Пиля. Виги тоже не доверяли надменному министру. Что замышлял этот тори, делающий вид, будто он действительно хочет ввести более низкие тарифы? Ирландцы ненавидели Пиля по-прежнему, потому что он твердо противостоял отмене уний. Католики были его противниками, потому что премьер высказывался за общие

школы для детей различных вероисповеданий.

Однако самым настойчивым и бдительным врагом Роберта Пиля был Дизраэли. Ни на один день не забывал этот честолюбивый член парламента о том, что его не ввели в кабинет нового премьера. Это упущение Дизраэли воспринял как знак пренебрежения к себе лично. Мучительная ненависть к премьеру направляла каждый его шаг. Хитроумно, обдуманно, расчетливо действовал Дизраэли, чтобы расколоть ряды партии; он собирал вокруг себя молодых аристократов; он льстил им со свойственным ему остроумием и обаянием и нашептывал, что Роберт Пиль — их Роберт Пиль — предатель. Пиль собирается навязать стране закон о свободной торговле. Он намерен широко раскрыть ворота перед потоком чужеземных товаров, который затопит Англию.

Весной 1845 года Ричард Кобден поднялся в палате общин и потребовал отмены хлебных законов. Он говорил, что к сельскому хозяйству следует применить политику свободной торговли, указав, какую пользу она принесла развитию промышленности. Кобден решительно выступил пробив старого заблуждения, что заработная плата меняется в зависимости от цен на хлеб. Он громогласно заявил, что утверждение, будто заработная плата растет, когда хлеб дорог, и падает, когда хлеб дешевеет, не соответствует истине. Слушая его, консерваторы с окаменевшими лицами придвинулись поближе друг к другу.

Роберт Пиль уже не поддерживал хлебных законов. Он хотел, чтобы все «подъемные мосты», окружавшие Англию, были навсегда спущены. Но Пиль не знал, как сможет он, лидер консервативной партии, провести такие революционные преобразования. И он решил предоставить нынешнему парламенту следовать своим путем. На ближайших выборах Пиль обратится ко всему народу: он вовлечет в эту борьбу всю нацию. И народ снова изберет его в парламент; тогда уже он будет независимым от всех партийных связей и обязательств защитником свободной торговли.

Однако погода не склонна считаться с парламентскими выборами! В том же году в Англии не уродилась пшеница, а в Ирландии — картофель. Народ голодал, а хлебные законы не позволяли ввозить в страну зерно. Пиль созвал совещание членов своего кабинета, и там разразилась буря.

Кобден держал свои силы наготове, Были организованы массовые митинги, к участию в которых Кобден и Брайт привлекли всех, кто был в состоянии выступать. Фредерик Дуглас обращался к толпам людей на Пиккадилли, в доках и Гайд-парке. Вместе с Джоном Брайтом он побывал в Ланкашире. В

Бирмингаме и других городах они говорили о праве рабочего на хлеб.

И вот однажды утром, за неделю до рождества, Брайт ворвался в тесную квартирку на Тейвисток-сквере, размахивая газетой.

— Мы выиграли! Мы выиграли! — кричал он. — Кабинет в целости, премьер-министр по-прежнему у власти, отмена хлебных законов утверждена! Мы победили!

Джеймс Баффем мигом вскочил с постели и схватил газету. Из отгороженной занавеской соседней клетушки появился Фредерик и радостно хлопнул по плечу маленького Брайта. На глазах у прядильщика Джона Брайта, сидевшего над веретенами, умирала от истощения жена. Он не успевал заполнить нужное количество шпулек, он недостаточно быстро прял. И жена умерла. Тогда Джон Брайт оставил свой станок и присоединился к приверженцам Ричарда Кобдена. Брайт крепко сжал руку темнокожего человека — нового своего друга, который так хорошо знал, что такое страдание и горе.

— Я уезжаю домой, — раскатисто, на ланкаширский лад проговорил прядильщик, — хочу сам рассказать об этом нашим. Поедем со мной. Порадуемся вместе!

Так получилось, что Фредерик провел рождество в хибарке ланкаширского прядильщика. В канун рождества он писал Анне:

«За стеной плачет младенец, а в комнате, где я пишу, в углу спит малыш, которому, наверно, столько же, сколько Фредди. Он свернулся клубком, и волосы падают ему на лицо. Личико у него не такое круглое, как, помнится, у Фредди, и ножки не такие пухлые. Здесь еще теснее, чем в нашем домике в Нью-Бедфорде, а в семье четверо детей! Но сегодня все они счастливы. Ткачи радовались так, словно Джон и я преподнесли им в подарок весь мир! У меня дрожит рука при одном воспоминании об этом. Мы привезли сюда гуся и кое-какие игрушки для детей. Если бы ты видела их глаза! Завтра у нас будет праздник! Как бы мне хотелось, чтобы ты разделила со мной все это. Мне здесь охотно дают играть с малышами, но сердце мое не может не тянуться к собственным моим ребятам. Здорова ли ты и дети? Посылаю тебе немного денег. Надеюсь, этого хватит на самое необходимое. Но мой рождественский подарок тебе — известие, которое тебя очень обрадует. Здешние друзья собирают деньги, чтобы купить мне свободу, — они собрали семьсот пятьдесят долларов! Милые сестры Ричардсон из Ньюкасла написали в Филадельфию мистеру Уолтеру Форварду, который разыщет капитана Олда и спросит его, сколько он требует за меня. Мистер Форвард сообщит моему бывшему хозяину, что я нахожусь в Англии и что захватить меня

там нет никакой возможности. Не приходится сомневаться, что при таких обстоятельствах капитан назовет сумму и будет весьма доволен, если ее получит! Итак, дорогая Анна, приближается конец нашей разлуки. Я вернусь к тебе и к моим дорогим детям свободным человеком — фактически и юридически».

Несколько минут Фредерик сидел неподвижно, глядя на последнюю строчку. Как заблестят глаза Анны, когда она будет читать это! На миг перед ним возникло ее лицо. Ребенок зашевелился во сне. Фредерик встал и мягкими движениями поудобнее уложил на кровати спящего малыша.

Весной Дуглас направился в Уэльс и объехал это? край, как сообщал он в письме, опубликованном в «Либерейторе», «от Хилл-Хоута до Джайантс-Козуэй, от Джайантс-Козуэй до Кейп-Клиа». 12 мая в Финсбэри-Чэпел, Мурфилдс, он произнес речь, которая была напечатана по всей Англии. Уильям Гладстон прислал Дугласу записку с приглашением посетить его. Дуглас услышал, что Даниель О'Коннелл находится в Лондоне, что ирландцы и английские католики объединились в коалиции, выступающей против Пиля. И все же премьер-министру удалось со сравнительной легкостью провести свой законопроект о хлебных законах через палату общин. Создавалось впечатление, что вопреки лорду Бентинку и Дизраэли новый закон пройдет и через палату лордов. И тогда противники принялись порочить личную репутацию Пиля.

Возвратясь в мае в Лондон, Дуглас немедленно разыскал О'Коннелла. Старик встретил его горячо, но вид у него был измученный, потрясенный. И в разговоре, во время которого оба собеседника не смогли уклониться от темы, занимавшей их сейчас больше всего, О'Коннелл занял оборонительную позицию.

— Мальчик, всю свою жизнь Пиль являлся врагом Ирландии, — О'Коннелл тревожно всматривался в озабоченное лицо Фредерика.

— Но Ричард Кобден уверяет, что Пиль прислушивается к голосу разума. Кобдену уже о многом удалось договориться с ним. Ирландский вопрос служит теперь врагам Пиля, которые хотят его гибели.

— Он желал бы привязать Ирландию к Англии навеки! — Старик с вызовом поднялся на ноги, тряхнув своими седыми волосами.

25 июня законопроект о хлебных законах прошел в палате лордов, но в тот же самый день палата общин большинством в 73 голоса отвергла выдвинутый премьером «законопроект об оружии». Враги Пиля снова получили возможность говорить, что он предает свои принципы и обманывает своих последователей.

Три дня спустя Пиль вручил королеве просьбу об отставке.

В этот вечер Дуглас в сопровождении О'Коннелла отправился в парламент.

— Он будет выступать сегодня в последний раз, — сказал им Джон Брайт.

Члены палаты, странно притихшие, сидели на своих местах. Соперничество между Пилем и Дизраэли пришло к концу. Правда, хлебные законы были отменены— ворота открыты. Но зато Дизраэли вытеснил Роберта Пиля. С премьером было покончено.

Священник Сэмюэль Хэнсон Кокс решил, что Лондон уже вполне сыт Фредериком Дугласом

Шестьдесят или семьдесят представителей американского духовенства прибыли тем летом в столицу Англии с двойной целью, — чтобы участвовать в съездах Всемирного евангелического альянса и Всемирном конгрессе сторонников воздержания. Группа этих священнослужителей во главе с преподобным Коксом открыта решила добиться безоговорочного признания того, что рабовладение носит христианский характер.

В некоторых кругах общества тема эта стала несколько щекотливой, и церковники твердо вознамерились установить, наконец, библейокий, христианский статус «сыновей Хама», которым сам господь предназначил быть «лесорубами и водоносами».

Каковы же оказались тревога и огорчение церковнослужителей, когда они узнали, что один из таких рабов путешествует на свободе по всей Англии, произносит речи, получает приглашения в дома респектабельных, но крайне заблуждающихся англичан и англичанок.

Духовные пастыри взялись за просвещение английского народа. Вопрос о рабстве очень быстро и неожиданно сделался самой жгучей темой на заседаниях евангелического альянса. И дела пошли не очень хорошо. Конгресс сторонников воздержания, происходивший в огромном зале Ковент-Гардена, привлекал гораздо большие толпы любопытных. Аболиционисты тщательно разрабатывали свой план действий. Однажды во время послеобеденного заседания, когда Ковент-Гарден был набит до отказа, Фредерика Дугласа, находившегося среди аудитории, попросили произнести несколько слов перед конгрессом. Адвокаты рабовладельцев были ошеломлены. Они и представить себе не могли, что в их собственных рядах могло таиться такое предательство. Дуглас под оглушительные аплодисменты стал прокладывать себе путь к платформе; преподобный Кокс с протестующими возгласами вскочил было на ноги, но его

заставили сесть снова.

— Пусть он говорит!

— Слушайте!

— Дуглас! Фредерик Дуглас!

Так кричала толпа до тех пор, пока багровый от ярости коротенький священник не опустился беспомощно на свое место.

Фредерик Дуглас, этот «молодой лев», теперь достиг полного расцвета своих сил. Он стоял перед громадной аудиторией, заполнившей каждый уголок Ковент-Гардена, и чувствовал, как силы эти разливаются по всему его телу. Он твердо решил, что ни один мужчина и ни одна женщина, до которых донесется его голос, уже никогда не смогут сказать: «Я этого не знал!»

Священник Кокс в отчете, написанном для своей сектантской газеты «Нью-Йорк Эванджилист», писал: «Речь Дугласа — это извращенное, оскорбительное посягательство на закон обоюдной праведности, внушенное, думается мне, не свыше, а снизу. Этот Дуглас обвинил американские общества сторонников воздержания и церкви в том, что они являются врагами его народа. Он говорил с американскими делегатами таким тоном, словно он наш школьный учитель, а мы — его послушные и преданные ученики».

И зал Ковент-Гардена сотрясался от бури восторженных возгласов и аплодисментов, какой этот театр еще не знал за всю историю своего существования.

«Все мы собирались отвечать ему, — говорилось в заключение в отчете Кокса, — но было уже слишком поздно. Весь театр шумел, словно охваченный духом возбуждения; зрители неистовствовали, и бедный мистер Кирк едва сумел улучить момент, чтобы произнести несколько очень уместных и разумных слов».

Гром аплодисментов перекатывался по залу, когда Дуглас, поклонившись, хотел сойти со сцены; люди бросились вперед, чтобы пожать ему руку. Они загородили ему путь. Мужчины и женщины плакали, кричали до хрипоты. Никто из них не слышал и не замечал «бедного мистера Кирка». Дуглас вышел из театра во главе целой процессии лондонцев, продолжавших и на улице бурно приветствовать его. К ним стали присоединяться любопытные прохожие. Еще более возросшая толпа следовала за Дугласом от Бау-стрит до Расселл-стрит. Однако, миновав Дрюрилейнский театр, Фредерик остановился. Он обернулся, махнул рукой, и люди тесно сомкнулись вокруг него.

— Друзья мои, — сказал им Дуглас, — за всю мою жизнь я не встречал еще такого доброго отношения к себе. Но я говорил не затем, чтобы вы шумно приветствовали меня, а затем, чтобы вы

начали действовать. Я рассказал вам о рабстве, об угнетении, о злых и несправедливых делах, которые творятся на этом свете. Теперь я говорю вам, что все это касается не одних лишь черных рабов в Америке, но и белых рабов здесь, в Европе. Друзья мои, сейчас не время для бурных приветствий. Возвращайтесь в свои дома, в свои лавки и конторы. Передайте другим то, что я вам сказал, и найдите себе работу по силам, дело, которое поможет освобождению всех народов. А теперь ступайте, ступайте скорее!

Он продолжал стоять лицом к толпе, пока вся она не разошлась; люди, уходя, оглядывались на него и возбужденно толковали между собою.

И тогда со вздохом глубокого удовлетворения Фредерик Дуглас отправился дальше по Расселл-стрит. Затем он свернул в Дрюри-лейн и полчаса спустя уже ехал по Фулхем-Роуд.

Фредерик не был больше обитателем Тейвисток-сквера. Когда. Джеймс Баффем отправился назад в Америку, а Дуглас — в свою поездку по северу Англии, они отказались от мансарды, которую снимали там. Возвратившись в Лондон, Дуглас получил от друзей приглашение поселиться в их доме в Челси; здесь, во время редких передышек между утомительными разъездами, он мог спокойно отдыхать от городского шума и пыли. С удовольствием вспоминал потом Фредерик это лето — прозрачный воздух, мягкое солнце, долгие прогулки по берегу реки. Часы, проведенные за чтением под сенью дерева, раскинувшегося позади коттеджа, раскрывали перед ним все новые и новые горизонты; прочитанное давало ему все более широкое представление о вещах. Ощутимее, горше, чем шрамы на спине, была для Фредерика его необразованность. Теперь он хватался за каждую возможность учиться.

Дома, в Америке, народ был взбудоражен войной с Мексикой. Опасность возникновения новых рабовладельческих штатов заставляла аболиционистов торопиться. Английскому обществу борьбы с рабством был немедленно передан наказ вовлечь в борьбу весь народ, постараться, чтобы рабочие Англии узнали, каким образом рабство в Америке ставит под угрозу все их тяжело доставшиеся завоевания, и, быть может, добиться бойкота хлопка, взращенного рабским трудом.

Фредерик Дуглас откликнулся на этот призыв. Тысячи людей заполнили до отказа Фритрейд холл в Лондоне, чтобы послушать его. Рабочие в Манчестере и Бирмингаме узнавали, как растет хлопок.

В концертном зале Ливерпуля купцы смешивались в толпе с портовыми рабочими.

Фредерик Дуглас беседовал с людьми самых различных

профессий и общественного положения. Уильям Гладстон с пользой для себя прислушивался к словам чернокожего американца. В Эдинбурге Фредерика принимал Джордж Комб, и этот философ не только говорил, но и слушал. Они обсуждали хлебные законы, сокращение рабочего дня и роль рабства в современном мире. Дугласа настойчиво уговаривали остаться в Европе. Ему предлагали важные посты в Ирландии и Шотландии.

— Пошлите за своей семьей, Дуглас! — говорили ему. — Здесь вас ждет большая работа.

Но Дуглас отрицательно качал головой. Несмотря на всю свою разностороннюю деятельность, он постоянно чувствовал в эту зиму какое-то внутреннее беспокойство. Верно, что он представлял и защищал в Англии интересы американских рабов. За несколько месяцев он сделался знаменитостью. Но в глубине души он знал, что все это лишь период подготовки к главному. Он походил на атлета в прекрасной форме, натренированного до предела, но все еще не идущего дальше мелких стычек с противником, ибо для Фредерика Дугласа настоящее дело было впереди — в Америке.

Дуглас и его друзья ожидали окончательной договоренности с капитаном Олдом. Он запросил за своего раба сто пятьдесят фунтов стерлингов, и деньги были ему сразу же высланы.

И вот однажды утром Дуглас, находившийся в Дарлингтоне, получил письмо от Джорджа Томсона:

«Прибыли ваши бумаги. Приезжайте к нам на два-три дня, прежде чем поедете в Уэльс. Надо о многом поговорить, а я знаю, что нам предстоит скорая разлука».

Так начались последние дни пребывания Дугласа в Англии. Его приглашали на обеды, приемы, чаепития, устраивали его прощальные выступления.

— Что вы собираетесь делать? — спрашивали люди.

— Мне хотелось бы издавать газету, на страницах которой я смог бы прямо обращаться к своему народу, газету, которая докажет, что у негра есть разум, способность рассуждать и отчетливо излагать факты.

Ему вручили две тысячи пятьсот долларов для начала осуществления этого плана.

— Вы вернетесь сюда! — это был не только вопрос, но и утверждение.

— Да, после нашей победы!

Целая толпа народа провожала Дугласа в Ливерпуле, когда он садился на пароход. Люди долго стояли на пристани, махая на прощанье платками и шапками. У Джона Брайта увлажнились глаза.

— Нам будет не хватать тебя, Дуглас! — крикнул этот маленький ткач из Ланкастера.

В глазах Дугласа, стоявшего у борта, расплывались очертания берега, строений, людей. Как добры они были к нему! Фредерик снова достал из кармана драгоценные документы, объявлявшие его свободным.

Для выкупа Фредерика пришлось совершить двойную сделку. Сначала Томас Олд продал Дугласа своему брату Хью, а затем уже филадельфийский адвокат, обратившись к властям Балтимора, получил вольную.

Вот этот второй, окончательный документ, за который народ Англии уплатил семьсот пятьдесят долларов, и развернул сейчас Дуглас.

«Всем, кому ведать надлежит:

Сим извещаю, что я, Хью Олд, житель города Балтимора, расположенного в Балтиморском округе штата Мэриленд, движимый рядом основательных причин и соображений, избавил от рабства, и отпустил на волю, и сделал свободным, и подписываю настоящий документ в подтверждение того, что избавляю от рабства, и отпускаю на волю, и делаю свободным принадлежащего мне негра по имени Фредерик Бэйли, иначе прозывающегося Фредериком Дугласом, в возрасте двадцати восьми лет, или около этого, и способного работать и своим трудом добывать себе средства к существованию; вышеупомянутого негра, Фредерика Бэйли, иначе прозывающегося Фредериком Дугласом, я отныне объявляю свободным, отпущенным на волю и освобожденным от какой бы то ни было зависимости от меня, моих наследников и опекунов по моему наследству и навечно.

В знак чего я, вышеупомянутый Хью Олд, к сему документу руку и печать приложил пятого декабря в году тысяча восемьсот сорок шестом.

Подписано: Хью Олд.

Скреплено печатью и вручено в присутствии Т. Хэнсона Белта».

Фредерик смотрел на волны океана. Он провел в Англии почти два года. Была весна, он возвращался домой.

ГЛАВА 10
НА ДОРОГЕ ЗАГОРАЕТСЯ СВЕТ

В ту весну природа Массачусетса нарядилась с особой пышностью. Фруктовые деревья стояли в цвету. Одуванчики с целый фут высотою обрамляли золотом извилистые дороги, долины покрылись поповником и кружевом королевы Анны, озерная топь заросла темно-зеленым камышом, а вдоль берегов — под ракитами пестрели белые и желтые кувшинки.

За домом ветер весело раскачивал белье на веревке, протянутой меж двух кедров. Миссис Уокер, соседка, стоя на пороге, восхищенно оглядывала блещущую чистотой кухню.

— Господи, миссис Дуглас, когда это вы все успели спозаранку!

Темнокожая женщина, закатав рукава, месила тесто. Она ни на миг не прерывала свою работу — столько еще всего требуется переделать! А грудь уже распирает от молока. Но прежде чем начать кормить маленькую, надо посадить в печь хлеб. Она улыбнулась соседке, глаза ее сияли.

— Муж приезжает!

Миссис Уокер ответила ей улыбкой.

— Я знаю, но ведь не сегодня же! Можно подумать, что вы его ждете сию минуту.

За дверью в комнате маленькая Розетта ставила в глиняный горшок лютики и фиалки, которые она нарвала возле речки. Вода расплескалась по столу, и девочка заплакала.

— Зря стараешься! — с превосходством восьмилетнего решил успокоить ее Льюис. — Папе все равно не до цветов. Он занят!

— Не трогай! — Розетта слезла на пол и с удовлетворением оглядела цветы, стоящие посреди стола. Окрик ее относился к трехлетнему Чарли, тоже поворотившему круглое личико к цветам. Его прогнал со двора, выразительно скомандовав: «Валяй отсюда!», Фредди, который с упорством шестилетнего человека заколачивал щель в изгороди.

Чарли покорно засеменил пухлыми ножками. Что бы мог и он сделать для папы? Внезапно ему пришла счастливая мысль:

— А я покажу ему нашу маленькую!

Два дня спустя Чарли, не помня себя от счастья, стоял, вцепившись в отцовский сюртук. Отец впервые держал на руках свою младшую дочь. Это была любовь с первого взгляда, — то ли потому, что дочку назвали Анни, то ли потому, что она как-то

особенно мило захватывала в свой кулачок его большой палец.

Глядя друг на друга поверх детских голов, Анна и Фредерик улыбались. За время разлуки на лице ее появились морщинки. Он догадывался, как трудилась она дни и ночи. Он должен свести грубые мозоли с ее рук; кстати, что это за история с башмаками? Анна видела, как вырос ее муж, как высоко поднялся. Побывал в таких важных местах. Но теперь он дома. Они снова вместе.

В этот вечер пировали всей семьей. Дети старались изо всех сил заслужить похвалу. Они подъели дочиста все, что положили им на тарелки, и сидели, обратившись в слух, с широко раскрытыми глазами. Отец сперва рассказывал, потом сам стал задавать вопросы.

Но мать их предупредила еще раньше:

— О башмаках ничего не говорите! Сделаем папе сюрприз!

— Да, да, пусть сам отгадает! — Они с чисто детским восторгом хранили доверенную им тайну.

Наконец все в доме стихло, и Анна легла в постель рядом с мужем.

— У вас тут все благополучно, правда, дорогая? — В его голосе слышалась спокойная радость. — Я вижу, дети здоровы. А дома все кажется даже исправнее, чем когда я уезжал. Как это ты умудрилась?

— Видишь, умудрилась, — прошептала Анна, прильнув к нему. От сапожной работы руки ее огрубели, стали шершавыми. А его кожа была мягкая, гладкая.

— Скучала по мне? — спросил он.

В ответ она только вздохнула. Сердце ее было переполнено счастьем.

Вашингтон узнал из «Нэшнл ира», что вернулся Фредерик Дуглас. Гамалиель Бэйли печатал краткие сообщения о его деятельности в Англии. Многие аболиционисты протестовали против выкупа Дугласа английскими друзьями. Они заявляли, что это ненужная трата денег и нарушение антирабовладельческих принципов. «Нэшнл ира» тоже включилась в этот спор.

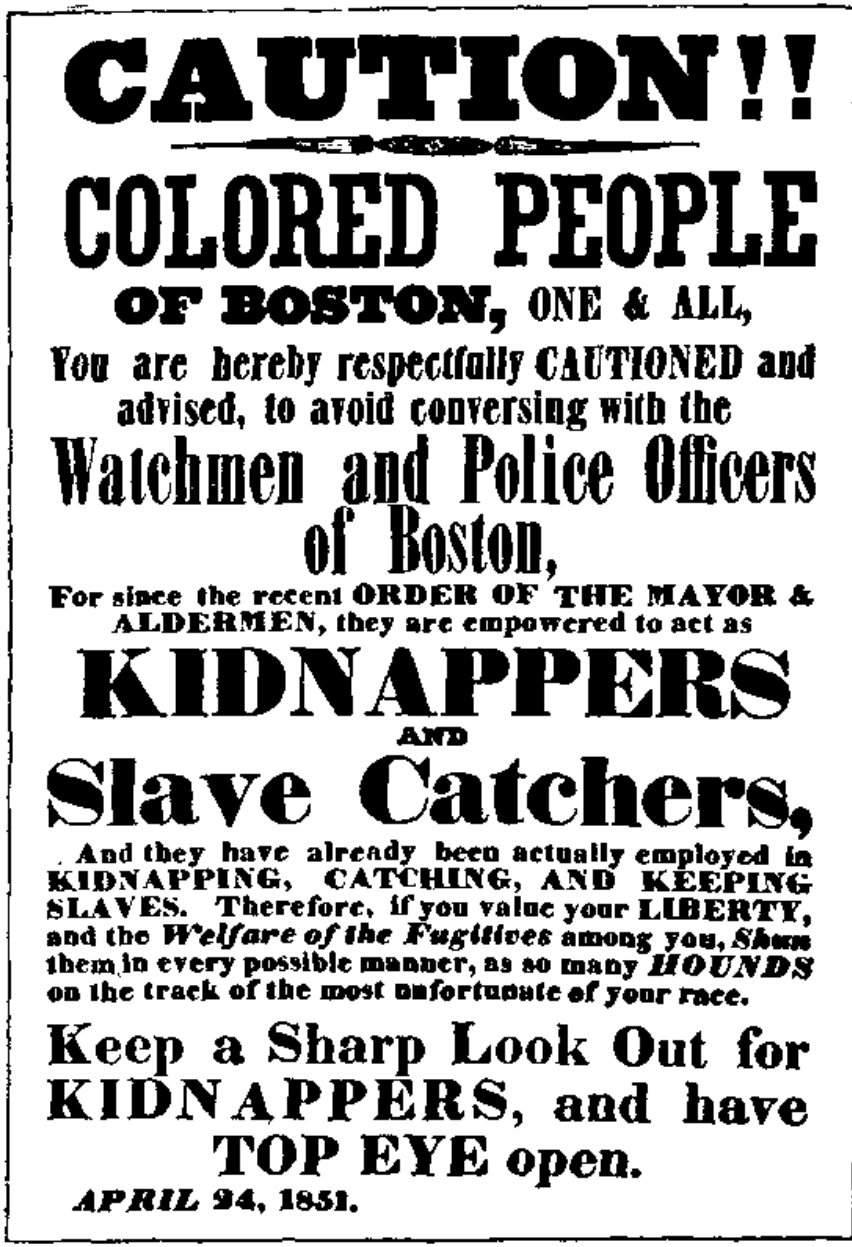
«Наши английские друзья поступили правильно, — заявил Бэйли в передовой статье, — законы Мэриленда о рабстве все еще остаются в силе. Благодаря вольной грамоте Фредерик Дуглас будет теперь считаться свободным человеком повсюду в Соединенных Штатах. Восточное побережье не посмеет заявлять никаких прав на него».

Между тем сторонники рабовладения заметно усиливали свои позиции. Огромный Техас с территорией, занимающей миллион акров, был принят в число штатов, и президент Полк вел переговоры о. введении там рабовладения. Среди

аболиционистов произошел раскол на политической почве, и это расшатало их движение. Но искры носились в воздухе, и пламя вспыхивало то и дело в самых неожиданных местах. Чарльз Самнер, неизменный борец за свободу негров, поднимал свой меч в законодательной палате штата Массачусетс. Дэвид Уилмот из Пенсильвании боролся за свою поправку к законопроекту по поводу Техаса. Текст поправки гласил: на территории, приобретенной в результате войны с Мексикой, не должны существовать «ни рабство, ни принудительный труд». Лонгфелло, один из популярнейших поэтов Америки, клеймил в своих произведениях рабство; распространялись «заметки Биглоу», собирались десятки тысяч подписей под петициями, которые доставляли в Вашингтон Генри Уилсон и «поэт аболиционизма» Джон Гринлиф Уиттьер. Престарелый Джон Квинси Адамс зачитывал эти петиции на заседаниях конгресса. Конгресс клал их под сукно, но искры не переставали носиться в воздухе.

В один из вечеров в конце мая бостонский священник Теодор Паркер пригласил к себе домой группу единомышленников, чтобы обсудить дальнейшую стратегию. Среди присутствующих были Ральф Уолдо Эмерсон, известный оратор Уэнделл Филиппс, Лукреция Мотт, Чарльз Самнер, Уильям Ллойд Гаррисон и Фредерик Дуглас.

В прошлом им не удавалось достигнуть единогласия по всем вопросам, ныне же они решили объединить свои усилия с одной целью — пресечь распространение рабства. Добиться хотя бы этого, если пока еще невозможно уничтожить его полностью. Пусть вся страна узнает о «поправке Уилмота».

Кто же сумеет рассказать это американскому народу? Никто лучше, чем Уильям Ллойд Гаррисон и его недавно вернувшийся соратник, вызвавший такой восторг за границей, человек с «дипломом» на спине: Фредерик Дуглас. Так и порешили.

Теперь репутация Дугласа зиждилась не на одних похвалах его личных друзей. Помимо «Либерейтора», «Стандарт» и «Пенсильвания фримен» тоже печатали отчеты о его

выступлениях в Европе, рассказывали о приеме, который ему там оказали. Все американские газеты, сочувствовавшие борьбе за освобождение негров, подхватывали эти сообщения. Горас Грили познакомил Нью-Йорк с Дугласом. Оппозиция тоже не оставляла его без внимания. Сторонники и апологеты рабства тыкали в него пальцем: вот, мол, «ужасный пример» того, что нас ждет.

Дуглас! Это имя произносилось шепотом в негритянских хижинах, на табачных плантациях и рисовых полях. Оно передавалось из уст в уста по всему восточному побережью. Рослая чернокожая девушка, таскавшая через болота бревна, тоже прослышала о нем и решила бежать. Она стала Соджернер Трузс, бесстрашным «кондуктором» с «тайной дороги» и, возвращаясь много раз в самые глухие уголки Юга, собирала партии беглых рабов и увозила их на Север. В Бостоне, Олбани и Нью-Йорке всем хотелось послушать Дугласа, посмотреть на него. Везде люди вполголоса повторяли его гневные слова.

В начале августа Общество борьбы с рабством провело трехдневный съезд в Морристауне, штат Пенсильвания. Сотни участников прибыли туда из Филадельфии по железной дороге. Выдающаяся женщина-аболиционистка Лукреция Мотт зажгла аудиторию своим энтузиазмом. Дуглас приехал только на второй день, но его уже ждали, о нем говорили, и, где бы он ни появился, к нему сразу приковывалось всеобщее внимание.

Выступление Гаррисона и Дугласа было назначено на заключительное вечернее заседание. Помещение церкви, где проходил съезд, было к этому времени переполнено. Гаррисон выступал первым, и все было спокойно. Но вот на трибуну взошел Дуглас, и сразу раздался треск стекла, в окна полетели большие камни. Народ стал выбегать из церкви. На улице поднялся крик, послышался топот ног. Хулиганы бежали, заседание возобновилось.

В Филадельфии проживало много образованных людей, которые проявляли себя как весьма активные сторонники освобождения негров. Дугласу было приятно их общество, они же с готовностью выполняли роль его телохранителей и оказывали ему всяческое уважение. Секретарь Филадельфийского комитета бдительности, Уильям Грант Стилл, ввел Дугласа в этот круг.

В субботу утром, простившись со своими друзьями, Гаррисон и Дуглас отправились на железнодорожную станцию. В последнюю минуту Гаррисон вдруг вспомнил, что ему что-то еще надо сделать.

— Идите за билетами, Дуглас, — сказал он, — я подоспею к поезду.

Дуглас повиновался, но когда поезд подкатил к перрону,

Гаррисона все еще не было. Дуглас вошел в один из задних вагонов и, сев у окна, принялся тревожно выглядывать своего спутника.

Он не заметил, что к нему подошли, пока не услышал грубый окрик:

— Эй ты, вон отсюда!

Это было как тот памятный хлест бича. Так к нему давно уже никто не обращался. Дуглас поднял голову и увидел высокого мужчину с красным от пьянства лицом.

— Ступай в передний вагон, там тебе место!

— У меня билет первого класса, и я имею право находиться здесь, — ответил Дуглас спокойно. Но мускулы на спине напряглись до боли.

— Ах ты, черная скотина!

— Джон, умоляю…

Только сейчас Дуглас заметил выглядывающую из-за спины белого хрупкую фигурку женщины. Пряди тонких седых волос выбивались из-под ее капора, голубые глаза были расширены от испуга.

Дуглас поднялся со скамьи.

— Прошу прощения, сударыня, — сказал он, — разрешите мне уступить вам место.

Грубиян разинул рот. Он не ожидал услышать такую речь.

— Нет, нет, я… — забормотала дама.

— Молчи! — наконец гневно выдохнул ее спутник. — Не смей разговаривать с черномазым! Я ему сейчас так заеду в морду, что он все свои зубы проглотит. Пусть только еще раз заикнется!

Дуглас улыбнулся женщине.

— Я повторяю, у меня билет первого класса. И хотя вагон свободен, я готов уступить даме свое место.

Он вскочил и, защищаясь рукой от удара, шагнул в проход. Пьяный разразился непристойной бранью.

— Джон, перестань! — взмолилась маленькая дама.

На перроне Дуглас столкнулся с Гаррисоном. Они поспешили в другой вагон, и в эту же минуту поезд тронулся.

— Мы о нем заявим на следующей станции, — сказал Гаррисон.

Дуглас только пожал плечами.

— Да что с пьяным связываться!

Около трех часов дня поезд прибыл в Гаррисбург. На вокзале собрались встречающие: старинный подписчик «Либерейтора» доктор Рутерфорд со своей золовкой Агнес Крейн и несколько негров; один из них, мистер Вольф, торжественно пригласил к

себе Фредерика Дугласа, а доктор Рутерфорд повез к себе домой Гаррисона.

Гаррисбург, столица штата Пенсильвания, находился под сильным влиянием рабовладельцев. Их противники составляли горстку, и они отважно боролись против большинства. Аболиционисты получили помещение ратуши на два вечера — на субботу и воскресенье — для встречи с Гаррисоном и Дугласом. До сих пор лишь считанные слушатели приходили на такие собрания, но в эту субботу зал был битком набит и толпы народа осаждали здание с улицы.

Назревали неприятности. По улице гарцевали всадники, врезаясь в толпу; в зале чувствовалось возбуждение.

На трибуну поднялся председатель и, сказав несколько вступительных фраз, познакомил аудиторию с мистером Гаррисоном. Все понимали: если что-нибудь случится, объектом нападения будет Дуглас. И когда темнокожий оратор подошел к кафедре, из задних рядов закричали: «Садись, черномазый!»

Эти слова послужили сигналом. В окна полетели камни, кирпичи, обломки глиняной посуды, а из задних рядов — тухлые яйца, гнилые помидоры и тому подобные «снаряды». На сцену прыгнули какие-то люди, вооруженные дубинками.

Зал превратился в бедлам: слышался визг, треск битого стекла, выкрики: «Долой проклятого негра!», «Убейте его!», «Проломите ему башку!» Вспомнив толпу в Индиане, Дуглас поднял над головой стул и занял оборону. Камень угодил ему в лоб, едва не выбив глаз, кусок кирпича задел по голове, но он так и не подпустил к себе никого близко. Началась общая потасовка. Гаррисон с трибуны требовал наказания нарушителям порядка. Постепенно все они были изгнаны, восстановилась тишина.

Можно было думать, что после таких волнений публика откажется продолжать собрание. Но не таковы были те, кто явился послушать Фредерика Дугласа. Раненым была наскоро оказана первая помощь, разбитые головы кое-как забинтовали. Прижимая ко лбу мокрый носовой платок, чтобы остановить кровь, Дуглас, наконец, начал свою речь. Одобрительные возгласы публики были слышны далеко на улице, где толпились изгнанные бандиты, которым так и не удалось расправиться с «черномазым».

На следующее утро, а также днем Гаррисон и Дуглас выступали в негритянских церквах. На митингах вместе с неграми присутствовали белые, и все обошлось спокойно. А вечером в ратуше собралось вдвое больше народу, чем накануне. Эксцессы больше не повторялись.

— Этих аболиционистов, что целуются с неграми, всегда

называли трусами, — ворчал какой-то человек в трактире. — А ведь это вранье! — И он сосредоточенно потрогал шишку на голове.

В понедельник утром Гаррисон с Дугласом отправились в Питсбург. До Чемберсбурга надо было ехать по железной дороге, а дальше — дилижансом. На почтовой станции им заявили, что произошло недоразумение с билетами. Дуглас может ехать в два часа, а Гаррисона просят подождать следующей кареты, которая уходит в восемь вечера. Гаррисон посоветовал Дугласу ехать — ведь в Питсбурге их будут встречать.

Дорога через Аллеганские горы была необыкновенно красива, но опасна, поэтому ехали медленно. Дилижанс был переполнен, от жары все плавилось. Несколько раз делали остановки возле дорожных таверн, но Дугласа в помещение не пускали. Ему разрешалось есть только на улице. Но он предпочитал оставаться голодным, хотя путешествие длилось около двух дней.

В Питсбурге почтовую карету встречала комиссия из двадцати человек — белых и цветных — и негритянский духовой оркестр, который гремел не переставая. Дилижанс опаздывал — он прибыл только в три часа ночи, но комиссия и музыканты терпеливо ждали.

Дугласа не мог не потешить вид его спутников, буквально онемевших от изумления, когда под оглушительные звуки тромбонов и труб его почти вынесли на руках из кареты. Как им было догадаться, что этот скромный темнокожий человек, которого всю дорогу унижали и старались отпихнуть куда-нибудь подальше, — знаменитая личность?

Грязный, задымленный Питсбург напоминал промышленные города Англии. Люди жили в этом городе в очень плохих условиях. Они знали, что смерть тяжела, но и жизнь не легче. И они гневно отвергали рабство в любой форме, приняв за девиз: «Ни одного нового рабовладельческого штата!»

Своим энтузиазмом жители Питсбурга тоже напоминали англичан. Свое одобрение они высказывали открыто. Прощаясь с гостями, они устроили бурную овацию Гаррисону, Дугласу и местному аболиционисту А. К. Фостеру, который организовал эту встречу.

В пятницу Гаррисон и Дуглас поехали на пароходе по реке Огайо. Первая остановка была в Нью-Брайтоне, деревне с населением в восемьсот душ. Митинг проводили в амбаре — сверху, с бревенчатого настила под потолком, сыпалась на ораторов из бочек мука.

Следующим пунктом был Янгстаун; остановились у гостеприимного трактирщика. Этот человек всегда давал

бесплатный приют аболиционистским лекторам. В громадной роще состоялось несколько митингов— гостям пришлось в этот день выступить три раза. К вечеру Дуглас совершенно потерял голос; Гаррисон действовал за двоих. Нью-Лайм, Пейнсвилль, Мансон, Туинсбург — всюду митинги, митинги: где в церкви, где в наемном помещении, где в сарае или в палатке, а где в роще или на горном склоне. Наконец поехали в Оберлин, город, ставший вехой и для Гаррисона и для Дугласа.

Оберлинский колледж был основан группой настроенных против рабства преподавателей и студентов, исключенных из духовной семинарии Лейн в Цинциннати, штат Огайо. Консервативное руководство семинарии твердо поддерживало «завещанную богом» власть хозяина над рабом, и когда была обнаружена группа семинаристов, помогавших беглым неграм переправляться через реку Огайо, то и они и их преподаватели были исключены. С помощью нью-йоркских филантропов эти люди сумели организовать небольшое учебное заведение в сорока милях от Кливленда. Первым директором был испытанный аболиционист-шотландец Джон Оберлин, и колледж назвали его именем. С момента своего основания в 1829 году Оберлинский колледж стал важным центром аболиционистской деятельности. Это было первое высшее учебное заведение в Америке, куда допускали женщин. И негров тоже, если только им удавалось добраться туда.

«Ты знаешь, что с самого зарождения Оберлинского колледжа, — писал Гаррисон своей жене, — я принимал очень близко к сердцу его благополучие; ведь слушателей семинарии Лейн привел сюда святой неукротимый дух свободолюбия, заставивший их порвать свои прежние связи…

…Оберлинский колледж сделал очень многое для помощи людям, бежавшим из южной неволи. Негров там прячут от преследователей, дают им кров, кормят, одевают, помогают им успокоиться, потом переправляют из нашей ужасной страны в Канаду. Кроме того, Оберлин участвует в других видах освободительной борьбы, и его церковь бойкотирует церкви, защищающие систему рабства…

Мне кажется, что наш приезд сюда сыграл значительную роль… Нам с Дугласом оказал радушный прием казначей колледжа Гамильтон Хилл, англичанин по национальности, прежде живший в Лондоне. Он хорошо знаком с Джорджем Томсоном и другими друзьями, которые борются против рабства… Нас посетило много людей, среди них была мисс Люси Стоун, только что закончившая здесь курс и вчера уже уехавшая к себе домой в Брукфилд, штат Массачусетс… Это весьма

достойная молодая особа с чистой, как воздух, душой; она собирается посвятить себя агитационной деятельности, главным образом в пользу равноправия женщин… К сожалению, я должен отложить перо, так как экипаж уже у крыльца, мы едем в Ричфилд, где состоится большой митинг в шатре Оберлина, вмещающем 4 000 человек».

Вся эта бурная деятельность подорвала силы Гаррисона, и он в конце концов свалился.

Первое собрание в Кливленде было организовано в часовне адвентистов, но она не вмещала всех желающих, и сотни людей остались на улице. В тот же день устроили повторное собрание, на этот раз в большой роще, чтобы все могли послушать. Накрапывал дождь, но никто не обращал внимания. А на следующее утро Гаррисон был не в состоянии открыть глаза. Качаясь как пьяный, он попытался сесть. Дуглас, напуганный его видом, подбежал к постели.

Врач приказал Гаррисону отлежаться несколько дней. А через час был назначен отъезд в Буффало, и снова Гаррисон настоял, чтобы Дуглас ехал без него.

— А я к вам потом присоединюсь, — с усилием выговорил он.

Гаррисон не приехал в Буффало. Дуглас один провел все собрания и в Буффало, и в Ватерлоо, и в Уэст-Уинфилде. Уже не на шутку встревоженный Дуглас прибыл 24 сентября в Сиракузы. Там его ждало письмо: Гаррисон был серьезно болен, теперь поправляется и скоро приедет в Буффало. У Дугласа отлегло от сердца. Он поехал в Рочестер, где провел с огромным успехом многолюдные собрания.

Несколько дней Дуглас прожил в имении Джеррита Смита в Питерборо. Только там он понял, до чего он устал. Комнаты старинного дома с высокими потолками и дубовыми панелями на стенах позволяли забыть шум и суету предшествовавших недель. Он отдыхал в глубоком кресле, протянув ноги к камину. Но душа его была далеко не спокойна. Теперь, один на один со своим другом, Дуглас был невесел. Джеррит Смит тоже молчал, поглаживая пальцами высокий бокал с хересом.

— Слушали они внимательно, — заговорил, наконец, Дуглас, — и народу было полным-полно. Когда я кончил, все аплодировали.

Джеррит Смит кивнул.

— Ну и что? — В голосе Смита звучал тот вопрос, который не шел у Дугласа из головы.

Дуглас долго не отвечал, потом молвил неторопливо:

— Убеждать их не надо: народ понимает всю несправедливость рабства.

Смит снова кивнул. Дуглас нахмурился.

— Так разве не достаточно только осудить рабство?

Джеррит Смит пригнулся к нему.

— Осуждение — это то, чего мы добиваемся, — сказал он. — Но даже сами вы при всем вашем осуждении рабства не посмеете отнять у рабовладельца его собственность. А тому и дела нет, его ничуть не беспокоит, что какие-то люди к северу от реки Огайо носятся с вами и аплодируют вам. Это его просто смешит. Но ему будет все-таки не до смеха, если все те, кто кричит вам «ура», пойдут к избирательным урнам. Осуждение рабства тогда возымеет силу, когда оно будет подкреплено избирательными бюллетенями!

Тени сгущались. В комнате долго стояла тишина.

— Есть один человек в Спрингфилде, вы, наверно, о нем слышали, — после паузы заговорил Джеррит Смит, — его имя Джон Браун…

В этой беседе Дуглас в первый раз услыхал о Джоне Брауне.

Когда был учрежден Оберлинский колледж, Джеррит Смит даровал ему обширную территорию в штате Виргиния. Небольшая группа руководителей колледжа не знала, что делать с этим даром. А год спустя сын одного из попечителей колледжа, молодой Джон Браун предложил размежевать эту землю за скромную плату, но при условии, что ему продадут небольшой участок, на котором он поселился бы со своей семьей.

— Браун объяснил, — продолжал рассказывать Смит, — что намерен организовать там школу для местных негров и белых бедняков.

Границы земельных участков в Виргинии были в хаотическом состоянии, так как всюду незаконно жили переселенцы, и попечители Оберлинского колледжа ухватились за предложение Брауна. Так Джон Браун очутился в Виргинии, увидел ее тучные плодородные земли, расстилавшиеся к западу до самого Голубого хребта, окутанного туманом. Владения Оберлинского колледжа лежали примерно на двести миль к западу от Харперс-Ферри, у подножья гор и вдоль долины реки Огайо.

— Он писал нам, что местность соответствует его ожиданиям, а жители даже превзошли его ожидания. — Смит рассмеялся добродушным смехом.

Дальше он рассказал, что к лету 40-го года работа была закончена, и Браун выбрал себе участок. Славный холмистый кусок земли возле ручья, с хорошим лесом и сахарной плантацией. В августе попечительский совет Оберлинского колледжа вынес решение: «Уполномочить Экономическую комиссию выполнить все необходимые формальности по передаче

во владение брату Джону Брауну из Хадсона одной тысячи акров принадлежащей нам земли в Виргинии на условиях, согласованных путем переписки между ним и комиссией».

— И вдруг, — Смит выразительно вздохнул, — переговоры сорвались. Паника на бирже опрокинула все планы. Шерстяная торговля, которую завел Браун, потерпела крах, а через два года он обанкротился. Он подписал векселя за какого-то друга и угодил в тюрьму. После освобождения он вошел в компанию с неким Перкинсом — занялся с ним овцеводством. Перкинс взял на себя заботу о кормах и зимних помещениях, Браун — уход за овцами. — Несколько минут Смит молчал, попыхивая трубкой. — Мне кажется, ему нравились пастушеские обязанности. Во всяком случае, за эти долгие дни и бесконечные ночи вдали от людей он разработал план поставки дешевой шерсти непосредственно потребителям.

Теперь у него большая лавка в Спрингфилде, штат Массачусетс. Говорят, что он честно набивает тюки — они у него круглые, плотные, один в один, как из машины. Но фабриканты Новой Англии бойкотируют Джона Брауна. Он играет не по правилам, и они стараются за то выжить его с рынка. В самом деле, у этого Брауна свои собственные правила. Он заявляет, что ему предназначено выполнить какую-то миссию. — Смит долго молчал, потом печально договорил — Мне очень жаль, что я теперь лишен возможности подарить ему тот горный участок. Мне кажется, что именно с этим участком были связаны его планы…

Джеррит Смит был недалек от истины. Действительно, у Джона Брауна были свои планы. С жизнью в Спрингфилде его мирило только то, что там он встречался с неграми. Он горел ненавистью к системе рабства. Ему и прежде доводилось встречаться с отдельными неграми, но в этом городе он познакомился с целой группой, выступавшей за освобождение своего народа. Их было немного, и никакие знаменитые люди ими не руководили, но для Брауна эта группа символизировала народ, томящийся в неволе. Он искал встреч с неграми и дома, и в церкви, и на улицах, нанимал их к себе на работу. Как раз в то время, когда Гаррисон и Дуглас совершали турне по Огайо, Джон Браун, бывало, говорил своему другу, чернокожему привратнику:

— Приходи пораньше утром, нам надо с тобой поговорить.

И перед тем как этот негр начинал обычную уборку лавки, Браун всесторонне обсуждал с ним планы относительно «тайной дороги».

Эмилия и миссис Ройял не уехали на Север. Эмилия мирилась с этим лишь потому, что по ее сведениям Фредерик

Дуглас находился где-то на Западе. Джек Хейли даже пошутил, что именно по этой причине Эмилия осталась дома. Но Анни Ройял заявила, что хорошим она была бы репортером, если бы уехала из Вашингтона в тот момент, когда там назревают такие бурные события.

Последнее не было выдумкой. Грабительская война с Мексикой, спровоцированная рабовладельческим Югом с целью увеличить империю хлопка, закончилась: Мексика была вынуждена уступить Соединенным Штатам территорию, более обширную, чем Франция и Германия, вместе взятые, с огромными природными богатствами и прекрасным климатом для выращивания хлопка. И все же эта большая победа не успокоила рабовладельцев. Война с Мексикой была крайне непопулярной среди американского народа. Южные плантаторы понимали, что, чем скорее они будут действовать, тем больше у них шансов протащить рабовладельчество на новую территорию. Аболиционисты же не сумели сформулировать программу своих действий. Оба лагеря переживали волнение и страх. Среди негров тем временем усилились бунты. Все были возбуждены до предела.

В иностранных посольствах тоже было тревожно. Послы воздерживались от высказываний, ибо это был год больших перемен — ниспровергались монархи, из народа поднимались герои: Гарибальди, Мадзини, Кошут. Слово «свобода», как порох, требовало осторожного обращения. В редакции «Нэшнл ира» выбили все стекла, и Гамалиелю Бэйли грозили изгнанием из Вашингтона. Но позволять толпам хулиганов собираться под боком у конгресса все же казалось неудобным. И Гамалиель Бэйли обезоруживал врагов своей умной презрительной улыбкой; они бессильно отступали, хоть и пылали яростью.

Пора было действовать. Уже недостаточно стало только произносить речи и исповедовать благородные убеждения, даже самые разумные и честные. Грешно было упустить такой момент.

Фредерик Дуглас написал Джону Брауну в Спрингфилд. В письме он упомянул о своем недавнем посещении Джеррита Смита. «Мне хотелось бы переговорить с вами лично», — писал он. Джон Браун ответил: «Приезжайте».

Впоследствии Дуглас так описал свое первое посещение Джона Брауна:

«В ту пору, к которой относится мой рассказ, этот человек был почтенным коммерсантом в большом, быстро растущем городе. Наше знакомство состоялось у него в лавке, занимавшей солидное кирпичное здание на одной из центральных улиц. Достаточно было оглядеть лавку и здание снаружи, чтобы понять, что владелец — состоятельный человек. Меня встретили с

распростертыми объятиями. Все члены семьи — и стар и млад — высказали такую радость по поводу моего приезда, что я сразу почувствовал себя среди родных. Но вот дом и улица, где жили Брауны, меня удивили: после красивого магазина я ожидал увидеть не менее красивый особняк в приличном районе… На деле же оказалось, что он и не велик и не элегантен, а о районе и говорить нечего. Маленький, деревянный домишко на глухой улице в рабочем квартале. Не сказать, что это была трущоба, нет, но, во всяком случае, удачливый коммерсант обычно избирает для своего жилья более подходящее место. Причем, как ни скромен был этот дом снаружи, внутри он оказался еще скромнее. Убранство его могло удовлетворить лишь самый спартанский вкус. Пожалуй, дольше времени займет описывать, чего там не было, нежели то, что там было. Все казалось предельно, бедным, почти граничило с нищетой.

Моя первая трапеза в этом доме почему-то именовалась чаем. Но на первое подали мясной суп, а на второе — капусту с картофелем — такую пищу уплетает с аппетитом человек, ходивший целый день за плугом или отмахавший пешком в мороз миль двенадцать по плохой дороге. Грубо сколоченный сосновый стол без намеков на украшения или лакировку не был даже застелен скатертью. Никаких слуг я не видел. Подавала еду жена Брауна с помощью дочерей и сыновей. Они делали все очень ловко, видимо привыкнув к этому, и не считали обслуживание самих себя неприличным или унизительным. Говорят, что каждый дом отражает до некоторой степени характер своих жильцов — что касается этого дома, то он отражал его полностью. Никакого притворства, маскировки, иллюзий. Все здесь говорило о суровой правде, ясной цели и жестокой экономии, Пробыв недолго в обществе хозяина этого дома, я понял, что он повелевает здесь всеми, и если я пробуду с ним еще немного, то он начнет повелевать и мною…

Сухощавый и мускулистый, человек большой физической силы, способный стойко переносить жизненные невзгоды и одолевать самые большие трудности, он был из наилучшей породы уроженцев Новой Англии. На нем была простая американская шерстяная одежда, сапоги из воловьей шкуры и галстук из какой-то прочной материи. В то время ему было пятьдесят лет, он был высок — около шести футов, а весил менее ста пятидесяти фунтов. Пропорционально сложенный, стройный, как горная сосна, он производил незабываемое впечатление. Голова его была не велика, но очень хорошей формы, волосы — жесткие, густые, с заметной проседью — были коротко острижены и росли низко на лбу. Лицо он гладко брил, благодаря чему резко

выделялся прямой волевой рот и крупный, выступающий вперед подбородок. У него были живые голубовато-серые глаза, метавшие пламя, когда он говорил. Он ходил по улице широким пружинистым шагом, поглощенный своими мыслями, но не стараясь ни избегать людей, ни, наоборот, привлекать к себе внимание.

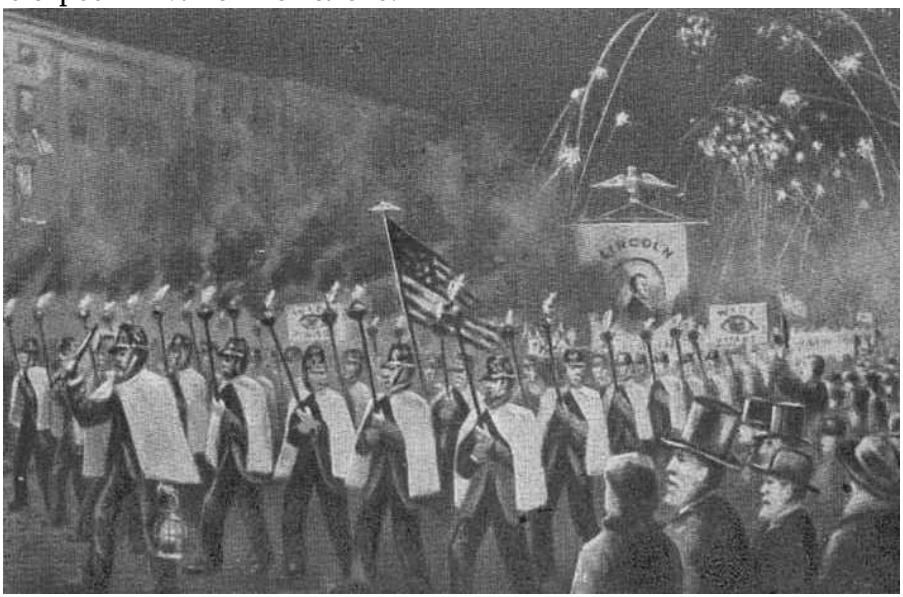
После описанного уже мною плотного обеда капитан Браун осторожно коснулся вопроса, который хотел обсудить со мной, — он, по-видимому, боялся, что я буду возражать. Злоба и гнев были написаны на лице Брауна и звучали в его словах, когда он говорил, что рабовладельцам нет места на земле, что рабы вправе бороться за свою свободу любыми средствами, что увещевания не помогут уничтожить систему рабства, как не помогут никакие политические меры.

Он признался мне, что у него давно уже созрел план действий для достижения цели и он пригласил меня к себе, чтобы изложить мне этот план. Он следил за моей деятельностью в Америке и за границей и надеялся, что я ему помогу. План этот, несомненно, заслуживал внимания. Существует мнение, что Браун замышлял общее восстание рабов и массовое убийство плантаторов, но это вовсе не так. Наоборот, он считал, что восстание может повредить делу, зато организация вооруженных отрядов, действующих в самом сердце Юга, занимала большое место в его расчетах. Кровопролития он не боялся и был уверен, что неграм полезно носить оружие — это придаст им мужество. «Человек, который не готов бороться за свою свободу, не достоин уважения, — говорил Браун, — да он и сам себя не уважает!»

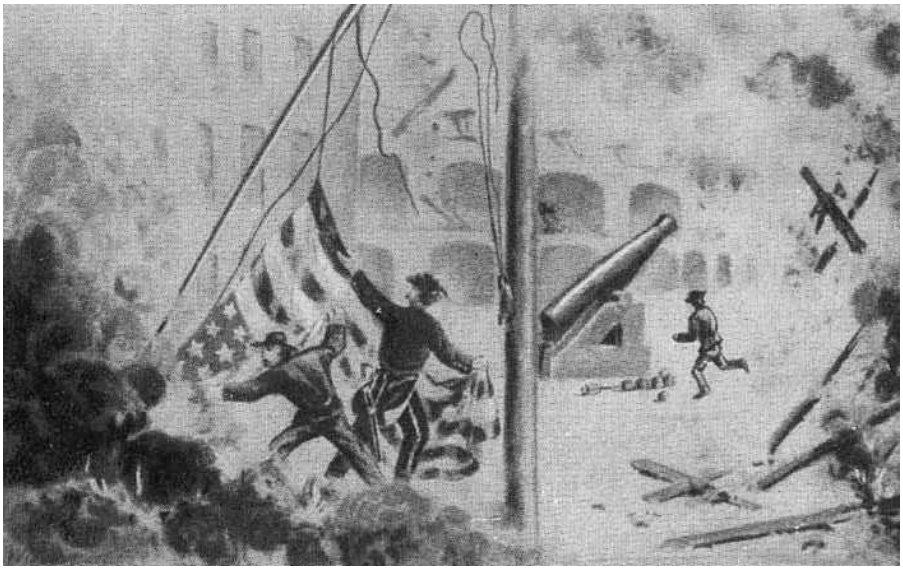
Браун показал мне карту Соединенных Штатов и провел пальцем по цепи Аллеганских гор, от границы Нью-Йорка до самого Юга. «Эти горы, — пояснил он, — основа моих планов. Господь сотворил эти горы во имя Свободы, он возвел их для освобождения негритянского народа, создал там такие естественные форты, что один человек в состоянии защититься от сотни нападающих, и множество потаенных мест, где отряды смелых могут долгое время скрываться от преследователей. Я хорошо знаю эти горы и могу увести туда и спрятать там много беглых негров — Виргиния их там не найдет никакими силами. Какую цель я этим преследую? В первую очередь — обесценить живой товар. Если мы сделаем его ненадежным, он потеряет денежное значение. Итак, мой план таков: выберем для начала человек двадцать пять самых лучших и начнем потихоньку в скромных масштабах. Вооружим их и разместим по пятеро на позиции в двадцать пять миль. Предложим тем, кто поумнее и обладает даром убеждения, время от времени спускаться с гор на

плантации и вербовать негров, стараясь, конечно, чтобы это были самые храбрые и недовольные».

Когда я спросил Брауна, на какие средства он собирается содержать этих людей, он, не задумываясь, ответил, что будет кормить их за счет врагов. Рабство — все равно, что война, и раб имеет право добиваться свободы любыми средствами. «Но вас могут окружить и отрезать от ваших провиантских баз и средств существования», — сказал я. На это Браун возразил, что отрезать их никто не сумеет, а уж если суждено ему быть убитым, то он готов на риск, ибо не знает более высокой цели, чем отдать свою жизнь за освобождение рабов. Я позволил себе заметить, что мы могли бы повлиять как-нибудь иначе на рабовладельцев, но он, весь вспыхнув, ответил мне что об этом нечего и мечтать. Он знает этих господ, их не заставишь отпустить рабов на волю, пока не огреешь палкой по голове!

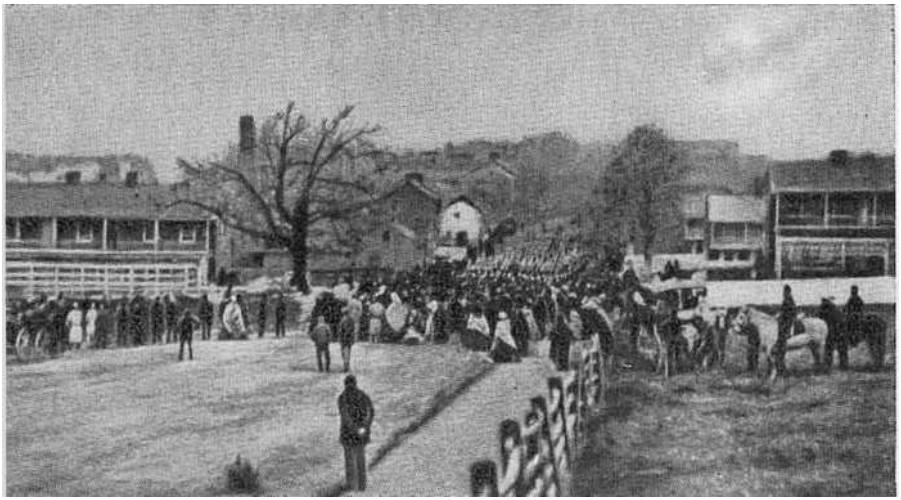
Парад «Бдительных» — приверженцев Авраама Линкольна во время избирательной кампании 1860 года.

Бомбардировка южанами форта Самтер 12 апреля 1861 года.

Негры-лазутчики, бежавшие к северянам.

Митинг в Геттисберге 19 ноября 1863 года, на котором А. Линкольн провозгласил свободу негров.

Между прочим, он сказал, что я заметил, конечно, как просто он живет, и объяснил причину: он экономит средства, чтобы иметь возможность осуществить свой замысел. Это было сказано без тени рисовки; он сокрушался, что приступает к действию с опозданием, так ему ли хвастать своей целью или самопожертвованием! Если бы кто-нибудь другой на его месте демонстрировал подобным образом свою суровую добродетельность, я не поверил бы, заподозрив неискренность, фальшь, но у Джона Брауна все было безыскусно и твердо, как сталь, как гранит. После этого вечера в 1847 году, который я провел у Джона Брауна в Спрингфилде, моя надежда на мирное разрешение негритянского вопроса значительно потускнела, хоть я и продолжал ратовать за него в печати и на собраниях».

Вскоре после этой встречи с Джоном Брауном Фредерик Дуглас предпринял серьезный шаг: он переехал в Рочестер (штат Нью-Йорк) и начал издавать там газету, о которой давно мечтал.

До сих пор два обстоятельства мешали ему. Первое — то, что после возвращения из Англии Дугласа использовали главным образом как прекрасного оратора. Друзья уверяли, что именно в этой области он наиболее полезен. От издательской же деятельности его отговаривали: для этого нужны специальное образование и опыт. Дуглас, всегда склонный относиться к себе критически, начал уже думать, что этот замысел превышает его интеллектуальные возможности.

Было и второе обстоятельство — не менее важное: Уильям Ллойд Гаррисон требовал, чтобы Дуглас посвящал весь свой талант публициста его «Либерейтору». Гаррисон находил

ненужным издание второй антирабовладельческой газеты: даже «Либерейтору» довольно трудно пробивать себе дорогу. Он не боялся конкуренции в лице Дугласа, но высказывал довольно откровенно пожелание, чтобы младший друг оставался под его крылом.

Но Дуглас хотел стать, наконец, самостоятельным.

Рочестер был новый, молодой город, расположенный в долине Дженеси, где река Дженеси впадает в озеро Онтарио и кончается канал Ири. Идеальное место для пересылки беглых негров в Канаду! Работать, работать и работать… день и ночь работать — вот чего хотелось Дугласу! В Рочестере уже образовалась группа аболиционистов, состоявшая из культурных и весьма почтенных граждан — негров и белых. Дуглас был уверен, что ему не придется работать одному — он сумеет привлечь их к сотрудничеству в своей газете. И в западной части штата Нью-Йорк его газета не помешает распространению «Либерейтора».

Итак, 3 декабря 1847 года в Рочестере вышел первый номер новой газеты «Полярная звезда» под девизом: «Бороться с рабством во всех его формах и проявлениях, выдвигать проекты раскрепощения негритянского народа, требовать единого мерила общественной морали для всех, способствовать нравственному и интеллектуальному прогрессу негритянского народа и ускорить день освобождения из неволи трех миллионов наших сограждан». Редактором газеты был Фредерик Дуглас, его помощником — Мартин Делэйни.

По мере того как усиливались разногласия среди аболиционистов по вопросам вооруженной борьбы, политических выступлений и отношения к рабочему движению, углублялся разрыв между Дугласом и Гаррисоном. «Политика — дурная штука, она не для нас. Мы обращаемся к совести людей!» — любил повторять Гаррисон. А Фредерик Дуглас убеждал негров пользоваться, где только возможно, своим избирательным правом и объединяться с другими партиями и группами для политических действий, направленных против рабства. Вместо девиза Гаррисона: «Никакого союза с рабовладельцами!» — Дуглас выдвигал свой: «Никакого союза с рабовладельчеством!»

Гаррисон выступал против попыток бостонских рабочих учредить партию рабочих и фермеров. Дуглас же поддерживал это при условии, что негров будут принимать в новую партию ка равных основаниях. Он добивался встреч с теми руководителями рабочих, которые были настроены против аболиционистов, и всячески доказывал, что они не правы.

Не раз перед Дугласом захлопывались двери. Редактор газеты

«Нью-Йорк трибюн» Горас Грили писал: «Меня мало волнует существование рабства в Чарлстоне или в Новом Орлеане потому только, что я вижу достаточно примеров рабства в Нью-Йорке, и это требует моего внимания в первую очередь».

Джеррита Смита, раздававшего землю свободным неграм, сурово критиковали даже некоторые либералы. Один из них писал ему:

«Сэр, прежде я был горячим сторонником отмены рабства. Но теперь я убедился, что существуют белые рабы тоже, и мне ясно, что едва ли безземельные негры что-нибудь выиграют, если им предоставят ту же возможность менять хозяев, какая имеется у безземельных белых».

Такие споры раздирали северян, в то время как сплоченный рабовладельческий Юг распространял свое влияние далеко на Запад. Чтобы пресечь распространение рабства, на Севере зародилось движение «фрисойлеров», или партии Свободной земли.

Белые рабочие мечтали о работе на новых западных землях, но боялись конкуренции рабского труда. Требование Свободной земли было широко подхвачено белыми пролетариями. Фредерик Дуглас поддерживал это движение и присутствовал на учредительном съезде партии Свободной земли в 1848 году. Но он не преминул подчеркнуть узкие цели и ограниченные перспективы этой партии- «Она стоит на дороге у более важного движения, препятствует его росту и осуществлению его священных целей, каких у партии Свободной земли никогда не было даже в помыслах».

Партия Свободной земли не стала политической силой под этим названием, но в предвидении президентских выборов 1852 года она объединилась с небольшой партией Свободы и на съезде в Кливленде в мае 1849 года получила новое название: партия Свободной демократии. Фредерик Дуглас был избран одним из ее секретарей. Программа партии включала следующий пункт: «Мы против создания новых рабовладельческих штатов и территорий, против рабства в масштабах республики, против государственных законов о выдаче плантаторам беглых рабов».

Наиболее воинственную речь на съезде произнес Фредерик Дуглас, требовавший повсеместного уничтожения рабства. Лев долго обуздывал себя. Обязанности редактора и издателя газеты приковывали его к письменному столу. У себя дома он устроил убежище, чтобы было где размещать беглых рабов, которые сплошным потоком устремлялись теперь в Рочестер. Всех их присылали к Дугласу, агенту «тайной дороги», и он занимался трудной и опасной переправкой беглецов в Канаду.

Дуглас был еще молод, но в тот вечер, когда он стоял на трибуне съезда с откинутой назад львиной гривой и пышной бородой, устремив в зал горящий взгляд, невозможно было угадать его возраст — он производил впечатление человека, прожившего много-много лет, испытавшего безмерные страдания и накопившего огромную вековую мудрость.

— Американцы, — говорил Дуглас, — ваша республиканская политика, так же как и ваша республиканская религия, лишена последовательности. Вы хвастливо заявляете о своей любви к свободе, о своей высокой цивилизации, о своей чистой приверженности христианству, а между тем все политическое руководство страны в лице двух главных политических партий торжественно поклялось поддерживать и продолжать рабство трех миллионов ваших соотечественников. Гордясь своими демократическими порядками, вы извергаете проклятия на коронованных тиранов России и Австрии, сами же вы согласны оберегать тиранов Виргинии и Каролины и быть жалкими марионетками в их руках. Вы предлагаете у себя убежище иностранцам, спасающимся от гнета у них на родине, но когда у вас в стране люди тоже бегут от гнета, вы расклеиваете объявления об их поимке, устраиваете на них облавы, бросаете их в тюрьмы, убиваете их… Вы проливаете слезы над побежденной Венгрией, ваши поэты слагают скорбные строки о ее несправедливой судьбе, ваши ораторы и государственные мужи произносят о ней речи… Ваши отважные сыны готовы взяться за оружие, чтобы помочь Венгрии в ее борьбе против тиранов, но когда дело касается рабов в Америке, терпящих в десять тысяч раз больше несправедливости, вы храните гробовое молчание… Все вы загораетесь чувством, когда говорят о свободе для Франции и Ирландии, но вы холодны, как айсберги, когда говорят о свободе для негров в Америке!

Люди выходили на улицы города, повторяя слова Дугласа. Делегаты разъезжались по своим штатам, повторяя их, чтобы не забыть.

А в это время в штате Иллинойс скромный член законодательной палаты Авраам Линкольн говорил: «Народ имеет священное право подняться и свергнуть существующее правительство и учредить новое, какое он считает более подходящим… Революциям присуща та черта, что они не продолжают старых обычаев и старых законов, а, ломая и то и другое, создают новые».

ЧАСТЬ III
БУРЯ

„Когда чаша их слез переполнится, когда стоны их заставят омрачиться даже небо, несомненно, справедливый господь узрит, наконец, их горе и своей испепеляющей грозой докажет, что он наблюдает за жизнью на земле и что она не брошена им на произвол судьбы“.

Томас Джефферсон

ГЛАВА 11
НА ЗАПАДЕ ПОДНЯЛАСЬ БУРЯ, И ПТИЦЫ УЛЕТЕЛИ НА СЕВЕР

Америка не помнила еще такого урожая хлопка. По всему Югу пышно пенилось его белоснежное море. Под тяжестью хлопка валились с ног работники-негры. По всем дорогам скрипели возы, и запряженные в них мулы с трудом тащили наложенную горами белую кладь. Хлопкоочистительные машины изрыгали пламя и дым; трещали прессы, давя и обуздывая дрожащий хлопок, пока он не превращался в застывшую, бездыханную массу; тогда его паковали в тяжелые квадратные тюки и складывали на речных пристанях вдоль железных перил и на гнилых мостках деревенских причалов. Отсюда пароходы отвозили его в Англию кормить ненасытные ткацкие фабрики и в порты-муравейники Китая. Душистое облако процветания окутывало американский Юг в 1854 году.

Уильям Фрилэнд с довольным чувством объезжал свои владения. Правда, они поубавились, но если цены на хлопок будут продолжать расти, ему обеспечена легкая жизнь на много лет. После смерти матери Фрилэнд передоверил все управление плантацией наемным надсмотрщикам. Сам он в дела не вмешивался, проводя большую часть времени то в Балтиморе, то

в Вашингтоне, то в Ричмонде. Смуглый, всегда немного томный, с легкой проседью в волнистых волосах, он очень нравился дамам. Он так и остался холостяком.

С появлением надсмотрщиков порядка на плантации стало больше. Побеги рабов прекратились. Последняя беглянка была молодая мать с грудным ребенком. Собаки поймали ее возле речки и растерзали на куски. Этот случай заставил Уильяма Фрилэнда на некоторый срок уехать из имения.

Конь шел шагом, и Фрилэнд вдруг рассмеялся, заметив под кустом потешную фигурку человека, скорчившегося в три погибели и разгребавшего голыми руками землю. Рядом на земле лежали сачок и сетка, хотя кому не известно, что осень не время для ловли бабочек. Уильям Фрилэнд покачал головой. На что только люди не идут ради славы! Этот смешной человечек не кто иной, как доктор Александр Росс, — энтомолог, орнитолог и ихтиолог. Образцы удивительных насекомых, пойманных им, изображались на великолепных цветных иллюстрациях в очень дорогих книгах. Фрилэнд познакомился с доктором Россом в Ричмонде, в доме полковника Дрейка. Дочь хозяина, воспитывавшаяся на Севере, говорила о нем, захлебываясь от восторга. Она показывала одну из книг Росса, снабженную его автографом, с таким видом, словно держала в руках золото. Когда этот потешный человечек начал лепетать, что на восточном побережье Мэриленда удается иногда найти Croton Alabameses, Фрилэнд пригласил его к себе в имение.

— Уж там-то, — смеясь, сказал он, — тьма-тьмущая всяких диковинных жучков!

Впрочем, сидя в первый вечер с доктором Россом у себя на веранде, Фрилэнд узнал, что Croton Alabameses не жук, а растение. Гость восхищался старинным парком, лишайником на пнях, заросшими тропинками, густой, как стена, живой изгородью…

— Прелестно тут у вас! — Он блаженно щурился за толстыми стеклами очков и моргал ресницами.

Доктор Росс вставал с зарей и пропадал по целым дням, исхаживая громадные расстояния по лесам и болотам с неизменным сачком и сеткой. Он вел беседы с рабами. Впрочем, Фрилэнд не сомневался, что те считали его сумасшедшим. Фрилэнд решил, что надо посоветовать гостю быть поосторожнее: пустынные, нехоженые тропы и болота небезопасны.

— В былые времена мне и в голову не пришло бы предупреждать кого-нибудь на этот счет, — добавил Фрилэнд, — у нас здесь никогда ничего не случалось. А теперь негры испортились, стали опасными!

Занятый измерением крылышка какого-то мотылька, доктор Росс не слушал хозяина. Фрилэнд заговорил настойчивее:

— Совсем недавно, несколько недель тому назад, один бедный фермер — некто Коуви — найден был у себя на дворе с проломленным черепом. Рабы его не успели разбежаться — всех их почти переловили, только вот не нашли еще экономку, подозревают, что она убила хозяина. Ужасная история!

Ученый недоуменно нахмурился.

— Но почему это решили, что именно экономка его убила?

Уильям Фрилэнд пожал плечами.

— Видите ли, работорговец из их деревни рассказал, что она особенно неистовствовала, когда Коуви продал какую-то девушку. Подробностей я не знаю. Но этот торговец рассказывал, что он собственными ушами слышал, что она грозилась убить хозяина.

Гость сокрушенно цокнул языком и покачал головой.

— Теперь вы понимаете, доктор, — осторожно договорил Фрилэнд, — эта женщина где-то скрывается, и, если вы на нее набредете, вам с ней едва ли справиться.

— Как, неужели она осталась в этих местах?

У доктора Росса вдруг пробудился интерес к рассказу.

— Весь наш перешеек обложен, пробраться через кордон — не легкая штука. А вы в своих путешествиях можете иной раз забрести куда не следует. На вашем месте я не стал бы уходить так далеко.

Гость понимающе кивнул. Однако на следующий день он снова вернулся очень поздно, весь забрызганный грязью. Он сказал, что упал где-то и растерял все свои находки. Порожняя сетка для насекомых болталась у него на поясе.

«Но страшного ведь ничего с ним не случилось! Вот же он под кустом, сам похожий на какого-то жука!» Уильям Фрилэнд соскочил с лошади и вошел в дом.

— Зови доктора завтракать! — скомандовал он выбежавшему навстречу Генри.

Хотя под сводами высокой столовой с дубовыми панелями теперь уже не распевали желтые канарейки, завтракать здесь было по-прежнему очень приятно. В те редкие минуты, когда доктор Росс не сидел, уткнувшись в свой микроскоп, или не бегал по лесам, он был интересным собеседником. В это утро он сравнивал природу и насекомых этой прибрежной полосы с побережьем Средиземного моря в южной Франции.

— Природа с изумительной щедростью одарила наш Юг, — заключил он.

Обрадовавшись возможности поговорить на эту тему, Уильям Фрилэнд пустился в рассказы о хлопке.

— Благодаря новому штату Техасу у нас прибавилось много тысяч акров. Теперь уже в Калифорнии начинают сеять хлопок, и, оказывается… — голос Фрилэнда на миг прервался от волнения, — его можно выращивать даже на территории Небраски!

— О, это чудесная культура! — подтвердил доктор Росс.

— Только одна беда у нас, — лицо Фрилэнда омрачилось, — земли много, а некому возделывать ее, рабов не хватает. Янки боятся нашего хлопка. Они понимают, что если оставят нас в покое, хлопок станет решающим фактором в Америке. У них-то самих нет земли, годной под хлопок, вот они и хотят нас задушить. Они вяжут нас по рукам и ногам всякими выдумками об ограничении рабства. Ведь знают прекрасно, что, только расширяя рабство, можно расширить посевы хлопка!

— Ну, а что, если рабовладение объявят незаконным? Как сделали в Англии и Вест-Индии… — Маленький человечек подался всем туловищем вперед.

Фрилэнд самодовольно улыбнулся. Он долго не отвечал, раскуривая свою трубку.

— Соединенные Штаты, — произнес он, наконец, — всего лишь федерация штатов. Там, где рабы стали не нужны, их освободили. Но здесь на Юге они необходимы сейчас даже в большей степени, чем когда-либо прежде. И так просто, — Фрилэнд помахал трубкой, — мы их не отдадим.

— Сегодня я решил изменить свое расписание, — сказал доктор Росс, когда они вышли из-за стола. — После обеда я посплю, потому что ночью собираюсь отправиться на поиски Lepidoptera. Некоторые признаки наводят меня на мысль, что они водятся возле ручья, но они летают, только когда становится темно. Возможно, я не вернусь до утра.

Фрилэнд нахмурился.

— В таком случае я пошлю с вами кого-нибудь из ребят.

Ученый замотал головой.

— Совершенно излишне, сэр! Может быть, я даже не выйду за пределы ваших владений. Я думаю, что наловлю их в низине, за лугом.

Отправляясь на покой в эту ночь, Уильям Фрилэнд вспомнил доктора Росса. «Вот уж, право, занятие— гоняться за мотыльками во тьме кромешной!» Фрилэнд глотнул коньяку из рюмки и задул свечу.

В ту же ночь девять молодых негров встретились с Александром Россом в лесу. Все они каким-то неведомым образом получили извещение, что «тайная дорога» готова принять «пассажиров».

Доктор Росс разделил негров на три группы и дал каждой точные указания: в таком-то месте в лесу первую тройку ждет уже специальный человек. Второй тройке надлежит. пройти полмили берегом, там они увидят привязанную к раките пустую лодку, — впрочем, не такая уж она пустая: пусть пошарят на дне. Третьих ждет телега на проселочной дороге.

У всех негров была принесена с собой еда. Росс вручил каждому из них несколько долларов, компас, нож и пистолет.

Затем все разошлись. Проводив первую группу довольно далеко по лесу, Росс повернул назад в сторону имения. Он даже поймал какого-то редкостного мотылька и бережно запрятал его под сетку.

Через несколько дней этот тихий естествоиспытатель простился с Фрилэндом и покинул Юг.

Таков был Александр Росс, впоследствии указами королей посвященный в рыцари за его научные открытия, удостоенный почестей Французской Академией наук. Посещая Виргинию, Мэриленд, Южную Каролину, Джорджию, Алабаму и Миссисипи, он толковал о растениях и птицах. Пистолет в кармане и принадлежности для ловли насекомых в руках— он с беспечным видом бродил по полям и лесам; никто никогда не связывал с его визитами исчезновение рабов.

На «тайной дороге» у него была кличка «Птицелов». Благодаря его помощи Джеб, которого Фредерик Дуглас оставил в Балтиморе мальчиком, выбрался на свободу. На восточном побережье были и другие люди, которым Фредерик дал клятву много лет назад: «Я не забуду!» Теперь Дуглас послал Александра Росса по тому же маршруту, по которому уходил когда-то сам. Он свое слово выполнил.

Хлопок и рабство. К 1854 году эти два слова стали синонимами. Поддерживаемый экономическим могуществом плантаторов, рабовладельческий Юг завоевывал контроль над Америкой. Закон о беглых рабах 1850 года, согласно которому федеральным властям вменялось в обязанность ловить беглых рабов в любой местности Соединенных Штатов, зачеркивал прежние права отдельных северных штатов; на новых территориях разрешалось вводить рабство в соответствии с компромиссом 1850 года, а законопроект «Канзас — Небраска» 1854 года вообще лишал конгресс права запрещать рабство где бы то ни было.

Из-за своего холодного климата территория Канзаса и Небраски на Западе не стала рабовладельческой. Но южные плантаторы стремились легализовать рабство повсюду. Таким путем они надеялись обеспечить себе дополнительные голоса в

сенате, когда эти территории будут реорганизованы в штаты. Законопроект, тайной целью которого была передача Канзаса и Небраски под контроль Юга, являлся делом рук сенатора Стефена Дугласа из Иллинойса. Дуглас — юрист, разбогатевший на земельных спекуляциях на Западе, вложил все свои капиталы в строительство железных дорог и искал случая получить землю для постройки трансконтинентальной железной дороги. В той редакции, в которой проект был представлен конгрессу, говорилось только о праве жителей Канзаса и Небраски самостоятельно решать вопросы «внутреннего устройства» на этой новой территории, то есть быть или не быть там рабству. Стефен Дуглас метил в президенты. Его законопроект был хитрым маневром: заручиться поддержкой Юга, не отпугнув при этом избирателей на Севере.

Законопроект «Канзас — Небраска» вызвал резкие возражения на Севере. Сенатор Чарльз Самнер, Джеррит Смит и Фредерик Дуглас в своих многочисленных выступлениях предупреждали Америку, что утверждение этого законопроекта явится смертельным ударом для свободы всего народа, особенно же рабочих и фермеров. Так как многие негритянские вожди в это время находились за границей или в подполье, спасаясь от террора, вызванного законом о беглых рабах, Дуглас вынужден был метаться по стране с митинга на митинг. Одновременно он редактировал свою газету и принимал активное участие в избирательных, кампаниях. О законопроекте «Канзас — Небраска» Дуглас писал:

«Идет борьба за власть. Рабовладельцы стремятся к безраздельному господству и хотят задушить свободу в нашей республике. Они изгонят из школы учителя и водворят на его место надсмотрщика за рабами, они сожгут школы и вкопают там, где они стояли, столбы для порки рабов. Они уничтожат систему свободного наемного труда и установят рабскую повинность из-под палки».

Негодование против сенатора Дугласа достигло огромного накала. Редко кого на Севере ненавидели такой жгучей ненавистью, как этого человека. В некоторых городах устроили даже «казнь»: повесили чучело Дугласа на людных площадях. В ряде штатов законодательные собрания проводили экстренные сессии и направляли протесты в конгресс.

Однако, несмотря на столь бурное выражение недовольства со всех сторон, конгресс принял проект «Канзас — Небраска» и сделал его законом для всей страны. Юг торжествовал победу. Но плантаторам этого было мало: теперь они обратили свой огонь против автора закона. «Полумера! — вопили они. — Нарушение

священных принципов, на которых зиждятся права штатов!» Они не допустят, чтобы конгресс смел даже обсуждать вопросы, касающиеся рабовладения!

Закон «Канзас — Небраска» подорвал престиж Стефена Дугласа на Юге, поэтому провалилась его кандидатура в президенты от демократической партии во время избирательной кампании 1860 года.

Пятеро сыновей Джона Брауна отправились в Канзас. Они были из числа тех «маленьких людей», которые понимали, что если «внутреннее устройство» будет доверено населению новой территории, то противники рабства должны стать ее постоянными жителями. Общее имущество братьев состояло из одиннадцати голов породистого рогатого скота и трех лошадей. Понимая, как это ценно на новых землях, Оуэн, Фредерик и Сэмон повезли их по озерам в Чикаго, а оттуда в Меридозию, где оставили зимовать. С наступлением весны братья перегнали свой скот в Канзас и обосновались в восьми милях западнее города Осаватоми.

В то лето при содействии Массачусетского общества помощи переселенцам туда прибыло семьсот пятьдесят новых жителей. Одни пробирались в крытых фургонах по звериным тропам, другие плыли по реке Огайо, погрузив свои земледельческие орудия на пароходные палубы.

Их взорам представился красивейший край: нетронутая земля, холмистые прерии, лесные ручьи и над всем — бездонный, ослепительно синий небосвод. Разбили палатки и принялись за обработку целины. Каждый мечтал иметь свой скот, засеять поле кукурузой и пшеницей, посадить сад и виноградники. Земли было сколько угодно, отличной, плодородной…

Выборы в первое законодательное собрание Канзасской территории были назначены на 30 марта 1855 года. Сам Горас Грили приехал на эти выборы в качестве корреспондента своей газеты «Нью-Йорк трибюн».

Но сторонники рабства хлынули тысячами на территорию Канзаса из соседнего штата Миссури и захватили избирательные участки.

«Накануне выборов, — писал Грили, — в Лоуренс прибыло около тысячи миссурийцев кто верхом, кто на телеге, все хорошо вооруженные ружьями, пистолетами, кинжалами, а один отряд даже притащил два орудия с картечью». По свидетельству Грили, никто из них не пытался соблюдать и видимости законных действий. Точно так же обстояло дело на территории всего Канзаса, и захватчикам удалось провести всех своих ставленников в законодательное собрание, за исключением одного

конгрессмена и одного сенатора. Эти были членами партии Свободной земли из какого-то глухого района, который миссурийцы просто упустили из виду. Хотя на всей территории было зарегистрировано только 831 человек законных избирателей, бюллетеней было подано ни больше ни меньше, как 6 320!

Население Канзаса отказывалось признавать и самозванных представителей и их законы. Тогда для «укрепления законности» Канзас наводнили преступными элементами. Это и заставило сыновей Джона Брауна обратиться к отцу с просьбой прислать им оружие и боевые припасы, чтобы защитить и себя и своих соседей.

Джон Браун закрыл свою лавку в Спрингфилде и переехал на маленькую горную ферму близ Норт-Эльбы в штате Нью-Йорк. Перед отъездом сыновей на Запад Браун писал сыну Джону: «Я не возражаю ни единым словом, если ты или другие члены моей семьи хотите ехать в Канзас или Небраску для того, чтобы помочь победить Сатану и его легионы; что же касается меня, то я чувствую, что мой долг — посвятить себя иной деятельности».

Несколько месяцев Браун не получал никаких известий от сыновей. Наконец пришло первое письмо с просьбой об оружии. Джон Браун стоял во дворе и держал в руке письмо из Канзаса. Взгляд его был устремлен на вершины гор, худощавая фигура и желтое морщинистое лицо резко вырисовывались на фоне неба. Потом он направился в конюшню и оседлал свою лошадь.

— Я съезжу в Рочестер, — сказал он жене. — Хочу посоветоваться с Дугласом.

Жена стояла в узком дверном пролете на пороге дома и долго смотрела ему вслед. Он не оглянулся. Джон Браун никогда не глядел назад.

Жители Рочестера теперь указывали приезжим на дом Фредерика Дугласа, как на местную достопримечательность. До того, как Дугласы заняли неказистый двухэтажный домик на Александр-стрит, это была обыкновенная тенистая улица на краю города. Новые соседи-негры вызвали среди населения уйму толков, впрочем без открытой враждебности.

Теперь на Александр-стрит нередко появлялись знаменитые люди из Бостона, Нью-Йорка, Филадельфии. Кто-то рассказывал, что узнал в лицо нью-йоркского редактора Гораса Грили, другой уверял, что видел собственными глазами известного священника Уэнделла Филиппса. Для соседей перестало быть новостью, что в воскресный день к дому подкатывала огромная коляска Даниеля Антони и все семейство Дугласов рассаживалось в ней, чтобы ехать в имение Антони за несколько миль от города. Дочь мистера Антони, Сюзен, была тоже на виду: к этому времени она

уже разъезжала по стране, имя ее фигурировало в газетах. Мужчины укоризненно качали головами, но представительницы прекрасного пола с торжествующим видом перекусывали нитку на своем шитье и многозначительно переглядывались. «Женский съезд по борьбе с алкоголизмом прошел с большим успехом», — напоминали они своим супругам. А те спешили возразить: «Борьба с алкоголизмом — это ладно, но к чему вся эта болтовня о женском равноправии?!»

Одна дама с Александр-стрит слышала выступление Фредерика Дугласа в защиту прав женщин. «Он произнес великолепную речь», — восторженно рассказывала она. «Можно подумать, что у него мало собственных, негритянских забот!» — недовольно комментировал ее супруг.

И впрямь у Дугласа было немало собственных забот. «Полярная звезда» становилась большой еженедельной газетой, каждый номер обходился в восемьдесят долларов. К большой радости всех сочувствующих, тираж ее достиг трех тысяч. Но Дуглас не раз оказывался без денег, и выпускать газету было очень трудно. К работе была привлечена вся его семья. Льюис и Фредерик научились наборному делу, они же сами доставляли номера подписчикам. На улицах Рочестера стало привычным видеть двух мальчуганов с пачками газет под мышкой и со школьными ранцами на спине.

Но выпуск газеты составлял лишь часть обязанностей Дугласа. Одну зиму он каждый вечер выступал в Крриндтиен-холл. Остальное время разъезжал с докладами по окрестным городам. Приедет, бывало, вечерним поездом в Виктор, Фармингтон, Канандейгу, Женеву, Ватерлоо, Буффало или Сиракузы, проведет собрание в церкви или в наемном помещении, а ночью возвращается в Рочестер. Его помощник, приходя утром в редакцию, всегда заставал своего шефа за столом: тот или писал, или готовил к отправке газеты.

Спать удавалось очень мало. В любое время дня и ночи являлись «пассажиры» «тайной дороги» — кто в экипаже, завернувшись в плащ квакера, кто на возу под дровами, кто обложенный мешками с мукой. Находились смельчаки, ехавшие поездом, а случалось, что к дверям редакции подкатывала телега с большим ящиком, на котором было написано: «Открывать с осторожностью!»

Каждый агент «тайной дороги» рисковал штрафом и тюремным заключением. Все понимали, что их помощь — только капля в море, и все же ликовали, если удавалось освободить из неволи еще одного раба. Однажды одиннадцать беглецов собралось у Дугласа в доме. Им пришлось пересидеть там

довольно долго, пока Дуглас не собрал достаточно средств для переправки их в Канаду. Анна готовила в огромных котлах пищу, которая поглощалась молниеносно. Гости спали на чердаке и на сеновале.

Многие жители Рочестера помогали скрывать беглых негров. Как-то вечером, когда уже стемнело, в двери Дугласа постучал хорошо одетый человек средних лет и назвал себя помощником местного правительственного уполномоченного по делам беглых негров.

— Я явился предупредить вас, — сказал он, не присаживаясь, — что час назад нашу контору посетил владелец трех рабов, бежавших из Мэриленда. Располагая сведениями, что они в Рочестере, он получил ордер на их арест и собирается сюда к вам.

Дуглас глядел на пришельца, не веря своим глазам. Фамилия, которой тот себя назвал, не оставляла сомнений, что это весьма видный деятель демократической партии: уж от такого-то меньше всего можно было ожидать помощи! Дуглас попытался что-то ответить, но гость прервал его:

— Счастливо оставаться, мистер Дуглас! Советую не терять ни минуты! — и с этими словами поспешил уйти.

Один из разыскиваемых беглецов был в это время у Дугласа на сеновале. В ту же ночь пара вороных коней проскакала куда-то во тьме. Потом прогромыхала к пристани телега Азы Антони, а утром трос молодых негров находились уже в свободных водах озера Онтарио на пути в Канаду.

Дуглас и его «Полярная звезда» являлись тем центром, вокруг которого развертывалась основная деятельность аболиционистов-негров. Среди новых знакомых Дугласа были: внук вождя африканского племени Генри Хайленд Гарнет, высокообразованный человек, не примыкавший к лагерю Гаррисона, ибо он с самого начала предпочитал политическую деятельность; доктор Джеймс Мак-Кюн Смит, получивший медицинское образование в Шотландии, Джеймс Пеннингтон, окончивший Гейдельбергский университет, Генри Бибб, Чарльз Редмонд и двоюродный брат Гарнета Сэмюэль Ринголд Уорд, которому особенно симпатизировал Дуглас. Все эти люди были старше Дугласа по возрасту, он гордился, что есть такие негры, и общение с ними придавало ему больше уверенности в себе.

Когда в 1850 году вошел в силу закон о беглых рабах, ни один негр, даже самый образованный, талантливый или богатый, не мог больше чувствовать себя в безопасности на территории Соединенных Штатов. У Дугласа имелась вольная грамота, за его свободу были заплачены деньги. Но Гарнет и Уорд благоразумно

решили покинуть родину.

Они разъезжали вдвоем по Европе до самой смерти Уорда. Гарнет приобрел там кличку «негритянского Томаса Пейна». Смерть Уорда была тяжелым ударом для Дугласа: он считал, что этот человек неизмеримо выше всех остальных своих единомышленников — и как мыслитель и как оратор.

«По глубине мысли, — писал Дуглас на смерть своего друга, — по ораторскому таланту, остроумию, железной логике и общему развитию едва ли найдется среди негров человек, равный Уорду».

В этот период Дуглас напрягал все свои силы, буквально захлестываемый работой. Он видел судьбу негров, бывших рабов, которые до сих пор жили спокойно и безбоязненно на западе штата Нью-Йорк и в других местах: потрудившись изрядно на своем веку, кое-кто из них имел сбереженья, собственные домики. И вдруг пришлось покинуть все и спасаться бегством в Канаду. Многие умерли там, не выдержав первой тяжелой зимы. Священник африканской методистской церкви Даниель Пейн предложил Дугласу бежать вместе со всеми.

— Мы побиты, — жалобно твердил Пейн, — так хотя бы отступим в порядке.

Дуглас покачал головой.

— Нет, мы должны держаться!

Наступила весна 1855 года. Никогда еще огромные фабрики и кожевенные заводы Рочестера не были так загружены. Сплошным потоком двигался по реке Дженеси сплав с Аллеганских гор, и на лесных пристанях росли штабеля могучих сосновых стволов. Вверх и вниз по течению канала Ири плыли плоты, и мулы с трудом вытягивали их вдоль берега; в речном порту скапливались горы товаров в ожидании погрузки на пароходы. Рочестер гордился тем, что стал также одним из самых важных пунктов недавно законченной железной дороги «Нью-Йорк сентрал».

Плантаторы, ездившие на воды в Саратогу, заглядывали и в Рочестер, расположенный неподалеку. Им нравились чистые широкие улицы и красивые здания, но они ужасались, когда встречали там прилично одетых негров. Южане щедро тратили свои деньги, интересовались строительством новых текстильных фабрик. Одного только не могли они понять: как это разрешается Фредерику Дугласу жить в таком прекрасном городе?

Однако в народе крепко держалось здоровое чувство справедливости. Когда Фредерик Дуглас приехал в соседний городок Гомер и враги подняли стрельбу, чтобы помешать его выступлению, Орен Карват отказался в знак протеста от места

дьякона Независимой церкви, продал свою ферму и переехал жить в Оберлин. Его сын Эрастус посвятил всю жизнь распространению знаний среди негров. Он был первым ректором университета Фиск, учрежденного в штате Теннесси после гражданской войны для негров, которые только что обрели свободу.

Темной, безлунной ночью Дуглас ехал верхом по Ридж-Роуд. Он возвращался домой из Дженеси, где выступал по поводу законопроекта «Канзас — Небраска» и тактики аболиционистов.

Дуглас любил эти поездки в одиночестве. Он называл их «проветриванием мозгов». Но сегодня из головы у него не шло одно гневное письмо, автор которого обвинял Дугласа в том, что он покинул своего друга Гаррисона «в самую трудную минуту». Дуглас вздохнул. Он понимал, что «Полярная звезда» все больше отклоняется от курса «Либерейтора». Он был преисполнен чувства благодарности к Гаррисону, знал его лично как отважного человека, живущего благородными принципами. «Если есть один порядочный человек на свете, так это Гаррисон. Но я не могу быть во всем с ним согласен!» — Эту фразу Дуглас незаметно проговорил сейчас вслух.

Последняя стычка между ними произошла по поводу толкования конституции Соединенных Штатов. Гаррисон считал, что этот документ играет на руку рабовладельцам. Теперь, когда даже в Бостоне и в Нью-Йорке усилилась борьба с ними, Гаррисон настаивал на новом девизе: «Никакого союза с рабовладельцами»— для выражения протеста против конституции.

Что же касалось Дугласа, то он считал, что конституция Соединенных Штатов преследовала цель «упрочить союз, укрепить правосудие, обеспечить спокойствие и безопасность внутри страны, поднять уровень благосостояния и предоставить народу возможность пользоваться всеми благами свободы». Поэтому Дуглас и его группа не соглашались признать, что конституция поддерживает рабство, она казалась им, наоборот, верной гарантией повсеместного уничтожения рабства. Дуглас призывал американский народ к политической борьбе за соблюдение конституции по всем статьям.

Итак, учитель и ученик расходились все больше и больше. Дуглас знал, что Гаррисон стал последнее время прихварывать. «Надо бы съездить в Бостон навестить его», — подумал он. Но тут же вспомнил, что для этого, к сожалению, нет никаких денег.

Настроение было испорчено окончательно. Дуглас ехал, погруженный в мрачные думы. Стук копыт позади на дороге вывел его из задумчивости. Дуглас обернулся и заметил

поднимавшихся на холм трех всадников. Осадив коней, они сгрудились и что-то обсуждали. Дуглас почувствовал, как разом напряглись все мускулы, его тела. Он поспешно свернул вправо и, стараясь спрятаться во тьме придорожных деревьев, поехал шагом. Не померещилось ли ему это? Нет, они явно следуют за ним. А когда он доедет до вершины, то лучшей мишени и не придумаешь. Что ж, была не была… Дуглас дал шпоры своему жеребцу, конь отделился от деревьев и взлетел на гребень холма. Сзади раздался выстрел, мимо прожужжала пуля — Дуглас едва успел пригнуть голову.

Никаких сомнений уже не оставалось: это погоня, и его преследователи вооружены, а он нет. Конь несся во весь опор по извилистой дороге. Впереди Дуглас увидел рощу и, вспомнив, что за ней овраг, круто свернул в ту сторону. И тотчас что-то больно ударило его за ухом. Он весь изогнулся, опустил поводья, и конь сам пошел искать тропу между деревьями. Тяжелая ветка зацепила Дугласа, он с трудом удержался в седле. Конь то и дело спотыкался, но все же через некоторое время вынес его в поле. Напротив на бугре высился большой дом. Вдруг Дуглас опять услышал за спиной крики и подумал, что будет хорошо виден, если поскачет сейчас по открытому полю, но этот дом — его единственная надежда. Почему-то пришла на ум неоконченная статья, оставленная на письменном столе. «Ничего, я ее окончу!» — подумал он с остервенением, крепко стиснув зубы, чтобы не потерять сознания.

Конь и всадник тяжело дышали, когда очутились у широкого крыльца. Дом был погружен во мрак. Что удивительного, ночь, все спят мертвым сном! Дуглас чувствовал странное головокружение, но его душил почему-то смех: «С ума сошел человек, ломится посреди ночи в незнакомый дом!»

Но Гидеон Питс услышал его стук. Он вскочил с постели и зашлепал по полу босыми ногами.

— Смотри, Гидеон, простудишься! — крикнула жена, но сама стала тоже поспешно накидывать на себя капот. Она зажгла лампу и, держа ее обеими руками, поспешила за мужем на лестницу.

Он уже был внизу и ощупью в темноте возился с чугунной скобой. Наконец она упала, массивная дверь распахнулась, и плечистая мужская фигура заполнила собой весь пролет. Незнакомый человек жадно ловил ртом воздух. Он шагнул вперед и, прохрипев: «Я… я Фредерик Дуглас», — повалился на пол у ног Гидеона Питса.

Гидеон выглянул наружу. Он ясно увидел каких-то людей, скачущих верхом вдоль самого края поля, и захлопнул дверь.

Жена Гидеона сбежала вниз, от ее лампы по стенам запрыгали причудливые тени.

— Что с ним, что с ним, Гидеон? Что он говорит?

— Тише! Это Фредерик Дуглас. Он ранен. За ним гонятся, — быстро зашептал Питс. Он нагнулся к Дугласу.

— Я пойду позову… — начала было миссис Питс, но муж схватил ее за капот.

— Никого не зови! Не дай бог, если слуги узнают! Смотри, он, кажется, очнулся.

Жена сразу же превратилась в расторопную хозяйку.

— Надо бы теплой воды, — сказала она, ставя лампу на стол, — а потом перенесем его наверх. — И миссис Питс исчезла в темном углу передней.

Наверху заскрипели ступеньки. Детский голос окликнул:

— Папа, что там? Ой!

— Иди спать, Эллен! Вам лучше, мистер Дуглас? — Гидеон Питс озабоченно нагнулся к ночному посетителю.

Дуглас присел и потрогал свой лоб. Рука стала липкой. Он смотрел по сторонам и, вдруг поняв, что опасности больше нет, улыбнулся.

— Да, благодарю вас!

— Лежите спокойно, мистер Дуглас. Вы ранены. Жена сейчас принесет теплой воды.

— Спасибо за вашу доброту, сэр. — Дуглас начинал приходить, в себя. — Меня подстрелили.

— А-ах!

Оба подняли головы. Перегнувшись через перила, на них глядела испуганными голубыми глазами маленькая девочка в длинной, до пят, ночной сорочке.

— Эллен, — строго сказал отец, — кому я велел идти спать!

— Но, папа, я ведь тоже могу помочь! Бедненький, он ранен!

— Да нет, детка, это пустяки! — Дуглас улыбнулся ребенку.

Вернулась миссис Питс, неся таз с водой и полотенце. Она обмыла кровь, и Гидеон Питс, осмотрев Дугласа, заявил, что это только царапина. Пока очи возились с ним и делали ему перевязку, Дуглас рассказал, что произошло. Потом хозяйка убежала приготовить комнату для гостя.

— Мы почтем за честь, если вы согласитесь переночевать у нас, — заявил Питс.

Дугласу ничего не оставалось, как принять это приглашение.

— А поутру я отвезу вас в город, — заверил его хозяин. Он помог гостю подняться наверх в комнату и уложил его на широкую старинную кровать, украшенную по бокам высокими столбиками.

Утром вся семья была в сборе, чтобы проститься с Дугласом. Миссис Питс заставила его перекусить перед дорогой.

Захватив в руки вожжи, Дуглас уселся в бричку рядом с Гидеоном Питсом.

— Пожалуй, мне лучше проводить вас до самого места, — сказал тот. — Ведь кто знает, может быть, эти бандиты подкарауливают вас где-нибудь у дороги.

Стояло погожее, благоуханное майское утро. Фруктовый сад Питса был в цвету. Все дышало весенней благодатью. Дуглас улыбнулся маленькой Эллен, стоявшей на крыльце, и девочка помахала ему рукой.

— До свидания, мистер Дуглас! Непременно приезжайте к нам опять!

Прощаясь с великим Фредериком Дугласом, она и сама чувствовала себя важной персоной.

Когда на следующий день приехал Джон Браун, Дуглас ходил с забинтованной головой.

— Капитан Джон Браун, — возвестил Чарльз, вводя гостя в дом.

Анна Дуглас вышла из кухни и приветливо поздоровалась.

— Мы как раз садимся завтракать, капитан Браун. Милости просим к столу.

Маленькая Анни подала на стол еще одну порцию, застенчиво улыбаясь старику. Он погладил ее по шелковистым волосам.

— Потом поедем с тобой кататься, — пообещал он, и глазенки девочки заблестели.

— На вас напали, да? — воскликнул Джон Браун, когда появился Дуглас с забинтованной головой.

— Ничего, к счастью, это только царапина. — Дугласу не хотелось вспоминать о происшествии. — Лучше, дорогой друг, расскажите о себе. Ведь вас, наверное, привело сюда важное дело.

— Пусть он раньше поест! — взмолилась Анна.

После завтрака Дуглас прочел письмо из Канзаса.

— Может быть, сам господь бог посылает меня в Канзас, — произнес с большим чувством Браун. —

Может быть, путь мой в Виргинию лежит через Канзас. Не правда ли, а?

Дуглас покачал головой.

— Право, не знаю. — Минутку он помедлил, потом сказал, оживившись — Завтра я еду на съезд в Сиракузы. Давайте отправимся вместе. Покажите это письмо всем аболиционистам. Ведь вам понадобятся деньги. Наш долг — помочь Канзасу.

Через несколько дней Джон Браун писал домой:

«Дорогие мои жена и дети!

Я приехал сюда в первый день съезда и слава богу, что приехал, ибо здесь я встретил радушнейший прием, не ошибусь, если это скажу. Почти все, за исключением нескольких друзей (да и те ведь из искренних побуждений), горячо одобряют мое намерение вооружить моих сыновей и остальных друзей в Канзасе. Сегодня я получил пожертвований более чем на 60 долларов: 20 — от Джеррита Смита, 5 — от одного старого английского офицера и разные мелкие суммы от других людей, отданные ими с таким искренним, горячим чувством, что это было для меня дороже денег. Я показал им оба письма нашего Джона, и Джеррит Смит прочитал их вслух столь проникновенно, что вызвал слезы у большинства присутствующих на этой многолюдной сессии. За всю свою жизнь я, кажется, не был на более интересном съезде, и у меня прибавилось очень много честных и отзывчивых друзей».

Жребий был брошен; Джон Браун отправился в Канзас.

«Вместо того чтобы прислать нам оружие и деньги, — писал его сын Джон, — он явился сам, в сопровождении своего шурина Генри Томсона и моего брата Оливера. В Айове он купил крытый фургон с лошадью и, запрятав оружие под наваленными сверху для вида землемерными приборами, переехал из Миссури в Канзас возле Уэйверли, выкопал там из могилы тело внука и провез все благополучно. Явился он к нам в поселок 6 октября 1855 года, если я не ошибаюсь».

ГЛАВА 12
АНГЕЛ МЕСТИ СЕЕТ БУРЮ

— Вас посылало туда Общество по оказанию помощи переселенцам? — четыре года спустя спросили Джона Брауна на суде.

— Нет, сэр, — твердо ответил он. — Меня посылал Джон Браун, направленный рукою господа.

От этого поселка веяло романтикой. Индейцы, сновавшие по реке в своих стремительных челноках, видели в зарослях восточного Канзаса красивых птиц и называли это место Лебединым болотом. Отсюда по вспаханной земле, которая начиналась за темной илистой рекой, Джон Браун со своим младшим сыном Оливером проехал к «колонии Браунов».

«Мы застали наших в очень тяжелом положении, — писал он, — ни у кого из них не было еще жилища, корм для скота не был заготовлен; по утрам и вечерам они кое-как согревались у костров, и в те дни, когда разгуливалась непогода, это был их единственный источник тепла».

Итак, Джон Браун прибыл в Канзас, готовый начать борьбу за свободу. Но, едва ступив на эту землю, он понял, что его цель отличалась от цели большинства переселенцев, которые вовсе не намеревались рисковать ни своей жизнью, ни имуществом. Джон Браун выразил открытый протест против составленной проработовладельческими элементами резолюции, лишавшей прав всех негров — не только рабов, но и свободных. Протест его, однако, поддержки не получил.

Пришло письмо с деньгами от Фредерика Дугласа. Он сообщал:

«Мы стараемся привлечь к Канзасу внимание всей страны: Чарльз Самнер с непревзойденным красноречием выступает в сенате; Генри Уорд Бичер превратил свою церковную кафедру в аукцион, на котором он призывал выкупать рабов на свободу; Джеррит Смит и Джордж Стернс пообещали на это деньги; Льюис Таппан и Гаррисон отказались от прежних разногласий. Гаррисон больше не сердится на меня за мою тактику: он видит, что мы кое-чего добиваемся. Происходит слияние партий Свободной земли, вигов, либералов и той части демократов, которая против рабства. Партия, организованная нами некоторое время тому назад в масштабах одного штата, уже выросла до размеров общенациональной… Мы приняли название

«Республиканская», — так называлась — вы, наверно, помните — партия Томаса Джефферсона».

Джон Браун сложил письмо. Лицо его пылало.

— От кого это, отец? — спросил его Оуэн.

— От Дугласа. Пути господни неисповедимы! — больше он ничего не сказал, но ветер степей ощущался в его голосе.

В декабре пронесся слух, что губернатор и его проработовладельческая клика собираются захватить Лоуренс. Услышав это, Брауны тотчас же собрались туда. Приближаясь в час заката к городу, экспедиция выглядела довольно странно: старая кляча, запряженная в ветхий фургон, и семеро крепких рослых мужчин с кирками, саблями, пистолетами и ружьями. Джон Браун взял на себя командование маленьким отрядом. Начались переговоры между губернатором Шэнноном и теми, кто возглавлял движение против рабства. Человек пятьсот волонтеров собралось защищать Лоуренс. Они трудились дни и ночи, сооружая баррикады и редуты вокруг города. В воскресенье губернатор Шэннон приехал в город для переговоров, после чего было объявлено, что стороны достигли соглашения. Хотя условия его оставались еще в тайне, Браун, ликуя, написал в Нью-Йорк, что вторжение рабовладельцев и их сторонников в Канзас отражено. Миссурийцев отправили восвояси без боя, без драк, они даже не успели поджечь ни одного новорожденного города, не разгромили ни одной типографии аболиционистов. «Для всех противников рабства главная задача в настоящее время, — писал Браун, — не отступать ни на шаг, и тогда Канзас станет свободным штатом».

Но события в Канзасе пришлись не по душе рабовладельческой олигархии. Срочно были направлены в Вашингтон представители плантаторов, дабы выразить правительству их гнев. И президент Пирс, пославший в свое время военный корабль в Бостон за тем, чтобы доставить оттуда одного-единственного, дрожащего, закованного в цепи беглого раба, назвал тех, кто хотел сделать Канзас свободным штатом, «революционерами и анархистами» и отказал им в поддержке федерального правительства, пригрозив тюрьмой за «бунт и измену». Наоборот, для подкрепления рабовладельческих сил в Канзас были посланы регулярные войска; вслед за ними территория наводнилась вооруженными отрядами южан, — один такой из Джорджии разбил лагерь вблизи Лебединого болота, в том районе, где находился хутор Браунов.

Майским утром с землемерными приборами в руках, сопровождаемый «помощниками», Джон Браун проник к ним в лагерь. Южане приняли его за государственного землемера, стало

быть, человека «проверенного», и говорили с ним, не таясь:

— Мы отсюда никуда уходить не намерены. С теми, кто занят своим делом, мы драться не будем. Но аболиционистам, таким, как эти чертовы Брауны, мы зададим перцу, выгоним их всех отсюда, а кое-кого прихлопнем, зато уж избавимся от них, как бог свят!

Они называли по именам намеченные жертвы, а Джон Браун с преспокойным видом записывал каждое слово в свой землемерный журнал.

21 мая рабовладельческие силы ворвались в Лоуренс, разграбили его и сожгли. Жители города с ужасом наблюдали это, но даже не подняли рук, чтобы защищаться.

Разбойничьи действия рабовладельцев вызвали волну всеобщего гнева в Америке. Великан Чарльз Самнер в своей громовой речи заявил, что это «преступление, не имеющее прецедента в истории». Он не побоялся назвать сенатора из Иллинойса Стефена Дугласа и Мэтью Батлера из Южной Каролины убийцами жителей Лоуренса. На следующий день, когда Самнер что-то писал, сидя на своем месте в зале сената, Престон Брукс, молодой конгрессмен из Южной Каролины, зашел сзади и ударил его толстой палкой по голове. Чарльз Самнер, истекая кровью, упал без сознания в проходе между креслами.

А тем временем Джон Браун, не мешкая, прискакал в Лоуренс. В ярости стиснув зубы, смотрел он на пепелище. Он был вне себя от возмущения: как это жители города не дали головорезам никакого отпора!

— Что же вы сделали? — гневно вопрошал он.

Кто-то попробовал заикнуться насчет «осторожности».

— Осторожность, осторожность! — презрительно усмехнулся Браун. — Надоела мне до смерти ваша «осторожность». Трусость это, и больше ничего!

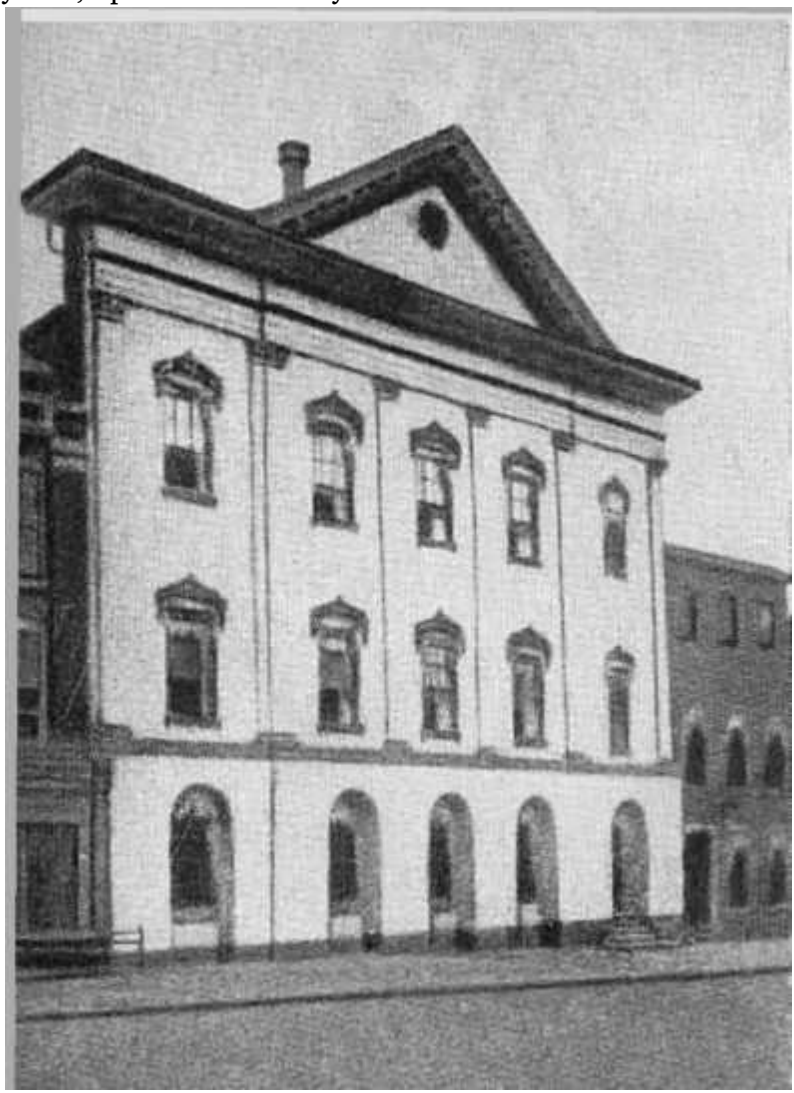
Однако теперь уже поздно было что-нибудь делать, и Браун стал собираться домой, когда к нему подъехал паренек верхом на лошади и сообщил новость: на хутор Браунов явились молодчики с разъезда Датч Генри и предупредили женщин, что все, кому не нравится рабство, пусть убираются прочь из этих мест к субботе, самое позднее — к воскресенью, иначе их прогонят силой. Они сожгли два дома и магазин неподалеку, в Немецкой колонии.

Это переполнило чашу терпения Джона Брауна.

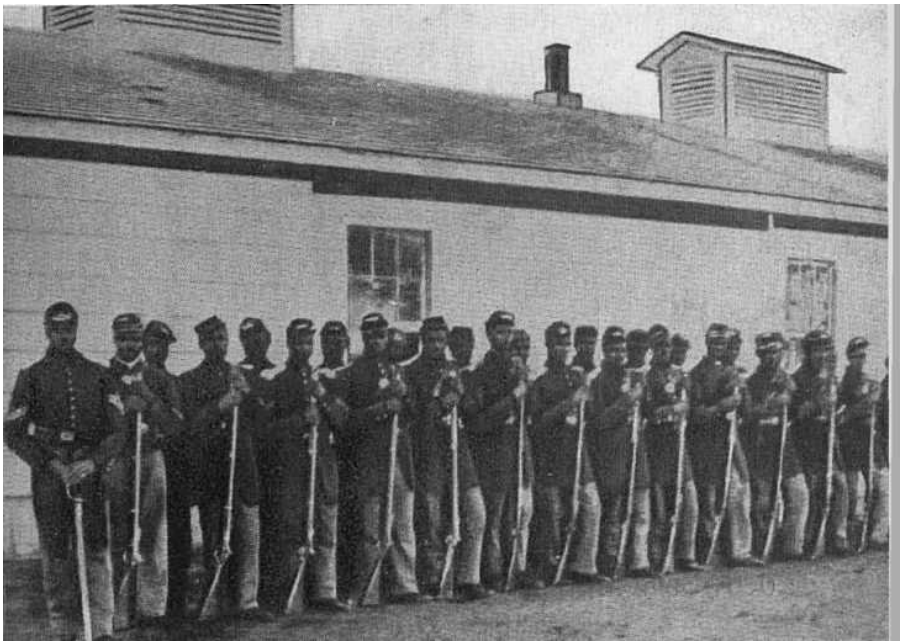
— Я сам займусь этой компанией, — сквозь зубы сказал он.

Настало время действовать. Браун созвал своих сыновей: Уотсона, Фредерика, Оуэна и Оливера — и договорился с соседом, что тот даст лошадей и подводу. Долго и тщательно готовили оружие. Тяжелое предчувствие охватило тех, кто

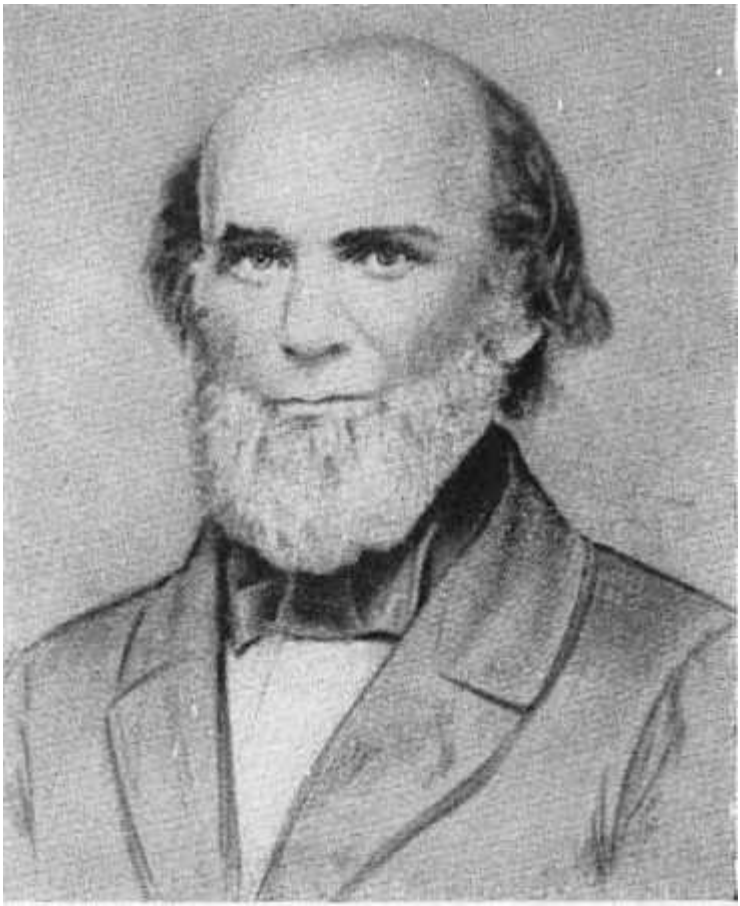
наблюдал эти приготовления. Все знали, что Джон Браун намерен начать активную борьбу за свободу Канзаса, но никто еще не понимал, какие формы примет эта борьба. Наконец подвода тронулась, провожаемая напутственными возгласами.

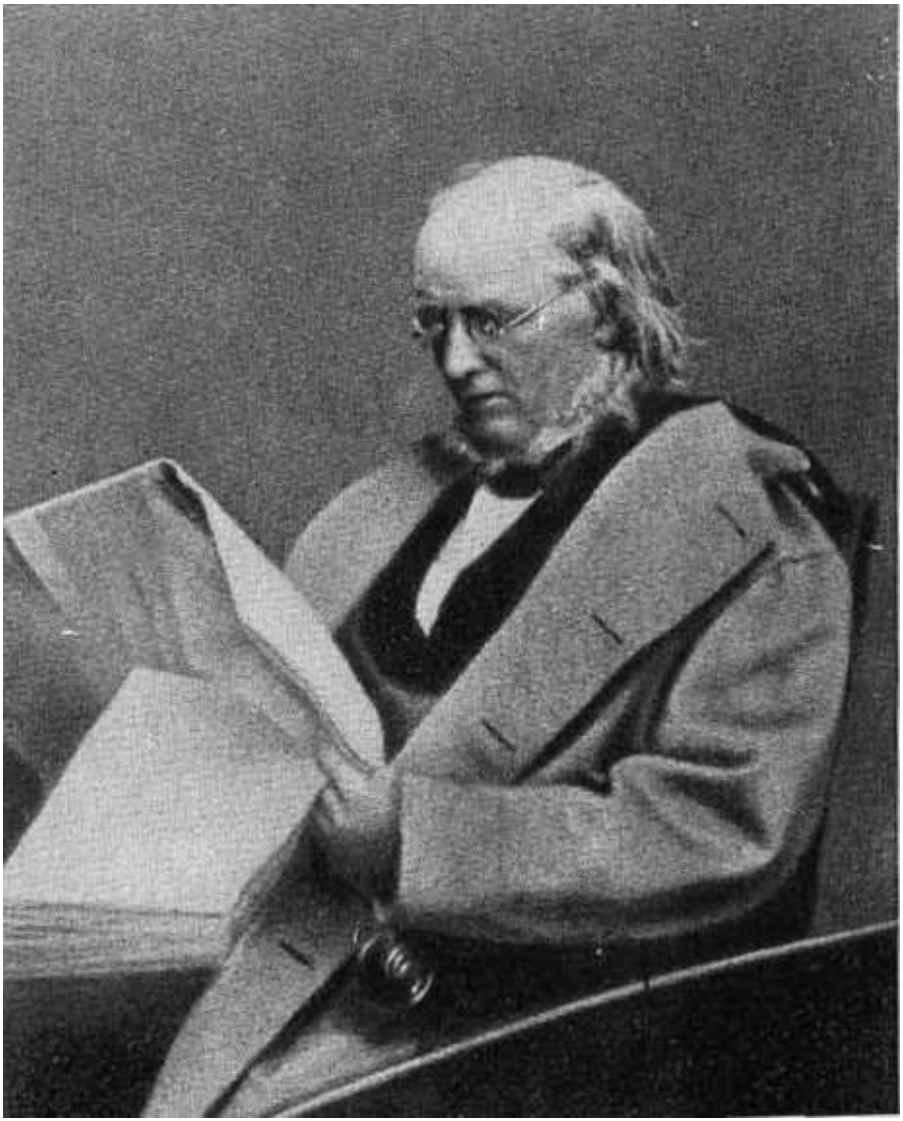
Театр Форда в Вашингтоне, где был убит А. Линкольн.

Негритянские пехотинцы в армии северян.

Теодор Паркер (1810–1860).

Горас Грили (1811–1872).

Джон Браун развязал гражданскую войну. Последующие события еще больше расширили ее масштабы. Джон Браун понял, какой ценой завоевывается свобода. Он это увидел в ту страшную ночь, когда вместе со своими сыновьями подъезжал туда, «где темнел длинный неприветливый илистый ручей — Лебединое болото, запомнившееся ему как кровавое болото. Сорок восемь часов провели они в засаде и вышли оттуда лишь на третий день на рассвете, оставив позади пять изрубленных, изуродованных, окровавленных тел и плачущих вдов и сирот… Но впереди скакал высокий страшный всадник с суровым смуглым лицом и красными руками. Его звали Джон Браун. Свобода добывалась

дорогой ценой» (У. Б. Дюбуа).

Джона Брауна объявили вне закона. Его дом сожгли, все хозяйство, какое он с детьми успел создать, уничтожили. Но Джон Браун только начинал свою войну с рабовладельцами. По ночам он возникал из тьмы в самых неожиданных местах и всюду сеял смерть.

Его называли сумасшедшим, маньяком, но многие его враги начали опасливо покидать Канзас.

А негры простирали руки к небу в немом экстазе: «Грядет свобода!» Они прокрадывались через границу и шли искать Джона Брауна. Крохотный степной городок Тейбор в штате Айова, с тремя десятками домов, превратился в главную станцию «тайной дороги» на западной границе. Здесь Джон Браун организовал повстанческий лагерь и начал готовиться к рейду. Старик был полон энергии, все его существо дышало силой.

Дуглас осунулся и похудел от непрерывных поездок в Бостон, Нью-Йорк, Сиракузы и Кливленд. Во вновь созданной республиканской партии не было единства: какие бы пункты ни включала она в свою программу, южные отделения тотчас же выдвигали контртребования о расширении рабства и возобновлении торговли африканскими невольниками.

В довершение всего верховный суд вынес приговор по делу Дреда Скотта, явившийся новой безусловной победой Юга.

Дред Скотт был рабом одного жителя Миссури, который вывез его с србой сначала в штат Иллинойс, а потом в форт Снеллинг в северной части Луизианы, находившийся на свободной территории. Будучи возвращен в Миссури, Скотт возбудил судебное дело о предоставлении ему свободы на том основании, что, проживая на свободной территории, он обрел статус свободного человека. Скотт выиграл процесс в первой инстанции, но его бывший владелец апеллировал в верховный суд штата Миссури и в Верховный суд Соединенных Штатов. В январе 1857 года председатель Верховного суда США Роджер Б. Тани объявил решение. В нем говорилось, что негры есть низшие существа по сравнению с белыми, что они не являются и не могут стать частью американского народа, что у них «нет никаких прав, которые белый человек был бы обязан уважать».

Это решение ошеломило негров. Аболиционистов охватило отчаяние. Многие считали, что теперь продолжать борьбу бесцельно и безнадежно.

Один только Фредерик Дуглас не желал впадать в уныние. Голос «Полярной звезды» среди общего пессимизма прозвучал бодро и громко:

«Верховный суд Соединенных Штатов не единственная сила

на свете. Мы, аболиционисты и негры, должны принять спокойно это решение, несмотря на всю его неожиданность и чудовищность. Сама попытка уничтожить навеки у порабощенного народа надежды, возможно, представляет собой закономерное звено в цепи событий, предшествующих полному свержению всей рабовладельческой системы».

Месяц шел за месяцем, а из Канзаса не было писем. Единственные вести, что доходили до Дугласа, были страшные рассказы о партизанских набегах Джона Брауна. Дуглас не участвовал в спорах насчет того, правильно ли поступает Браун. И все же про себя он думал, не разрушает ли этот человек то, что удалось создать аболиционистам? Ведь это же война! Неужели нет иного пути, кроме того, который избрал Джон Браун?.. На выборах в сенате республиканская партия потерпела поражение. Для аболиционистов выспренные декларации новой партии были как ушат холодной воды. И вдруг из Канзаса пришло сообщение: губернатор объявил этот штат свободным. В Канзасе началась мирная жизнь.

Однажды ночью в январе 1858 года Дуглас работал в типографии. Скованный студеной тишиной зимней ночи, дом спал. За окном крупными хлопьями падал снег, застилая улицу белой пеленой, стирая контуры и углы, пряча дорожки и ограды, приглушая все звуки. Вдруг Дуглас услыхал, что кто-то стучится в окно. Он тотчас задул огонь: на улице не должно быть видно теней, когда впускаешь в дом беглого раба. Но даже в темноте он сразу узнал плотно закутанную фигуру.

— Джон Браун! — тихо и радостно воскликнул Дуглас.

Он втащил гостя в комнату и кинулся стряхивать с «его снег. Дрожащими руками зажег лампу. Потом повернулся и оглядел человека, который для борьбы с рабством не пожалел ни репутации, ни собственной жизни, ни жизни своих детей. Браун отощал, и без того легкая его плоть еще больше высохла. Но, несмотря ни на что, казалось, что кости его высечены из гранита и в бренном теле горит мощный неугасимый дух.

— Вы живы, Джон Браун! — Эти наивные слова вырвались непроизвольно, но Браун наградил Дугласа улыбкой — одной из тех редких улыбок, знакомых лишь немногим людям и всегда покорявших сердца детей.

— Да, Дуглас. И теперь я могу выполнить свою миссию.

Сердце Дугласа радостно замерло. Джон Браун не бежал ниоткуда, он явился не за тем, чтобы прятаться, — не в его это характере!

— Фредерик умер! — Браун произнес это сухо и отрывисто, но лицо его судорожно передернулось от боли.

— О Джон, Джон!

Дуглас бережно усадил старика в кресло и, став перед ним на колени, стянул с него тяжелые сапоги, потом поспешил принести ему поесть. Браун был страшно голоден: он глотал куски, не пережевывая, и жадно запивал теплым молоком.

— Як вам из Чикаго. Был в Национальном обществе помощи Канзасу. Они собираются вооружить один отряд. Я привез письма от губернатора Чейза и губернатора Робинсона. Оба поддерживают мой план.

Дуглас выразил радостное удивление. Браун вытер свою растрепанную бороду; что-то похожее на усмешку скользнуло по его лицу.

— Канзас объявили свободным, и добрые люди рады были избавиться от меня, — сухо пояснил он.

Дуглас подумал: «Все-таки посадить такого человека в тюрьму они не посмели!»

Браун привез с собой окончательно выработанный план. Он расстелил на столе карты и начал объяснять, показывая тупым карандашом направления будущих рейдов.

— Когда господь создавал здесь Аллеганские горы, он знал, что им еще придется стать убежищем для рабов. Мы пойдем туда, в горы, расставим посты через каждые пять миль и бросим клич. Рабы сбегутся к нам, и в этой естественной крепости мы их будем прятать.

Дуглас следил за скользящим карандашом.

— Мы вооружим каждую группу по всем правилам, — объяснял Браун, — хотя насилия будем избегать, разве только в порядке самозащиты. Но уж если придется прибегнуть к оружию, то тем, кто на нас нападет, это дорого обойдется; мы не посчитаемся, кто они: гражданские или военные. Мы переломим хребет рабству, заставим плантаторов понять, что рабовладение — ненадежное дело. Кому охота будет вкладывать деньги в такую собственность, которая в один прекрасный день возьмет да сбежит от хозяина! — Браун лукаво подмигнул. — Мне не жаль ни денег, ни сил, потраченных в Канзасе, — продолжал он, — но все мои средства исчерпались. Нам нужны ружья, патроны, продовольствие и одежда. Потом-то мы будем доставать все на месте. Ядро моей группы замечательное! — Какая-то тень скользнула по его лицу. — Эти люди сумели уже доказать свою преданность делу.

Браун еще долго говорил о том, что надо организовать три военные школы: одну в Айове, вторую — в северной части штата Огайо и третью — в Канаде. Последняя должна стать постоянной.

— Ведь беглых негров будут переправлять в Канаду, и

каждый из них должен научиться охранять «дорогу», — пояснил он.

— Сколько же потребуется лет, если мы намереваемся таким образом освобождать рабов? — заметил его друг.

— Не так уж много! Ведь с каждым месяцем наши опорные пункты будут продвигаться все дальше на юг! — Карандаш Брауна заскользил по Теннесси, потом спустился к Джорджии, Алабаме и, наконец, уткнулся в Миссисипи. — Дойдем до дельты. Рабы сами вырвутся из неволи.

Уже рассвело, когда они поднялись в квартиру Дугласа.

— Вам необходимо хоть немного поспать, Джон Браун!

Но старик не ложился. Он пытливо вглядывался в широкое коричневое лицо. Дуглас понимающе кивнул:

— Я с вами, Джон Браун. Но отдохните хоть немножко. А после поговорим. — И с этими словами Дуглас на цыпочках вышел из комнаты.

Через несколько дней Джон Браун покинул дом на Александр-стрит; его ждали в других местах. Первым делом он отправился в Бостон на средства Джорджа Стернса — лидера массачусетсских аболиционистов. Стернс, до сих пор не имевший случая познакомиться с Брауном, прислал ему приглашение на встречу с Друзьями свободы. Их знакомство состоялось на улице возле помещения Общества при посредстве одного канзасца; оттуда Стернс повез Брауна к себе домой.

Когда жена Стернса вошла в гостиную поглядеть на человека, чье имя летом 1856 года передавалось из уст в уста, он в ту минуту говорил: «Господа, я считаю, что Золотое правило и Декларация независимости— это одно неделимое целое».

«Мне почудилось, — писала она позднее, вспоминая глубокое впечатление, произведенное моральным магнетизмом Брауна, — что среди нас очутился герой эпохи Кромвеля».

По воспоминаниям этой женщины, Эмерсон назвал Брауна «самой идеальной личностью, ибо он стремился претворить все свои замыслы в действия». Но сам он с поразительной скромностью оценивал свои дела.

Стернс никак не мог выбрать удобный всем Друзьям день для встречи с Брауном и потому был вынужден назначить ее на воскресенье. Опасаясь, что Браун, как религиозный человек, не согласится, Стернс заранее рассыпался в извинениях.

— Мистер Стернс, — прервал его Джон Браун, — если у меня есть овечка, которою надо вытащить из ямы, то мне и святая суббота не помешает.

Браун ездил в Конкорд к Генри Торо. Вдвоем они сидели за столом, заваленным еловыми шишками, ветками, птичьими

гнездами и чучелами птиц. Брали из большой миски орехи, раскалывали их зубами и вели задушевный разговор. Тощий, узкогрудый Торо поднимал некрасивое длинноносое лицо и буравил собеседника взглядом, стараясь разгадать тайну этого стального характера. В эту встречу Браун сказал с большим чувством писателю-отшельнику свои знаменитые слова, впоследствии повторенные им в тюрьме:

— Когда в Стране Свободы одна шестая часть населения томится в рабстве, все свободные люди обязаны немедля восстать против этого!

Добрейшая душа — Джеррит Смит гостеприимно встретил своего старого друга, когда тот приехал к нему погостить на несколько дней.

— Будьте очень осторожны с подбором людей, — советовал он Брауну.

— Мои люди вне всяких подозрений, сэр, — суховато ответил гость.

Подавив вздох, Джеррит Смит с грустью подумал: «У него просто какая-то сверхъестественная вера в бога и человека!»

Молодой униатский священник Томас Хиггинсон приступил самостоятельно к сбору средств для Брауна. В Гарвардском университете, его alma mater, Хиггинсона освистали, но он не отступил ни на шаг.

На митинге в Астор-хаузе в Нью-Йорке Национальный комитет помощи Канзасу вынес решение «пожертвовать капитану Брауну… 12 ящиков с одеждой на 60 человек, 25 револьверов «кольт» и 5000 долларов для расходов на любую защиту, какая может понадобиться». Впрочем, из этой суммы Брауну выдали только 500 долларов.

Браун был огорчен. Он надеялся, что ему помогут полностью обмундировать и вооружить отряд повстанцев. Он оставил своих товарищей раздетыми и без пищи, среди них были больные и раненые. Браун нанял некоего Хью Форбса, служившего прежде, по его словам, лейтенантом у Гарибальди. Ему Браун собирался поручить всю военно-техническую сторону дела. Форбс потребовал на расходы 500 долларов, и Браун дал ему эту сумму.

— Я возвращаюсь к себе в отряд, — сказал Браун Дугласу во время однодневной остановки в Рочестере, — а вас прошу продолжать вашу деятельность: собирайте средства, напоминайте им без устали о нашем деле. У меня ничего нет — ни телег, ни палаток, ни инструментов, вообще никакого лагерного оборудования. И не хватает боевых припасов. А семью свою я не обеспечил даже самым необходимым.

Джон Браун перепоручил Форбсу все военное обучение

партизан, а сам занялся тем, что считал своим главным делом. Не хотел он тратить времени и на сбор пожертвований. У него было одно желание: посвятить себя всецело организации негров для предстоящих действий.

Пожалуй, ни один из белых современников Брауна не знал лучше его, как живут негры в любом уголке Северной Америки. Он был знаком с их газетами, посещал их церкви и школы. В ту пору для большинства его соотечественников все люди с темной кожей подразделялись только на рабов и на беглых. А Джон Браун с начала своей деятельности стремился узнать душу каждого негра. Он посещал их на дому, вел с ними дела, подолгу беседовал и слушал их рассказы о пережитом, сочувствовал их мечтам, давал им советы и прислушивался к тому, что советовали они. Самых бесстрашных и отважных он стремился вовлекать в свою группу.

В марте в Филадельфии в доме негра-лесоторговца Стефена Смита состоялась встреча Джона Брауна и его старшего сына с Генри Гарнетом и негром — секретарем Филадельфийского общества борьбы с рабством Уильямом Стилом. Браун провел в Филадельфии десять дней и очень много часов посвятил беседам в негритянских церквах.

Тем временем его чернокожий адъютант Каги, в рваной одежде, сгорбленный и неприметный, бродил по горам, осматривал местность, делал зарубки и заводил полезные знакомства. Каги был хитер и обладал тонкой смекалкой, в свое время он немного учился и, когда хотел, мог говорить толково и ясно. Смелый план Брауна был ему известен во всех подробностях — он только этим и жил. Он был ранен вместе с Брауном в Канзасе и без колебаний пошел с ним на смерть.

Каги считал, что Джон Браун совершает ошибку, атакуя Харперс-Ферри, тем не менее он удерживал мост, пока не свалился, весь изрешеченный пулями, в ледяную реку.

Весной 1858 года Браун отправился в Канаду для установления личного контакта с тамошними неграми. Их было тысяч пятьдесят. Большое количество негров проживало в главном городе графства Кент Чатаме; у них имелось несколько церквей, своя газета и частная школа. Здесь 10 мая капитан Браун выступил на конференции, созванной якобы для организации масонской ложи. На этой конференции была принята конституция, состоявшая из 48 пунктов, — американские власти были ошеломлены, найдя ее впоследствии на заброшенной ферме неподалеку от Харперс-Ферри.

До этого времени Фредерик Дуглас был хорошо осведомлен о всех планах Джона Брауна. Дом Дугласа являлся его штаб-

квартирой в Рочестере (он настаивал на плате, и Дуглас был вынужден брать с него три доллара в неделю!).

«Находясь у меня, он проводил основное время за своей корреспонденцией, — писал потом Дуглас. — То время, которое он не был занят письмами, он посвящал работе над конституцией, намереваясь претворять ее в жизнь при помощи тех, кого он поведет с собой в горы. Он говорил, что во избежание анархии и беспорядка необходимо иметь правительство по всем правилам, которому каждый из его партизан должен будет принести присягу. У меня сохранился экземпляр этой конституции, написанной рукой капитана Брауна в моем доме.

Браун пригласил своих друзей из Чатама заслушать и утвердить его конституцию. Все свои помыслы, все свое время он отдавал задуманному делу. День его этим начинался и этим кончался. Иногда он говорил, что можно было бы при помощи нескольких человек захватить правительственный арсенал в Харперс-Ферри и запастись таким образом оружием, впрочем, никогда не выражая точного намерения это сделать. Все же, по-видимому, он об этом подумывал. Я не придавал особого значения этим словам, хотя не сомневался, что он верит в то, что говорит. По приезде ко мне он попросил у меня две гладко обструганные доски, чтобы начертить на них план фортификаций, которые он собирался возвести в горах.

Эти форты он намечал соединить тайными ходами сообщения: если один из них окажется захваченным, можно будет перенести оборону на соседний и разить оттуда врага в те минуты, когда тот уверится, что уже побеждает. Признаюсь, мои дети больше увлекались этими чертежами, чем я сам; все же они служили доказательством, что Браун заботится не только о цели, но и о средствах достижения этой цели и ищет всевозможных путей, чтобы наилучшим образом провести задуманную операцию».

Май 1859 года Джон Браун провел в Бостоне, собирая пожертвования, и в Нью-Йорке, совещаясь с негритянскими друзьями; потом поехал в Коннектикут поторопить с выполнением своего заказа на тысячу пик. На некоторое время его задержала болезнь, и только 20 июня пять человек — Браун, его два сына, Джерри Андерсен и Каги — отправились авангардом на Юг.

Не раз за эти месяцы Фредерик Дуглас предавался раздумью насчет правильности тактики Джона Брауна и приходил к выводу, что, пожалуй, это единственная возможность вызволить негров из неволи. Борьба против рабства истощалась. Север отлично понимал моральный и физический ужас рабства. Понимал это и

Юг, но цены на хлопок продолжали расти. По логике вещей плантаторы не могли отказаться от своих рабов. Между тем многих старых, испытанных аболиционистов уже не было на свете. Преждевременно сгорел Теодор Паркер, отдав борьбе против рабства все свои силы. Пораженный чахоткой, он уехал в Италию, но ни солнце, ни южное тепло уже не могли ему помочь.

А Юг с каждым днем все больше наглел. Поняв, что доктрина «народного суверенитета» не поможет превратить Канзас в рабовладельческий штат, южные рабовладельцы стали искать для себя почву поустойчивее. Теперь они решили демагогически прибегнуть к конституции. Отныне Юг стал ратовать за тот принцип, что население присоединенных территорий должно быть лишено права голоса в отношении рабства. Южане утверждали, что конституция Соединенных Штатов допускает рабство на любой территории, присоединяемой к американскому государству, и охраняет эту систему до тех пор, пока данная территория не превратится в штат. Практически эта доктрина грозила сделать все будущие штаты рабовладельческими, ибо система рабовладения, насажденная в новых местах и закрепленная многолетним опытом, накопила бы достаточно сил, чтобы отвратить свою гибель.

Охваченный гневом, Гаррисон публично сжег экземпляр конституции, называя ее «порождением дьявола». Дуглас уехал от него, едва не заболев с горя.

В сердце Аллеганских гор, между штатами Мэйн и Флорида, открываются широкие ворота. С юга бурно бежит серебряная Шенандоа, сверкая под лучами солнца, с запада лениво течет в широких берегах Потомак. Они сливаются в ущелье, образуя водопад, и оттуда несутся в море. Здесь-то и находится Харперс-Ферри.

Почему Джон Браун избрал именно эту точку, чтобы атаковать рабовладельческую систему? Что это было, поступок безумца или мечтателя? В чем состояло его преступление?

На суде Джон Браун не ответил на эти вопросы. Его адъютант Каги был мертв. Грин, Копок, Стивенс, Коплэнд Кук и Хэзлит последовали за своим капитаном на виселицу, тоже не сказав ни слова. Пожалуй, в живых остался лишь один человек, который мог бы правильно ответить. Это был Фредерик Дуглас.

Дугласа осуждают за то, что в Харперс-Ферри он не был рядом с Джоном Брауном, что во время суда не выступил в защиту Брауна и что он скрывался от ареста, который грозил ему по этому делу. Но спасти Джона Брауна и его боевых друзей он все равно не мог бы. Каждое слово правды только туже затянуло бы петлю вокруг их шеи. А самого Дугласа привело бы на

виселицу с ними вместе.

В погожий сентябрьский день пришло письмо от Джона Брауна. Оно было весьма лаконично.

«Я вынужден выступить раньше предполагаемого срока. Прежде чем уехать, я хочу повидать вас».

Браун жил под вымышленным именем, с двумя дочерьми (одна из них была действительно его дочерью, а другая — женой сына Оливера), выдавая себя за фермера, чьи интересы сосредоточены только на одном: как бы выгоднее использовать недавно купленный клочок земли. Все его соратники были в подполье. Брауны делали все, чтобы их ферма ничем не отличалась от обычного хозяйства земледельцев.

Браун назначил Дугласу встречу в Чемберсбурге. Там ему надлежит найти парикмахера-негра по фамилии Уатсон, который проводит его на место. В конце письма была приписка: «Привезите с собой Императора. Скажите ему, что час настал».

Браун имел в виду Шилдза Грина, беглого раба, с которым он познакомился у Дугласа. Великан Грин бежал из Южной Каролины. Кличку «Император» он заслужил благодаря своему росту и царственной осанке. Браун мгновенно ухватился за него, поведал ему свой план, и Грин обещал вступить в отряд, когда начнется рейд.

Дуглас и Грин поехали вместе. В Нью-Йорке они остановились у священника Глосестера. Услыхав, куда они направляются, жена священника сунула Дугласу десять долларов.

— Передайте это капитану Брауну с моими наилучшими пожеланиями, — сказала она.

Поезд несся на юг мимо зеленых полей и больших ферм зажиточных голландцев. Дуглас сидел у окна, свесив голову, не глядя ни на что. Состав, извиваясь, огибал Голубой хребет. Уже начался сосновый массив, и вот, наконец, остановка — Чемберсбург.

Первый попавшийся на станции человек указал им, как пройти в парикмахерскую Уатсона. Он долго глядел вслед удаляющимся неграм.

— Ишь, черти, шествуют так, будто они хозяева земли! — ворчливо проговорил он.

Когда они пришли в парикмахерскую, Уатсон велел своему сынишке отвести их к себе домой. Жена его приняла гостей с величайшим почтением: не знала, куда посадить великого Фредерика Дугласа и его друга.

— Располагайтесь как дома, — сказал им Уатсон. — Вечером, когда стемнеет, я отвезу вас на старую каменоломню. Там он вас ждет, но, пока светло, ехать нельзя.

Оставив телегу с возницей на дороге, Дуглас и Грин стали взбираться на гору. Кругом возвышались скалы, в свете луны похожие на огромные человеческие лица, и, когда из тьмы выступил Джон Браун, Дугласу померещилось, что это скала движется к нему навстречу. Потрепанная одежда Брауна была вся в пыли, седые волосы и резкие черты лица казались высеченными из гранита. Сердце Дугласа болезненно сжалось, когда он увидел перед собой худого, изможденного старика с горящим, воспаленным взглядом. Да, тут какая-то беда…

— Что с вами, Джон Браун? Что случилось?

Старик молча посмотрел на него. Он долго вглядывался в темное лицо, точно видел его в первый раз. Потом сказал:

— Идемте!

Они прошли в щели между двумя большими камнями, и Браун, низко пригнувшись, ввел их в пещеру. Внутри находился Каги. В углублении стены горел факел, кругом громоздились камни. По знаку Брауна все присели. Никто не заговаривал, ожидая, чтобы начал он. Старик нагнулся вперед, положил худую узловатую ладонь на колено Дугласа и, наконец, сказал:

— Ждать больше невозможно. Надо предпринять решительный шаг.

Дуглас мысленно выругал себя за то, что не приехал раньше. Видимо, эти месяцы крепко подточили силы старика. Ему необходима помощь.

— Но мне помнится, вы говорили, что начнете сзывать рабов ближе к рождеству, после уборки урожая, — мягко заговорил Дуглас. — Тогда их владельцы не сразу бы хватились, даже если многие и ушли бы. А боевые припасы вы уже распределили? А форты ваши готовы, где беглые смогут спрятаться?

Браун покачал головой.

— Ничего у нас не готово! — Он испустил глубокий вздох; было видно, что этот разговор причиняет ему страдания. — Вы оказались правы насчет Хью Форбса, — помолчав, сказал он. — Малый дезертировал и… — Браун словно боялся досказать свою мысль. — Боюсь, что он проболтался.

Лицо Дугласа не скрывало его чувств. Эх, жаль, что не задушил этого фигляра собственными руками!

— За нами следят, мои партизаны в этом убеждены. Арест возможен в любую минуту. Не забудьте, что я до сих пор числюсь в Канзасе вне закона, — добавил Браун сухим, почти безразличным тоном.

В этот миг вдруг разгорелся тускло светивший факел, Джон Браун вскочил и гордо тряхнул головой, откидывая назад седые пряди волос.

— И все-таки господь не оставляет нас своею милостью! Он отдал нам ворота и ключ к этим горам. И это наша самая верная, самая надежная защита!

Дуглас пристально посмотрел на него. Неужели это пламя факела смогло так изменить его друга? Браун был похож сейчас на ангела мести — он весь светился внутренней силой. Она зарядила все его существо энергией, влила металл в его негромкий голос.

— Я готов!

Дуглас перевел взгляд на Каги. Тот смотрел, не отрывая глаз, на вдохновенное лицо. Дуглас повернулся к Грину и на лице чернокожего гиганта увидел то же зачарованное выражение. Дуглас провел языком по дрожащим губам. Словно ледяная рука сжала его сердце. Это был страх.

— Карту, Каги! — отрывисто приказал Джон Браун.

Каги сразу же подал ее. Браун опустился на колени, и Каги расстелил перед ним на земле большой лист бумаги. Он поднес факел и светил им, стоя на коленях, пока Браун показывал пальцем план рейда.

— Эта линия — наша горная крепость, — пояснил он кратко. — Здесь, к востоку от Шенандоа, горы поднимаются почти до двух тысяч футов, а то и больше. Природа создала естественную защиту у самого перевала. Вот смотрите: один час ходу отсюда, и сто человек будут за такой стеной, которую никому не пробить. С этого места любая атака будет отражена Вот здесь Лоудон-Хайц, тут от перевала до самого сердца рабовладельческого края рукой подать. Нам бы только добраться вот до этого места, а сюда уж к нам побегут рабы.

Палец задержался на какой-то точке. Дуглас наклонился вперед, сдерживая дыхание. Он чувствовал на себе пристальный взгляд Джона Брауна.

— Помилуйте… это же Харперс-Ферри, — сказал он дрогнувшим голосом.

Дуглас видел, как преобразился Браун, охваченный приливом сил.

— Да, — ответил Браун, — это самые безопасные естественные ворота в горы. Мы пройдем через Харперс-Ферри и запасемся в арсенале оружием, возьмем все, что нам требуется.

Так могли говорить лишь дети, безумцы и боги!

На несколько минут в пещере воцарилась тишина. Потом Дуглас встал, ударившись головой о низкий потолок. Не обратив на это внимания, он схватил Брауна за руку.

— Выйдемте на воздух, капитан, — сказал он. — Там поговорим. Я… я тут задыхаюсь.

Они вышли. Теперь их было только двое. И горная ночь, и звезды над головой, и островерхие голые скалы, выбеленные луною…

— Нельзя этого делать, Джон Браун! — возбужденно заговорил Дуглас. — Вы хотите напасть на федеральный арсенал, то есть начать войну с правительством! Вся страна поднимется против нас!

— Что вы, Дуглас! Мы не намерены никого убивать. Арсенал охраняет горстка солдат. Мы их ненадолго захватим в плен. Нам только взять оружие, и мы сразу уйдем в горы. Конечно, поднимется шум. Тем лучше: услышат рабы. Им станет известно, что мы в горах, и они начнут стекаться под наше знамя.

— Неужели вы в это верите? Положа руку на сердце, верите, что вам удастся так легко захватить арсенал?

— Фредерик Дуглас, разве я ищу легкого пути? От вас ли я это слышу? — сурово возразил старик. — Наша миссия — освободить рабов! И это наш план!

— Нет, такого плана не было! — с жаром возразил Дуглас. — Вы говорили, что допускаете борьбу только с целью самозащиты. А это же нападение!

Джон Браун отвечал с такой же горячностью:

— Когда я кружил по канзасским болотам, я тоже нападал! Но тогда вы этого не осуждали! Отнеситесь таким же образом к этой операции по форсированию перевала.

— Но ведь это государственное преступление! Мятеж! Война! Я отказываюсь поддерживать вас!

Ответ Брауна хлестнул как бич:

— Что ж, сами-то вы давно уже спаслись от рабства, вам теперь все равно! Ваши рубцы на спине помогли вам пробраться весьма высоко, потому и память стала коротка! Вы смеете болтать о каком-то преступлении! Да вы просто боитесь ружья!

— Джон, прекратите, ради бога! — взмолился Дуглас.

Он, пошатываясь, отошел в сторону, опустился на камень и закрыл лицо ладонями. Через некоторое время он почувствовал руку у себя на плече. Смущенно и ласково Браун проговорил:

— Сын мой, простите старика!

Дуглас схватил эту руку и прижался к ней лицом. Рука была жесткая, узловатая, но еще очень крепкая.

— Сейчас не время любезничать и произносить громкие слова, — сказал Браун. — Нам предстоит серьезное дело. Господь повелел мне спасти его чернокожих детей, несчастных страдальцев. Двадцать пять лет ушло на подготовку. Если я сейчас не перейду к действиям, все труды этих лет пойдут насмарку. Я возьму этот форт. Я удержу перевал. Я освобожу

рабов.

Звезды блекли и постепенно угасали, серое небо сначала окрасилось в пурпурный цвет, потом порозовело и, наконец, стало голубым, а они все еще продолжали разговор. Каги вынес им поесть.

После Дуглас прилег в пещере; он закрыл глаза, но заснуть никак не мог: мозг лихорадочно работал, отвергая один план за другим…

Днем Браун разложил перед ним еще несколько карт. У него было все продумано до мельчайших подробностей, и он излагал операцию шаг за шагом: вот здесь он расставит своих людей, в этом месте он захватит мост, тут будут перерезаны телеграфные провода, а таким вот образом захватят пожарный сарай в арсенале…

— И все без единого выстрела, Дуглас! Поверьте, без единого выстрела!

Дуглас обрушил на него всю силу своей логики. Он убеждал Брауна, взывал к его разуму, умолял понять.

— Вы уничтожите все, чего мы достигли за это время!

Джон Браун холодно посмотрел на него и спросил ледяным тоном:

— Интересно знать, чего вы достигли?

Слова эти вонзились, как кинжал.

Так провели они весь день. Ночью разразилась гроза. Все сидели в пещере, тесно прижавшись друг к другу. Дождь молотил по камням, ураганный ветер вырывал с корнями деревья, оглушительные удары грома сливались в сплошную канонаду. А Джон Браун спал сном праведника, не слыша ничего вокруг.

Когда гроза кончилась, Дуглас вылез из пещеры. Было утро. Под ногами бежали широкие ручьи. На соснах еще висели клочья облаков, и с горных вершин сползал туман, но небо уже очистилось, и вот-вот должно было выглянуть солнце. Чудесно пахло землей, омытой дождем. Все обещало великолепный день — природа смеялась над Дугласом!

Позади послышались шаги. Не оборачиваясь, Дуглас догадался, что это Джон Браун. Он знал его решительную походку, его упругий шаг.

— Дуглас, — спросил Браун, и по голосу его чувствовалось, что за ночь он хорошо отдохнул. — К какому решению вы пришли?

Дуглас продолжал стоять к нему спиной. Ощущая неимоверную усталость, телесную и душевную, он ответил:

— Я еду обратно.

Старик не проронил ни слова. Дуглас порывисто обернулся, и

в глаза ему бросилась прямая, стройная, озаренная светом фигура; легкий ветерок шевелил мягкие седые волосы, морщинистое лицо на фоне неба казалось выточенным. С горестным стоном Дуглас упал на землю и обхватил руками худые колени старика.

— Джон, не делайте этого! Вас убьют! Вас там всех уничтожат! Живыми вам оттуда не выбраться! Умоляю вас, Джон Бруан, не делайте этого! Не надо!

Рыдания сотрясали его тело, он никак не мог успокоиться.

— Полноте, Дуглас! — Браун поднял его за плечи и, прижавшись к нему лицом, заговорил, как с ребенком. — Стыдно вам! Все обойдется прекрасно. Пойдемте со мной тоже, — сказал он, заметив, что друг его начинает успокаиваться. — Пойдемте со мной, увидите, как все будет хорошо!

Но Дуглас только повел головой и снова припал к жестким, узловатым ладоням.

— Это для меня самое трудное! Я не могу пожертвовать своей жизнью. Много лет назад, еще в Мэриленде, я дал себе клятву жить. Это мой долг, Джон!

— Я могу обещать вам надежного телохранителя, — с усмешкой предложил Браун.

Дуглас сделал протестующий жест и умоляюще посмотрел на старика.

— Неужели нет никакого способа убедить вас отказаться от этого плана? — воскликнул он.

— Нет, никакого! — ответил Джон Браун. Он осторожно высвободился и, любуясь красотой лучезарного утра, отошел на край ущелья.

А Дуглас тяжело опустился на землю.

— Даже если вы и правы, — медленно заговорил Браун, — даже если операция в Харперс-Ферри провалится и меня ждет там смерть, я все равно обязан это сделать. До нынешнего дня мне никогда не приходилось думать, что я останусь без вашей поддержки. Но сейчас, когда этот факт стал для меня ясен, я понял другое: что могу спокойно умереть только в том случае, если вы останетесь живы. Так что предлагаю кончить этот разговор. Может быть, такова воля божья!

Дуглас заставил себя сесть. Он был совершенно обессилен.

— Я должен сказать Грину, — проговорил он.

Джон Браун повернулся к нему. Лицо его было спокойно.

— Ах, да — четким голосом сказал он. — Что ж, забирайте его!

В эту минуту из пещеры показались Шилдз Грин и Каги. Оба несли в руках рыболовные принадлежности.

— Шилдз, я уезжаю, — сказал Дуглас. — А ты?

В разговор вмешался Джон Браун. Просто и без лишних слов он пояснил:

— Вы оба слышали, что Дуглас против моего плана. Он предсказывает нам неудачу в Харперс-Ферри, говорит, что нас там всех перебьют. — Он помолчал, потом договорил: — Может быть, это и правда.

Дуглас ждал, что скажет Шилдз Грин, но тот лишь молча глядел на него. Тогда Дуглас спросил:

— Ну, как ты решаешь?

Император переложил удочку с плеча на плечо и перевел взгляд на Джона Брауна. Дуглас понял все и без слов, но Шилдз Грин посмотрел ему в глаза и ответил:

— Нет уж, я пойду со стариком.

С этими словами он повернулся и вместе с Каги побежал вниз к ручью.

Джон Браун протянул Дугласу руку и, помедлив, сказал:

— Уходите скорее и ни о чем не жалейте! У вас свое дело, а у меня — свое.

Дуглас не оглядывался, спускаясь по мокрым и скользким камням. Ни разу еще за прожитые годы не чувствовал он себя таким несчастным, ни разу еще жизнь не казалась ему такой пустой и мрачной, как в тот час, когда он уходил из горного убежища, чтобы жить во имя свободы. Он оставил Джона Брауна и Шилдза Грина умирать во имя свободы. Чья доля была завиднее?

ГЛАВА 13
ДАЙТЕ ИМ ОРУЖИЕ, МИСТЕР ЛИНКОЛЬН!

Сообщение о событиях в Харперс-Ферри потрясло Вашингтон.

«Нападение на федеральный арсенал! Рабы обращены в бегство!», «Безумец из Канзаса неистовствует!», «Рабы вооружены!»

Паника охватила весь Юг, на Капитолийском холме [9] весть была воспринята как землетрясение.

Джек принес домой «Нью-Йорк геральд», и Эмилия прочла о том, как Джон Браун лежал на соломе, истекая кровью, а рядом с ним бездыханные, холодные тела двух его сыновей. Губернатор Уайз, приготовившийся произнести «Виновен!», отступил и не посмел ничего сказать, столкнувшись с такой смелостью, силой духа и искренней верой.

— Позади у нас вечность и впереди вечность, — недрогнувшим голосом заявил Джон Браун. — А этот миг посередине, каким бы долгим он ни показался, занимает всего лишь какую-нибудь минуту. Вы меня ненамного переживете, поэтому я советую вам приготовиться. Я-то готов. На вас лежит огромная ответственность, и вы обязаны подумать о ней. Со мной вам легко разделаться, но главный вопрос все равно должен быть решен… То, что происходит сейчас, это еще не конец.

Люди спрашивали друг друга:

— Что он, в самом деле, сумасшедший?

Но все объяснения Брауна были предельно просты:

— Я пришел сюда освободить рабов! Я действовал из чувства долга, и я готов подчиниться своей судьбе, но я считаю, что местный народ отнесся ко мне несправедливо. Я мог вчера убить кого хотел, но у меня не было намерения убивать, и я бы не убил никого, если бы они не стали первыми стрелять в меня и в моих товарищей. Я мог бы разграбить и сжечь весь город, но я этого не сделал; я хорошо обращался с заложниками. Если бы мне удалось собрать негров, в следующую операцию мы были бы в двадцать раз сильнее. Но я потерпел поражение.

Со стариком разделались («Что о нем толковать, безумец!»), не пощадили и его соратников («Тоже безумцы!»): одних убили, других взяли в плен. Все благополучно кончилось, потери оказались невелики. Скоро неприятный инцидент забудется…

Но он не забывался. Газеты разнесли гневные слова Джона Брауна по всем городам и деревням, проповедники повторяли их

с амвона, люди собирались группами на дорогах и — кто бесстрашно и громко, а кто боязливым шепотом — передавали их из уст в уста; чернокожие мужчины и женщины оплакивали Джона Брауна, обливаясь горючими слезами. Уильям Ллойд Гаррисон, этот «непротивленец», всегда проповедовавший мирный путь решения негритянского вопроса, заявил: «Какая замечательная перемена произошла в общественном мнении за тридцать лет агитации против рабства! Десять лет тому назад тысячи людей не желали слушать ни слова критики в адрес Юга; а теперь их даже не удивляет, что Америка получила Джона Брауна, с ружьем в придачу».

Истерический страх обуял всех рабовладельцев Соединенных Штатов. Слухи разрастались. Людей — и белых и негров — хватали, избивали и уничтожали. Рабы спасались бегством. Поднялась новая волна травли аболиционистов.

«Это все они! Хватайте аболиционистов! Джон Браун тоже действовал по их указке!»

Эмилия прочла о письмах и бумагах Брауна, найденных на заброшенной ферме близ Харперс-Ферри. «Установлено участие многих лиц! Они будут привлечены к уголовной ответственности!»

Вся побледнев, Эмилия посмотрела на Джека.

— Как вы думаете, а вдруг… вдруг и его втянут тоже? — спросила она, покусывая дрожащие губы.

Джек Хейли нахмурился. Он уже слышал кое-что в этом роде у себя на работе. Он знал, что власти разыскивают Фредерика Дугласа. Разумеется, они повесят этого ненавистного негра, который для них страшнее, чем десяток белых… Но для этого надо прежде его поймать!

— Можете не беспокоиться, — успокоительно сказал Джек, потрепав Эмилию по плечу. — Ваш Фредерик — человек с головой!

— Его могут вызвать в качестве свидетеля, у него, наверно, есть что сказать. — Эмилия была убеждена, что Фредерик Дуглас не откажется выполнить свой долг.

— Нашли дурака! — ответил Джек, покачав головой. — После решения по делу Дреда Скотта разве станут его слушать? Никакие его речи не помогут Джону Брауну!

Эмилия почуяла глубокую горечь в словах Джека и вздохнула.

Время пощадило эту женщину. В шестьдесят лет лицо ее было глаже, фигура стройнее и походка энергичнее, чем двадцать с лишним лет назад, когда она покидала усадьбу Коуви. Воинственной журналистки миссис Ройял уже не было на свете.

Эмилия сохранила за собой ее дом, переписав на себя закладную, и устроила в нем пансион для двух десятков мелких клерков из государственных учреждений, расположенных неподалеку. «Меблированные комнаты мисс Эмилии» пользовались хорошей репутацией, они никогда не пустовали.

Джек женился и первое время говорил об отъезде, у него была мысль организовать собственную газету или поступить в какое-нибудь новое издательство, где он сможет оказывать влияние на политику. Но вдруг в одну гнилую зиму в Вашингтоне вспыхнула эпидемия. Уже потом начали кампанию по очистке города: в некоторых районах провели канализацию, вывезли мусор. Но жена Джека умерла в ту зиму. И мрачный, разом постаревший Джек переехал к Эмилии. Так он и остался работать в той же самой газете, хотя вся обстановка там вызывала у него отвращение. В жизнь Джека Хейли, да и многих других граждан Америки Джон Браун внес свежую струю. «Слава тебе господи, хоть кто-то что-то делает!»

Эмилия, как всегда, читала газеты от корки до корки, боясь наткнуться там на имя Фредерика Дугласа. Один раз все-таки это случилось, но улыбка тут же осветила ее лицо. В газете было напечатано забавное высказывание губернатора Виргинии Уайза против Фредерика Дугласа, выскользнувшего, по его словам, из рук властей. «Есть сведения, — заявил он, — что Дуглас сел на пароход и в настоящее время находится на пути в Англию. Если бы я мог захватить это судно, я бы этого Дугласа достал оттуда любой ценой».

В жестокий мороз пароход «Шотландия» обогнул Лабрадор и со скрипом, напрягая всю свою мощь, вышел в бурный океан. Эта борьба с разбушевавшейся стихией доставляла какое-то жестокое наслаждение одному из пассажиров. Шагая по обледенелой палубе, ворочаясь без сна на койке в своей каюте, Фредерик Дуглас говорил себе, что небо должно быть черным, что океан должен кипеть и бурлить под бешеное завывание ветра, если раненый Джон Браун лежит в тюрьме, а его отважные сыновья мертвы!

А в Америке, в Конкорде, кроткий Торо бил в городской колокол и кричал на улицах: «Джон Браун умер! Джон Браун будет вечно жить!»

Когда Дуглас высадился, наконец, в Ливерпуле, Англия была не менее возбуждена событиями в Харперс-Ферри, чем Соединенные Штаты. Дугласа наперебой приглашали в Шотландию и Ирландию, все хотели услышать о смельчаках, которые сделали отчаянную попытку освободить рабов и поплатились за это жизнью.

Дуглас принял приглашение выступить в Париже, и ему понадобился иностранный паспорт. В это время французы по какой-то причине подозревали, будто в Англии затевается покушение на жизнь Наполеона III, и власти стали строже относиться к паспортам. Чтобы не задерживать дела, Дуглас написал послу Соединенных Штатов в Англии Джорджу Далласу. Сей джентльмен, однако, отказался выдать паспорт по той причине, что Дуглас не является гражданином Соединенных Штатов. Английские друзья смотрели, не веря своим глазам, на письмо из посольства. А «человек без родины» только пожал плечами.

— Видно, у меня короткая память, — сказал он. — Что ж, попробую написать французскому послу.

Через несколько дней Дугласу пришел ответ со «специальным разрешением» посетить любую часть Франции, причем срок пребывания не ограничивался. Дуглас уложил вещи и уже собрался ехать, как вдруг ему подали телеграмму.

Из дому сообщали, что умерла Анни. Внезапная смерть маленькой дочки переполнила чашу страданий и горя, пережитых за последние месяцы. Не думая об опасности, Дуглас сел на первый же пароход, который отправлялся в Портленд, штат Мэн.

Пробыв в океане семнадцать мучительных суток, Дуглас решил по дороге домой заехать еще в одно место. Кроме могилы дочери, надо было поклониться праху Джона Брауна. Покойная Анни тоже любила старика. Она не обиделась бы на отца, узнав, что он прямо с парохода направился в Адирондакские горы.

Никто не встречал изможденного негра, когда он сошел с поезда на станции Норт-Эльба. Не нашлось даже свободного извозчика, но, к счастью, он сумел нанять в одной конюшне верховую лошадь. Держа путь через Индейское ущелье — высокий сумрачный скалистый коридор, он въехал под облака, туда, где вершины сиреневых гор тонули в светлой дымке. Возле тихого зеленого пруда, в котором отражались горы, Дуглас увидел дом и заброшенную лесопилку.

Вдова Брауна не удивилась, когда Дуглас предстал перед нею. Память о Джоне Брауне давала ей силы жить. Теперь и он и сыновья принадлежали не ей одной, а всему человечеству. Она улыбнулась Фредерику Дугласу.

— Я ждала вас, мой друг. Прошу вас, пожалуйста, в дом!

Тихим голосом она пересказала Дугласу последние слова Джона Брауна, его предсмертные распоряжения. Потом она поднялась со своего места.

— Он кое-что оставил и вам.

— Бедный Джон! — непроизвольно вырвалось у Дугласа. До

сих пор он только слушал, не перебивая и не сводя глаз с выразительного лица женщины.

По ее знаку он последовал за ней наверх в комнату, служившую ей и ее мужу спальней. Косая крыша низко спускалась по бокам, и Дугласу пришлось пригнуться, когда она провела его в угол и указала на выцветший истрепанный флаг и заржавленный мушкет. Не в силах заговорить, она только кивнула головой.

— Это мне? — хриплым шепотом спросил Дуглас.

— Он хотел, чтоб это хранилось у вас.

Она открыла ящик комода и протянула ему конверт.

— А это я получила в одном из его писем. Он просил передать вам, когда вы вернетесь.

Дрожащими руками Дуглас достал из конверта лист белой бумаги. Все письмо заключалось в трех строках:

«Я знаю, что, пока вы живы, я не побежден. Шагайте вперед, настанет день, и вы водрузите мой флаг в стране свободных людей. Прощайте».

Внизу торопливой рукой было подписано: «Джон Браун».

Дуглас увез с собой мушкет. И флаг тоже, аккуратно свернув его и положив себе на плечо. Жене Брауна часто приходилось провожать с этого порога уезжавшего из дому мужа. Тот не имел привычки оглядываться. Но человек, которого она провожала в этот вечер, въехал на гребень холма и, остановив коня, долго смотрел назад на расстилавшуюся перед ним долину, пока не нашел глазами то место, где покоился Джон Браун рядом с сыновьями. Издали женщине не было видно, как шевелились его губы, не слышно было и слов, которые подхватил горный ветер и унес с собой:

— Обещаю вам, Джон Браун! Жизнью клянусь, что я сдержу свое слово!

На сей раз возвращение домой было печальным. Но в горах Норт-Эльбы Дуглас обрел новые силы. Для убитой горем жены и старших детей он находил какие-то слова утешения. Впервые он оказался домоседом и проводил все свое время с тремя славными сыновьями. Розетту он нашел очень миловидной и сказал ей, что она напоминает мать, когда та носила свадебное платье цвета спелых слив. Горе еще теснее сплотило семью, посторонних они избегали. Поэтому о приезде Дугласа стало известно лишь почти через месяц. Гаррисон вызвал его письмом.

«Конгресс решил распустить свою комиссию по расследованию, — сообщал он. — Шпионская сеть, раскинутая по стране, не принесла результатов. Как вам известно, капитан Браун не назвал никаких имен. До самого конца он утверждал,

что он и он один отвечает за все, что произошло, что у него было много друзей, но никаких подстрекателей. Все попытки что-либо узнать закончились провалом, поэтому расследователи сами попросили о роспуске своей комиссии. По моему мнению, эти лица, проводившие расследование, собираются сами вскорости поднять мятеж, только не в защиту свободы, как Джон Браун, а, наоборот, в защиту рабства. Возможно, они понимают, что, используя свое звание сенаторов в поисках бунтовщиков, они точат нож для собственного горла. Так или иначе, но страна в скором времени избавится от сенатского капкана, и уже ничто не будет угрожать вашей свободе. Мы собираемся устроить в Бостоне вечер памяти великого старца и хотим, чтобы вы выступили. Я знаю, что вы приедете».

Дуглас поспешил в Бостон. Многолюдный массовый митинг вышел далеко за пределы «траурного». Это был общественно-политический конклав. Споры и разногласия были забыты. Присутствующие приняли единый план действий. Дуглас понял, что он вернулся в Соединенные Штаты вовремя: его участие в борьбе было крайне необходимо.

«Это дало мне возможность включиться в самую памятную и значительную предвыборную кампанию, какую когда-либо наблюдали у себя Соединенные Штаты, — вспоминал впоследствии Дуглас в своей книге «Жизнь и эпоха Фредерика Дугласа», — и потрудиться ради избрания того, кому силой последующих событий довелось принести больше пользы своей стране и всему человечеству в целом, чем любому человеку, занимавшему до него пост президента. Для меня оказалось великой честью то, что и мне позволили принять в этом скромное участие. Добиться независимости американских колоний, когда население составляло три миллиона, было великим делом, но еще важнее казалось спасти страну от раскола и гибели, когда нас стало уже тридцать миллионов. Из всех наших президентов только он сумел добиться отмены рабства и вернуть облик человеческий миллионам своих соотечественников, которых держали в оковах и числили рабочим скотом».

За все свое существование — без малого сто лет — Соединенные Штаты не видели ничего равного президентской кампании 1860 года.

Гаррисон был вовлечен в борьбу с самого начала. Он подверг осмеянию демократов, которые раскололись на своем съезде в Чарльстоне и провозгласили «Независимую Южную республику». Благодаря расколу в демократической партии у республиканцев появилась возможность победить; в республиканскую партию вошли аболиционисты, даже Гаррисон. Дуглас ликовал.

За несколько недель до съезда республиканской партии в Чикаго к Дугласу явился в дом один незнакомый человек. Он отрекомендовался коммерсантом из Спрингфилда, штат Иллинойс.

— Я приехал к вам в город понаблюдать за отправкой кое-каких товаров и кстати позволил себе заглянуть к вам, мистер Дуглас, — пояснил он, складывая на худых коленях руки.

— Очень приятно, сэр. — Дуглас наклонился вперед в ожидании, что гость изложит цель своего посещения.

— Я не мастер произносить речи, мистер Дуглас. Я человек дела.

Дуглас поощрительно улыбнулся. Собеседник заговорил потише:

— Я не раз перевозил товары для его преосвященства Рэнкина.

Дуглас сразу понял смысл этой фразы. Джон Рэнкин был одним из наиболее отважных агентов «тайной дороги» в Огайо. Лицо Дугласа просияло, и он еще раз потряс руку гостя.

— Я готов принять любого человека от Рэнкина с распростертыми объятиями! Чем могу служить?

— Тогда выслушайте меня и подумайте. Есть человек в наших краях, которого мы хотим выдвинуть в президенты.

Эта новость застала Дугласа врасплох.

— Но я-то думал…

Гость не дал ему договорить:

— Я все понимаю. Вы здесь, на Востоке, уже наметили себе кандидата. Я не хочу сказать, что мистер Сьюард плох. Я просто его не знаю. Зато мы все на Западе хорошо знаем, каков Эйб Линкольн, и собираемся поддержать его кандидатуру.

— Эйб Линкольн? — недоуменно переспросил Дуглас. — Первый раз о нем слышу,

— Ничего, еще услышите!

Посетитель ушел, заронив у Дугласа сомнения. Что-то в этом есть. Сенатор Уильям Сьюард, стойкий, испытанный борец против рабства, был выдвинут в кандидаты республиканцев. Но поддержит ли вся республиканская партия человека, зарекомендовавшего себя таким радикалом, вот в чем вопрос!

Дуглас приехал в Чикаго накануне выдвижения кандидатов. Он застал город в состоянии раскола — жители шутливо говорили, что все это «честный Эйб» виноват. По всему было видно, что его здесь знает простой люд: извозчики, окрестные фермеры. Они сторожили на всех углах и, останавливая мастеровых, спешивших по домам с работы, принимались агитировать их за «представителя народа».

В воздухе чуялись перемены. Обстановка съезда напоминала бедлам. Еще не смолкли аплодисменты, сопровождавшие выдвижение Уильяма Сьюарда, как Норман Джэдд, поднявшись на трибуну, предложил кандидатуру человека, который называл себя сам «мелким адвокатишкой». Приветственный гул, с которым было встречено имя Линкольна, прокатился по залу и выплеснулся на улицу, где был подхвачен толпой. Крики, приветствия, возгласы «ура» не умолкали до тех пор, пока в них не потонули голоса сторонников Сьюарда. Зал притих, когда началось третье голосование, но неумолчный гул на улице отозвался эхом в зале и сделал свое дело: Линкольн получил 231½ голоса — только на полтора меньше того, что требовалось для утверждения. Но штат Огайо уступил ему свои четыре голоса, и, таким образом, «лесной великан» стал кандидатом в президенты Соединенных Штатов от республиканской партии.

В этой политической кампании соревновалось три кандидата. Стефен Дуглас, лидер демократической партии на Западе, был выдвинут в Балтиморе после ожесточенной, бесплодной борьбы в Чарльстоне. Южное крыло демократов, подготовлявшее отделение южных штатов от союза, высказалось за Джона Брекинриджа. Три кандидата, и один вопрос — рабовладение.

Стефен Дуглас стоял на такой позиции: белое население каждой территории должно самостоятельно решить, желает оно или нет установить у себя систему рабства. Если да, то оно вправе это осуществить, если же нет, оно может отказаться от нее или полностью запретить. Конгресс и народ Соединенных Штатов, проживающий за пределами данной территории, не правомочны не только вмешиваться в это дело, но даже обсуждать его.

Западные демократы смеялись над своими южными коллегами, поддерживавшими Брекинриджа из Кентукки. Но тот представлял весьма мощное объединение плантаторов, выдвигавших следующее требование: всякий житель Америки имеет право переехать на какую угодно территорию и вывезти с собой любую вещь, являющуюся его собственностью согласно законам того штата, где он ее приобрел, и держать ее при себе и пользоваться ею на новой территории под охраной закона. А конгресс обязан предоставить ему такую охрану через посредство местных законодательных органов и даже вопреки их воле.

Американский народ никогда еще не слыхал голоса Авраама Линкольна. Жители восточных штатов ждали с некоторой опаской, что скажет им долговязый адвокат из лесной глуши. Оказалось, что он говорит прямо и без обиняков: рабовладение может существовать только при наличии соответствующего правительственного закона, а такого закона для новых

территорий нет и никто не властен вводить его там. Конгресс не имеет права устанавливать или узаконивать рабство где бы го ни было; наоборот, он обязан запрещать его и не допускать его внедрения на новых территориях.

Линкольн привлек Фредерика на свою сторону не только речами, но главным образом тем, что он был, несомненно, избранником народа, успевшего уже с ним познакомиться. И Дуглас поставил свое перо и свой ораторский талант на службу Линкольну, хотя многие из аболиционистов воздерживались до поры до времени, а часть политических деятелей, «старая гвардия», высказывала недовольство Линкольном. Уэнделл Филиппс где-то выкопал доказательство того, что Линкольн поддерживал в Иллинойсе ненавистный закон о беглых рабах.

Но Дуглас только встряхивал своей львиной гривой и продолжал поездки по городам, в которых негров допускали к избирательным урнам, и всюду — в Бостоне, Филадельфии, Кливленде, Чикаго и во всех городах штата Нью-Йорк — он выступал, агитируя за Линкольна.

— Это человек, который понимает ваше плачевное положение, — говорил он своим соплеменникам. — Благодаря ему услышится ваш голос. Помогите провести Линкольна в Белый дом! Помогите ему обрести силы, и тогда он сумеет бороться за вас!

Юг был охвачен страхом. Южане называли Линкольна «черным республиканцем». Но теперь Север уже не был разобщен. Молодые члены республиканской партии организовывали клубы и устраивали уличные марши; по ночам в городах было светло как днем от факельных процессий. «Тело Джона Брауна гниет в земле, но душа его шагает и шагает». Даже на Юге, в глухих медвежьих углах запели по-новому:

О свобода,
О свобода!
О свобода надо мной!
Чем в неволе жить постылой,
Лучше мертвым лечь в могилу
И свободным улететь
К господу домой.

6 ноября, после выборов, Уэнделл Филиппс прислал Фредерику Дугласу поздравительную телеграмму, в которой говорилось:

«Впервые в истории нашей страны рабы избрали президента Соединенных Штатов».

Гаррисон и Дуглас условились поехать вместе на церемонию вступления Линкольна на пост президента.

— Хочу показать вам Белый дом, Дуглас. Вы должны повидать Капитолий, в который Линкольн попал при вашей помощи.

Вид у Гаррисона был далеко не здоровый. За зиму он заметно сдал. После избрания Линкольна Север поостыл к освободительному движению и осуждал всех тех, кто «наносил оскорбление кровным братьям» — Южным штатам. Печать начала говорить о рабстве в примирительных тонах, но зато довольно озлобленно — о борцах против рабства и об их требованиях. Митинги аболиционистов забрасывались камнями повсюду — от Массачусетса до Миссури. В Бостоне в храме Тремонт произошли беспорядки: группа городских богачей напала на Дугласа и других ораторов, сорвав траурное собрание по поводу второй годовщины казни Джона Брауна. Банды хулиганов три дня преследовали Уэнделла Филиппса на улицах его родного города, в Рочестере погромщики выбили стекла в редакции «Полярной звезды».

Все это чрезвычайно угнетало Гаррисона. Некоторое время он поддерживал в себе дух надеждами на то, что путем убеждения можно привлечь на свою сторону широкие слои американцев. Ныне же он увидел, как трепещет каждый за свое имущество и никому, нет ни до чего дела, кроме «богом данного» права наживать доллары.

Но теперь Америка обрела новую надежду. Обратив хмурое лицо на восток, в сторону восходящего солнца, этот худой, угловатый великан стоял, крепко упираясь в землю ногами в растоптанных огромных башмаках.

А на далеком Юге, там, где росли одинокие сосны с замшелыми стволами, в жалких хижинах на хлопковых плантациях темными ночами шептались рабы. И шепот их барабанным боем разносился по всей земле: «К нам идет масса Линкум! Господу слава!»

Юг хвастливо заявлял, что не допустит Авраама Линкольна занять президентское кресло. Со всех сторон неслись злобные угрозы лишить его жизни. «Он не посмеет сунуться в Вашингтон!» — презрительно говорили южане.

Генерал Скотт дал обещание, что «вновь избранный президент будет находиться под защитой военных сил Соединенных Штатов». Генерал приготовился к любым неожиданностям. Вашингтон был превращен в вооруженный лагерь. «В день вступления новоизбранного президента на пост…» генерал Скотт сдержал слово. Но народ, толпившийся вокруг

Белого дома, встретил появление Авраама Линкольна торжественным молчанием. Все замерло, будто весь мир понимал важность этой минуты.

Дуглас любовался суровой и необычной красотой худощавого лица, удивительно напоминавшего Джона Брауна. Когда Линкольн обнажил голову, Дуглас пробормотал:

— Джон Браун, он наш! Это наш человек!

Эмилия заметила в толпе Фредерика Дугласа. Вне себя от возбуждения, она стала дергать Джека Хейли за рукав:

— Глядите! Глядите! Это он!

Джек поискал глазами и узнал Дугласа, которого ему довелось слышать много лет тому назад в Провиденсе, в штате Род-Айленд. Да, возмужал, стал шире в плечах, но, что это он, можно не сомневаться: его голова, его пышная львиная грива.

Толпа уже расходилась, когда Дуглас вдруг почувствовал, что кто-то тянет его за рукав; обернувшись, он увидел невысокую седую женщину, чье красивое лицо с голубыми глазами показалось ему знакомым.

— Мистер Дуглас? — взволнованным голосом обратилась она к нему.

— К вашим услугам, сударыня, — со всех сторон зажатый толпой, Дуглас слегка склонил стан.

Тут вмешался высокий мужчина, стоявший рядом с женщиной:

— Вы нас извините, мистер Дуглас. Моя фамилия Джек Хейли, а эта дама — миссис Эмилия Кемп.

— Забыли меня, а, Фредерик? — Она печально улыбнулась.

И вдруг словно рухнула преграда лет. Фредерик вспомнил георгины.

— Мисс Эмилия! — Он схватил ее за руку, и его сосредоточенное лицо осветилось радостью.

— Может быть, вы уделите нам немножко времени? Может быть, вы поедете с нами? — торопливо заговорила Эмилия.

Дуглас повернулся к Гаррисону, наблюдавшему эту сцену с некоторым неудовольствием. Он понимал, какой риск для их жизни представляет это пребывание в Вашингтоне.

— Я считаю, что нам необходимо уехать, и чем скорее, тем лучше, — сказал Гаррисон, хмуря брови,

Дуглас явно опечалился.

— Мне очень жаль, мисс Эмилия, — ответил он тоном сожаления.

В этот момент Джек Хейли полушепотом обратился к Гаррисону:

— Я понимаю обстановку, сэр. Но я гарантирую вам

безопасность, если вы согласитесь поехать с нами. Вы нам окажете большую честь.

Дуглас опять взглянул с надеждой на Гаррисона. Тот лишь пожал плечами.

У обочины стояло ландо с крытым верхом, отделанным бахромой. Гаррисон помог Эмилии сесть сзади и занял место подле нее. Дуглас взгромоздился на переднее сиденье рядом с Джеком.

Миновали Пенсильвания-авеню, запруженную солдатами, конгрессменами и гостями из других городов. Потом поехали по Луизиана-авеню, любуясь прелестными широкими газонами и первыми фиалками.

Но отдыхать на тихой тенистой улочке близ Луизиана-авеню долго не пришлось. Через два дня южные мятежники обстреляли форт Самтер.

На Севере землю еще сковывал мороз, а здесь уже пахло весной. Стоя во дворике с Эмилией, Дуглас рассказывал ей о своих взрослых сыновьях, которые сами выпускали газету во время его частых отлучек.

Из кухни струились дразнящие запахи: там готовились куры по-мэрилендски с белоснежными горами риса, румяные пирожки и вишневый пирог. Привлеченные этим ароматом, жильцы Эмилии выглядывали из своих комнат и недоуменно спрашивали друг друга: «Что здесь происходит?»

Под честное слово, что они никому не выдадут тайну, Эмилия рассказала им о своих гостях. Все спускались на цыпочках в переднюю и украдкой заглядывали в гостиную. На следующий день Эмилия уступила их мольбам.

— Небольшая группа молодежи, моих друзей, просит разрешения познакомиться с вами, Фредерик. Вы позволите?

Собрались вечером, после ужина. Расспросам не было конца. До поздней ночи продолжалась беседа бывшего раба с молодыми американцами, в служебное время сортировавшими почту, бегавшими по поручениям конгрессменов и писавшими под их диктовку письма.

Это были те юноши, которым вскоре пришлось тащить свои измученные тела по колючему жнивью и валяться в грязи, истекая кровью. Это были те молодые женщины, которым суждено было остаться бездетными и вдовами, превратиться в старух, не начав еще жить…

— Мне было очень хорошо здесь у вас, миссис Эмилия, — сказал Дуглас, пожимая на прощание руку хозяйки.

— Для меня ваш визит — большая честь, Фредерик! — Голубые глаза смотрели ему прямо в лицо, и Дуглас заметил в

них слезинку.

Он наклонился и поцеловал увядшую щеку Эмилии.

Говорили, что война неизбежна. Безумцы не способны слушать голос разума! Но в одном вопросе Линкольн оставался непреклонным: Штаты должны сохранить единство. По мере того как делалась одна уступка за другой, становилось все очевиднее, что единства-то как раз и не желают рабовладельцы. Им до смерти надоел союз! В Джорджии, Теннесси, Северной Каролине и Виргинии многие белые вели борьбу со спрутом рабовладельчества, делали все, что могли, для предотвращения разрыва. Но у рабовладельцев была власть, у них была сила, у них были деньги, им принадлежали рабы.

Началась война, и рабов заставили рыть окопы и сооружать баррикады.

С самых первых дней войны Фредерик Дуглас понимал, что она положит конец рабству. Но события первых двух лет изрядно поколебали его веру. Государственный секретарь Уильям Сьюард поручил всем послам Соединенных Штатов за границей заявить соответствующим правительствам следующее: «Чем бы ни кончилась война, в любом случае исключено, что какой-нибудь класс в США изменит свое положение путем революции: рабы останутся рабами, а хозяева — хозяевами». Генералы Макклеллан и Батлер предупреждали рабов, что «если они предпримут какие-нибудь шаги, чтобы добиться освобождения, все их попытки будут пресечены огнем и мечом». Дуглас впал в отчаяние, когда президент Линкольн положил под сукно прокламацию об освобождении, предложенную генералом Джоном Фримонтом в Миссури. Федеральные войска были расставлены по фермам в Виргинии, чтобы охранять рабовладельцев и помогать им удерживать негров в неволе.

Военная обстановка складывалась неблагоприятно. Со страниц «Полярной звезды» и с ораторской трибуны Дуглас подчеркивал, что Север воюет одной рукой, вместо того чтобы успешно воевать обеими. Мягкая белая рука держала оружие, а могучая черная рука оставалась прикованной и бездейственной. Север боролся со следствиями, защищая в то же время причину. Дуглас заявлял, что союз не выиграет войну, пока не начнет принимать в армию негров.

Эти слова воспринимались с величайшим негодованием:

— Да, только дайте оружие чернокожим, и верные воины Северной армии сложат доспехи и разойдутся по домам!

— Америка — страна белых, и это война белых!

— Гордости и духу белых воинов будет нанесен непоправимый удар, если они увидят черномазых в военной

форме Соединенных Штатов.

— Да все равно, черномазые и воевать-то не будут: достаточно хозяину щелкнуть бичом, как все они разбегутся как зайцы!

Выдумывали всевозможные небылицы на этот счет.

Белые солдаты гибли в боях при Булл-Ране, Боллз-Блаффе, Биг Бетеле и Фредериксберге. Армии северян требовались подкрепления. Была объявлена мобилизация мужчин, но только белых. В слепой ярости белые набросились на несчастных негров.

— С какой стати должны мы воевать из-за вас? — вопили они. На улицах Нью-Йорка избивали негров и негритянок, громили их мастерские и магазины, поджигали дома. В Нью-Йорке сожгли приют для негритянских сирот. Не всех детей удалось спасти из пылающего здания.

Дуглас писал письма конгрессу, составлял петиции.

— Разрешите неграм принять участие в военных действиях! — молил он. — Дайте нам оружие!

Дуглас указывал на то, что Юг держится благодаря тому, что он использует труд невольников. Наконец командующий фортом Монро предложил считать беглых рабов «контрабандой», которую надо использовать в интересах союза. Командующий фортом Каролтон в Луизиане поддержал Батлера.

Заняло бы слишком много места рассказывать, как пробирались рабы в лагеря северян, с каким усердием трудились, как, несмотря на крайнее истощение, довольствовались остатками солдатского пайка и терпели бесконечные лишения, лишь бы помочь победить «масса Линкуму». И правительство убедилось, что от негров может быть большая польза.

Затем встал вопрос о форме для негров, какая хоть и указывала бы на их причастность к армии, но в то же время резко отличалась бы от установленной военной формы. И еще одна проблема требовала разрешения: надо было дать растущим легионам негритянских добровольцев оружие понадежнее, чем огородные лопаты!

По этому поводу Дуглас писал:

«В конце концов было предложено числить их солдатами, но не выдавать им синей формы, а вместо нее такую, какая была бы снабжена специальными отличительными знаками и подчеркивала, что носители ее — люди низшего сорта. Однако, вступив в армию в качестве рабочего, облаченный в красную рубаху, с пистолетом у пояса, негр очень скоро появился на поле битвы в качестве солдата. Но все же не на равных условиях с белыми. Существовал приказ не пускать негров в атаку в одном строю с белыми против их прежних владельцев… не давать им

участвовать в победах северян… Рекомендовалось посылать их в те форты и гарнизоны, где свирепствовала желтая лихорадка, и в разные другие нездоровые районы Юга, считавшиеся опасными для белых. Усугубляя дискриминацию, солдатам-неграм выплачивали вдвое меньшее жалованье, чем остальным, и ставили их только под начальство командиров-белых».

Негры лишь печально переглядывались.

Казалось, что горькая чаша страданий уже испита до дна. Но негры, бежавшие из южного рабства, с готовностью шли в рабство в армию союза, не боясь рассказов о страшных наказаниях в случае поимки и вопреки слухам о военных поражениях северян.

Но вот президент Линкольн разрешил губернатору штата Массачусетс Эндрью сформировать два негритянских полка. В тот день, когда это стало известно, Дуглас явился домой, ликующе размахивая газетой. Анна побледнела как полотно. Два сына — Льюис и Чарльз — вышли из-за стола.

— Мы будем первыми! — И они поспешили на призывной пункт.

Младший — Фредерик — в это утро ездил в Буффало. Вернувшись домой и узнав, куда ушли братья, он побежал было вслед за ними.

— Погоди! Погоди! — вне себя от горя закричала мать.

— Погоди! — сказал и отец. Потом объяснил: — Это только начало, сын. У нас будут и другие полки. До конца войны, до победы будет еще много полков.

Нам придется вербовать негров повсюду — не только на Севере, но и на Юге. — Он оглядел своего рослого сына и вздохнул. — Меня, к сожалению, знают в лицо, я не смогу туда пробраться. Имей в виду, тут нужна смелость.

Отец и сын стояли лицом к лицу. Ни тот, ни другой не испытывал страха.

— Я все понимаю, отец. Я поеду!

Спустя несколько дней в переполненном зале «Коринтиен-холл» в Рочестере Фредерик Дуглас произнес речь, которую перепечатали все ведущие северные и западные газеты под заголовком: «Негры, к оружию!»

«Сейчас надо не критиковать, а работать и работать — это наш единственный долг. Сейчас полезны только те слова, которые помогают наносить удары, только те слова, которые указывают, где, когда и как атаковать с наилучшим результатом». Так говорил Дуглас, Дуглас-трибун, в свое время умевший зажечь тысячи сердец в Англии, Ирландии и Шотландии. «С востока на запад и с севера на юг. на небе начертано: «Сейчас или никогда!» Если победа будет достигнута только благодаря белым, то

результат ее снизится наполовину. Кто хочет для себя свободы, тот должен за нее бороться!»

Вся страна аплодировала Дугласу. Белые читали эти слова и начинали стыдиться своих предрассудков, рабочий люд читал их и благодарил бога за то, что он послал Америке Фредерика Дугласа; негры читали их и спешили на призывные пункты.

В то утро, когда 54-й массачусетский полк уходил из Бостона, Фредерик и Анна были в толпе на плацу. Они провожали на войну двух сыновей. Дуглас даже не думал о том, что создание первого негритянского полка — его заслуга. Почему-то вспоминалось совсем другое: в детстве Льюис всегда хотел иметь пони, у Чарли была привычка разбрасывать свои башмаки посреди комнаты, и все спотыкались о них. Фредерик прижимал к себе руку жены, стараясь успокоить ее дрожь. Да, жаль, что он так и не сумел наскрести денег и купить сыну пони.

Стоя в группе новобранцев, Чарли заметил мать. Он помахал ей рукой, и, хоть он ничего не крикнул, она прочла по его губам: «Здравствуй, мама!» Она видела, как Чарли толкнул брата и…

В эту минуту колонна двинулась, знамена взвились, солнце зажгло ярко начищенные штыки и блеском отразилось в глазах солдат. Они ушли, печатая шаг, ведомые отважным капитаном Шоу, и долго еще была слышна их песня:

Тело Джона Брауна гниет в земле,
Но душа его шагает и шагает.

ГЛАВА 14
1 ЯНВАРЯ 1863 ГОДА

Высокий мужчина устало ходил взад и вперед по комнате; пышный, густой ворс ковра не приминался под ногами, шаги были неслышны.

Все, что он делал до сих пор, было подчинено одной-единственной цели — сохранить союз. Во имя сохранения союза он предлагал уступку за уступкой, посылал людей на смерть, собственными глазами видел страшные картины их гибели. И все-таки конца этому нет.

Президент убеждал южан, как только мог. В своем последнем послании конгрессу он предложил поправку к конституции, согласно которой любой штат, упразднивший рабство к 1900 году или ранее, получал право претендовать на полную компенсацию от федерального правительства. Вот как далеко отодвигал он черный день рабовладельцев! Но ничего не вышло из этого предложения, ничего решительно.

Сохранить союз! Но если объявить об освобождении негров, не вспыхнет ли революция в пограничных штатах? Не вызовет ли это разгул темных страстей, который обречет страну на террор, разграбление и гибель? Ведь его достаточно предупреждали на сей счет! А может быть, правы аболиционисты? Уж очень убедительно говорил об этом англичанин Джордж

Томсон. Президент беседовал также с Уильямом Ллойдом Гаррисоном — вот человек, который за всю жизнь ни разу не отступил от своих принципов! И в этом же кабинете он принимал негра — Фредерика Дугласа.

Дуглас изложил суть вопроса так хорошо, так всесторонне, с такой железной логикой, что президент нежданно-негаданно ощутил необходимость защищаться перед бывшим рабом. Тот спокойно и терпеливо выслушал его, а потом сказал:

— Но это единственный способ, мистер Линкольн, единственный способ сохранить союз!

За окнами потемнело и стало пасмурно. Солнце скрылось за тяжелыми темно-серыми тучами, грязный снег лежал вокруг Капитолия. Высокий мужчина опустился на колени и закрыл руками изможденное лицо.

— Да будет твоя воля, господи, да будет твоя воля!

Он, Авраам Линкольн, четырнадцатый президент Соединенных Штатов, готов пожертвовать своей честью, своим

добрым именем, всем своим достоянием ради того, чтоб сохранить союз. История будет судить о нем по одному этому дню. Он встал с колен, повернулся и дернул шнур звонка, вызывая секретаря.

В Бостоне напряженно ждали. Сегодня правительство должно произнести свое веское слово о рабстве. Хотя отколовшиеся штаты отвергли ультиматум Линкольна и не воспользовались его обещанием задержать декларацию об освобождении рабов, негры и их союзники сомневались и тревожились не без причины: мистер Линкольн мягкосердечен, беспредельно терпелив, и нет предела уступкам, на которые он готов идти во имя мира. Сейчас, как никогда, необходима декларация об освобождении негров: она положит конец компромиссам с рабовладельчеством, изменит весь ход войны, даст ей иную цель.

В канун Нового года негры дежурили в своих церквах, а оттуда направились в храм Тремонт на массовый митинг. В музыкальной аудитории был назначен праздничный дневной концерт. Декларацию президента ждали в Бостоне к двенадцати часам дня. Но время близилось уже к вечеру, и возникали опасения, что, может быть, вообще-то ждут напрасно.

Восемь часов, девять, десять — ничего! Фредерик Дуглас шагнул к краю трибуны и остановился, не промолвив ни слова. Напуганная его убитым видом, публика замерла. Наконец Дуглас заговорил хриплым, срывающимся голосом:

— Леди и джентльмены, я знаю, что сейчас не время для дискуссий. Мы в этот момент не в состоянии воспринимать многословие, со всей его силлогистикой и красотами стиля. Мы ждем иного — трубного гласа, возвещающего ликование.

Дуглас постоял с минуту, склонив голову. Затем он продолжал:

— Мы ждем зари нового дня. Мы ждем отклика на наши исступленные молитвы. В течение веков мы… — Вдруг Дуглас заметил, что толпа возле дверей раздвинулась. У Дугласа сперло дыхание.

По проходу бежал человек.

— Пришла, пришла телеграмма! Несут! — кричал он.

Восторженные возгласы слились в гул ликования, и скоро счастливая весть разнеслась по городу. Мужчины и женщины кричали от радости, в воздух летели шляпы, незнакомые люди обнимались и плакали. Гаррисону, стоявшему на галерее, устроили бурную овацию, Гарриет Бичер-Стоу подняли и поставили на скамью — капор ее съехал набок, по щекам струились слезы… А с трибуны читали текст: «…получают свободу отныне и навсегда», и все затихли, чтобы не пропустить

ни слова.

Потом священник Чарльз Ру (он стоял за спиной Дугласа) запел своим великолепным голосом, и все ему вторили:

> Бейте в литавры над темным морем египетским,
> Возликовал Иегова, его народ свободен.

По подводному кабелю весть об освобождении негров перелетела Атлантический океан. Толпы людей высыпали на улицы Лондона и Ливерпуля. В Манчестере три тысячи ткачей, большинство которых не работало из-за отсутствия хлопка, приняли на митинге решение послать поздравление президенту Линкольну. Джорждж Томсон провел такое же собрание в Ланкашире, а в Эксетер-холле с речью на многолюдном митинге выступил Джон Стюарт Милль.

Но самая прекрасная музыка неслась с глухого, далекого Юга. Это была древняя песня, столь же древняя, как первый человек, поднявшийся из трясины, с грязного темного речного дна, и ощутивший на лице своем солнечное тепло; древняя, как та песня, которую пел народ, переходивший Красное море, древняя, как бой барабана в джунглях, древняя, как песня людей, везде и повсюду стремящихся к свободе. Но это была и новая песня, юная, простая, безыскусная; чудесный гимн, рожденный по ту сторону океана, напоенный соками молодой Америки — плодородного чернозема дельты Миссисипи, могучих великанов-деревьев на бесчисленных горных склонах, сказочной изумрудной зелени болот, холмистых лугов вдоль великой реки. Негры создали этот гимн в день своего освобождения от рабства.

Они сидели, прижавшись друг к другу в хижинах, притихшие, неподвижные. Немощные старики и старухи, одной ногой стоявшие в могиле, всю жизнь молившиеся об этой минуте, ждали. Ждали и молодые мужчины и женщины, скованные по рукам и ногам путами неволи. Ждали матери, прижимая к груди своих младенцев.

Одни прислушивались, не ударит ли гром, не разверзнется ли земля. Другие всматривались в небо, не спускается ли господь бог на облаке, чтоб даровать им свободу. Бормотали: «Все может быть!» — и ждали.

И они узнали явившихся к ним лучезарных божьих ангелов: грязного, измученного солдата в рваном, растерзанном мундире, старика с седой щетиной на лице, через силу приковылявшего из города, женщину, которая с трудом добрела до них, едва не утонув в болоте, тощего белого бедняка, рисковавшего жизнью ради того, чтобы обрадовать их, быстроногого юношу-негра,

бежавшего без устали всю дорогу. Все это были посланцы, спешившие к ним с доброй вестью.

И сразу же взмыла в поднебесье песня радости. Свобода! Свобода! Свобода! Негры и негритянки простирали вверх дрожащие руки, оглашая просторы полей радостными возгласами. И эхом вторили скалы, деревья, реки и горы — вся вселенная радовалась, что на Юге воссияла заря свободы.

ЧАСТЬ IV
ПОД УТРО

„Семена Декларации независимости медленно зреют“.

Джон Квинси Адамс

ГЛАВА 15
«КОГДА ВО ДВОРЕ ПЕРЕД ДОМОМ ЦВЕЛА ЭТОЙ ВЕСНОЮ СИРЕНЬ…»[10]

«Когда евреи обрели свободу, им было позволено унести с собой добычу из Египта. Когда крепостные крестьяне в России обрели свободу, им дали по три акра земли, и на этой земле они могли жить и выращивать свой хлеб. Совсем не так обстояло дело, когда дали свободу неграм. Их отпустили на все четыре стороны с пустыми руками, без денег, без друзей, без клочка земли. Молодые и старые, больные и здоровые — все они оказались под открытым небом, ничем не защищенные от врагов».

Эти слова Дуглас произнес пятнадцать лет спустя перед взволнованными слушателями, чьи глаза искрились радостью «на заре свободы», а теперь опять заволоклись печалью. Если бы только Линкольн остался жив! Сколько раз за эти годы они обращали свои взоры к изображению великого человека и вопрошали: «За что?»

Бесспорно, освобождение рабов явилось военной мерой, но, решившись на нее, президент Линкольн ввел государственный корабль в незнакомый фарватер. С кем мог он теперь советоваться? Не с кабинетом же, уныло предрекавшим катастрофу, не с военным министром, считавшим занятие форта

Самтер[11] войсками Соединенных Штатов смертельной обидой для южан, не с главнокомандующим, вялым, нерешительным, всегда готовым спорить, который называл подчиненную ему армию «разложившейся, вконец беспорядочной массой»!

Линкольн призвал к себе Фредерика Дугласа. Это доказывало, какую глубокую и вместе с тем стремительную эволюцию он пережил. Ведь никаких прецедентов у него не было. Все, что ему приходилось читать и слышать на своем веку, утверждало лишь одно: что цветные — низшая раса. Линкольн был воспитан в лоне церкви, возносившей пылкое благодарение богу за то, что рабовладельцы «вырвали дикаря из первобытных лесов Африки и обратили его в христианство». С молоком матери Линкольн впитал представление о том, что негр неизмеримо ниже белого. И все-таки он обратился к Дугласу.

Президент принял Фредерика Дугласа не в кабинете Белого дома, а на задней веранде. По временам этот «простой человек с Запада» чувствовал, что задыхается в величественных залах, среди расписных стен, дорогих ковров и драпировок. В такие минуты он предпочитал веранду, откуда открывался вид на зеленые лужайки сада.

— Прошу садиться, мистер Дуглас, — предложил президент, указывая на широкое кресло. — Мне нужно побеседовать с вами.

Главное, что он хотел обсудить в этот день, был вопрос о том, какими мерами, кроме военных, можно побудить негров в мятежных штатах перейти к федералистам.

— Боюсь, что меня заставят принять такие условия мира, которые обрекут бывших невольников на более тяжелое рабство, чем прежде. — И с глубокой горечью президент добавил: — Я-то ожидал, что негры начнут стекаться к нам быстрее и в гораздо больших количествах.

Дуглас ответил, что, по-видимому, у негров слишком много препятствий.

Президент кивнул. Он был подавлен и озабочен. Его обвиняют, сказал он, в том, что он затягивает войну, что незаконно расширил ее цели и не сумел добиться мира тогда, когда это было вполне возможно. Но он считал преждевременный мир опасным и хотел сперва подготовиться к событию, рано или поздно неизбежному при заключении мира.

— Ведь страна сразу увеличится на четыре миллиона граждан! — волнуясь, сказал Линкольн. — Что мы будем тогда делать, а, Дуглас? — Он нагнулся вперед, пытливо поглядел на собеседника и, не дав ему ответить, продолжал: — Насколько мне известно, вы возражаете против всяких планов колонизации.

— Да, мистер Линкольн, это верно. Высылка негров в Африку

не решение вопроса.

— Почему нет?

— Потому, что эти люди не африканцы. Африка для них чужая страна; если у них и были какие-нибудь корни, то все давно уничтожены. Мы родились здесь, в Америке.

Вздохнув, президент ответил:

— Дуглас, я понимаю, что мы несем ответственность за прошлое. Не в нашей власти повернуть историю вспять. Мы привезли ваш народ сюда и заставили его работать на нас. Мы у него в долгу за весь его труд в течение многих десятилетий. Но нельзя не признать истины, что это чужой, изолированный народ. Сумеет ли он когда-нибудь ассимилироваться?

Дуглас заговорил очень деликатно:

— Мистер Линкольн, Америка — единственная страна, которую мы знаем. Здесь мы поднимали целину, вырубали леса, строили дороги и мосты. Это наш дом. А чужие и изолированные мы потому, что нас такими сделали.

Дуглас начал рассказывать президенту о неграх, живущих и работающих в свободных штатах: это ремесленники, умелые мастера, пекари, сапожники, часовщики. Это учителя и врачи, которые получили образование в Европе, но все-таки решили вернуться в Америку.

Линкольн слушал с возрастающим удивлением. Может быть, у него была мысль: «Вот если бы все они были, как этот Дуглас!» Но, будучи бесхитростным, простодушным американцем, вернее он решил другое: «Да нет, мало таких!»

До самого вечера просидели они вдвоем, обсуждая план действий.

Все посетители Белого дома получали в этот день один ответ: «Президент никого не принимает».

Было решено, что Дуглас организует группу разведчиков-цветных, которые проникнут сквозь линию фронта на Юг и выведут оттуда негров. Их примут в армию в качестве свободных рабочих.

— Им будут кое-что платить, — пояснил Линкольн, — не скажу, правда, сколько.

— Они придут, сэр!

В ходе беседы Дуглас набросал ряд указаний для адъютантов Линкольна. Ни президент, ни его гость не смотрели на часы — они с головой ушли в обсуждение плана. Наконец президент откинулся на спинку кресла, и Дуглас стал собирать свои бумаги.

— Вот отсюда и начнем, — сказал Линкольн, — подготовимся как следует. А вам надо будет…

В эту минуту на пороге появился секретарь.

— Сэр! — начал он и, дождавшись кивка президента, продолжал: — Прибыл курьер с донесением от генерала Стефенсона.

Линкольн выпрямился.

— Ведите его сюда!

Жестом отчаяния президент прижал руку ко лбу и молвил:

— Дурные вести. Иначе они б телеграфировали.

— Я уйду, сэр, — сказал Дуглас, вставая.

Поднялся и президент, невидящим взглядом уставившись куда-то вдаль.

— Наша морская артиллерия уже несколько дней обстреливает форт Вагнер. Уж конечно…

Линкольн не договорил. Секретарь ввел на веранду курьера.

Это оказался совсем молоденький мальчик. Глаза его были красны от усталости, одежда в пятнах и забрызгана грязью. Слегка шатаясь, он поклонился и протянул президенту Линкольну пакет.

— Генерал Стефенсон просил засвидетельствовать вам свое почтение, сэр.

Не отрывая глаз от юноши, Линкольн трясущимися пальцами вскрыл конверт.

— Почему не генерал Стронг?

— Генерал Стефенсон принял командование обеими бригадами, — проговорил курьер и, поняв вопросительный взгляд президента, пояснил: — Генерал Стронг и полковник Путнам убиты.

Линкольн взглянул на лист бумаги, который держал в руках, и, шевеля губами, начал тихо читать. Дуглас сумел разобрать:

— «В ночь на 18 июля мы начали наступление на форт Вагнер… Шестой коннектикутский, Сорок восьмой пехотный нью-йоркский, Третий нью-хэмпширский, Семьдесят шестой пенсильванский, Десятый мэйнский…»

Дальше он продолжал читать про себя, пока вдруг не воскликнул:

— Вот послушайте, Дуглас! «На долю Пятьдесят четвертого массачусетсского выпала честь возглавить это наступление. Считаю своим долгом доложить, сэр, что солдаты-негры неуклонно шли вперед и удерживали позиции, несмотря на косивший их ураганный огонь. Из тысячи солдат в живых осталось очень немного. Их командир полковник Роберт Шоу пропал без вести. Наш расчет был на помощь морских орудий, ибо войска в тылу не могли…» — Внезапно президент смолк.

Дуглас стоял, словно окаменев, дыхание со стоном вылетало из его груди.

— Я должен уйти, — сказал он срывающимся голосом. — Извините меня. Я должен повидать жену.

Президент шагнул к нему. Он понял. Лицо его выражало сочувствие.

— Значит?..

— Да. Наши сыновья — Льюис и Чарльз — в Пятьдесят четвертом.

Линкольн положил руку на обшлаг сюртука Дугласа, затем быстро заговорил, обращаясь к секретарю:

— Распорядитесь, чтобы курьера накормили и устроили на отдых. Телеграфируйте генералу Стефенсону, пусть пришлет списки.

Президент проводил Дугласа до дверей, держа его под руку.

— Передайте мое глубочайшее сочувствие вашей супруге. Да пошлет вам господь силы! Держите меня в курсе. Я вам напишу.

Известие о поражении опередило Дугласа. Анна уже ждала его в вестибюле. Он заключил ее в объятия, и некоторое время оба молчали. Первой заговорила Анна:

— Пока еще ничего не выяснено.

Проходил день за днем, и Дугласы утешали себя мыслью, что раз нет новостей, уже это одно — хорошо. Мало-помалу начали печатать фамилии погибших и раненых. Горас Грили называл 54-й Массачусетсский «черной фалангой». Вся северная пресса писала, что негритянский солдат «доказал свои боевые качества», южные газеты пользовались иной терминологией, но и они подтверждали, что именно телами негров были завалены вырытые наспех траншеи вокруг форта Вагнер. Южане наткнулись на труп белого и опознали в нем командира. Как сообщалось, был дан приказ «сбросить его в общую яму с черномазыми».

Анна Дуглас написала матери Роберта Шоу, жившей в Бостоне:

«Для Вашего героического сына борьба уже окончена. Да послужит Вам утешением мысль, что он умер так же, как жил, и погребен рядом с теми, кто преданно любил его».

О Чарльзе и Льюисе по-прежнему не было никаких известий.

Дуглас не признался Анне, что он написал Линкольну. Но когда пришел ответ, он показал ей приложенное к письму президента обращение следующего содержания:

«Кому ведать надлежит:

Предъявитель сего Фредерик Дуглас известен нам как лояльный свободный человек, и посему он имеет право путешествовать беспрепятственно.

Надеемся, что ему будет всюду оказан прием, достойный свободного человека и джентльмена.

10 августа 1863 года.
С уважением
А. Линкольн, президент.
И. К. Уша, секретарь»,

Анна подняла вопросительный взор.

— Я еду в Южную Каролину.

Она прижала руку к трясущимся губам.

— Они и тебя убьют! — проговорила она.

Дуглас покачал головой.

— Наши войска стоят лагерем на островах вокруг Чарльстонской гавани. Полки, все перемешались. Там уйма раненых, и я окажу им помощь, если приведу в порядок списки. Многие семьи ничего не знают. — Он поцеловал ее.

Анна наблюдала, как он сбривает бороду. Она дала ему на дорогу корзинку с провизией.

— Я разыщу наших детей!

Это обещание ободрило ее.

И он нашел их — на разных островах, среди раненых. Чарльз вообразил, что он все еще бредит, когда увидел отца. Льюис в первую минуту не мог от волнения ничего выговорить.

А по палаткам вдоль болот неслась уже весть: «Приехал Фредерик Дуглас!»

Значит, не все потеряно!

Под огнем критики Авраам Линкольн защищал мобилизацию негров в армию. «С помощью самых скромных знаний арифметики можно убедиться, что немыслимо разбить армию мятежников, если продолжать антинегритянскую тактику. Для этого придется пожертвовать всем мужским населением Севера. В настоящее время около двухсот тысяч крепких, здоровых негров состоит на службе у государства — большинство из них в качестве солдат, защищающих и расширяющих территорию союза…

Оголите все посты, ныне охраняемые негритянскими гарнизонами, лишите нашу армию двухсот тысяч солдат и пошлите их воевать против нас, и мы вынуждены будем сложить оружие через три недели.

Мои враги представляют картину так, будто я веду эту войну, имея единственной целью освобождение рабов. Но пока я нахожусь на посту президента, единственной целью войны есть и будет восстановление союза. Однако никакими силами нам не подавить этот мятеж, если мы не эмансипируем негров и не используем все прочие меры, рассчитанные на моральное и физическое ослабление противника. Благодаря Декларации об

освобождении негров в нашу армию влилось двести тысяч солдат-южан и будет еще больше. Ровно на столько же уменьшатся силы противника».

Когда началась война, большинство влиятельных военных — Роберт Ли, Джексон, Форрест и другие — дезертировали из армии Соединенных Штатов и примкнули к мятежному Югу. Линкольну пришлось заменить их более или менее подходящими кандидатами. На посту главнокомандующего союзной армии оказался нерешительный, слабохарактерный апологет рабовладельчества генерал Джордж Макклеллан. Неудивительно, что в течение первых двух лет Север непрерывно терпел одну военную катастрофу за другой. Макклеллан открыто заявлял, что, если начнется война между верными союзу рабами и неверными союзу рабовладельцами, он примет сторону рабовладельцев и постарается подавить восстание железной рукой. В конце концов Линкольн отстранил Макклеллана и назначил главнокомандующим союзными силами воевавшего на Западе Улисса Гранта.

Генерал Грант потребовал разрешения взять с собой с Западного фронта на ответственный Виргинский фронт двадцать тысяч солдат-негров.

В эту осень 1864 года даже некоторые преданные сердца заколебались. Недовольство Линкольном росло. Молодая республиканская партия терпела нападки со стороны ставшей теперь монолитной демократической партии, которая трубила вовсю, что война проиграна. Не оставалось сомнений, что политические деятели, крупные дельцы и пресса не поддержат вторично Линкольна. Поэтому республиканцы вели свою кампанию в сельских лавках, на перекрестках дорог, у входа в церкви и с импровизированных трибун, кочевавших по улицам на подводах.

Тем временем под руководством генерала Гранта менялся ход войны. Генерал Шерман начал наступление в Джорджии. Хребет конфедерации был сломлен.

Народ во второй раз избрал на пост президента Соединенных Штатов Авраама Линкольна.

Теперь, когда избирательная кампания благополучно завершилась, Дуглас снова занялся пропагандой Декларации об освобождении. Следующей политической задачей было проведение в конгрессе 13-й поправки к конституции как закона об отмене рабства.

В октябре Дуглас и Джон Ленгстон организовали национальный съезд негров в Сиракузах. Сессия длилась четыре дня. Люди все еще не способны были поверить, что война

закончится полным освобождением негров. Дуглас призвал участников съезда — северян-рабочих и свободных ремесленников — занять свое место в управлении государством. Он говорил:

— Святое провидение, обладающее большей силой, чем человек, и подчиняющее себе все и вся, создало новые отношения между нами и правительством. Даже немногие факты показывают, чем уже сегодня является для нас правительство и чем оно будет для нас завтра. Слушайте, негры, вот факты! Рабство уничтожено навеки в округе Колумбия, рабство уничтожено навеки на всех новых территориях Соединенных Штатов; теперь уже немыслимо существование международной работорговли с тысячами ее омерзительных черт; навеки уничтожено рабство в десяти штатах союза, и в остальных пяти оно также неизбежно отступит перед свободой, как неизбежно отступает ночь перед днем. Признана независимость Гаити — гаитянский министр обедает за одним столом в Вашингтоне с нашим премьером мистером Сьюардом, хотя в то же время в Филадельфии не пускают цветных людей в железнодорожные вагоны. Выходит дело, что темная кожа является меньшим предметом дискриминации для федерального правительства в Вашингтоне, чем для граждан так называемого Города Братской Любви — Филадельфии. А правительство уже не отказывает нам в правах гражданства.

В сенате Чарльз Самнер и его темпераментный соратник Тадеуш Стивенс вели борьбу за принятие 13-й поправки, которая навеки искоренила бы рабство в Соединенных Штатах и «в любой местности, находящейся под юрисдикцией Соединенных Штатов». Их действия натолкнулись на бешеную оппозицию. Дебаты продолжались несколько месяцев.

После своего переизбрания Линкольн заявил, что он одобряет эту поправку к конституции. Президент представил конгрессу проект текста, автором которого явился Чарльз Самнер, и 3 января 1865 года 13-я поправка к конституции была утверждена. Второй пункт ее гласил: «Конгрессу дается право обеспечить проведение в жизнь этой статьи посредством соответствующих законов».

Итак, сопротивление южан было сломлено. В марте Конфедерация продемонстрировала перед всем светом свое безвыходное положение, сделав бесполезный жест — проведя закон о призыве рабов в действующую армию. Это дало ничтожные результаты и не спасло Конфедерацию от разгрома. Негритянские солдаты ни одним выстрелом не помогли угнетателям своего народа.

Теперь американцы готовы были признать, что Линкольн «выигрывает войну». Налицо были все основания для радости, но даже спустя много лет Дуглас вспоминал, какая тяжесть лежала у него на сердце в день торжества по поводу вторичного вступления Линкольна на пост президента, и задавал себе вопрос, не было ли это тогда страшным предчувствием. Голос президента был лишен звучности и той сердечной интонации, которой ораторы покоряют огромные аудитории; Линкольн говорил медленно, осторожно, словно вкладывая всего себя в каждое слово своей речи, своей последней речи, обращенной к его народу:

«Не тая ни против кого злобы, а исполненные милосердия ко всем и твердо веря в правоту нашего дела, постараемся закончить начатое, залечим раны нации, и позаботимся о тех, кто вынес на своих плечах войну, и о вдовах и сиротах, и сделаем все возможное для сохранения и упрочения справедливого и длительного мира внутри страны и со всеми народами».

На миг у Дугласа потемнело в глазах. Бессознательно он стал проталкиваться вперед. Тем временем церемония кончилась, толпа вокруг него задвигалась, зашумела. И тогда через головы стоящих впереди он поймал устремленный на себя взгляд президента, увидел, как приветливая улыбка осветила лицо Линкольна. Дуглас рванулся было к нему, но тут же остановился, заметив Эндрью Джонсона, вновь избранного вице-президента, рядом с Линкольном.

Этот эпизод описан Дугласом следующим образом:

«Мистер Линкольн коснулся руки мистера Джонсона и указал ему на меня. Сразу же гримаса брезгливости, глубокого презрения искривила лицо Джонсона, по-видимому отражая правдиво его чувства. Обнаружив, что я это заметил, он поспешил сделать дружественную мину, но было поздно: что проку закрывать дверь, если вы уже успели обозреть все в комнате?! Гримаса отвращения была для него естественной, а вымученная приторная улыбка явилась маской демагога».

Дуглас отвернулся, вновь охваченный мрачным настроением. «Каков бы там ни был этот Эндрью Джонсон, — подумал он, — одно, во всяком случае, ясно: моему народу он не друг!»

В тот же вечер в громадном Восточном зале Белого дома, на пышном приеме, какого ему еще не приходилось посещать в Америке, Дуглас старался убедить себя, что он явился сюда из чувства долга. Пусть на него бросают со всех сторон удивленные взгляды, не надо обращать внимание! Ведь никто, конечно, не сомневается, что он здесь по приглашению.

Даже в таком блестящем обществе Фредерик Дуглас производил внушительное впечатление. Одет он был безупречно,

движения его были изящны и благородны. Его великолепная голова возвышалась над толпой; неудивительно, что президент заметил Дугласа в веренице гостей, подвигавшейся к нему для приветствия.

— Ба! Мой друг Дуглас! — весело воскликнул Линкольн и, схватив его за руку, добавил: — Я видел вас сегодня в толпе на улице. Как вам понравилась моя речь?

Дуглас улыбнулся, несколько смутившись. Он не хотел задерживать очередь.

— Мистер Линкольн, — шепотом сказал он, — сейчас я не смею отнимать у вас время своими впечатлениями. Тысяча человек дожидается чести пожать вам руку.

В этот вечер Линкольн был настроен едва ли не легкомысленно.

— Пустяки, — возразил он, усмехнувшись, — задержитесь на минутку, Дуглас! Во всей Америке нет человека, чье мнение для меня дороже вашего. Я впрямь хочу знать, что вы подумали, слушая меня.

Дуглас попытался ответить. Всю свою жизнь после этого вечера он жалел, что в нужную минуту не сумел более ярко выразить свои чувства.

— Это были святые слова, мистер Линкольн, — проговорил он. — Эти слова никогда не умрут.

Было видно, что этот ответ приятен Линкольну. Весь просияв, он сказал:

— Я рад, что вам понравилось.

Вскоре Дуглас торжествовал, узнав, что президент познал радость встречи со многими другими счастливыми, благодарными ему людьми. Дело было в Ричмонде, в штате Виргиния. За несколько дней до этого генерал Вейцель отбил город у мятежников, имея у себя в арьергарде 29-й коннектикутский негритянский полк. Для рабовладельческой «аристократии» Ричмонда это было наивысшим оскорблением. Все, кто мог, бежали из города. Остальные заперлись в домах, плотно закрыв ставни. Мертвая тишина царила в разбитом городе в это теплое апрельское утро. А в садах пышно распускалась жимолость и сирень.

Первым, заметившим причалившую к берегу лодку, был негритянский постовой. Из лодки выскочил худой высокий мужчина и следом за ним небольшой мальчуган. Махнув рукой, он приказал матросам в лодке оставаться на местах.

— Мы пойдем одни, — сказал мужчина и, взяв мальчика за руку, зашагал с ним по набережной.

— Как пройти к нашему штабу? — спросил он постового.

Тот никогда не видал Авраама Линкольна, но догадался, что это он, и ловко отдал честь.

— Я провожу вас, сэр, — весь задрожав, предложил солдат.

Президент улыбнулся и покачал головой:

— Не надо, вы мне только скажите.

Штаб находился поблизости, во дворце Джефферсона Дэйвиса. Не найти его было невозможно. Солдат глядел Линкольну вслед. Ему хотелось закричать, побежать, рассказать всем великую новость, но он не смел покинуть свой пост.

Не герой-победитель, а очень усталый человек шагал по улице, подняв изборожденное глубокими морщинами лицо, рассеянно глядя на редкие деревья, покрытые первыми зелеными листьями. Вокруг него громоздились развалины войны. Внезапно навстречу ему выбежал черный мальчуган и, вперив взор в незнакомца, закричал:

— Господи! Это же мистер Линкольн!

Сразу же со всех улиц и переулков стали сбегаться негры. Они неслись, выкрикивая его имя, подбрасывая в воздух шапки, приветственно маша руками. Безлюдные улицы запрудили толпы негров; они простирали к нему руки, восклицая:

— Благослови вас бог, мистер Линкольн!

— Благодарим вас, мистер Линкольн!

— Спасибо! Слава богу!

Какой-то старик упал на колени и поцеловал президенту руку.

По щекам Линкольна струились слезы. Все притихли, когда он положил руку на склоненную перед ним седую голову, потом нагнулся и помог старику встать.

— Да благословит вас бог, да сохранит вас господь! — было все, что сумел Линкольн выговорить в эту минуту.

Толпа расступилась, давая ему пройти. Уже дойдя до штаба и оглянувшись, он увидел, что улица все еще запружена неграми.

Никто не расходился — все ждали, пока он выйдет, время от времени оглашая воздух приветственными криками или затягивая песню. Но вот Линкольн вышел и, остановившись на высоком крыльце, поднял руки, призывая ко вниманию. Все негры слушали, обратив к нему лица, точно к солнцу. Многие упали на колени. Президент говорил простыми словами.

Он разделяет их радость. Ему приятна их преданность.

— Только это не моя заслуга, — сказал он, — это господь вас освободил.

Но люди все равно знали, что он был посланцем господа!

— До сих пор вы были лишены законных прав вашими так называемыми хозяевами. Теперь вы так же свободны, как и я. И

если те, кто считает себя старшими над вами, не знают об этом, вооружитесь саблей и штыком и докажите им, что вы не рабы, ибо бог создал всех людей свободными и наделил их одинаковыми правами на жизнь, свободу и стремление к счастью!

Линкольн уехал, но долго еще голоса негров звучали у него в ушах.

Несколько дней спустя южная армия сдалась на милость победителей при Аппоматоксе. Линкольн был более чем великодушен: ни осуждения, ни резких слов. Оживленный, бодрый, чувствуя прилив сил, президент сразу же погрузился в планы реконструкции. Нельзя терять ни дня, ни минуты! Поскорее залечим раны, пусть из пепла поднимется лучшая, более сильная нация!

Президент назначил на 14 апреля заседание кабинета, затем послал телеграмму Уильяму Ллойду Гаррисону с просьбой съездить в форт Самтер и водрузить там американский флаг. Гаррисон с удовольствием согласился. Вместе с ним туда отправились борцы против рабства Генри Уорд Бичер и Джордж Томсон, которым было теперь чему радоваться.

Флаг взвился вверх, к небу взлетела песня, гладь реки покрылась цветами, грянул торжественный пушечный салют. Гаррисон и его друзья сели на пароход, плывший дальше на Юг. На пристани в Бофорте им подали телеграмму.

Авраам Линкольн был убит!

«Я плакал и всегда буду плакать, всякий раз как вернется весна» [12].

ГЛАВА 16
ВПЕРЕД!

Убийством Линкольна Юг ответил на попытки президента найти компромисс. Смертной ненавистью ненавидели рабовладельцы Линкольна. Они поклялись, что «уберут» его, и свою угрозу выполнили.

По словам газеты «Нью-Йорк таймс» от 21 апреля 1865 года, убийца президента молодой южанин Джон Вилкс Бутс заявил:

«Соединенные Штаты созданы для белых людей, но не для чернокожих, и, разделяя с благородными авторами нашей конституции их взгляд на рабство негров, я постоянно считал рабовладение одним из величайших благ как для негров, так и для нас, возлюбленных сынов божьих. Это доказано тем, что господь сделал нас богатыми и могущественными, а наших негров просветил и поднял над уровнем их расы».

Трудно учесть, какие последствия влечет за собой потеря великого народного вождя. Таким вождем был Авраам Линкольн. За годы войны он вырос, стал мудрее, мягче, великодушнее. И, как сказал Фредерик Дуглас в своей речи на открытии памятника Линкольну в Вашингтоне спустя несколько лет, «хотя союз был для него важнее, чем свобода негров и их будущая судьба, но под его мудрым, благодетельным руководством мы вышли из беспросветного рабства и почувствовали себя людьми». Линкольн хотел мира для своей страны и для ее народа. Есть все основания полагать, что, будь Линкольн жив, южным плантаторам не удалось бы подменить частное рабовладение новой формой рабства негров.

Смерть Линкольна парализовала Север. Удовлетворенный Юг вернулся к заброшенному хозяйству и ждал среди руин своего часа.

Освобожденные рабы оказались в неописуемо тяжелом положении. Бездомные, несчастные, окруженные презрением! Армия генерала Гранта, заняв Миссисипи, организовала кое-какую помощь им, впоследствии передав эти функции Бюро по делам освобожденных негров, в обязанности которого входило кормить и одевать их и оказывать посильную медицинскую помощь. Но это было лишь каплей в море. Требовалось дать бывшим рабам место в жизни и средства к существованию.

В конгрессе Тадеуш Стивенс заявлял о праве освобожденных негров иметь «клочок земли, мула и мотыгу». «Мы, грабившие

темнокожего человека и лишавшие его сил, обязаны теперь уплатить ему наш долг!» — восклицал он. К нему присоединял свой голос Чарльз Самнер, требуя, чтобы неграм роздали государственные земли. Конгресс отказался от всяких мер в этом направлении.

Калеку Тадеуша Стивенса реакционеры ненавидели больше, чем кого-либо другого за его непрерывную борьбу в защиту негров. Это был самый воинственный член конгресса, неутомимый разоблачитель зла, смелый и дальновидный политик.

Стивенс протестовал, когда было распущено Американское общество борьбы с рабством и деятели его ушли на покой. Он характеризовал как «трусливое отступление» передовую статью Гаррисона в последнем номере «Либерейтора».

Убеленный сединами бессменный редактор писал: «Цель, ради которой тридцать пять лет тому назад была создана газета «Либерейтор», победно осуществлена…» Теперь его газета больше не нужна. Она свое дело сделала — рабы свободны. И Гаррисон уехал путешествовать по Европе.

Фредерик Дуглас, измученный событиями последних месяцев, почти не замечал происходящего. Правда, до него доносились горячие слова Уэнделла Филиппса: 13-я поправка пока еще не узаконена, и даже после ратификации придется долго добиваться ее выполнения. Но Дуглас не принимал участия в дискуссиях. Должность его ликвидировали, жалованье — пятьсот долларов в год, которое он получал от Общества борьбы с рабством, перестали платить. Сын Льюис вернулся из армии. Сын Фредерик служил в Миссисипи в Бюро по делам освобожденных негров.

Дугласа то и дело одолевали думы, на какие средства дальше жить. Газета являлась для него тяжелым бременем. И он уже подумывал, что на те несколько тысяч долларов, которые Анна скопила от продажи его книги «Мое рабство и моя свобода», он купит ферму, поселится на ней и, трудясь на собственном клочке земли, как-нибудь заработает честный кусок хлеба.

Но, по существу, ничто теперь не имело для него значения.

Джон Браун и Авраам Линкольн! По ночам Дуглас лежал без сна, и эти два имени не шли у него из головы. Казалось, что утро никогда не настанет.

После убийства Линкольна на пост президента Соединенных Штатов вступил вице-президент Эндрью Джонсон. Этот человек провел почти всю свою жизнь в Теннесси. Несмотря на то, что Джонсон поддерживал институт рабства, он активно возражал против раскола союза. В 1862 году Линкольн назначил его

военным губернатором Теннесси, а в 1864 году с помощью Линкольна он был избран вице-президентом по республиканскому списку. Антирабовладельческие силы считали, что Джонсон будет подходящим президентом и осуществит общие замыслы покойного Линкольна в отношении реконструкции Юга.

Но, став президентом, Джонсон отказался от политики Линкольна. Он заявил, что Южные штаты вообще не откалывались от союза и что право реконструировать Юг принадлежит президенту, а не конгрессу. Через два месяца после смерти Линкольна президент Джонсон назначил Бенджамена Перри, бывшего члена законодательного собрания конфедерации, временным губернатором Южной Каролины. Перри, недолго думая, поставил все на прежнее место, как было «до Линкольна». Он вернул избирательное право всем лицам, пользовавшимся им до отделения Юга. Он пожелал, чтобы эти люди избрали от себя делегатов на учредительное собрание штата, назначенное на сентябрь. В своей речи при вступлении на пост временного губернатора достопочтенный мистер Перри без экивоков заявил о своей платформе следующее: «Наше государство есть государство для белых, существующее только для белых и ни для кого другого».

Горас Грили привел эти высказывания в своей газете, дополнив заметку пессимистической передовой статьей.

Дуглас был вне себя от гнева. Его возмущение относилось не к временному губернатору Перри, но к тому, кто занял теперь место Авраама Линкольна. На некоторое время ненависть к Эндрью Джонсону заглушила разум.

— Да, нет с нами Джона Брауна и Линкольна! — воскликнул он. — Но я жив. Я-то здесь! — Он стукнул кулаком по столу. — Клянусь богом, мы еще поборемся!

Он резким движением раздвинул на столе бумаги, начинавшие уже покрываться пылью, и, схватив перо, написал на чистом листе бумаги:

«Гражданские свободы американского народа зависят от права участвовать в выборах, от права заседать в суде присяжных и от права носить оружие. Освобожденные негры должны получить избирательное право, иначе им не сохранить свою свободу!»

Слова Дугласа разнеслись по всей стране. Кое-каким людям, и без того усталым, измученным войной, они внушили ужас. Требование избирательного права было таким скачком по сравнению с тем, чего добивались до сих пор друзья цветной расы, что некоторые сочли его наглом и совершенно неприемлемым. Борцы против рабства были далеко не

единодушны в признаний правильности тактики Дугласа. Зато Уэнделл Филиппс узрел в ней не только справедливость, но также мудрость и необходимость.

— Я не покину негров до тех пор, пока с божьей помощью не добьюсь для них полного равноправия, полного гражданского равноправия! — громогласно заявлял он со своей церковной кафедры.

Против равноправия негров выдвигалось два принципиальных возражения. Первое диктовалось боязнью конфликта между освобожденными неграми и классом бывших рабовладельцев, да и вообще белыми обитателями Юга; второе зиждилось на том, что их считали недостойными: разве сумеют, мол, такие невежественные раболепные деградированные существа решать судьбы нации через посредство великой силы избирательного бюллетеня?!

— Мы же их освободили! Разве этого недостаточно, господи боже! Пусть теперь идут работать и докажут, чего они стоят! — так высказывался Север, горя нетерпением вернуться к «обычной деловой жизни».

Но Америка не успокаивалась. Теперь уже нельзя было зачеркнуть слова, однажды ею услышанные: «…отныне и навеки свободны».

Послевоенная бездомность приняла огромные размеры: мужья разыскивали жен, а те сидели на голой земле, не зная, за что взяться, с одной надеждой, что их кормильцы вернутся. Матери, никогда не бывшие за пределами плантации, пустились в путь по стране в поисках своих детей, а дети, как грязные испуганные коричневые звереныши, бродили бесцельно целыми стаями. Болезни и смерть царили среди негров. Бюро по делам освобожденных негров при всех своих добрых намерениях плавало в пустом пространстве, оказывая тут и там незначительную помощь; но негру нужно было не это, негру нужно было место, где обосноваться, — крохотный клочок великой земли и орудие труда.

В сентябре 1865 года один приятель Дугласа, живущий в Южной Каролине, прислал ему вырезку из «Колумбия дейли феникс», газеты, которую никак нельзя было назвать пронегритянской.

Прочтя ее, Дуглас разом повеселел. Вот верный и достойный отпор временному губернатору Перри, идущий из недр его же штата! «Многолюдный митинг освобожденных рабов, состоявшийся на острове св. Елены 4-го сего месяца…» принял резолюцию, заключенную в пяти четких, хорошо написанных пунктах. Дуглас перепечатал это сообщение полностью в своей

газете, указав источник. Люди читали его, едва веря своим глазам: ишь ты, каковы эти «невежественные, раболепные негры» с южных болот!

«1. Постановили: Что мы, цветные жители острова св. Елены, обращаемся с почтительнейшей просьбой к учредительному собранию, которое соберется в Колумбии 13-го сего месяца, об изменении текста существующей конституции штата Южная Каролина с таким расчетом, чтобы было обеспечено избирательное право каждому мужчине, достигшему возраста 21 год, без каких-либо иных ограничений, кроме тех, какие предъявляются белым гражданам Соединенных Штатов.

2. Постановили: Что согласно Декларации независимости мы считаем, что это есть право, в котором нам по справедливости не должны отказать, и мы надеемся, что учредительное собрание проявит справедливость и признает его.

3. Постановили: Что мы никогда не откажемся от усилий добиться всеми возможными справедливыми и легальными мерами полного признания наших прав как граждан Соединенных Штатов и данного штата.

4. Постановили: Что, сумев к настоящему времени доказать свою преданность государству, а также свою готовность защищать его конституцию и законы, мы надеемся, что делегаты съезда поймут справедливость привлечения нас к участию в выборах наших правителей.

5. Постановили: Что мы считаем, что мир и благоденствие в нашем штате зависят от защиты интересов цветного населения, чего возможно добиться только путем исполнения тех желаний, которые выражены в вышеприведенных пунктах резолюции».

Учредительное собрание закончило свою работу. Но тщетно искал Дуглас в газетах какого-нибудь упоминания об этой резолюции или вообще чего-либо касающегося «новых граждан» Южной Каролины. В октябре он получил письмо от негритянского священника Френсиса Кардозы, с которым был немного знаком. Кардоза писал: «Хочу поблагодарить вас за опубликование петиции наших собратьев с острова св. Елены. Ваше участие вселило бодрость в наши сердца. Как вам известно, результатов пока еще нет, как не принес их еще и другой, более пространный документ, составленный и поданный от имени 103 негров в Чарльстоне. У меня имеется экземпляр этой Чарльстонской петиции. Если вам случится быть в ближайшее время в Вашингтоне, я охотно приеду туда и вручу ее вам. Этих негров не следует ни жалеть, ни презирать. Они понимают, что все это только начало. Получив право голоса, они станут полезными, инициативными, деятельными гражданами своего штата. Если же

этого права им не дать, то рано или поздно начнется война».

Дуглас немедленно связался с некоторыми влиятельными лицами.

— Я предлагаю, чтобы специальная комиссия отправилась в Вашингтон и поставила вопрос об избирательном праве освобожденных негров перед президентом Джонсоном. — Тень сомнения мелькнула на лице Дугласа. — Возможно, я ошибаюсь в этом человеке, — добавил он, — перед ним стоит гигантская задача. Наш долг — содействовать ему чем только возможно.

Было созвано совещание, на котором избрали делегацию от негров Иллинойса, Висконсина, Алабамы, Миссисипи, Флориды, Южной Каролины, Северной Каролины, Виргинии, Мэриленда, Пенсильвании, Нью-Йорка, штатов Новой Англии и округа Колумбии. Джорджу Донингу из Род-Айленда и Фредерику Дугласу было поручено выступить. В Белый дом направили письмо от имени делегации, прося президента назначить аудиенцию.

Ответ пришел только через несколько недель. Президент согласился принять делегацию 7 февраля. Дуглас сообщил Кардозе, когда он будет в Вашингтоне, и назначил встречу в доме «дорогого друга миссис Эмилии Кемп».

Беседа Джонсона с негритянской делегацией вошла в историю. О ней узнала вся Америка благодаря самому характеру сказанного, а также умению Фредерика Дугласа давать отпор.

«До этой беседы, — писал Дуглас в своей автобиографии, — Америка еще не понимала полностью намерений и политики президента Джонсона в отношении реконструкции Юга, особенно в той части, которая касалась вновь освобожденного класса. Выслушав краткое слово мое и мистера Донинга, он посвятил по меньшей мере три четверти часа своей, очевидно, заранее приготовленной речи, отказавшись выслушать наш ответ, хотя согласился уделить для этого несколько минут. Поняв, что мистер Джонсон захватил преимущество в том смысле, что его речь на следующее утро будет преподнесена на видном месте газетами всей Америке, члены делегации негров встретились в тот же вечер и поручили мне приготовить краткий ответ, который американская пресса получила бы одновременно с текстом речи президента, произнесенной в беседе с нами. Поскольку в нашем ответе подчеркиваются расхождения между президентом и представителями негров, я привожу этот документ, единодушно одобренный всей делегацией, для иллюстрации истории того периода:

1. Первое, против чего мы считаем своим долгом протестовать особенно энергично, является Ваше стремление

обосновать политику лишения нас избирательного права тем, что на Юге бывшие рабы якобы относятся враждебно к белой бедноте. Не скрывая наличия подобной враждебности, мы заявляем, что она полностью взаимна. Но Вы явно совершаете ошибку, перенося выводы из практики времен рабства и кладя их в основу политики, применительной к современному периоду, когда негры обрели свободу. Враждебность между белыми и неграми легко объяснима. Она питалась соками рабства и разжигалась у обеих сторон коварством рабовладельцев. Возбуждая между белыми бедняками и неграми ненависть, эти рабовладельцы обеспечивали себе власть и над теми и над другими.

Они вызывали вражду между белыми и неграми, чтобы подчинить их себе. У негров, находившихся в рабстве, имелись все решительно основания ненавидеть и бояться белых бедняков, ибо именно из этого класса вербовались надсмотрщики, погонщики рабов и охотники за беглыми рабами. Это были те люди, к помощи которых хозяева прибегали во всех случаях, когда требовалось зверски расправиться с рабом. Ныне же, сэр, Вы не можете не видеть, что по устранению причины ненависти, должно быть устранено и следствие. Рабство уничтожено… И Вы должны понять, как противоречит логике желание подчинить законам, существовавшим на рабовладельческой территории, народ, который, как Вы сами неоднократно заявляли, должен быть свободным.

2. Кроме того, даже если бы Ваши слова соответствовали истине в том смысле, что враждебность негров по отношению к белой бедноте будет существовать по-прежнему в условиях свободы и что дурные отношения между обеими расами еще более обострятся в условиях свободы, нежели в условиях рабства, то объясните нам, бога ради, как Вы можете заявлять о своем желании улучшить положение негров, лишая их в то же время всех средств защиты и, наоборот, облекая тех, кого Вы сами считаете врагами негров, политической властью?.. Мир между народами невозможен, если унижать один народ и возвышать другой, если дать власть одному народу и отнять ее у другого; мир возможен только тогда, когда существует равная справедливость для всех.

3. Очень много можно сказать по поводу теории колонизации, которую Вы с удовольствием нам изложили. Невозможно предположить, памятуя о пользе, которую принесли негры как в мирное время в качестве тружеников на Юге, так и во время войны в качестве солдат на Севере… что когда-нибудь наступит пора, позволяющая выселить из Америки негров, без того чтобы не нанести страшный удар миру и богатству страны. К тому же

самый злейший враг Соединенных Штатов не сумел бы больше опозорить честное имя нашей страны, чем те, кто заявляет, что негров можно было терпеть лишь в состоянии самого унизительного рабства и угнетения, а теперь они должны быть изгнаны из страны, сосланы куда-то по единственной причине, что с них сняли цепи рабства».

Как только заявление было написано, один из делегатов поспешил разослать его прессе. Находились они все в доме вашингтонского делегата Джона Кука. Кук пригласил Дугласа остаться ночевать, но тот ответил, что ему нужно кое с кем встретиться, его ждут в доме старых друзей. Дуглас встал и начал прощаться.

Погода стояла премерзкая. Шел мокрый густой снег, на улицах было сыро и грязно, деревянные тротуары стали скользкими, канавы на перекрестках улиц наполнились черной водой. Дуглас завязал покрепче башмаки и поднял воротник пальто.

— Найдете ли вы сами дорогу, Дуглас? — спросил его доктор Кук. — Освещение-то на улицах плохое, в такой вечер приезжему легко заблудиться. Если бы вы подождали немножко, я бы с удовольствием вас…

— Нет, спасибо, доктор, — остановил его Дуглас. — Я хорошо знаю дорогу, это тут неподалеку.

Эмилия позаботилась, чтобы ужин Фредерика не остыл, приготовила для него комнату. Подняв оконную штору, она тревожно вглядывалась в уличную темень.

— Хоть бы он нашел извозчика! В такую ночь ему одному ходить опасно по нашим улицам.

Гость улыбнулся.

— Фредерик Дуглас умеет постоять за себя, сударыня, — сказал он. — Можете не волноваться.

— А я волнуюсь. — Голубые глаза Эмилии расширились.

Наконец явился Дуглас, смущенный тем, что заставил себя ждать. Но они просили его не извиняться.

— Пустяки! Мы понимаем, что вы заняты!

Эмилия потребовала, чтобы беседа была отложена, пока Дуглас не поест, но тот боялся задержать Кардозу.

Они перешли в столовую, и Эмилия заставила молодого священника поужинать вместе с Дугласом.

Здесь, в уютной комнате возле пылающего камина, события дня уже не казались такими мрачными. Дуглас рассказал, что произошло, а они слушали и сочувствовали. И, как бы прочитав его мысли, Эмилия промолвила:

— Если бы мистер Линкольн не умер!

Мужчины уселись перед камином и начали серьезный разговор. Фрэнсис Кардоза был хорошо осведомленный человек. По своей внешности он мог легко сойти за белого, и потому ему нередко доводилось слышать то, что предназначалось не для его ушей.

— Я беседовал сегодня с Тадеушем Стивенсом, — заговорил он. — Я сообщил ему, что знаю о негритянских кодексах, а он рассказал мне о великолепной речи Чарльза Самнера в сенате два дня тому назад. Он ручается, что им удастся провести законопроект о гражданских правах, несмотря на протест президента.

— Я в это верю, — подтвердил Дуглас. Потом он с живостью спросил: — Вы привезли петицию?

— Да, сэр. — Кардоза положил перед собой несколько исписанных листов бумаги. — Вот вам точная копия с того документа, который мы представили учредительному собранию. Лучшего аргумента и не надо, чем то, что говорят здесь освобожденные негры Южной Каролины. Нате, читайте! — Он протянул бумаги Дугласу.

Это был пространный документ, и Дуглас принялся неторопливо читать. Да, недурно пишут «эти черные дикари!».

«…Наши чувства и наши интересы неразрывно связаны с благоденствием и процветанием нашего штата… Мы заверяем почтенное собрание, что признание нашей зрелости, о котором мы просим в настоящей петиции, достаточно, дабы убедить цветных жителей Южной Каролины в том, что белые люди этого штата готовы отнестись к ним с должной справедливостью.

Разрешите также заверить почтенное собрание, что наши люди не удовлетворятся ничем иным, кроме признания данного прошения. Если оно будет отклонено, негры, несомненно, вернутся к той же тихой и внешне терпеливой покорности злу, каковая являлась их уделом в прошлом. День, о котором мы мечтали и молились, наступил, как мы ждали; наступит также и день нашей полной гражданской свободы; с этой верой в душе мы будем трудиться и ждать».

Дуглас долго не отрывал глаз от последней страницы. Простое величие этих слов потрясло его. После долгого молчания он проговорил сдавленным голосом:

— Жаль, что у меня не было этого сегодня, чтобы прочесть президенту Джонсону. Никакие мои слова с этим не сравнить!

— Президент Джонсон был и так взбешен тем, что наговорил ему сенатор Самнер, — напомнил Кардоза.

Дуглас помолчал. Потом медленно ответил:

— Я хочу быть справедливым по отношению к президенту

Джонсону. Критикуя нашего друга Чарльза Самнера, он сказал:

«Я не желаю слышать обвинения со стороны каких-то краснобаев, умеющих пользоваться пышной риторикой и абстрактно разглагольствующих о свободе, хотя сами они никогда не рисковали ни жизнью, ни свободой, ни имуществом». — Дуглас постучал пальцем по мелко исписанному листу. — Что ж, вот люди, которые даже сейчас рискуют жизнью, свободой и имуществом. Может быть, их он бы выслушал.

— А ведь когда он выступал в Нашвилле перед неграми накануне своих выборов, он им многое пообещал. Представлялся этаким пророком Моисеем, который рвется вывести негритянский народ из рабства на свободу! — Кардоза недавно был в Нашвилле.

— Обратите внимание, что даже тогда он заявил, что собирается быть их командиром. — В голосе Дугласа слышалась горечь. — Очевидно, он не желает, чтобы чернокожие люди поднялись сами и пошли к свободе на своих ногах.

Вашингтон выплывал уже из тьмы, когда Кардоза ушел от Дугласа.

Проходя в сером свете брезжущего дня мимо здания, отведенного под кабинеты конгрессменов, Кардоза заметил одно освещенное окно.

— Мы закаляем нацию в горниле времени, — подумал он вслух. — Надо ковать, пока горячо!

А в это время в одном из кабинетов худой, усталый человек, с лицом, покрытым глубокими морщинами, отодвинулся от стола и на миг закрыл глаза рукой. Затем он глянул в окно и криво усмехнулся. Придется давать дома объяснения: опять он отсутствовал всю ночь. Письменный стол был завален бумагами. Сейчас он поедет домой, напьется кофе. Сегодня утром он попросит в конгрессе слово. У него есть что сказать. Оторвавшись от своих мыслей, он перечитал написанное.

«Наше государство — это не государство белого человека, в узком смысле слова. Говорить так — значит совершать политическое кощунство, ибо это противоречит основным принципам нашей проповеди о свободе. Наше государство существует для человека вообще, для всех людей одинаково, хотя, конечно, не все могут обладать равной силой и влиянием в его пределах. Случайные обстоятельства, природные и воспитанные в человеке способности и таланты могут по-разному влиять на его судьбу. И тем не менее равные права на все блага, даваемые государством, должна иметь каждая бессмертная душа, независимо от того, какой формы и какого цвета оболочка, в которой временно она живет. Наши предки отрицали полностью

доктрину родового и расового преимущества и декларировали всеобщее равенство перед лицом закона. Под этим лозунгом они подняли революцию и создали нашу республику».

Тадеуш Стивенс аккуратно сложил на столе бумаги, поправил парик и поднялся на ноги. Затем он снял с вешалки свое пальто и надел его. Шаги Стивенса гулким эхом отдавались в темном, пустом коридоре. Сторож-негр в вестибюле заметил его издали, и улыбка мгновенно осветила темное лицо.

— Доброе утро, масса Стивенс, доброе утречко, сэр! — пропел он словно коротенький гимн.

И Тадеуш Стивенс, спускаясь с крыльца на улицу, даже не почувствовал, как неприветливо-холоден этот мглистый, дождливый рассвет.

— Война не окончена! — печально сказал Дуглас своему сыну Льюису. — И до победы еще далеко. Пока еще я не могу развернуть флаг Джона Брауна в стране свободных людей!

Вместе с тем он знал, что битва и не проиграна. Но основной догмат аболиционистов — «моральное убеждение» — должен иметь под собой прочный фундамент законодательства, иначе все здание рассыплется как карточный домик.

И всюду, во всей стране, даже в таких местах, где можно было меньше всего ожидать, воздвигались прочные опоры для этого здания.

1 января 1867 года в Африканской баптистской церкви в Ричмонде собралось множество народу по поводу Праздника эмансипации. В разгар песнопений и молитв из публики поднялся молодой белый и, подойдя к амвону, попросил слова.

— Я Джеймс Ханникут из Южной Каролины, — сказал он.

Какая-то мать резко цыкнула на своего ребенка. Лица негров внезапно приняли настороженное выражение. Молодой человек продолжал:

— Для вас это счастливый день рождения, такой день стоит праздновать!

Он переждал, пока не смолкли пылкие возгласы «Аминь!» и «Аллилуйя!». Потом шагнул вперед и заговорил, отчеканивая слова:

— Но теперь прошу вас, каждый раз на ваших сборищах думайте о будущем!

Затем, подбирая простые, понятные для всех слова, он начал речь о том, что значит быть гражданином. Он разъяснил систему государственного устройства, сказал им, что они должны зарегистрироваться и принять участие в выборах, которые состоятся осенью. Некоторые встрепенулись: у них уже об этом шел разговор. Для других все это было внове, и они слушали,

вытянув шеи.

— Когда вы организуетесь, — продолжал белый, — помогите избрать такого губернатора и таких членов конгресса, которые вас не предадут. Не голосуйте за тех, кто возражал против вашей свободы, что бы они сейчас ни говорили. Будьте бдительны, прислушивайтесь ко всем разговорам, но сами держите рот на замке. Учитесь, станьте грамотными и, когда вы подойдете к избирательным урнам, крепко держите в руках свои бюллетени!

Молодежь аплодировала ему с неистовством; люди постарше опасливо качали головами.

Через неделю после этого Фредерик Дуглас по пути в Чикаго сообразил, что он может заехать в Гейлсбург, штат Иллинойс, и присутствовать на массовом митинге в честь эмансипации. Этот город имел славу «аболиционистского». В старом Данн-холле собрались главные деятели избирательной кампании 1860 года. Почти весь округ голосовал за Линкольна, хотя было немало и пылких приверженцев Стефена Дугласа. Тогда главным оратором был молодой человек из Пеории Роберт Ингерсолл. Теперь, семь лет спустя, планируя Праздник эмансипации, негры обратились к нему с просьбой сделать главный доклад. Дуглас уже, наверно, год как мечтал послушать Ингерсолла.

«Такого лютого холода, как был в тот вечер, я не упомню, — писал Дуглас. — У меня была лекция в Элмвуде, в двадцати милях от Пеории. Это был один из тех мрачных, студеных вечеров, когда ветер прерий колет тысячами иголок, а снег скрипит, как напильник по стальным зубьям пилы. Моя лекция в Чикаго была назначена на понедельник, и, чтобы попасть туда вовремя, я должен был отправиться с вечера в Пеорию и сесть там на первый утренний поезд. Значит, приходилось выехать в полночь после лекции, так как в воскресенье поезда из Элмвуда не шли. На вокзал я поехал с моим приятелем Брауном. По дороге я признался ему: «Я еду в Пеорию со страхом. Боюсь, что придется всю ночь бродить по улицам». В прошлое мое посещение меня не пустили в гостиницу, а знакомых у меня там не было. На мистера Брауна, видимо, произвел впечатление мой рассказ, потому что некоторое время он молчал. Наконец, обрадовавшись, что нашел выход, он сказал: «Я знаю одного человека в Пеории, который гостеприимно откроет перед вами двери своего дома, если вас не пустят в гостиницу. К нему вы можете явиться в любое время дня и ночи, в любую погоду. Это Роберт Ингерсолл».

«Полноте! — запротестовал я. — Ворваться в чужой дом в такой поздний час, всех растормошить, да еще в этакий холод!» — «Поздний час пусть вас не тревожит! — заверил меня Браун. — А Ингерсолл и его родные никогда не успокоятся, если узнают,

что вы провели ночь под открытым небом! Я хорошо знаю мистера Ингерсолла и ручаюсь, что он и в полночь и на заре встретит вас с огромным радушием!»

Меня заинтересовала такая характеристика мистера Ингерсолла. К счастью, мне не пришлось беспокоить его семью в эту ночь. Я получил номер в лучшей гостинице города».

Дуглас выехал из Пеории на следующее утро. Но желание познакомиться с молодым юристом только усилилось, и этому отнюдь не мешала кличка «отступник», установившаяся за Ингерсоллом.

Поезд прибыл в Гейлсбург с опозданием. Дуглас нанял извозчика и поехал прямо в Даннс-холл. Зал был битком набит, митинг уже начался. Дуглас заметил, что большая часть присутствующих — негры. Значит, здесь много приезжих издалека. И он надеялся в этой толпе не знающих друг друга людей пройти незамеченным.

Это ему удалось, но по той лишь причине, что все внимание присутствующих было приковано к выступавшему оратору. Заметили коренастого человека с поднятым воротником только те люди, мимо которых он протолкнулся вперед.

В одном из своих описаний Дуглас назвал Ингерсолла человеком с «солнечным лицом». В этот январский вечер Дуглас был ослеплен каким-то особым светом, излучаемым оратором с трибуны. Он ехал сюда, заранее симпатизируя Ингерсоллу, но чувство это усилилось при виде гладкого, детски-свежего, красивого лица с широко расставленными глазами и изящным женским ртом. Дуглас заметил, что Ингерсолл довольно высокого роста и широк в плечах.

Впрочем, очень скоро он прекратил созерцание, ибо весь ушел в слух:

— Все народы, исчезнувшие с лица земли, были погублены рабством. Рабство было причиной того, что навеки исчезли следы греческой цивилизации; из-за рабства пал Рим, вызвав потрясение во всем мире. После исчезновения наиболее грубых форм рабства в Европе Гонзалес указал португальцам, своим соотечественникам, какие колоссальные прибыли смогут они извлекать, если начнут похищать африканцев, и, таким образом, началась современная работорговля — этот конгломерат ужасов, бесконечное количество жестокостей, совершаемых только демонами и защищаемых только злодеями.

И все же работорговлю оправдывали и поддерживали все цивилизованные народы, окрестив ее «законной коммерцией» во имя отца и сына и святого духа.

Далее Ингерсолл цитировал Томаса Пейна: «Ни один человек

не может быть счастлив, видя вокруг себя тех, чье счастье он погубил». Затем последовала цитата из Томаса Джефферсона: «Когда чаша их слез переполнится, когда стоны их заставят омрачиться даже небо, несомненно, справедливый господь узрит, наконец, их горе и своей испепеляющей грозой докажет, что он наблюдает за жизнью на земле и что она не брошена им на произвол судьбы».

— При реконструкции южных штатов… мы предпочитаем преданных союзу негров непреданным белым… Я стою за то, чтобы неграм были даны полностью такие же права, какие я желаю иметь сам.

Мы должны быть за то, чтобы свобода восторжествовала повсюду. Свобода — это прогресс, а рабство — это нищета и запустение; свобода открывает, рабство забывает. Свобода верит в образование; рабство цепляется за свое единственное спасение — за невежество.

Юг всегда боялся алфавита, как нечистой силы. Южане смотрели на каждую букву, как смотрят они на ненавистного аболициониста, и, пожалуй, в этом отношении они правы.

В зале раздался смех. Ингерсолл продолжал:

— Если в будущем колесо фортуны повернется, и в какой-нибудь стране под вашей властью окажутся белые, умоляю вас, не применяйте к ним тех зверств, которым мы, белые, научили вас! — В напряженной тишине Ингерсолл закончил: — Стойте друг за друга, но еще крепче стойте за свободу всего человечества, за — свободу во всем мире!

Дуглас незаметно вышел. Из зала неслись аплодисменты. Они звучали в тихом морозном воздухе. В этот вечер он долго кружил по незнакомым улицам. Под ногами скрипел снег, но он не ощущал холода. Кровь бурлила у него в жилах, мозг был как в огне, сердце пело.

Он нашел друга. Дуглас в зрелые годы будет пожимать руку Ингерсолла так, как юный Дуглас пожимал когда-то руки Уильяма Ллойда Гаррисона и Джона Брауна.

ГЛАВА 17
В ВАШИНГТОНЕ

Эндрью Джонсон был на посту президента целый год, когда конгресс принял закон о гражданских правах вопреки его вето. Этот закон имел своей целью гарантировать полные гражданские права всем лицам, родившимся в Соединенных Штатах (за исключением индейцев), независимо от их расовой принадлежности и цвета кожи или «предыдущего пребывания в рабстве или в иной подневольной зависимости».

Ликование среди аболиционистов было недолговечным. Опять вспыхнул воодушевленный политикой Эндрью Джонсона мятежный дух Юга. Беспорядки, бунты и убийства, совершаемые в Южных штатах, подтверждали опасения, что плантаторы Юга используют свою силу, дабы снова обратить негров в рабство, и что ни один противодействующий им человек, будь то белый или черный, не останется в безопасности. В сенате Чарльз Самнер, а в конгрессе Тадеуш Стивенс требовали принятия такой специальной поправки к конституции, которая дала бы неграм в каждом штате право участвовать в выборах. Благодаря их совместным усилиям родилась 14-я поправка. Уэнделл Филиппс и Фредерик Дуглас организовали всенародную агитацию в пользу этой поправки. Они ездили по городам и проводили массовые митинги, ратуя за то, чтобы вся нация требовала полных гражданских прав для вызволенного из рабства народа.

Деятели республиканской партии одобряли идею участия негров на Юге в выборах. Они были убеждены, что это принесет большое количество дополнительных голосов республиканской партии — партии Авраама Линкольна, павшего мученической смертью. Северные капиталисты тоже одобряли эту идею, ибо участие негров в выборах должно было несколько обуздать южных плантаторов. Отныне капиталисты Севера были намерены контролировать производство хлопка. Вот почему они были столь едины в восхвалениях Фредерика Дугласа.

Дуглас был великолепным оратором. Он не спрашивал, не задавался мыслью, в чем причина его огромного успеха во всех городах, куда бы он ни приезжал. Он не подозревал, что здесь играют роль эгоистические интересы. Когда жители Рочестера избрали его представлять их город на Национальном съезде лоялистов в Филадельфии, Дуглас принял это как знак уважения к негритянскому народу. В Рочестере в это время было свыше

шестидесяти тысяч жителей, из них только душ двести негров. Поэтому темнокожий человек мог считать для себя честью избрание его единственным делегатом от «белого» города.

Выборы осенью 1866 года должны были показать, признает ли конгресс Южные штаты в том виде, в каком их реконструировал Эндрью Джонсон. Выборы были не президентские, а только в конгресс и в законодательные органы штатов.

Национальный съезд лоялистов был созван теми элементами Севера и Запада, которые хотели поторговаться с Югом, пользуясь негласным положением о том, что каждому штату будет дано конституционное право самостоятельно решать, какие группы населения могут быть допущены к участию в выборах. На этом съезде собирались поставить вопрос о желательности избирать в конгресс тех лиц, которые приняли бы в свои ряды всех «лояльных» представителей Юга. Дельцы Рочестера избрали своим делегатом Фредерика Дугласа, дабы усыпить бдительность своих противников и скрыть от них истинную цель этого съезда.

Хотя Дугласа избрали белые, но все оказалось не так-то гладко. Неприятности начались уже в поезде, который вез делегатов в Филадельфию. В Гаррисбурге состав был прицеплен к другому специальному составу, шедшему с юго-запада. Южане изумились, увидев в вагоне негра. Скрывая свой гнев, они сумели, однако, убедить других делегатов, что нет необходимости допускать чернокожего на съезд. Свой протест они мотивировали тем, что призыв «к социальному равенству» негров подорвет шансы республиканской партии. Делегаты с Севера согласились с этой точкой зрения. Передать их решение ничего не подозревающей жертве поручили велеречивому и обходительному джентльмену из Нового Орлеана. «Надо отдать ему должное: у него были превосходные манеры и ораторское дарование», — рассказывал Дуглас.

Свою речь этот джентльмен начал с того, что продемонстрировал свое знакомство с историей жизни Дугласа и его литературной деятельностью, затем заявил, что испытывает к нему высочайшее уважение. Он заверил делегата города Рочестера, что джентльмены, направившие его вести переговоры, а также те, кто сейчас сопровождает его, восторгаются достопочтенным мистером Дугласом и не имеют ни малейших помыслов отстранить его от участия в съезде. Здесь он сделал паузу, жеманно вытирая пальцы белоснежным носовым платком. Засунув его обратно в карман, он эффектным жестом простер к Дугласу руки и изогнул свой стан, вопрошая: «Разве не считаем мы необходимым отбросить все личные желания ради общей

цели?» Не давая Дугласу ответить, он передернул плечами и продолжал говорить. По его словам, важно было только одно: «Полезно это для партии или нет?» Мистеру Дугласу, несомненно, известно, что сильное и глубокое предубеждение против его народа существует не только на Юге, но и на Севере. Поднимется крик, что-де республиканская партия ратует за социальное и политическое равенство негров, если знаменитый Дуглас будет присутствовать на Национальном съезде лоялистов.

В голосе джентльмена слышались слезы, когда он говорил: «Чем не приходится жертвовать во имя осуществления задач республиканской партии?» Но надо помнить, подчеркнул он, что в штате Индиана имеется несколько округов, где существует такое равновесие между республиканцами и демократами, что любая мелочь может перетянуть чашу весов, а если республиканские кандидаты будут там забаллотированы, то партия может не набрать в конгрессе двух третей голосов, нужных для проведения столь настоятельно необходимых законов.

— Милостивый бог дает крест, — закончил он набожно, вздымая очи к потолку, — и дает силу нести его!

Дуглас молча, внимательно слушал эту речь. Оратор откинулся на спинку кресла. Подошедшие с ним трое делегатов, стоявшие в проходе, повернулись, чтобы уйти. Но они застыли на месте, услышав голос Дугласа. Это был звучный голос, и то, что он говорил, было слышно всем пассажирам в вагоне:

— Джентльмены, при всем моем уважении к вам, скажу вам следующее: ваше требование, чтобы я отказался участвовать в съезде, делегатом которого я был законно избран, для меня равносильно тому, что вы предложили бы мне пустить себе пулю в лоб!

Физиономия южанина застыла. Один из сопровождавших его делегатов выругался — правда, не сразу.

Дуглас продолжал говорить убеждающим тоном:

— Какая выгода будет вам, джентльмены, если вы не допустите меня на съезд? Разве обвинение в трусости, которое будет непременно вам предъявлено, для вас не опаснее, нежели обвинение в излишней близости с неграми? Разве не назовет вас вся Америка трусливыми лицемерами, разглагольствующими о принципах, которые вы нисколько не намерены осуществлять в жизни? С точки зрения политики и необходимости разумнее будет допустить меня. Ведь известно же, что я по всем правилам избран жителями Рочестера делегатом на съезд. Этот факт был широко освещен и комментировался по всей стране. Если меня теперь исключат, народ будет спрашивать: «Где же Дуглас, почему его не видно на съезде?»

Слушатели не шелохнулись. По их холодным физиономиям было видно, что он не переубедил их. Дуглас вздохнул. Затем его лицо приняло такое же холодное выражение. Он встал.

— Итак, отбрасывая полностью вопрос о политическом благоразумии, я буду непременно присутствовать на съезде. Если я этого не сделаю, это будет противоречить принципам и практике всей моей жизни.

Южане вышли. Благовоспитанный джентльмен из Нового Орлеана забыл даже попрощаться.

Больше об этом ничего не говорилось. Фредерик Дуглас не был исключен, но в течение всего первого утреннего заседания ему давали понять, что его игнорируют.

На этот же день была назначена уличная процессия. Вся дорога от Индепенденс-холла была увешана флагами и знаменами, толпы людей запрудили улицы. Дуглас пришел вовремя. «Почти все, кого я там встретил, не то боялись, не то стыдились моего присутствия. Меня предупредили, что мне не разрешат пройти по городу в этой процессии; кое-кто говорил мне, что мое участие может настолько возбудить предубежденных жителей Филадельфии, что демонстрация, еще чего доброго, кончится беспорядками».

И все-таки Дуглас принял участие в процессии, и беспорядков не было. Но работа съезда, по сути дела, протекала без него. Он посещал заседания, не зная, что происходит за кулисами. Тем не менее он убеждал себя, что присутствие негра на общеамериканском политическом съезде необходимо.

14-я поправка в том виде, в каком она была представлена конгрессу, явилась компромиссом. Самнер, Стивенс и прочие радикалы оказались не в состоянии провести текст, гарантирующий неграм избирательное право. Первая часть поправки обеспечивала права гражданства всем лицам, родившимся в Соединенных Штатах или принявшим американское подданство. Эта часть явно превращала бывших рабов в граждан страны, но вторая часть столь же явно говорила о том, что каждый штат вправе не допускать негров к участию в выборах, и в таком случае норма их представительства в конгрессе должна быть соответственно уменьшена.

Тадеуш Стивенс понимал, что победа еще не достигнута. Тогда он начал атаку с другого конца. В марте 1867 года он внес в конгресс законопроект, предусматривающий конфискацию земель южных плантаторов. Стивенс указывал, что 70 тысяч крупных плантаторов Юга владеют землей в количестве 394 миллионов акров, кроме того 21 миллион акров принадлежит фермерам, каждый из которых имеет во владении менее чем 200 акров.

Стивенс предлагал оставить мелким хозяевам их фермы, но превратить в собственность государства земли крупных плантаторов. Каждая из миллиона семей бывших рабов должна была по его плану получить ферму с наделом в 40 акров и 50 долларов деньгами; остальную землю предлагалось распродать по цене 10 долларов за акр, а суммы, вырученные от этой продажи, употребить для уплаты национального долга.

В криках, поднявшихся на всю Америку, Стивенса шельмовали по-всякому: он и революционер, и мерзавец, и вор, и изменник. Тадеуш Стивенс захотел слишком многого! Посоветовавшись со своими коллегами, Дуглас обратился к конгрессу с требованием провести закон, разрешающий неграм покупать землю в рассрочку. Для этого он предлагал, чтобы конгресс организовал национальную компанию земли и кредита с основным капиталом в один миллион долларов.

Лишь теперь, впервые после отмены рабства, негритянские рабочие стали думать об организованных действиях. Большое число негров работало в Вашингтоне и его окрестностях. Они собрались на массовый митинг и направили петицию конгрессу о том, чтобы негритянским рабочим было обеспечено равное право на труд с белыми рабочими. Петицию размножили, и комиссия в составе пятнадцати человек взялась за ее распространение. Подобные митинги состоялись в Кентукки, Индиане и Пенсильвании.

Когда в том же году в Балтиморе был организован Национальный рабочий союз под лозунгом «Добро пожаловать, сыны труда с Севера, Юга, Востока и Запада», негритянская проблема всплыла сразу же. Часть организаторов, выступавшая за прием негров в союз, мотивировала свое мнение тем, что, если этого не сделать, негров будут использовать в качестве штрейкбрехеров, и, таким образом, капиталисты смогут подавлять белых тружеников. Итак, вопрос о неграх был представлен только в негативном свете и остался нерешенным.

Фредерик Дуглас, узнав о характере дискуссий, пренебрежительно пожал плечами:

— Ничего, добившись избирательного права, негры сами пробьют себе дорогу!

— Югу необходима полная реконструкция классов, — заявил дальновидный негритянский рабочий лидер из Южной Каролины Джеймс Моррис, — не должно быть резкой грани между белыми и чернокожими рабочими!

— Но ведь профсоюзы открещиваются от негров все эти годы!

Хотя Дуглас сам в свое время участвовал в борьбе за права ирландских батраков, но здесь он не мог себе представить, как

это белые и чернокожие рабочие в условиях противоречивой действительности Соединенных Штатов смогут объединиться против общего врага.

Выборы 1866 года принесли радикалам преимущество в конгрессе. Это событие послужило началом борьбы между законодательным собранием и президентом и позволило провести радикальный закон о реконструкции Юга и привлечь к суду за саботаж президента Эндрью Джонсона. Всем этим руководил неутомимый и бесстрашный Тадеуш Стивенс.

По решению сената Джонсон был оправдан, но сам процесс нанес ему такой удар, от которого он уже не оправился и разбил все его надежды на переизбрание на пост президента.

Фредерик Дуглас участвовал в избирательной кампании генерала Гранта осенью 1868 года. Собственно говоря, никакого соревнования и не было. Республиканская партия на сей раз оказалась монолитной. Жителям Севера надоело слышать о непрестанной грызне в конгрессе. Все считали, что самое необходимое — это найти такую сильную руку, которая провела бы разумную реконструктивную политику. Герой гражданской войны был избран подавляющим большинством народа.

Тем временем в другой сфере, в сфере международных интриг и политики силы, в которой имя Фредерика Дугласа представляло пустой звук, происходили события «по плану». Экспансионисты в Соединенных Штатах дождались, когда президент Грант занял свой пост, и сразу же возобновили попытки укрепиться в Караибском море.

Острова Караибского моря обладали огромной потенциальной ценностью. Тучные земли таили несметные богатства. Чернокожие бедняки, в свое время привезенные туда из Африки, представляли собой дешевую рабочую силу. Ключом к островам был Санто-Доминго, за который в прошлом шла отчаянная борьба между Испанией, Францией и Великобританией.

Со времени первой высадки Колумба 6 декабря 1492 года история острова писалась кровью. На одном конце его родилась вторая по счету республика в западном полушарии, получившая название Гаити. Когда Грант стал президентом Соединенных Штатов, Гаити уже существовала шестьдесят шесть лет, несмотря на то, что другие государства считали эту республику аномалией. На другом конце острова находилось более слабое государство — Санто-Доминго. Пока Соединенные Штаты были заняты гражданской войной, Испания аннексировала его под сурдинку. По этой причине «черная республика» Гаити, обладавшая скорее рвением, чем силой, стремилась занять место Соединенных

Штатов в качестве защитника Санто-Доминго от агрессии европейских держав. В 1865 году Санто-Доминго сумело свергнуть власть Испании, но до независимости ему было далеко. Президент, опытный в военной тактике, отлично понимал, как необходимо иметь военные базы и порты для заправки углем в Караибском море. Не менее жадно взирали адмиралы и генералы многих других государств на Мол Сейнт-Николас — одну из лучших гаваней западного полушария. Но народ Гаити сумел удержать этот порт, и тогда американцы обратили свои взоры на другой, тоже неплохой порт в заливе Самона в Санто-Доминго. И вот президент Грант предложил «защиту» могущественных Соединенных Штатов «слабому, беспомощному народу, раздираемому на части внутренней борьбой и неспособному сохранять порядок у себя дома и вызывать уважение к себе за рубежом».

Но бдительный Чарльз Самнер выступил по этому поводу в сенате, и в течение целых шести часов голос его не умолкал под сводами большого зала. Его протест против аннексии Санто-Доминго отозвался эхом по всей стране.

Дуглас, поглощенный своими заботами, услыхал отголоски дебатов и выступил в защиту президента Гранта. Его сотрудники глядели на него в изумлении.

— Да как вы можете, Дуглас! — восклицали они. — Разве вы не видите, что это означает? И как вы решаетесь выступать против Самнера? Ведь это же самый отважный друг негров в конгрессе!

— Я не против Чарльза Самнера! Наш сенатор рассматривает предполагаемую аннексию как угрозу уничтожения негритянского государства, вот почему он так рьяно выступает против этого. Но даже великие и славные люди способны ошибаться!

Джордж Даунинг, пристально глядя на честное взволнованное лицо Дугласа, подумал: «Вот именно!»

Чарльз Самнер лежал на диване в библиотеке своего большого дома на Лафайет-сквер, слушая Дугласа с закрытыми глазами. Силы Самнера иссякали. Каждое из этих колоссальных усилий подтачивало его жизнь. Самнер был одним из немногих людей своего времени, понимавших, что союз и теперь еще может потерпеть поражение. В последний период деятельности Линкольна он был ближайшим его соратником и прилагал все усилия, чтобы выполнить заветы своего любимого главнокомандующего. Он слушал Дугласа, тоже знавшего и любившего Линкольна, и недовольно хмурился. Потом нетерпеливо сел, сбросив с себя легкий плед.

— Полноте, Дуглас, вы витаете в облаках! — сказал он,

насмешливо фыркнув. — У вас в ушах все еще звучит сладкая песня эмансипации, заглушая все остальное. Боюсь, что вам предстоит мрачное пробуждение. — Его глаза потемнели. — И долго ждать не придется!

Уже через несколько дней Дуглас, приглашенный в Белый дом, ощутил и сам холодок предчувствия. Президент ошарашил его прямым вопросом.

— Ну, что теперь вы думаете о вашем дружке Самнере?

— Я считаю, мистер президент, — ответил Дуглас, осторожно подбирая слова, — что сенатор Самнер честный и доблестный государственный деятель. Он выступает против присоединения Саито-Доминго, полагая, что защищает этим, как и всегда, борьбу цветной расы. — Дуглас заметил, что краска медленно заливает лицо президента, и договорил ровным голосом: — Но вместе с тем я считаю, что на сей раз сенатор Самнер ошибается.

— Вы действительно так считаете? — в голосе президента слышалось удивление.

— Да, сэр. Если Санто-Доминго станет штатом Американского союза, я не вижу в этом больше бесчестия, чем если Канзас, или Небраска, или любая иная территория становится штатом. Это лишь означает, что часть приобретает силу целого.

Президент уселся поудобнее, на губах его заиграла улыбка. Дуглас наклонился к нему.

— А вы, мистер президент, что вы думаете о сенаторе Самнере?

Ответ президента был лаконичен:

— Я думаю, что он сумасшедший!

Комиссия, посланная президентом Грантом на Караибские острова, была одной из многих. Государственный секретарь Сьюард ездил сам в Гаити весной 1865 года. А в 1867 году он послал туда своего сына — помощника государственного секретаря. Назначение Фредерика Дугласа в комиссию Гранта являлось красивым жестом.

Военный корабль, на борту которого находилась сотня солдат морской пехоты и пятьсот матросов, под развевающимся американским флагом вошел в залив Самона, доставив туда пассажиров: Фредерика Дугласа вместе с конфиденциальной разведывательной комиссией. Комиссию сопровождал репортер нью-йоркской газеты «Уорлд», который создал немало шума вокруг «сердечных отношений» Дугласа с остальными членами комиссии, а также того, что Дуглас занимал почетное место за столом капитана. Вообще путешествие прошло великолепно.

Пробыв тридцать шесть часов в порту, комиссия

приготовилась покинуть его, сделав вывод, что весь народ Санто-Доминго «единодушно» стоит за присоединение к Соединенным Штатам. Дуглас ничего не слыхал ни о повстанческой борьбе, происходящей в горах, ни о враждующих фракциях, каждая из которых торговалась с Америкой, ожидая ее помощи, ни о тех долларах, которыми золотил себе сюда дорогу Нью-Йорк.

И все-таки, несмотря на труды этой комиссии, Горас Грили и Чарльз Самнер провалили законопроект о присоединении. Для некоторых кругов это явилось горьким разочарованием, но все же далеко не окончательным ударом.

Негритянские рабочие организовали свой Общеамериканский съезд в Вашингтоне в январе 1869 года. Съезд принял резолюцию, требующую всеобщего избирательного права, раздачи государственных земель на Юге неграм, укрепления Бюро по делам освобожденных негров, национального налога в пользу негритянских школ и проведения конгрессом политики реконструкции. В результате этого съезда зародился Национальный союз цветных рабочих с собственной еженедельной газетой.

В качестве главного редактора газеты был приглашен редактор «Полярной звезды» Фредерик Дуглас.

Дети Дугласа были теперь взрослыми. Льюис стал самостоятельным преуспевающим издателем, Розетта вышла замуж, самый младший сын преподавал в школе на восточном побережье Мэриленда.

«Бесспорно, жить в Вашингтоне интересно, — думал Дуглас. — Это центр всей деятельности, столица!» И жизнь там приблизит его к широким массам негритянского народа. Но Анне Дуглас, которой лишь теперь, впервые за тридцать лет можно было отдохнуть от тяжелого труда и вечного бремени забот, очень не хотелось уезжать из Рочестера.

Дуглас зарабатывал на жизнь, но деньги никогда не являлись главной его целью. Анна умела растянуть каждый доллар. Обремененная детьми, Анна не могла нигде служить, но частенько в ту пору брала работу на дом, подчас тайком от мужа. В те годы, когда им приходилось прятать у себя беглых рабов, Анна почти не отлучалась из дому, готовая в любую минуту накормить приезжего, подать ему смену белья, укрыть теплым одеялом. Анна собственноручно стирала рубашки мужа, сама собирала его в дорогу, когда он уезжал. Фредерику было известно лучше чем кому-либо другому, как трудилась день и ночь Анна, выполняя бесконечное число разных обязанностей. Он любил ее и нуждался в ее помощи. Но, подобно Анне, жене Джона Брауна, Анна Дуглас была женой человека, чья жизнь принадлежала

истории. И вот, хотя она куда охотнее предпочла бы отдыхать под пышной сенью дерева, посаженного Дугласом много лет тому назад, или наслаждаться комфортом их просторного прохладного дома, кое-когда посудачить с соседями, а кое-когда встретиться с кем-нибудь из многих друзей, приобретенных в Рочестере, она кивнула головой.

— Если тебе лучше будет в Вашингтоне, то, конечно, поедем!

Дуглас был сейчас в самом расцвете сил. Внешне он производил внушительное впечатление. Он это сознавал и был доволен, ибо считал себя представителем всех освобожденных негров Америки. Он был всегда настороже — и в своей речи, и в манерах, и в одежде. Теперь, имея на то возможность, он одевался безупречно; по дороге в Вашингтон обычно останавливался на несколько дней в Нью-Йорке и заказывал там сразу по нескольку костюмов, не забывая пополнить свой гардероб и крахмальными сорочками. Он ожидал, что, встречая его на Пенсильвания-авеню, на Лайфайет-сквер или на территории Капитолия, люди будут спрашивать: «Кто это? Из какого иностранного посольства?» — и рано или поздно узнают, что это «Фредерик Дуглас, бывший раб!»

«Ветераны» Рочестера устроили прием в честь уезжающего Фредерика Дугласа и его семьи, проживших в этом городе целых тридцать лет. Были приглашены все старые аболиционисты, которые сумели выстоять долгую жестокую бурю. Явился даже Джеррит Смит, слабый и весь какой-то ссохшийся. Радость и грусть соседствовали на этом пиру. Но все испытывали гордость за темнокожего человека, которого Рочестер считал теперь «самым достойным своим сыном».

Отец Гидеона Питса, капитан Питер Питс, был первым поселенцем Рочестера, поэтому Гидеон Питс и его жена явились инициаторами этого вечера.

— Трудненько жилось в этой тихой долине в былые годы, — глаза Питса лукаво сверкнули. — Но уж мы им дали жару!

Дуглас делал тщетные усилия, пытаясь сообразить, где он видел это лицо, заросшее косматой бородой. И только смешок собеседника вдруг оживил в его памяти дом, укрывший его от преследователей; он вспомнил, как неистово стучал кулаками в дверь и как ему открыл человек в ночной рубашке и босиком.

— Мистер Питс! — Дуглас схватил его за руку. — Ну, конечно, мистер Питс! — Он обернулся к Анне: — Знаешь, дорогая, это те люди, которые приютили меня в ту ночь на Ридж-Роуд. Помнишь?

— Еще бы не помню! — Анна улыбнулась. — Мне всегда хотелось заехать к вам и поблагодарить, но… — она сделала печальный жест рукой, и сразу же они с женой Питса погрузились

в беседу. Темой явились их дети, и тут Дуглас вспомнил еще что-то.

— У вас была маленькая девочка, где она теперь.

Отец горделиво рассмеялся.

— Эта маленькая теперь уже взрослая девица. И весьма самостоятельная к тому же — член общества суфражисток, где председательницей мисс Антони. Она говорит, что теперь пора начать требовать избирательного права для женщин.

Дуглас кивнул:

— И впрямь! Мы надеемся, что теперь последует поправка к конституции, которая признает жен щин гражданами. Прошу вас передать ей от меня привет.

— Непременно, мистер Дуглас!

Когда Питс с женой отошли от них, Дуглас сказал:

— Вот славные, неиспорченные настоящие люди из народа.

И Анна немного грустно отозвалась:

— Мы будем скучать по таким людям! — В глубине души Анна боялась столицы.

В доме, который Дуглас снял на А-стрит в Вашингтоне, еще не был закончен ремонт, но он хотел, чтобы Анна наблюдала за всем переоборудованием. Вместе с родителями поехал Льюис, а Розетта с мужем остались в Рочестере до того момента, пока все не будет вывезено из старого дома.

По просьбе библиотеки Гарвардского университета Дуглас намеревался отправить туда двенадцать переплетенных томов своей «Полярной звезды» и «Газеты Фредерика Дугласа» за 1848–1860 годы для пополнения ее исторических архивов. Но прежде ему надо было еще съездить в Новый Орлеан, председательствовать на съезде негров Юга.

Дуглас давно уже хотел посетить Новый Орлеан на Миссисипи, столь не похожий на все остальные города Соединенных Штатов. Его традиции, обычаи и весь образ жизни напоминали французские и отчасти испанские, ибо в свое время он принадлежал испанцам. Новый Орлеан являлся центром культуры и законодателем мод, еще когда Нью-Йорк и Филадельфия были скромными приморскими деревушками.

Издавна здесь, как и повсюду в штате Луизиана, жили свободные негры. Когда Соединенные Штаты аннексировали Луизиану, их было свыше восьми тысяч. Эти свободные цветные люди были самых различных оттенков кожи, что свидетельствовало о слиянии крови — французской, испанской, негритянской и индейской. В Луизиане с давних пор признавались браки между белыми и метисами. Смешанные связи нередко оказывались прочными, и в результате их вырастали

большие семьи. В 1850 году четыре пятых всех свободных негров, живших в Новом Орлеане, умели читать и писать и более тысячи негритянских детей обучались в школе.

Неудивительно, что когда в соответствии с законом о реконструкции Юга были созваны учредительные собрания и съезды для утверждения новой государственной машины штата Луизиана, негры приняли в них активное участие. В 1868 и 1869 годах в Луизиане насчитывалось сто двадцать семь законодателей-негров: сенаторов и членов конгресса. Три негра занимали посты вице-губернаторов, и первый из них — П. Пинчбэк пригласил Дугласа в качестве гостя к себе в губернаторский дворец.

Пинчбэк, внешне ничем не отличающийся от белого, обучался на Севере и служил капитаном в союзной армии. По виду и по образу жизни это был типичный образованный, зажиточный, гостеприимный луизианец — умный и способный, но хитрый политикан. Он мог бы уехать из Нового Орлеана во Францию по примеру многих тамошних негров или в какую-нибудь иную часть Америки, где легко сошел бы за белого. Но в крови Пинчбэка был Новый Орлеан. Он жил в центре ярких, калейдоскопических событий, балансируя над пропастью, зная, что в любой момент может погибнуть. Но и шарлатаном он во всяком случае не был.

Дуглас прибыл в Новый Орлеан в апреле. Ему была оказана самая сердечная встреча. Пинчбэк пообещал гостю:

— Я покажу вам мой Новый Орлеан, и вам не захочется уезжать отсюда!

В губернаторский сад явились люди для беседы с великим Дугласом: казначей штата Дюбуклет, скромный негр, проживший много лет в Париже; секретарь штата, рослый, хорошо образованный Деслон и Поль Тревинь, издатель газеты «Нью-Орлинз трибюн».

Тревинь не ладил с вице-губернатором. Он отвесил ему сухой поклон, надеясь, что тот оставит его наедине с Дугласом. Но Пинчбэк приказал подать кофе в сад, к фонтану. Пригубливая тонкую цветную чашечку, он улыбался одними глазами.

— Мистер Тревинь меня не жалует, — пояснил он Дугласу, — он считает, что я должен активнее будоражить жизнь: хватать ее за горло. А я пользуюсь другими методами.

Наблюдая эту пару, Дуглас понял, что перед ним два совершенно разных человека. Он снова подивился про себя, как это Пинчбэк сумел завоевать доверие негров Нового Орлеана.

— Откровенно говоря, — признался Тревинь, — я лучше понимал более прямые методы нашего предыдущего вице-

губернатора. Был у нас такой Оскар Дэнн, — пояснил он, обращаясь к Дугласу, — из семи наших сенаторов-негров в шестьдесят шестом году он один в прошлом был рабом. Но по смекалке он всех перещеголял!

В то время Пинчбэк тоже являлся членом сената. Вице-губернатор долго рассматривал блюдо с пирожными и, наконец, протянул руку к одному, в форме сердечка. Не глядя на собеседников, он промолвил:

— Оскар Дэнн скончался совершенно скоропостижно. А я, — добавил он с ослепительной улыбкой, — предпочитаю жить.

Тревинь нахмурился и продолжал свой рассказ, будто и не слышал Пинчбэка:

— Благодаря Дэнну у нас были открыты школы для негров и белой бедноты. Он не делал никаких различий.

Дуглас вдруг вскочил и посмотрел на часы.

— Извините, я опаздываю. Нам нужно ехать. Продолжим нашу беседу по дороге.

Тревинь был очень рад этой возможности.

— Я дам вам свой экипаж. Не беспокойтесь! — Пинчбэк с ленивой грацией поднялся с кресла. — Все равно заседание не начнется вовремя.

Но заседание уже началось, когда Дуглас прибыл. Деловитый секретарь зачитывал список делегатов.

Съезд проходил не очень гладко. Расхождения в рядах республиканцев ширились и углублялись с каждым днем. Дуглас винил в этом Чарльза Самнера и Гораса Грили, которые, по его мнению, «будучи в течение долгого времени ярыми поборниками справедливости и свободы для негров, чересчур увлеклись проблемами недавно освобожденного класса». Дуглас игнорировал настойчивое влияние Национального союза рабочих и его экономической борьбы. В противовес он подчеркивал успехи, достигнутые в Луизиане республиканской партией: вот, мол, сколько у вас тут своих законодателей! Через шесть лет ему предстояло услышать, какими кличками их наделяли: и обезьянами, и шутами, и клоунами! Ему предстояло увидеть, как сжигают дотла выстроенные Дэнном с огромнейшим трудом школы; как вымарывают и фальсифицируют скрупулезно точные финансовые отчеты Дюбуклета; как умелую, вдумчивую политику Пинчбэка шельмуют «фокусами полукровки».

Но уже тогда в Новом Орлеане находились люди, все это предвидевшие.

— Настоящий хозяин Луизианы — Вармот, — пытались они охладить пыл Дугласа. — И он представляет капитал, который заинтересован в разных манипуляциях с бюллетенями рабочих: и

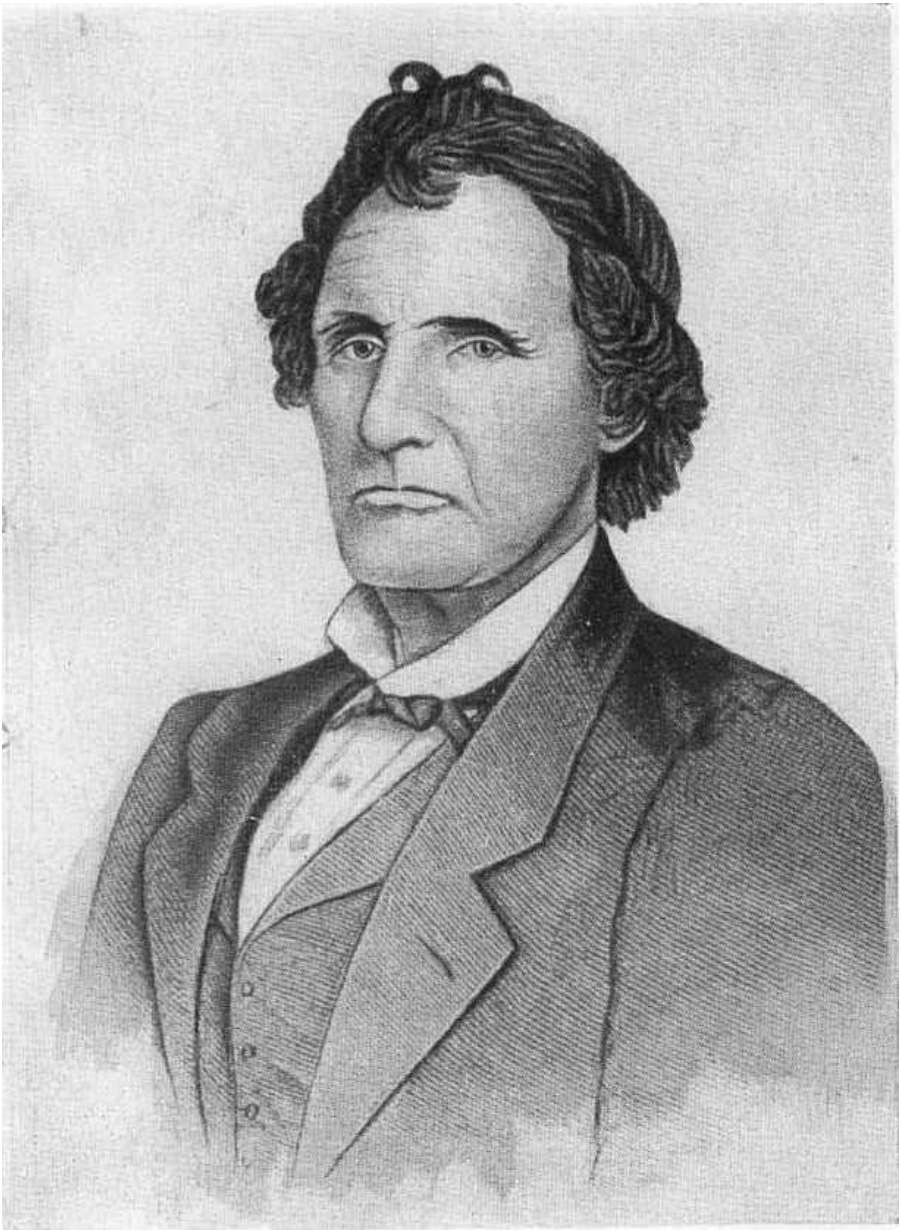
белых и негров.

Но Дуглас гневно обрушивался на них:

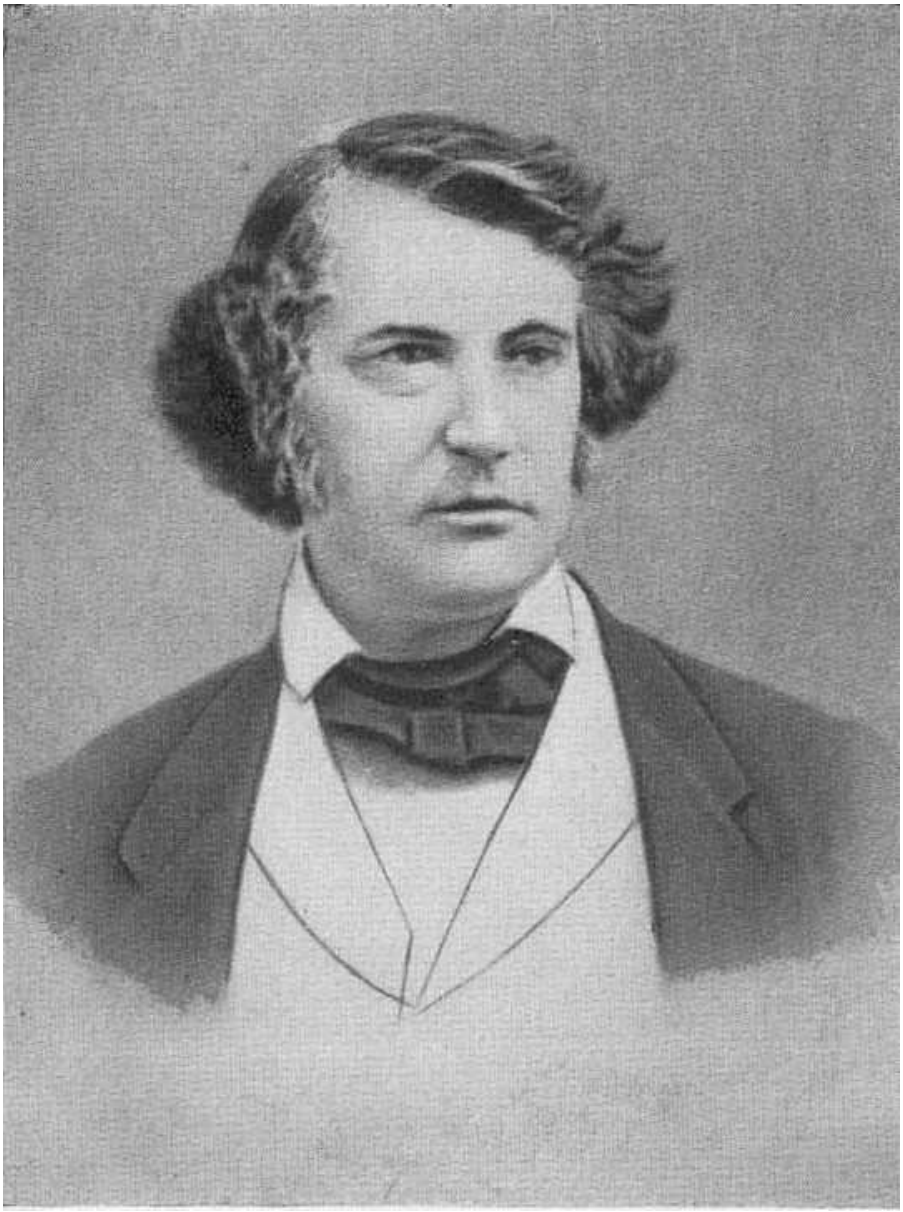
— Настоящая партия рабочих Америки — это республиканская партия! — И он добился того, что переключил внимание съезда с профсоюзов на политику, не видя их взаимосвязи.

Итак, белые рабочие на Севере все более укрепляли свою профсоюзную организацию, постепенно теряя интерес к неграм и утрачивая живую связь с миллионами тружеников на Юге. А когда для негров настала ночь, им уже не оказали помощи.

Но все это произошло позднее. Теперь же Дуглас вернулся в Вашингтон, расточая дифирамбы по адресу Луизианы: ее красот и того изумительного народного прогресса, который он там наблюдал. Он делал самому себе комплименты по поводу того, что «удержал съезд от роковой политической ошибки». Интервью с ним было напечатано в газете «Нью-Йорк геральд», но демонстративно не помещено в радикальной «Трибюн» Гораса Грили.

Тадеуш Стивенс (1792–1868).

Чарльз Самнер (1811–1874).

Дома он нашел письмо из Гарвардского университета с напоминанием об обещанных комплектах газет. Библиотека желала бы получить их до наступления лета. «Да, надо этим заняться, — подумал он, — в самое ближайшее время». Он отложил письмо в сторону.

2 июня 1872 года дом Дугласа в Рочестере сгорел до основания. С ним вместе сгорели все газеты, и Дуглас ругал себя за то, что был так легкомыслен-и столько откладывал передачу

газет, вместо того чтобы давно это сделать. Розетте и ее мужу удалось спасти кое-какие личные вещи. Мебель можно было купить другую: Анна рыдала по поводу множества невозместимых вещей, которые она хранила как память прошлого: детской пелеринки покойной дочери, школьных учебников, свадебного платья цвета спелых слив, первого цилиндра Фредерика.

Дуглас же думал только о своих погибших газетах и казнил себя за то, что вовремя не успел послать их в Гарвард.

Но боги еще не разделались с Фредериком Дугласом. Казалось, что они вступили в заговор против него, чтобы он вовеки не посмел поднять смиренно опущенной головы.

ГЛАВА 18
«ЕСЛИ РАБСТВО НЕ УБИЛО НАС, ТО И СВОБОДА НЕ УБЬЕТ»

Женское суфражистское общество города Сенека-Фолз очень не хотело терять одного из самых верных и преданных членов, но вместе с тем причина отъезда этой особы вызывала ликование. Государственный пост в Вашингтоне! Господи, какая неожиданность!

— Вовсе не такая уж неожиданность, — протестующе заявила секретарь общества мисс Дин. —

Эллен Питс выдержала экзамены и теперь займет заслуженное место в рядах правительственных служащих.

— Конечно, — дразнящим тоном согласилась Матильда Хукер. — А что, разве Сюзен Антони не тратит всех своих сил на то, чтобы женщины получили такие права?! Это важное событие, и я считаю, что мы, женщины, должны гордиться нашей Эллен.

— Правильно! Правильно! — неслись возгласы со всех сторон.

В эту минуту в зал вошла разрумянившаяся Эллен Питс. Все пошумели еще немного, и собрание началось. В эту осень Эллен явилась сдавать экзамены, обязательные для поступления на государственную службу, как бы желая этим доказать свою независимость. Когда она явилась на почтамт, все с неодобрением уставились на нее.

— Что здесь делает эта учительша? — спрашивали друг друга люди.

А Сид Грин кисло заметил, что до него уже дошли слухи о том, что она из этих самых «современных женщин».

За это он получил нагоняй от своей супруги:

— Стыдно тебе, Сид Грин! У нас никогда еще не было такой милой и женственной учительницы, как мисс Питс!

Но Сид не взял своих слов обратно. Отдел народного образования был недоволен тем, что учительница принимала участие в параде суфражисток прошлой осенью, и Сид это знал. А жена пусть себе говорит что ей угодно! Во всяком случае, у себя дома брюки носит он! Резким движением он подтянул их и вышел на улицу.

Зато уж нельзя было отказать молодой учительнице в популярности среди учеников. Подав рапорт с просьбой освободить ее в конце месяца от работы, она решила не говорить

ничего детям, пока не пройдет рождественский концерт. Задача нелегкая, но что ж!..

…Мысли учительницы были возвращены к действительности упоминанием ее имени.

— Я вношу предложение избрать делегаткой Эллен Питс, — произнесла Люси Пейн.

Эллен удивленно заморгала.

— Поддерживаю это предложение! — с энергичным кивком присовокупила мисс Хаггинс.

Эллен подтолкнула девушку, свою соседку, и спросила шепотом:

— Я не расслышала, в чем дело?

— Избирают делегаток на национальный съезд, — так же тихонько ответила та.

— Но…

— Ш-ш-ш! Перед вами путь открылся к славе! — Соседка усмехнулась.

В эту минуту председательница застучала молотком, требуя тишины. Она собиралась приступить к голосованию.

— Поступило предложение, и оно поддержано, направить Эллен Питс в Вашингтон делегатом от нашей организации. Кто за это предложение, прошу сказать «да».

Большинство было «за», и все с сияющими улыбками посмотрели на Эллен.

— Встаньте! Надо поблагодарить! — толкнула ее локтем соседка.

Глупо было так нервничать: ведь здесь же все друзья! Но глаза ее подозрительно заблестели, а аккуратно повязанная вокруг горла косыночка вдруг заколыхалась.

В кассе общества не хватало денег, чтобы отправить делегатку. А в Вашингтон надо было явиться за неделю до начала работы. Почти все рождество она провела дома, собираясь в дорогу и выслушивая наставления родителей. Гидеон Питс смотрел на дочь с гордостью, смешанной со страхом. Преподаватель в школе — такое спокойное, приятное дело, а большой город — это «западня», «рассадник пороков»! Не лучше ли поехать вместе с нею, подыскать ей квартиру в каком-нибудь почтенном семействе? Но жена отговорила его.

Как и следовало, Эллен Питс заняла место делегатки на IV национальном съезде суфражисток, состоявшемся в Вашингтоне в январе 1874 года.

Возбуждение царило в воздухе. Сейчас, когда 14-я поправка помогла до некоторой степени определить, что представляет собой «гражданство» в Соединенных Штатах, некоторые политики

предложили термин «избирательное право для мужчин» вместо «всеобщего избирательного права», которое недавно вызвало столько шума. Сюзен Антони призывала всех женщин Америки сказать свое веское слово. Хотя над руководительницами женского движения смеялись, издевались и давали им разные клички, но они прибыли в Вашингтон, что называется, вооруженные до зубов.

С пылающим лицом и возмущенно сверкающими глазами Сюзен Антони объявила собравшимся, что в сенат поступила петиция с возражениями против избирательного права для женщин. Жена генерала Шермана, жена адмирала Далгрина и другие вашингтонские дамы подписали ее.

— Это те женщины, — заявила Сюзен Антони, — которые никогда не знали нужды, чьи дети сыты и тепло одеты. Но они не хотят, чтобы так же могли жить и другие женщины, даже зарабатывающие на хлеб честным трудом. Эти богатые дамы не только глушат лучшие свои стремления, но они подрывают интересы всех матерей.

Эллен старалась, чтобы ее аплодисменты звучали громче остальных. Ее тянуло подняться и рассказать присутствующим, что она уроженка Рочестера и еще девочкой, самым младшим членом, подвизалась в клубе Сюзен Антони. Но женщины на этом съезде не тратили времени на обмен любезностями. Выдвигались предложения, Эллен голосовала то за одну резолюцию, то за другую, потом ее избрали в комиссию. На одном из последних заседаний в зале появился Дуглас. Он был весь в снегу. Кто-то помог ему снять пальто, кто-то торопливо стянул с него калоши. Он вытер лицо и голову большим носовым платком и поспешил по ступенькам на трибуну.

Публика мгновенно разразилась взрывом аплодисментов. Сюзен Антони пожала руку Дугласа; Ингерсолл, перегнувшись вперед, тепло приветствовал его. Когда Дуглас сел лицом к публике, слегка опустив широкие плечи и устало сложив на коленях руки, Эллен Питс показалось, что он на миг закрыл глаза. Эллен не слышала его выступлений с конца войны. Седина придавала еще больше благородства всему его облику; но только сейчас Эллен заметила, как выдаются у него под бородой скулы. «Это, очевидно, потому, что он похудел», — подумала Эллен.

Для участниц съезда Дуглас являл собой символ борьбы. Он был одним из первых людей, признавших, что борьба за избирательное право женщин и негров, по сути дела, одно и то же. Ему не раз доводилось выступать вместе с Сюзен Антони на собраниях, которые она устраивала в Сиракузах и в Рочестере. Теперь негры добились своего, а вот женщины еще нет, и он по-

прежнему стоял с ней рядом.

Немногие из публики догадывались, каких усилий стоило Дугласу говорить в этот день. Они слышали его слова — и только. Но сидевший за его спиной Роберт Ингерсолл, нахмурился и, крепко сжав губы, подумал: «Чем бы мне ему помочь?»

После собрания Эллен Питс подошла к Дугласу. Он, конечно, не помнит ее, но все-таки очень интересно было бы написать о встрече с ним родителям. Как на беду, со всех сторон напирала толпа, а тут еще Эллен позвали на коротенькое совещание комиссии, в которую она была избрана.

Потом на улице Эллен увидела, что Дуглас выходил из здания вместе с Ингерсоллом, и удивилась, что он до сих пор не ушел. Ей снова бросились в глаза сумрачные тени на лице Дугласа; Ингерсолл, напротив, был весел и оживлен.

— Глупости, Дуглас! — услышала Эллен слова Ингерсолла. — Знаете, что вам давно нужно? Совет хорошего адвоката! — Он весело расхохотался. — Так вот перед вами этот адвокат собственной персоной.

Дуглас точно с трудом проговорил:

— Что вы, мистер Ингерсолл, я не могу…

Ингерсолл в эту минуту ступил на мостовую и, подняв трость, остановил проезжавшего извозчика.

Они уселись в экипаж, который сразу же нырнул во тьму. Эллен направилась к себе в пансион, размышляя по поводу этой встречи.

Вскоре Эллен Питс слышала Дугласа еще раз. В этот день состоялось открытие монумента в парке Линкольна. Негры во всех уголках Америки жертвовали деньги на памятник Линкольну, и вот весной, когда снова расцветала сирень, они созвали всех великих людей Америки, чтобы те оторвались от своих обычных дел и призадумались. Эллен никогда еще не видела такого сборища знаменитостей: тут были и президент Соединенных Штатов со своим кабинетом в полном составе, и члены верховного суда, и сенаторы, и конгрессмены.

— Никакие факты не могут быть лучшей иллюстрацией огромной замечательной перемены, произошедшей в жизни негритянского народа, чем это собрание здесь, — заявил бывший раб Дуглас притихшей толпе собравшихся. — Впервые в нашей истории попытались подобным образом и в подобной форме увековечить память великого гражданина Америки. Обращаю ваше внимание на этот факт. Пусть о нем расскажут во всех концах нашей республики. Пусть о нем услышат люди, принадлежащие к различным партиям и исповедующие различные взгляды. Пусть те, кто презирает нас, не менее, чем те,

кто уважает нас, знают, что мы, движимые духом свободы, верности и благодарности, объединились, чтобы принести этот дар почтительного преклонения. Пусть станет известно всюду и всем, кого интересует прогресс и улучшение жизни человечества, что наш негритянский народ, недавно вызволенный из рабства и торжествующий свою купленную кровью свободу в конце первого столетия существования Американской республики, сегодня открыл здесь монумент, увековечив в прочном граните и бронзе черты, фигуру и характерную позу великого Авраама Линкольна, мученика-президента Соединенных Штатов.

Дуглас говорил, как человек, скорбящий о любимом друге. Но вот он закончил речь, и люди разошлись в разные стороны, храня молчание.

«Он самый благородный из всех!» — решила про себя Эллен Питс.

В ту ночь Дуглас сидел дома в своем кабинете, склонив голову на руки. Линкольна убили в тот момент, когда взор его был обращен в будущее, его убили на марше. И дело его не продолжается никем. Нация не выполнила заветов Линкольна, и вот она снова погрузилась в хаос. «Вы витаете в облаках, Дуглас!»

Он находился возле сенатора Самнера в момент его кончины. До последнего вздоха Чарльз Самнер боролся за проект закона о гражданских свободах — за свой проект. Так он и умер.

Дуглас возлагал все свои надежды на то, что негры получат избирательное право. Внезапно дрожь пронизала его тело. Вооруженные всадники скакали теперь по ночам, оставляя за собой кровавый след: израненных, изувеченных, избитых мужчин, женщин и детей. Они врывались в дома и стреляли в разбегающихся жителей, уничтожая людей и их имущество. И все только потому, что у их жертв была темная кожа и они пытались воспользоваться правом голоса.

В это лето слабый, нерешительный старик[13] просил конгресс о помощи. Конгресс отказал, и вот старый солдат не нашел иного выхода, как послать войска для соблюдения законов о реконструкции. При их содействии трижды восстанавливались на свои законные места кандидаты, которые были изгнаны силой и мошенническими махинациями во время выборов. За это плантаторы Луизианы совершенно хладнокровно убивали негров и белых. Острые схватки происходили на улицах Нового Орлеана.

Но самым страшным позором явились выборы 1876 года. В учебниках школьной истории об этом периоде говорится легко и вскользь. Сделка была совершена, и Розерфорд Хейс стал президентом Соединенных Штатов.

Страна погрузилась в гнетущую тишину. Из разных районов

притихшего Юга съехались в Вашингтон группы хмурых, озабоченных людей и собрались в доме Фредерика Дугласа.

— Говорят, президент собирается отозвать войска. Для нас это будет означать конец всего. Ведь только федеральные войска и удерживали плантаторов!

— Неужели все меры исчерпаны? Так-таки никакой не осталось у вас защиты? — в тщетной надежде спрашивал Дуглас.

— Она была бы, если бы мы в свое время укрепили связи с северными рабочими. Ведь таким же образом они собираются раздавить и белых рабочих! — Говоривший негр с упреком посмотрел на Дугласа. Он был делегатом на съезде в Луизиане. Именно там-то погибла идея о профсоюзе негров!

— Да, к великому сожалению, некоторые вещи мы узнаем слишком поздно! — Этими словами Дуглас признал свою ошибку.

— Теперь они станут говорить, — промолвил человек из Южной Каролины, — что мы потеряли избирательное право, потому что не умели им воспользоваться.

— Но это ложь, нам не дали возможности делать то, что надо было.

— А вы-то какие меры приняли? Какие реформы провели? — Дуглас пытливо вглядывался в изможденные лица.

— Все равно нас сметут…

— Как пыль с дороги!

— Пойдите к новому президенту, — умоляли Дугласа. — Никто не заподозрит вас в личной заинтересованности. Пойдите к нему и расскажите ему все как есть. Упросите его подождать еще немного с выводом войск.

— Мистер Хейс, негры просят вас повременить немного, — умолял Дуглас президента во время аудиенции в Белом доме.

Подавшись вперед, он заглядывал Хейсу в глаза, стараясь прочесть мысли человека, в руках которого сосредоточились судьбы негров.

Президент Хейс невозмутимо отвечал:

— Вы сейчас возбуждены, Дуглас. Вы умело боролись, и ваше дело победило. Нет никаких оснований для паники. Ваш народ свободен. Теперь пора нам позаботиться о благополучии всего Юга. Кто посмеет лишить негра его политических или гражданских прав? Четырнадцатая и пятнадцатая поправки органически включены в конституцию. Неужели, Дуглас, вы потеряли веру в ваше правительство?

— Я желаю блага моей стране: подлинного величия, справедливости для всех ее жителей, — произнес Дуглас. — И я молю, чтобы Соединенные Штаты не утратили столь великого достижения.

Он поклонился и вышел.

Вскоре на Юге были сняты все ограничения. Мало-помалу, пользуясь то тем, то другим поводом, негров и белых бедняков лишили их прав, а Север покрыл свои позорные действия паутиной лжи и романтики. Были созданы «черные кодексы», начались аресты бездомных за бродяжничество, на дорогах появились кандальные команды; потянулась долгая беспросветная ночь.

Но в тот день, уходя из Белого дома, Дуглас еще не верил, что все это неминуемо произойдет. После освежающего дождя дышалось легко, и он решил пройтись пешком.

Он шел размашистой походкой, не замечая, куда идет. Внезапно он обнаружил, что находится на А-стрит, и, подойдя к одному из зданий, замедлил шаги. С какой гордостью и помпой открыло Гаити здесь свое посольство! В конце концов отважная маленькая республика была признана, и президент Линкольн предложил ей направить в Вашингтон своего посла. Посол явился. Это был тихий, культурный джентльмен, изъяснявшийся одинаково изящно и свободно на английском и французском языках. Но почти сразу после гибели Линкольна посольство закрыли, и Эрнесту Румейну пришлось переехать в Нью-Йорк. Он много не говорил — всем и так было понятно, что Вашингтон не желает иметь у себя посольство Гаити.

Дуглас вздохнул. Затем лицо его просияло улыбкой. Он зайдет повидаться с мисс Эмилией. Да, хорошо поболтать сейчас со старушкой!

В это время на Пенсильвания-авеню служащие покидали здание казначейства. Они поглядывали на небо, очистившееся от туч, и расходились по домам. Эллен Питс задержалась на крыльце. Обычно она возвращалась домой вдвоем с Элси Бейкер, но сегодня Элси не явилась на работу. Эллен стала неторопливо спускаться по ступенькам на тротуар.

После напряженного рабочего дня приятно было очутиться на улице. Жизнь Эллен уже вошла в рабочее русло. Службу в государственном учреждении никак не назовешь скучной. Всегда услышишь о чем-нибудь важном. В Вашингтоне можно было ждать чего угодно и… дождаться.

И по дому она теперь ни капельки не тоскует. Пансион, где она поселилась поначалу, был довольно приличен, но она не переставала думать о возвращении домой. Одно время собиралась даже выписать мать на недельку. Это была ее мечта.

Счастье привалило совершенно внезапно. Как-то зимой, когда они вечером шли с работы, Элси, которую Эллен до сих пор знала только как старшего клерка, спросила ее:

— Не правда ли, мисс Питс, вам приходится ужасно далеко ходить?

— Да, далековато. Но это трудно только в такую погоду, как сегодня.

Элси — миссис Бейкер, вдова погибшего на войне, — неторопливо оглядела ее и пробормотала:

— А если?..

— Что если? — оживленно переспросила Эллен.

— Да вот подумала, не сдаст ли вам мисс Эмилия комнату Джесси Пейн.

— Почему это мне сдадут комнату Джесси Пейн? Я даже не знакома с этой особой!

Элси рассмеялась.

— Пожалуй, и не познакомитесь, потому что она уехала домой на рождество, она выходит замуж. А ее комната пустует.

— Хорошая комната?

— У мисс Эмилии совершенно особенный дом, — с улыбкой пояснила Элси. — Мы все живем у нее бог знает сколько времени. Мы с Джоном поселились у нее, когда… А после войны я вернулась и, конечно, отправилась прямо к мисс Эмилии. Но новых жильцов она не принимает. Она уже теперь не такая подвижная, как прежде. Хозяйничает-то мистер Хейли, самой ей делать ничего не приходится. Как вам объяснить? Это даже не назовешь пансионом. Вам очень понравится!

— Да, наверно, замечательно!

— Может быть, сейчас и пойдем? Поужинаете у нас. И заодно прощупаем мисс Эмилию.

Все сидели вокруг большого стола в столовой — вместе с Эллен их было восемь, а милейшая голубоглазая старушка с улыбкой оглядывала их из-за высокого чайника. Эллен узнала, что высокий, сгорбленный мистер Хейли работает редактором отдела хроники в одной из местных газет. Он был несловоохотлив, но держался гостеприимно.

— Откуда вы родом, мисс Питс?

Стоило Эллен назвать свой город, как мисс Эмилия вся обратилась в слух.

— Рочестер! — воскликнула она. — У нас есть один очень известный друг, который живет, вернее жил, в Рочестере. Теперь он в Вашингтоне. Вы, наверно, слышали о Фредерике Дугласе? — Мисс Эмилия подалась всем корпусом вперед, глаза ее заблестели.

— Еще бы! — ответила Эллен с неподдельной гордостью. — Весь город знает Фредерика Дугласа, сударыня!

Старушка откинулась на спинку стула и заулыбалась.

— Я знала его еще мальчиком.

Джек Хейли весело хохотнул. Он обернулся к Эллен, и в его усталых глазах она заметила улыбку.

— Ну, пропали вы, мисс Питс! Сейчас услышите целую историю.

Все засмеялись. Они хорошо знали любимый рассказ мисс Эмилии.

— Теперь комната ваша! — шепотом сообщила Элси.

Она не ошиблась. На следующий день Эллен Питс заняла комнату Джесси Пейн.

Они встретились у самой калитки. Он заметил, что дама собирается войти, и, приподняв шляпу, отступил на шаг, давая ей дорогу. Она улыбнулась и молвила:

— Здравствуйте, мистер Дуглас.

— Добрый вечер, сударыня.

Она пошла по дорожке, а он клял себя за неспособность запоминать фамилии. Он был уверен, что где-то видел ее лицо. Сейчас темно. В комнате он обязательно вспомнит. Уже у крыльца она обернулась к нему.

— Не ломайте голову, — сказала она, — меня с вами никто не знакомил.

— Ах, так, стало быть, не моя вина, если я не помню вашей фамилии?

Он вздохнул с облегчением, и оба рассмеялись. Из комнаты раздался голос мисс Эмилии:

— Входите, входите! Наконец-то вы снова встретились!

— То есть как, мисс Эмилия, ведь эта дама говорит…

— Ну да, нас не знакомили, — перебила Эллен.

— Как так, а вы же мне говорили…

— Ну, когда это все было, мисс Эмилия!

Дуглас взял обе руки мисс Эмилии в свои.

— Прошу вас, дамы! Это несправедливо! Представьте меня, пожалуйста, этой молодой особе!

Тон Эмилии стал суров:

— Не следовало бы за то, что вы столько времени не приходили, Фред!

Дуглас отвесил почтительный поклон, но в глазах его по-прежнему светилось недоумение. Эллен пришла на выручку, сказав ему:

— Я дочь Гидеона Питса из Рочестера.

Спустя несколько недель, к ужасу всего Вашингтона, президент Хейс назначил Фредерика Дугласа маршалом Соединенных Штатов в округе Колумбия.

Опасались, что Дуглас насадит теперь негров на все

судейские должности и в число присяжных заседателей. Еще больше возражений вызывало то, что по существующей старинной традиции новый маршал будет представлять президенту гостей на официальных приемах.

Итак, на следующем приеме в Белом доме рядом с президентом высилась фигура Фредерика Дугласа, «во фраке, в белых лайковых перчатках, сапогах лаковой кожи и белоснежном галстуке». Теперь его недругам ничего не оставалось делать, как ждать удобного случая, когда он каким-нибудь образом публично скомпрометирует себя, и за это можно будет потребовать его снятия. Не прошло и двух месяцев, как оппозиция радостно потирала руки, решив, что такой случай уже представился.

Маршала пригласили в Балтимор прочесть лекцию в зале Дугласа, названном так в его честь и используемом для целей народного просвещения. В качестве темы своего выступления он избрал такую: «Столица нашего государства». Вечер прошел с большим успехом. Но, проснувшись на следующее утро, Дуглас обнаружил, что, цитируя какие-то фразы из его выступления, печать резко критикует его. В течение нескольких дней ряд газет вел бешеную травлю Дугласа, и были даже организованы комиссии для сбора подписей лиц, требующих удаления Дугласа с поста маршала.

Рассказывали, что президент высмеял эту историю, и точно известно, что после того, как Дуглас сделал публичное заявление в «Вашингтон ивнинг стар», травля прекратилась столь же быстро, сколь и началась.

Дуглас умел говорить очень остроумно, и он сделал несколько юмористических замечаний по поводу американской столицы. «Но, как вам известно, сэр, — писал он в редакцию газеты, — на свете нет ничего легче, чем извратить значение речи и придать ей односторонний смысл. Не такой уж я глупец, чтобы позорить город, в который я вложил свои деньги, обосновавшись там на постоянное местожительство».

Если на то пошло, то Дуглас в своем балтиморском выступлении весьма восторженно превозносил «наш национальный центр… В других местах, — заявил он, — люди принадлежат лишь одному какому-нибудь штату, мы же здесь, в Вашингтоне, принадлежим Соединенным Штатам в целом».

Дуглас в самом деле любил Вашингтон. Вместе со своими детьми и их семьями он занимал теперь два смежных дома на А-стрит, под номерами 316 и 318. Но ему хотелось купить дом где-нибудь в окрестностях города, чтобы Анна могла бы спокойно отдыхать. От здания конгресса до их дома было несколько минут ходьбы, и визитеры у них не переводились. Имелось еще одно

обстоятельство: Анна очень скучала по цветам и деревьям. Она избегала того, что ей казалось фривольностями столицы, и редко куда ходила вместе с мужем. Когда Дуглас заговорил о том, чтобы переехать за город, она просияла. Это заставило его начать активные поиски.

Находясь на своем посту, маршал Дуглас ввел в Белый дом нового президента Джеймса Гарфилда.

По традиции маршалу Соединенных Штатов принадлежит честь провожать из Белого дома закончившего срок пребывания на посту президента и после торжественных церемоний в сенате эскортировать вновь избранного на специальную платформу перед зданием конгресса, где президент принимает присягу.

Страна высказывала большие надежды в связи с вступлением Гарфилда на пост президента. Будучи сенатором от штата Огайо, Гарфилд в течение нескольких лет ратовал за реформу.

Не приходилось сомневаться, что положение дел было серьезно. «Под маской послушного принятия своей послевоенной судьбы, — отмечал Дуглас, — Южные штаты возвращались в конгресс как гордые победители, но отнюдь не как раскаявшиеся грешники. Можно было подумать, что виноват не Юг, а лояльные поборники Союза!.. То, что южанам удалось в нескольких штатах посредством жестокости и кровопролития, они собирались осуществить во всех остальных местах при помощи речей и политической стратегии».

Дуглас вспоминал с неприятным чувством инцидент, который он называл «отступлением сенатора Гарфилда».

В своей речи в сенате Гарфилд употребил фразу «предатели клятвопреступники», говоря о людях, состоявших на государственной службе, в свое время давших присягу на верность конституции, а затем нарушивших ее, начав воевать против государства. Сенатор Рандольф Такер поднялся с места и выразил протест против этой фразы. «Единственное, чем нашел Оправдаться мистер Гарфилд в ответ на эту грубость, было то, что не он, дескать, сочинял словарь, — вспоминал потом Дуглас. — Может быть, это была та мягкая форма ответа, которой рассчитывают умалить гнев противника, но ни Чарльз Самнер, ни Бенджамен Уэйд, ни Оуэн Лавджой никогда не ответили бы так. Ни один из этих людей не спрятался бы в таком случае за словарь!»

И все же никто в стране не испытал большего потрясения, чем Дуглас, когда президент Гарфилд был убит. Помимо чувства жалости к хорошему человеку, павшему жертвой жестокого убийцы на заре нового дня, когда он мог быть так полезен Америке, Дуглас понимал, что это погубило и его воскресшие

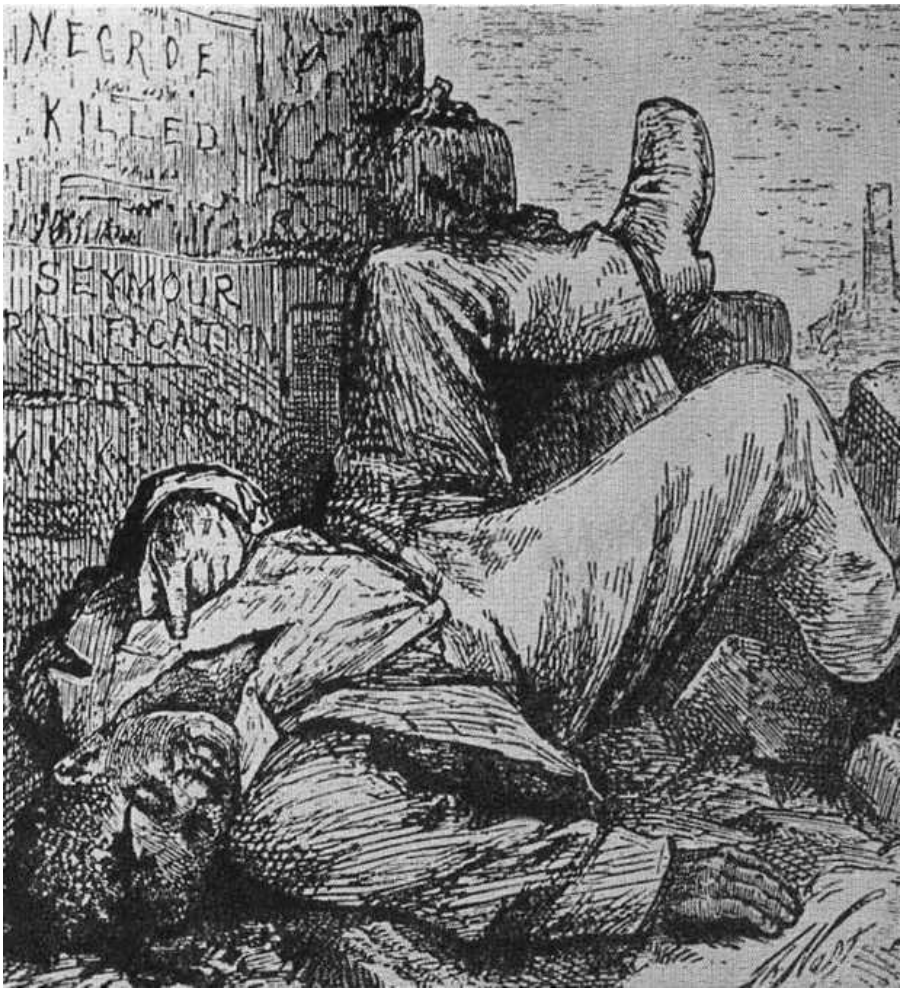
надежды добиться улучшения жизни для своего народа.

Всего лишь за несколько недель до этого Гарфилд пригласил Дугласа в Белый дом для беседы. Президент сказал, что он удивлен, почему его республиканские предшественники не посылали до сих пор ни одного негра в качестве министра или посланника за границу. Он, Гарфилд, собирается изменить этот порядок. Каково мнение Дугласа, примет ли одно из государств Европы кого-нибудь из американских негров?

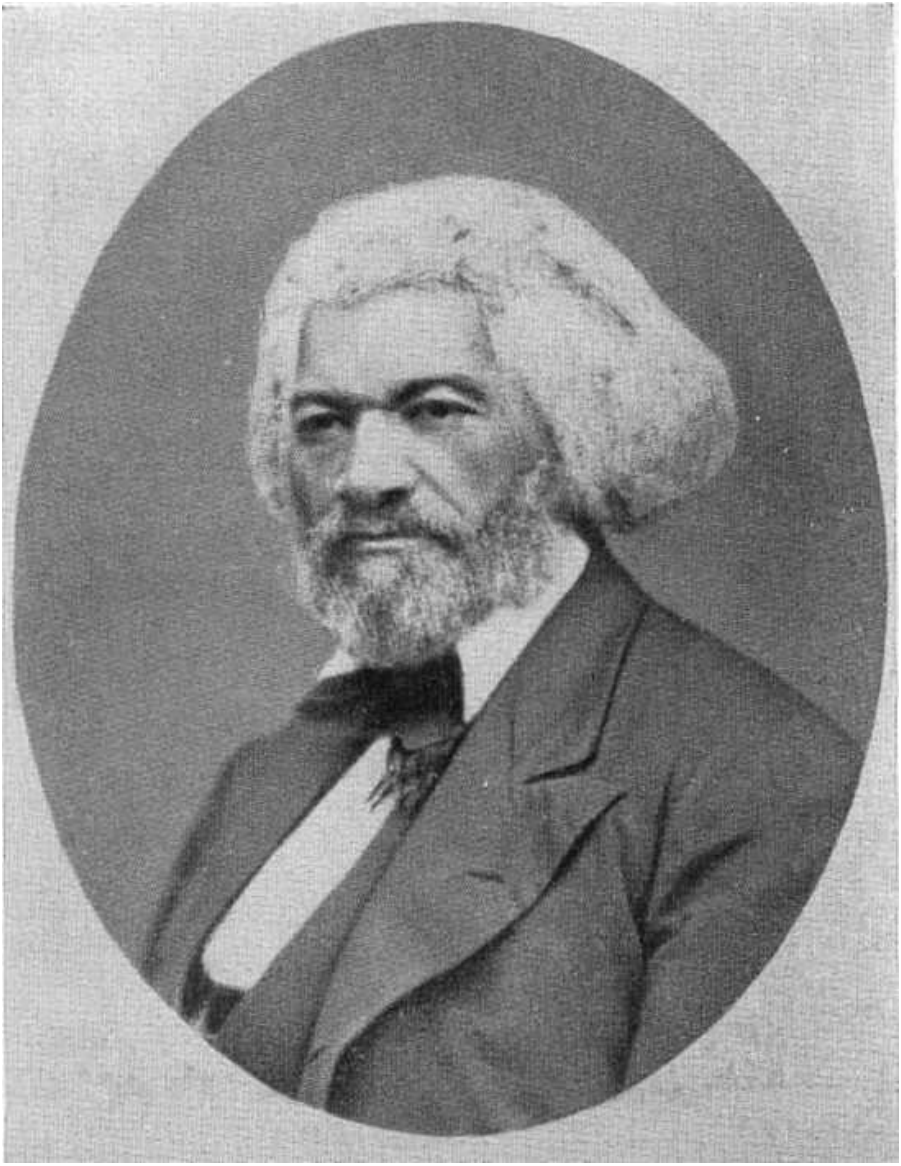
Ведь остальные народы не разделяют американских предрассудков. А самое главное то, что благодаря этому негритянские граждане обретут новый дух. Для негров это явится знаком того, что правительство имело серьезные намерения, давая им американское гражданство.

Смерть президента погрузила страну в печаль. Скорбь несколько сблизила людей. «Какие еще муки придется пережить для того, чтобы сплотить свободную нацию?» — вопрошали законодатели и все честно мыслящие мужчины и женщины. Теперь почти каждый понимал, что свобода покупается дорогой ценой.

Дуглас выступил перед огромной аудиторией в Нью-Йорке. Он постарел и немало выстрадал из-за того, что кое в чем оказался слеп; но хоть он не раз спотыкался, ничто никогда не могло заставить его сойти с пути. Морщины, бороздившие его лицо, подчеркивали внутреннюю силу, в глазах светилась мудрость — теперь уже сладкая песня эмансипации не заглушала для него все остальное. Он видел, что дорога завалена камнями, буреломом и обожженными пнями, что, двигаясь дальше, приходится перелезать через грязные ямы. Он знал, что где-то впереди притаились зоркие стрелки, готовые уложить его одним выстрелом, но ничто не могло остановить его. Дуглас по-прежнему шел вперед, исполненный огромного достоинства. Публика, собравшаяся в зале, слушала его затаив дыхание.

«Одним голосом меньше!» — рисунок Томаса Наста, отображающий террор против негров на Юге в период реконструкции 1868 года.

Фредерик Дуглас в последние годы жизни.

— Каково сейчас положение миллионов освобожденных негров в нашей стране? — начал Дуглас свою речь. — Согласно закону и конституции Соединенных Штатов рабства не существует. Юридически оно уничтожено. Согласно закону и конституции негры стали людьми и гражданами, получив права и гражданские свободы, гарантируемые всем остальным народам, проживающим в Соединенных Штатах.

Дугласа слушали люди, прибывшие лишь недавно к берегам Америки из других стран. Нью-Йорк — котел, переплавляющий

множество наций. Здесь были иммигранты из Италии и Германии, из Польши, Ирландии и России. Все они стремились в страну свободы.

— Это великое дело, когда высший закон стоит на страже права и свободы, — продолжал Дуглас. — Но, к сожалению, освобожденным людям дали локомотив свободы, но не обеспечили их топливом, при помощи которого машина пускается в ход. Им дали солдатские мундиры, но не дали оружия, их назвали гражданами, но не дали им гражданских прав, их назвали свободными, но не сняли с них оковы рабства. А у старого класса плантаторов никто не отнял власти распоряжаться жизнью людей. В наши дни хозяин уже не может продавать рабов, но он сохранил за собой власть уморить их голодом!

— Величие, — говорил этот темнокожий оратор гражданам Нью-Йорка, — не преподносится никаким народам на золотом блюде. Мы должны бороться, если хотим победить. Народ, которому дали свободу, не сумеет удержать ее столь же крепко, как тот народ, который вырвал свободу из железных рук тирана.

Дуглас не мог без волнения смотреть на бурную реакцию публики. Он знал, что многие из присутствующих запомнят то, что он сказал, и каждый будет по-своему действовать.

Во время этой поездки в Нью-Йорк Анна сопровождала своего мужа. Памятью сердца они вспомнили то, что пережили сорок лет назад, когда после многих тревожных дней и ночей оказались вдвоем на свободе.

В эту поездку Анна и Фредерик присутствовали на свадьбе их младшего сына Чарльза, который женился на Лоре Хейли из Нью-Йорка.

Свадьба была блестящая — море цветов, органная музыка, элегантные шафера, прелестные подружки невесты. Как не похожа была свадьба Чарльза на свадьбу Фредерика Дугласа, когда тот, беглый раб, много лет назад взял себе в жены свободную женщину Анну Мюррей. Увидев невесту, всю в белом, словно впорхнувшую в церковь, Дуглас повернулся и с улыбкой заглянул в добрые ясные глаза Анны.

Когда Дуглас был назначен заведующим протокольной частью округа Колумбия, он решил, что может теперь спокойно купить дом на Анакостиа-Хайтс, на берегу реки Потомак, о котором давно уже подумывал. Он знал, что этот дом продается, но до сих пор мог лишь мечтать о такой покупке. Это было красивое старинное здание с флигелем для слуг, конюшней и большим садом. Как только Дуглас занял новую должность, он тайком от Анны начал оформлять покупку.

Назначение протоколистом было по многим причинам

приятнее для Дугласа, нежели его прежний пост маршала. Должность эта не считалась ни государственной, ни политической, хотя протоколист и подчинялся непосредственно президенту.

На новом месте Дуглас чувствовал себя свободнее и самостоятельнее, хотя твердого жалованья ему не полагалось. Контора содержалась за счет доходов от разных видов работ, выполняемых ее служащими. Поскольку каждая продажа недвижимого имущества, каждая сделка и закладная обязательно протоколировались, случалось, что контора Дугласа имела на своем счету большие суммы, чем любое другое государственное учреждение, за исключением, пожалуй, секретариата президента. Личные доходы Дугласа увеличились в эту зиму благодаря тому, что он выпустил третье издание своей автобиографии «Жизнь и эпоха Фредерика Дугласа».

Июнь выдался чрезвычайно жаркий, все мечтали, как бы уехать из города. Но Анна видела, как невероятно занят ее муж.

В одно из воскресений он сказал ей:

— Собирайся, дорогая, мы с тобой поедем кататься.

— И я с вами, бабушка! — закричала маленькая дочка Розетты.

— Только не сегодня, детка! — сказал ей Дуглас. — Дедушка повезет тебя кататься, но только не сейчас. — И добавил так, чтобы слышала только Анна: — Сегодня я хочу побыть вдвоем с твоей бабушкой.

В этот день он был необычно разговорчив.

— Помнишь, Анна, то утро, когда мы причаливали к Нью-Бедфорду? — спросил он, когда они переехали мост и очутились на противоположном берегу Потомака. — Помнишь тот большой дом, стоявший на горе?

Он повернулся к ней лицом и поглядел на нее. И в этот миг он уже был не великий Фредерик Дуглас, а худенький нервный юноша, только что вырвавшийся из рабства, который стоял у перил парохода и зоркими молодыми глазами разглядывал замечательный дом. Этот большой белый дом высоко на горе поразил тогда их воображение: «Смотри! Смотри! Вот такой дом будет у нас с тобой!»

Да, она помнила. В ответ она лишь кивнула головой.

Элегантный маленький кабриолет катил теперь вдоль берега.

— Это Анакостиа, — сказал он. — Закрой глаза и не открывай их, пока я не скомандую! — Анна слышала мальчишеский смех Фредерика. — А теперь гляди! — приказал он, помахав кнутом в сторону большого белого здания, стоявшего высоко на горе. — Это наш дом, Анна, это дом, который я тебе

тогда обещал!

Она глядела, онемев от изумления. Затем смысл его слов начал понемногу доходить до нее.

— Да неужели, Фредерик! Не может быть!

А он только расхохотался в ответ. Давно уже Анна не слышала такого веселого смеха своего мужа.

Дорога пошла вверх, на гору. В этот вечер они долго обсуждали, как перестроят дом. Бывшие владельцы запустили его, но они все отремонтируют и приведут в исправность.

— Постараемся закончить поскорее, чтобы во время августовской жары уже не жить в городе, — сказал Дуглас. — Теперь ты понимаешь, почему я не стал тебя слушать, когда ты толковала со мной об отпуске?

Этот день утомил Анну, как никогда.

— Мама наша совершенно без сил, — сказала Розетта отцу на следующее утро.

Июнь был очень жаркий. Дуглас не на шутку тревожился о здоровье своей жены.

— Не уехать ли тебе на несколько дней из города? — спросил он Анну.

Но она лишь замотала головой.

— Нет, нет, скоро будет готов наш дом. Вот переберемся к себе… — Анна словно светилась радостью.

Даже когда доктор приказал ей полежать, она и в постели не переставала думать о переезде в новый дом.

— Несколько денечков отдохну, и начнем паковаться, — говорила она.

Анна Дуглас скончалась 4 августа 1882 года.

ГЛАВА 19
ЗОЛОТАЯ ОСЕНЬ И СЛАВНЫЙ УРОЖАЙ

В ноябре дети перевезли его в новый дом.

— Надо поселиться в нем до зимы, — заявила Розетта, и братья поддержали ее:

— Все трубы замерзнут, если там не будут жить.

И вот уложили мебель, фортепьяно, запаковали книги. В новом доме было двенадцать комнат. Все растерянно переглядывались. Как решит отец? Чем он заполнит все эти комнаты?

— Купите сами, что нужно. — В голосе Фредерика было безразличие. Он пошел в свою комнату и осторожно закрыл за собой дверь.

Как раз в это время переехал на жительство в Вашингтон Роберт Ингерсолл. Хотя на этого человека, сделавшего блестящую карьеру, сыпались отовсюду приглашения, он искал встреч с Дугласом, звал его к себе домой, присылал ему книги.

— Все-таки она была счастлива, Дуглас, — молвил Ингерсолл, кладя руку на рукав своего старшего друга. — Подумайте об этом. Я хотел бы… — он умолк, и мгновенная тень промелькнула на его лице. Затем он проговорил чуть слышно: — Благословен человек, знающий, что своей жизнью он принес счастье другим!

Постепенно работа отвлекла Дугласа. В конторе порядок не нарушался ни на один день. Делами управляла теперь Эллен Питс. Все служащие старались как могли, чтобы работа шла бесперебойно. Они искренне любили Дугласа за его неизменную приветливость.

За зиму он несколько раз заходил на чашку чаю к мисс Эмилии, у которой всегда было припасено для этого случая особое пирожное. Старушка сильно сдала, стала совсем слабенькой. Как-то к ним подсел Джек Хейли. Он почти до ночи не отпускал Дугласа: даже теперь, много лет спустя, Джек помнил, как первое время после смерти жены мучило его по вечерам одиночество.

Верховный суд объявил закон о гражданских правах 1875 года неконституционным, и Фредерик Дуглас снова почувствовал себя бойцом.

Он организовал массовый митинг протеста в зале Линкольна.

— Эго закон о социальном равенстве, — заявил в своей

вступительной речи Дуглас, — и такова Декларация независимости, объявившая всех людей равными; и нагорная проповедь, и Золотое правило, предлагающее нам не желать другому того, чего мы не желаем себе; и апостольское учение о том, что господь влил одну кровь во все народы и расселил их по всей земле; и конституция Соединенных Штатов, равно как и законы и обычаи всех цивилизованных стран мира, ибо нигде, кроме нашей страны, человека не лишают гражданских прав из-за цвета кожи.

Об этом говорил Дуглас на похоронах Уэнделла Филиппса, умершего зимой следующего года. Казалось, что весь Бостон втиснулся в зал, где происходила панихида по великому «другу человека». Произнести речь поручили Дугласу.

— Он будет жить, пока существует на земле хоть один человек, стремящийся к справедливости, любящий своих братьев, чье сердце бьется в такт шагам бойцов.

Весной участницы XVI национального съезда суфражисток почтили память Уэнделла Филиппса. Дуглас слышал небольшую речь, произнесенную по этому поводу его сотрудницей и бывшей землячкой Эллен Питс. Получив слово, Дуглас сделал Эллен комплимент. Женщины, сидевшие в президиуме, своими улыбками тоже выразили ей одобрение.

На следующее лето Дуглас отправился в агитационное турне. Приближались президентские выборы 1884 года, страна выражала немало претензий правящей партии. Кровавые преступления и злодеяния на Юге, измена всем принципам и идеалам Авраама Линкольна не сделали белых на Юге приверженцами республиканской партии. На Севере негры начали покидать «партию Линкольна», а в некоторых неустойчивых штатах их голоса имели значение.

Дуглас упорно боролся с этой тенденцией. «Ничего путного не выйдет из того, что негры будут на стороне партии южан, — предупреждал он. — Эта партия служила рабовладельческому классу в период рабства и в продолжение всей войны и даже теперь продолжает оставаться верной тем же идеалам».

— Я питаю надежду и веру, — говорил он своим единомышленникам, — что партия Авраама Линкольна окажется столь же верной по отношению к своим друзьям… друзьям с черными лицами, которые во время войны служили глазами для ваших слепых, давали кров бездомным, бежавшим под натиском врага… Не заставляйте больше этих людей шагать к избирательным урнам по лужам крови… Правительство, которое вписывает свободу в свою конституцию, должно обеспечивать исполнительную власть необходимой силой для охраны и защиты

этой свободы!

В середине лета стало ясно, что предстоит нелегкая президентская кампания. Кандидат республиканцев Джеймс Блэйн пользовался широкой популярностью. Наоборот, Гровер Кливленд, кандидат демократов, был почти неизвестен за пределами своего штата. Но спор шел не о них лично.

Вернувшись в Вашингтон в августе, Дуглас узнал о смерти мисс Эмилии.

— Она даже не болела! — сказала ему Эллея.

Дуглас был глубоко опечален.

— Почему вы не известили меня? Я бы приехал.

— Мы не успели. Она бы сама не захотела отрывать вас от дела, раз вы ничем не могли помочь. — Эллен говорила успокаивающим тоном, как с ребенком, готовым заплакать, но у нее самой на глазах блестели слезы.

И Дуглас, видя, сколько доброты и понимания таится в ее голубых глазах, не мог оторвать от нее взгляд. Прошла минута, а может быть и час, — счет времени вдруг исчез, ибо это было мгновенье, заключавшее в себе жизнь. Еще ничего не было сказано, еще не соединились даже руки, но этот момент решил их дальнейшую судьбу.

Первой заговорила Эллен слегка дрожащим голосом:

— Мистер Хейли закрывает пансион. Я… я хотела взять сейчас отпуск, раз вы здесь… Съездить домой ненадолго.

Он стоял отвернувшись, перекладывая на столе бумаги. На нее он не глядел.

— Мисс Питс, разрешите мне зайти к вам сегодня вечером, — попросил он.

— Пожалуйста, мистер Дуглас, — просто ответила Эллен. — Я буду дома.

На следующее утро Дуглас нанес визит своему близкому другу-священнику и сообщил ему, что собирается жениться.

— Я хотел бы, чтобы вы совершили обряд бракосочетания.

Приветливо улыбаясь, священник принялся поздравлять Дугласа. Для него это сообщение явилось полной неожиданностью. С именем великого Фредерика Дугласа не было связано никаких романтических слухов, хотя он, несмотря на свои шестьдесят с лишним, выглядел превосходно. Священник весь сиял.

— Очень разумно! Человеку нужна хорошая жена! Могу узнать, кто эта счастливая особа?

Тщетно старался священник вспомнить, кто такая Эллен Питс. Но, услышав следующую фразу Дугласа, вскочил как ужаленный.

— Дуглас! — воскликнул он с неподдельным ужасом. — Вы не смеете! Это же самоубийство!

Дуглас молча улыбнулся. Мир и спокойная радость царили в его душе. Он знал, что годы прожиты недаром. Он все время учился понимать жизнь.

— Я нарушил бы все свои принципы, — сказал он, — если бы не женился на этой благородной особе, которая оказала мне честь, согласившись стать моей женой. Я свободный человек. — Он поднялся, поигрывая тростью и глядя с некоторой жалостью на своего приятеля. — Я не должен ни перед кем лицемерить. Разве не будет нелепицей, если после всех моих громогласных осуждений тех, кто делит людей на белых и черных, сам я начну проявлять подобную дискриминацию?

О своих планах они никому не рассказывали, даже детям Дугласа, но спустя три дня обвенчались на дому у священника. Только потом Дуглас повез молодую жену к себе в Анакостиа. В течение нескольких дней все американские газеты трубили об этом браке. Большая часть того, что там писалось, было неправдой. Почти все в один голос осуждали Дугласа.

Когда кандидата демократической партии Гровера Кливленда избрали президентом, уже и белые и негры заодно с ними потирали руки, заранее предвкушая удовольствие от того, как президент «выгонит в шею» заведующего протокольной частью. Да и сам Дуглас не ждал ничего иного. Его приверженность республиканской партии была широко известна. Он был «непоколебимым республиканцем» и не таил свою неприязнь к демократическому руководству. Вместе с женой он присутствовал на официальном приеме в честь вступления Кливленда на пост президента, но не стал там засиживаться. Он был немало удивлен, когда несколько дней спустя ему вручили пригласительный билет с золотым обрезом в Белый дом — «Мистеру Фредерику Дугласу с супругой».

В течение последующих двух лет Вашингтон и вся страна стали несколько лучше относиться к Дугласу. Но вряд ли кто-нибудь простил ему его женитьбу.

Настало время осуществить давнишнюю мечту. Дуглас с женой отправились в Европу.

— Не возвращайтесь, пока не повидаете по-настоящему весь свет, — напутствовал их Ингерсолл. — Не торопитесь назад! Это вознаградится сторицею!

Они путешествовали около двух лет. Дуглас вновь посетил Англию, Ирландию и Шотландию. К сожалению, не было уже тех людей, с кем он сотрудничал в прошлом, но их дети принимали его по-царски. Сестры Анна и Эллен Ричардсон, сорок лет тому

назад предлагавшие Томасу Олду купить у него беглого раба, были еще живы. Эллен Дуглас целовала сморщенные щеки старушек и горячо благодарила их. В Париже Дугласы сняли квартирку, потом жили в Марселе, наблюдая плывущие по морю корабли, взбирались на древний амфитеатр в Арле. В Генуе в музее Дуглас не мог оторваться от скрипки Паганини — скрипка была его любимым инструментом. В свое время он даже немного учился играть на ней.

— Мы купим скрипку, пока мы здесь, — обещала Эллен. — Хоть и не как у Паганини, но все же скрипку.

— Что ж, ведь играть-то будет тоже не Паганини!

Под благословенным небом Италии этого было достаточно, чтобы вызвать их смех.

Пиза, Рим, Неаполь, Помпея, Сицилия… А после — Восток: Египет, Суэцкий канал, пустыни Ливии и Нил, пересекающий Африку.

Сердце Дугласа громко стучало. Он видел перед собой лицо Сэнди и горсть африканской земли на ладони юноши. Юноша этот был он сам много лет тому назад. Не эта ли горсть дала ему силы?!

Путешествие морем из Неаполя в Порт-Саид длилось четыре дня. Все это время стояла превосходная погода; однажды на рассвете они увидели прямо перед собой древний Стромболи, чьи скалистые вершины поднимаются почти отвесно над морем.

«Из всего, что я видел на своем веку в Америке, — писал Дуглас, — ничто никогда не давало мне такого полного чувства неземного покоя, такого чувства нетленной вечности и отрешенности от мира, как это плавание по Суэцкому каналу, гладкое, бесшумное скольжение меж двух песчаных насыпных берегов, зорко охраняемых английской и французской стражей. Здесь только начинаешь понимать побудительные причины английской оккупации Египта и английской политики вообще. По обеим сторонам канала тянутся без конца и без края пески пустыни, и даже в полевой бинокль не видно ничего до самого горизонта — ни жилья человеческого, ни дерева, ни кустика, ни какой бы то ни было растительности. Вековая тишина и безлюдие на гладких бесконечных песках. Лишь изредка мелькнет вдали белая полоска, еще больше подчеркивая мертвый покой песков. Это стайка фламинго, единственной птицы, обитающей в пустыне, бог весть как умудряющейся находить себе пропитание.

Но, к величайшему удивлению, здесь обнаруживаются и другие признаки жизни: внезапно мы видим фигуру тощего полуголого человека. Это молодой араб, словно возникший из желтого песка, ибо вокруг ни города, ни деревни, ни дома, ни

шалаша. И тем не менее это не призрак: он уже несколько часов бежит вдоль берега с быстротою лошади и выносливостью охотничьей собаки, заунывно выкрикивая: «Бакши! Бакши! Бакши!» Он останавливает свой бег только для того, чтобы поднять кусочки хлеба и мяса, которые бросают ему с парохода. Далеко на расстоянии в дрожащем воздухе, пронизанном солнцем, возникает мираж. То вам кажется, что это великолепный лес, то прозрачное озеро. Иллюзия полная».

Этот полуголый тощий молодой араб и за ним мираж пустыни оставили у Дугласа неизгладимый след в памяти.

Пробыв неделю в Каире, Дуглас писал: «В Риме — немытые монахи, в Каире — завывающие, пляшущие дервиши. И те и другие одинаково глухи к велению разума».

Дугласы вернулись в Вашингтон, в свой дом на Анакостиа-Хайтс, вкусив жизнь во всей ее полноте. Они побывали вдвоем во многих странах, среди различных народов и рас; их обоих принимали люди всех оттенков кожи и приветствовали на разнообразных языках; множество рук пожимало их руки. Они изведали так много счастья, что могли позволить себе быть терпимыми ко всем нападкам.

Стрелы невежества, ревности и мелких предрассудков не долетали до них.

В июне 1889 года Фредерик Дуглас был назначен американским послом в Гаити.

ГЛАВА 20
МОЛ СЕЙНТ-НИКОЛАС

Государственный секретарь Блэйн был раздражен. Трещали все звонки, бешено метались секретари. Даже клерки в приемных соображали, что владелец пароходной компании прибыл из Нью-Йорка недаром.

«Проблема Вест-Индии» была, пожалуй, самым важным делом, оставленным Блэйну в нерешенном виде предыдущим государственным секретарем. Блэйну казалось, что он добивается успеха там, где Уильям Сьюард потерпел поражение. Обстоятельства благоприятствовали Соединенным Штатам.

Три четверти века республика Гаити хранила прочность и неуязвимость, символизируемую старинкой цитаделью над морем, но теперь ее раздирала на части гражданская война. Шесть лет тому назад было создано временное правительство генерала Легитима. Легитим постепенно укреплял свою власть, и уже через два года Франция признала его правительство. Но деловые круги Соединенных Штатов по особым причинам предпочитали иметь дело с представителями его противника, генерала Ипполита, который называл правящую клику «узурпаторами Порт-о-Пренса». Президент Кливленд послушался совета дельцов и не признал правительства Гаити. Благодаря этому многим захотелось поудить в мутной воде. Пароходные компании «США — Вест-Индия» и «Чарлстон и Флорида» энергично взялись за то, чтобы вытеснить конкурирующую с ними британскую пароходную компанию «Атлас»; некоторые круги подчеркивали острую необходимость иметь угольные порты в Караибском море. И, наконец, Соединенные Штаты питали надежду на то, что сумеют закрыть узкий Наветренный пролив — один из стратегических путей мировой торговли.

В это время посол Гаити Стефен Престон находился в Соединенных Штатах, хлопоча о признании своей страны. Блэйн играл с ним в кошки-мышки, откладывая с недели на неделю решение вопроса, тревожившего Престона, вместе с тем оказывая ему, как послу иностранной державы, официальные почести и заверяя его, что признание будет вот-вот подписано в порядке очередности новым президентом Бенджаменом Гаррисоном.

Так обстояло дело в конце мая 1889 года. Государственный секретарь Блэйн сделал два хода. Он потребовал, чтобы Престон принял следующие условия: порт для стоянки американского

военного флота в Гаити и… право Соединенных Штатов представлять Гаити во всех европейских столицах! Смуглое лицо посла побледнело. Он пробормотал что-то невнятное, поклонился и вышел. Тогда государственный секретарь представил президенту Гаррисону список членов «инспекционной комиссии» для отправки в Гаити. Руководителем комиссии он предлагал назначить полковника Беверли Таккера из Виргинии.

Бумаги Блэйна так и остались лежать неподписанными на столе президента. Гаррисон вдруг ни с того ни с сего, даже никого не предупредив, признал правительство Легитима. Одновременно он назначил самого известного в Америке негра «послом-резидентом и генеральным консулом Соединенных Штатов в республике Гаити и поверенным в делах в Санто-Доминго».

— Хорошенькая история! — негодуя, воскликнул владелец пароходной компании.

Государственный секретарь Блэйн пожал плечами, стараясь сохранить достоинство.

— Пожалуй, несколько рановато, — скрывая свое разочарование, согласился он. — Но наш президент известен своим доброжелательным отношением к развитию торговли с Латинской Америкой, а с другой стороны, у нас нет оснований подозревать, что Фредерик Дуглас будет служить помехой совершенно четкой политике правительства.

— Дурак вы! — резко выпалил судовладелец.

Блэйн вспыхнул, на виске у него вздулась жила.

— Вы забываете, — сказал он через минуту ровным голосом, — или, может быть, не знаете, что Фредерик Дуглас был секретарем комиссии президента Гранта, ездившей в Доминиканскую республику; дело их тогда провалилось, но повинен был не он.

— Каковы бы ни были причины, для меня важен тот факт, что Соединенные Штаты не сумели заполучить залив Самону. — Судовладелец задыхался от гнева. — Я не доверяю этим…. этим людям. Хватит с нас, что приходится иметь с ними дело на островах! Ну, ладно, — он сделал примирительный жест, — я не пришел сюда спорить. Только вам придется быть потверже с этим молодцом!

Государственный секретарь нервно завертел в руке какую-то бумагу, лежавшую на столе. Интересно было бы видеть, как это он или кто-нибудь другой сумеет «быть потверже» с Фредериком Дугласом?!

— Я уже отправил ему письмо, в котором выразил надежду, что он примет предложение президента Гаррисона.

Судовладелец перебил его с презрительной миной:

— Вижу, вы из кожи лезете вон, чтобы показать ему любезное отношение.

«Молокосос невежественный!» — подумал государственный секретарь, а вслух сказал, делая вид, что ничего не слышал:

— Мы посылаем Дугласа в Гаити, ибо считаем, что это та могучая сила, которая послужит делу мира, и благоденствию, и процветанию этого несчастного, измученного народа.

Наконец-то судовладелец начал кое-что понимать:

— Гм, гм! — промычал он. — Что ж, не плохо, вовсе не плохо!

— Можно так устроить, чтобы он прибыл туда в самом конце осени. А тем временем…

Они многозначительно переглянулись. Судовладелец, сидевший по другую сторону письменного стола, встал.

— …тем временем еще многое может случиться!

— Вот именно!

— Возможно, что узурпатора Легитима там даже не окажется, когда придет час приветствовать нашего нового посла?!

— Вполне возможно.

Засим джентльмены простились, и гость ушел.

В этот вечер Стефен Престон радостно писал домой: «Произошло чудо, настоящее чудо!»

А Дугласы у себя на балконе читали и перечитывали письмо, которое доставили от государственного секретаря Блэйна.

— Ты заслужил это, дорогой! Кто же, если не ты! — Эллен улыбнулась мужу, в глазах ее лучилось счастье.

Письмо задрожало в руке Дугласа, он ответил хрипловатым голосом:

— Государственный секретарь Блэйн прав. Это важно для каждого свободного негра в Соединенных Штатах. Это важно для маленького храброго народа, который обязан своей независимостью успешному восстанию рабов. Это признание важно для людей с темной кожей во всем мире. Я благодарю свою судьбу за то, что могу выполнить свой долг.

И Эллен Дуглас пожала его руку. Она так гордилась своим мужем!

Дождем посыпались поздравительные телеграммы и письма из разных мест в Соединенных Штатах, из Мексики, Южной Америки, Африки. Какой-то часовщик из Цюриха прислал в подарок огромные стенные часы с футляром, выдолбленным из цельного куска дерева.

Газеты Соединенных Штатов упомянули вскользь о неожиданном «перевороте» в Гаити, не отказав себе в удовольствии заметить, что «это может повлиять на одно

недавнее назначение». Но когда 7 октября 1889 года Легитим был сброшен и пост президента занял Ипполит, государственный департамент США объявил это чисто внутренним делом республики и предложил своему представителю отправиться по назначению. До сих пор необъяснимые «трудности» задерживали отъезд Дугласа, теперь же причины не выпускать его из Вашингтона отпали сами собой. В начале ноября Дуглас в сопровождении своей жены отплыл в Порт-о-Пренс.

Природа островов Караибского моря сказочно богата. Еще недавно Итальянская Ривьера казалась Дугласам вершиной красоты. Но даже путешественники, повидавшие свет, благоговейно замирают и шепчут слова восторга при виде выплывающей из фиолетовой дали жемчужины Антильских островов — Гаити.

Полоса ярко-синей воды отделяла пароход от сиреневого утеса Ла Ганаив, который вздыбился в небо, словно вырванный из лазурных глубин залива. Широкий полукруглый берег обступали горы в зеленых, синих, серых и оранжевых каменных складках; малиновые пятна роскошных садов и яркая зелень остроконечных деревьев оживляли их мрачный колорит.

Город Порт-о-Пренс спускался прямо в море: гавань была запружена людьми. Множество больших и малых судов и парусных лодок скользило по глади залива. В центре города возвышался готический собор, а рядом с ним — дворец президента Гаити.

Два толковых, обходительных чиновника встретили Фредерика Дугласа в порту. В экипаже, запряженном парой гладких, лоснящихся лошадей, они доставили американского посла и его супругу на просторную виллу, место их будущего жительства. В доме находился уже полный штат прислуги, и все они собрались, по европейскому обычаю, приветствовать новых жильцов. Застенчиво улыбаясь, горничные поспешили отвести миссис Дуглас на ее половину. Чиновники, сопровождавшие гостей, отбыли, заявив, что президент будет готов принять мистера Дугласа, когда тот пожелает.

После обеда в сопровождении секретаря, который выполнял роль переводчика, Дуглас отправился во дворец, чтобы вручить свои верительные грамоты. Он был любезно встречен адъютантом в военной форме. Их провели по пышной лестнице в зал, украшенный фресками. Здесь они остановились.

— Вот якорь «Санта-Марии», — шепотом сказал секретарь, — тот самый якорь, который Колумб бросил в Моле Сейнт-Николас.

Дуглас подошел поближе. Он так увлекся рассмотрением этой реликвии, что не заметил, как распахнулись огромные

двери. Секретарь должен был тронуть его за рукав. В зал вошел президент Гаити и приветствовал представителя Соединенных Штатов. Они обменялись рукопожатиями и прошли в кабинет.

Президент Ипполит был высоким темнокожим человеком. Он понимал, что ведет опасную игру, что он всего лишь пешка. Осторожный и бдительный, он больше слушал, чем говорил, ибо все остальные соображения, даже личного порядка, подчинялись у него решимости не отдать Гаити в цепкие руки, успевшие уже с такой жадностью схватить республику.

Ипполит ненавидел в одинаковой степени испанцев, французов, англичан и американцев. Он всматривался в лицо темнокожего человека из Америки, этого бывшего раба, который держался с огромным достоинством и говорил с такой уверенностью. «Но знает ли он самое главное?» — думал Ипполит, Он внимательно слушал, что говорил ему иностранный гость, стараясь обнаружить какой-нибудь скрытый смысл в его словах. Он понимал по-английски, но делал вид, что не понимает, и, слегка наклонив голову вбок, ждал, пока переводчик переведет ему речь Дугласа на французский язык.

Отвечал он по-французски. Осторожно подбирая слова, Ипполит выразил удовлетворение «растущими торговыми связями между обеими странами»; он надеется, что эти связи с Соединенными Штатами станут еще теснее и «взаимно выгоднее». Затем он подчеркнул, что Гаити давно уже пользуется независимостью и каждый народ имеет право гордиться своей автономией.

— Долгое время Гаити была отщепенцем в семье наций. Но наша республика помнит, что победа Туссена-Лувертюра послужила в равной мере на пользу и Соединенным Штатам и Англии. Уничтожив армию Леклерка, мы тем самым лишили Наполеона его мечты владеть империей в долине Миссисипи. Он был рад продать Луизиану за любую цену!

Президенту понравилось, как оживилось лицо Дугласа, когда секретарь перевел ему эти слова. Мрачную физиономию Ипполита озарила улыбка.

— Я говорю немножко на вашем языке, — сказал он по-английски.

Дуглас ухмыльнулся и, в свою очередь, ответил:

— Jài étudié le francais-un-une peu, mais ma femme… [14]

Он умолк, беспомощно разведя руками.

Тут они оба рассмеялись, и Ипполит продолжал беседу уже на английском языке.

— Здесь вы быстро научитесь говорить по-французски, — обнадежил он гостя. — Мы вам все поможем!

Дуглас поблагодарил от своего имени и от имени жены за то, как хорошо их устроили, и президент Ипполит высказал предположение, что миссис Дуглас будет, конечно, очень занята приемом местных дам.

После того как Дуглас удалился, президент стоял несколько минут, барабаня пальцами по столу. Затем он потянул шнур звонка, вызывая одного из своих приближенных.

— Слушаю вас, ваше превосходительство! — чиновник ждал.

Президент Ипполит заговорил, медленно подбирая слова, на отличном французском языке:

— Этот Фредерик Дуглас честный человек. Он намерен выполнять свои обязанности так, чтобы заслужить похвалу своему народу и своей стране. Вы не должны ни на минуту забывать, что мистер Дуглас прежде всего посол Соединенных Штатов!

— Слушаю, ваше превосходительство!

Президент кивком разрешил ему уйти. Затем он подошел к окну и постоял, глядя на площадь. Из этого окна была видна лишь половина Марсова поля, не было видно памятника, но он помнил фигуру солдата-негра, высоко к небу поднимающего свой меч. Этот памятник Дессалину — символ борьбы Гаити за свою свободу. Вздохнув, Ипполит отошел от окна.

«Какой еще можно придумать путь?» — ломал он голову.

А в Вашингтоне тем временем принимались меры к тому, чтобы добиться назначения Джона Дюргэма специальным консулом в Порт-о-Пренс, «учитывая его особую пригодность для данной деятельности». Президент Гаррисон и на этот раз кое-кого разочаровал, направив Дюргэма в Санто-Доминго Сити. Тогда в Вашингтоне и в Нью-Йорке стали распускать слухи, что в Гаити третируют Фредерика Дугласа и его жену. Стефен Престон слышал эти разговоры перед отплытием на родину. У него были свои подозрения насчет источников этих слухов, но он решил промолчать, пока не достигнет Порт-о-Пренса.

— Фредерик, — сказала как-то Эллен Дуглас, — такая жизнь доконает меня! Это безделие просто позорно! Я только и делаю, что меняю туалеты: то для приема, то для званого обеда. А эта пища! — в голосе ее слышалось отчаяние. — Я начала толстеть!

Он рассмеялся.

— Что ж, сударыня, могу посоветовать вам верховую езду. Я-то чувствую себя превосходно.

Она покачала головой.

— Ты — другое дело! Но я же не могу скакать по горам, как ты.

А что он скакал, это было действительно так. Не зная точно даты своего рождения, Фредерик Дуглас считал, что ему уже за

семьдесят. Тем не менее он проводил каждый день по многу часов в седле.

— Только так и удается повидать Гаити!

Они поехали пароходом в Кап Аитьен, где Эллен осталась в обществе гостей в большом белом доме на горе, окруженном тропическим садом, а Дуглас в сопровождении нескольких мужчин забрался верхом на вершину Bonne-à I'Evéque. Все, что оставалось внизу, становилось меньше и меньше; вот уже островерхие скалистые края горы, напоминающие звериные клыки. Теперь подножье горы похоже было на джунгли. Говорили, что землетрясение 1842 года очень серьезно расшатало цитадель, но Дуглас, оглядывая эту могущественную крепость западного полушария, подумал, что вряд ли какая-нибудь человеческая армия при всех своих современных орудиях разрушения оказалась бы в состоянии захватить ее. Кристоф воздвиг свою крепость на высоте двух тысяч шестисот футов над уровнем моря как чудо техники, столь гармоничное во всех ее частях, что, хотя, вероятно, цитадель была построена на костях тысяч и тысяч туземцев, казалось, что все это сделано не человеческой рукой.

Дуглас стоял возле огромного камня, под которым покоились останки самого властного негра, какого когда-либо знала история.

«Если бы можно было измерять величие нации по ее замечательным воинам, — думал он, — то маленькая Гаити со своими Туссеном-Лувертюром, Жан Жаком Дессалином и Генри Кристофом, безусловно, заняла бы одно из первых мест!»

На следующий день Дугласа повезли на высокую скалу, возвышающуюся над Молом Сейнт-Николас.

— Вы, вероятно, слышали, что Рейнол назвал это место Гибралтаром Вест-Индии, — заметил один гаитянец, наблюдая за выражением лица Дугласа.

— Вот смотрите, — указал хлыстом второй спутник Дугласа, — гавань почти со всех сторон окружена сушей. Ширина ее всего лишь четыре мили, но глубина такая, что самые крупные суда могут подходить вплотную к берегу. Двести ярдов от земли, и вы не достанете дна лотом в восемьдесят саженей!

Дуглас недоверчиво смотрел вниз. Залив с его зеркальной гладью казался большим озером. Справа подымалась крутая скала, на которой стоял сейчас Дуглас со своими спутниками. Напротив был отлогий лесистый берег. В самом конце гавани виднелась группа зданий, а между ними — голубая лента воды.

— Да, человеку далеко до такого совершенства! — пробормотал Дуглас.

Снова заговорил первый гаитянец:

— А знаете, весь европейский флот мог бы поместиться здесь, укрываясь от любых бурь.

— Да неужели? Это кажется невероятным! — заметил Дуглас.

Его собеседник отвернулся, делая вид, что собирается вскочить на лошадь.

— Сильная нация, — сказал он небрежным тоном, — владеющая этой гаванью, могла бы легко контролировать не только Караибское море, но и даже Южную Америку.

— Зато дружественная состоятельная нация, — с полной искренностью возразил ему Дуглас, — пользуясь этой гаванью, могла бы принести богатство всем островам Караибского моря!

— Ce soit possible![15]

Дуглас не настолько понимал по-французски, чтобы уловить сарказм своего собеседника.

Спускаясь по узкой тропе вниз, они уже не обсуждали ничего, кроме красот природы.

В ноябре военный корабль Соединенных Штатов «Янтик» причалил к Молу Сейнт-Николас, и Дуглас в своем донесении сообщил правительству, что частое упоминание в американской печати о стремлении

Америки добиться баз в Караибском море вызывает беспокойство среди народа Гаити. Как ни странно, Дуглас обнаружил, что он является объектом нападок прессы. Газеты утверждали, что он не пригоден для своего поста.

Некоторое время спустя Дуглас писал: «Беда с моим характером заключалась в том, что я не мог никому позволить использовать меня или мое служебное положение для того, чтобы помогать каким бы то ни было лицам осуществлять их эгоистические устремления как за счет Гаити, так и за счет репутации Соединенных Штатов».

События развертывались довольно стремительно. Ознакомившись с некоторыми фактами, Дуглас сообщил государственному секретарю Блэйну в марте 1890 года, что определенные деловые круги США осуществляют давление на Гаити. В то время Дуглас не знал ничего о докладе Навигационного бюро от января 1890 года, гласившем:

«Стратегическое значение этого острова с навигационной точки зрения огромно, и оно растет в прямой зависимости от тех миллионов, которые американские граждане вкладывают в постройку канала Никарагуа. Соединенные Штаты должны дать понять народу Гаити совершенно ясно, что они имеют твердое намерение не позволить никакой державе обосноваться в этом месте или создать протекторат над островом».

Вернувшись летом в Америку, Дуглас сделал доклад о Гаити

перед большой аудиторией в Балтиморе. Он подчеркнул, что последнее время все газеты подвергают его острым нападкам.

— Я полагаю, что печать в основном примирилась с фактом моего пребывания в Гаити, за исключением тех кругов, которые выдвигают своих кандидатов на этот пост, — заявил Дуглас. — Они-то и распускают слухи, что я собираюсь подать в отставку. Им я хочу ответить старинной поговоркой: «Умирают лишь немногие, и добровольно никто не уходит». Я возвращаюсь в Гаити.

Сам Дуглас так освещал события следующей зимы — статья его появилась в сентябре 1891 года в журнале «Норт-Американ ревью»:

«26 января 1891 года контр-адмирал Герарди, прибыв в Порт-о-Пренс, направил одного из своих младших офицеров на берег, в посольство Соединенных Штатов, чтобы пригласить меня на борт флагмана «Филадельфия»… Я явился по его просьбе и там впервые узнал, что должен буду принять участие в переговорах относительно угольной базы Соединенных Штатов в Моле Сейнт-Николас, — так сообщил мне контр-адмирал Герарди. Он заявил мне с особой многозначительностью, что он назначен специальным представителем Соединенных Штатов, и миссия его заключается в том, чтобы заручиться базой для американского морского флота в Моле Сейнт-Николас. По его словам, мистер Блэйн и мистер Трейси, а также президент Соединенных Штатов высказали пожелание, чтобы я содействовал ему в достижении этой цели. Адмирал дал мне понять, насколько важна его миссия, что я и сам не преминул заметить.

Собственно говоря, я уже знал о назначении адмирала Герарди за некоторое время до его появления на дипломатической арене. Порт-о-Пренс посетил один господин, представитель некой солидной нью-йоркской фирмы, который был лучше, чем я, осведомлен о тайнах государственного департамента в Вашингтоне, в частности, он знал о назначении адмирала Герарди и старательно раструбил о его предполагаемом прибытии во всех политических и деловых кругах, куда только имел доступ. Он заявлял везде и повсюду, что Вашингтон лишил меня полномочий и что, собственно говоря, я уже снят с моего поста и отозван, а адмирал Герарди назначен на мое место. Не приходится говорить, что, это ставило меня в незавидное положение как в глазах жителей Порт-о-Пренса, так и в глазах правительства Гаити».

В книге Рейфорда Логана «Дипломатические связи Соединенных Штатов в Гаити» приведены подробные, обстоятельные материалы, касающиеся этих переговоров. Не

оставляет сомнений, что Дуглас старался выполнить пожелания своего правительства, в то же время пытаясь сохранить «славную репутацию Соединенных Штатов». Он откровенно сожалел о некоторых моментах переговоров:

«Не малой причиной нашего неуспеха явился, пожалуй, тот угрожающий тон, которым мы вели эти переговоры. Для чего понадобилось выставить в такой момент в Гаити военную эскадру, сотню орудий и две тысячи солдат морской пехоты? А цель была такая: намекнуть Гаити, что если республика не проявит рассудительности и не примет по доброй воле наши требования, то мы осуществим их силой. Мы предстали перед народом Гаити и перед всем миром, держа в одной руке перо, а в другой — меч. Это не было дружественным актом со стороны великого государства, желающего получить концессию у маленькой слабой страны, какой является Гаити. Это было несвоевременно и не соответствовало пропорциям самого требования. Это было также предпринято при полном непонимании характера народа, с которым нам предстояло иметь дело. Нам следовало знать, что каковы бы ни были жители Гаити, во всяком случае, они не трусы и посему их не так легко напугать».

На Фредерика Дугласа сваливали всю вину за провал этих переговоров. Летом 1891 года он подал в отставку.

Логан пишет: «Я придерживаюсь того мнения, что Дуглас искренне желал защитить интересы народа, принадлежавшего к его расе. В то же время он старался выполнять пожелания своего правительства и поддерживал честь этого правительства. Скорее его неуспех можно объяснить тем, что общественное мнение Америки не требовало этого порта, а президент не был готов применить силу… Ведь Панамского канала тогда не существовало и Соединенные Штаты еще не освободились от договора Клейтона-Балвера, дабы иметь возможность самостоятельно строить канал. С употреблением силы против Гаити пришлось подождать до окончания строительства канала, до того момента, когда Соединенные Штаты превратились в мировую державу, до того момента, когда непрерывные революции в Латинской Америке усилили недовольство государственного департамента, и, наконец, до того момента, когда внимание общественности, прикованное к мировой войне, позволило осуществить военную оккупацию Гаити, не возбудив излишних протестов в Соединенных Штатах».

В 1893 году правительство Гаити назначило Дугласа своим представителем на Всемирной выставке в Чикаго, а в 1899 году республика внесла первую тысячу долларов в фонд памятника

Фредерику Дугласу, который ныне стоит в одном из парков Рочестера. В своей речи в 1932 году посол Гаити в Соединенных Штатах Дантес Беллегард высказал уверенность, что, будь сейчас жив Фредерик Дуглас, он «был бы одним из тех, кто горячо поддерживал бы доктрину международной морали… Политика уважения прав малых наций, которой придерживался Дуглас, являясь послом Соединенных Штатов в Гаити, есть единственная политика, благодаря которой такая могущественная нация, как Соединенные Штаты, способна заслужить подлинную и глубокую симпатию со стороны государств Латинской Америки».

Дуглас уже доживал свой восьмой десяток. Но он не уходил на покой, не оставлял общественной деятельности. Его стройную, по-прежнему красивую фигуру, увенчанную пышной копной белоснежных волос, можно было видеть всюду, где только собирались люди потолковать о том, как сделать нацию сильнее и благороднее, как создать взаимопонимание между народами. Он был полон неистребимой веры в свою страну и ее предначертание, и это делало его терпимым, позволяло относиться ко всему с легким юмором. Всюду, где только он ни появлялся, его окружали группы людей, жадно подхватывавших все его рассказы и тонкие остроты, которые потом передавались из уст в уста. Соседи по Анакостиа с гордостью рассказывали, сколько народу специально приезжало даже издалека, чтобы посмотреть на дом Дугласа.

15 февраля 1895 года в Вашингтон прибыла Сюзен Антони, чтобы открыть вторую сессию Национального женского совета, созываемую раз в три года. Это был день семидесятипятилетия Сюзен Антони, и Фредерик Дуглас с женой нанесли ей визит и поздравили.

Сессия открылась 20 февраля. Дуглас присутствовал при этом, и под гром аплодисментов председатель совета миссис Сьюол пригласила его в президиум. Он прошел на трибуну, поклоном поблагодарил публику за приветствия, но выступить отказался.

В этот день было очень холодно; Дуглас приехал домой перед самым ужином. Он был в отличном расположении духа. Снимая калоши и отряхивая с себя снег, он с оживлением вспоминал события дня.

— Мисс Антони показала себя во всем блеске, — рассказывал он, грея перед камином руки.

— Я немного устал, — признался он, поднимаясь после ужина наверх и задержавшись, как показалось его жене, возле портрета Джона Брауна, висевшего на площадке лестницы.

Эллен была в это время в гостиной и сразу обернулась: эти

слова были так необычны для Дугласа.

И в эту секунду он упал. Он был уже мертв, когда его внесли в комнату.

Все знаменитые деятели выступали на его похоронах. Сюзен Антони прочла траурную речь Элизабет Кейди Стентон о человеке, который один из всех поддержал ее требование о женском равноправии еще на первом съезде в 1848 году.

Память об этом человеке запечатлена в мраморе и бронзе, в стихах и песнях. Но камень и бронза мертвы, и только книга может заставить слова звучать как живые. Из глубины десятилетий мы слышим голос Фредерика Дугласа:

«Хоть я главным образом связан с одним только классом обиженных, угнетенных и порабощенных людей, я не могу оставаться равнодушным к несправедливости и страданиям, которым подвергают каких бы то ни было членов великой семьи человеческой. Я не только американский раб, но я и человек и как таковой обязан употребить все свои силы на благо великого рода людского… Я уверен, что чем скорее мир узнает о зле, совершаемом в семье человеческой, тем скорее это зло будет уничтожено».

ЭПИЛОГ

В апреле, в середине воскресного дня, я впервые поднималась на Анакостиа-Хайтс.

— Здесь есть ступеньки на гору, — предупредили меня.

Но я знала об извилистой тропинке, по которой хаживал он, и решила избрать ее. Теперь она заглохла и заросла местами, но я дошла по ней до сада, разбитого на склоне холма, и там, где тропа пересекается гудронированной дорожкой, увидела, как ожидала, цветущий куст сирени.

Типичный старинный дом, какие можно встретить в Виргинии, — с верандой, каретным сараем и флигелем для слуг. Ныне этот дом и участок вокруг него охраняются Негритянской межклубной женской ассоциацией по увековечению памяти Дугласа. Я постояла возле солнечных часов, пытаясь по ним угадать, который час, заглянула в колодезь, посидела немножко на каменной скамейке под изгородью, увитой цветущими растениями.

Казалось, что я вижу ясно их всех на террасе и в комнатах, залитых солнцем, с каминами и удобными скамейками под окнами. Со всех сторон на меня глядели портреты: вот Сюзен Антони, Уильям Ллойд Гаррисон, молодой красавец Чарльз Самнер, Уэнделл Филиппс, Авраам Линкольн.

Погрузившись в мечты, я долго сидела за его письменным столом, перебирая его записные книжки и пожелтевшие листы, испещренные цифрами, на которых он пытался подытожить свой жалкий банковский счет. Вдоль стен кабинета высились до самого потолка полки с книгами в истрепанных переплетах, с исписанными на полях страницами. Он явно предпочитал всем остальным те книги, в которых говорилось о людях. На втором этаже висели портреты членов семьи Дугласа, тут и там были разложены принадлежавшие им мелкие вещи.

А в спальне Дугласа в запертом шкафу стояли флаг и заржавленный мушкет.

По моей просьбе шкаф открыли, и я прижалась лицом к складкам флага Джона Брауна. Да, это он, и в 1946 году он все еще стоял в комнате Фредерика Дугласа и не был развернут!

Вероятно, я оставалась в этих комнатах немало времени, ибо вдруг обнаружила, что темнеет и я одна. Стеклянная дверь была открыта настежь, и я вышла на балкон, на крохотный балкончик, где можно сидеть в одиночестве и предаваться размышлениям. Не раз, надо полагать, выходил сюда в такие весенние вечера Дуглас.

Устремив свой взор на сгрудившиеся у подножья холма домики, он видел, как и я, сверкающую ленту реки, а дальше — сказочно раскинувшийся как на ладони Вашингтон. В его время не было еще остроконечного, уходящего в небо обелиска Вашингтона, но круглый купол Капитолия существовал и тогда. Дуглас видел это здание — предмет его гордости, видел и затейливую сеть улиц своего любимого города, столицы государства, которому он так верно служил.

И вдруг совершенно невольно, стоя на этом балконе, я поняла, почему на закате жизни был так спокоен взор Фредерика Дугласа. Не потому, что он был обманут иллюзией величия, не потому, что считал свою цель достигнутой, и не потому, что верил, будто все человечество уже пошло по пути прогресса. Но, стоя здесь, на этом балкончике, и устремив свой взгляд на небо поверх купола Капитолия, он видел ее — всегда и неизменно изливающую яркий свет надежды — путеводную Полярную звезду.

От автора

В этом повествовании о борьбе человека за свободу многое может показаться невероятным. Но здесь, в этой книге, — все правда. В ряде случаев я цитировала непосредственно из автобиографических книг Фредерика Дугласа. Собственные его слова, прямые и ясные, воссоздают портрет этого человека.

Книга «Жил-был раб…» была впервые опубликована в Соединенных Штатах в 1947 году. В то время я вынуждена была несколько сократить свою рукопись для печати. Нынешней зимой, готовя в Москве свою книгу к изданию на русском языке, я получила возможность включить во вторую половину важные исторические факты. Я выражаю глубокую благодарность издательству «Молодая гвардия», позволившему мне, таким образом, дать моим новым читателям лучшую книгу. Приношу также свою искреннюю благодарность В. Лимановской и И. Левидовой, немало и добросовестно потрудившимся над переводом книги. Хочу особо отметить, что в своей работе я пользовалась среди других источников книгами: «Негритянский народ в истории Америки» Уильяма Фостера, «Черная реконструкция» и «Джон Браун» Уильяма Дюбуа, «Сюзен Антони» Айды Харперс, «Дипломатические связи Соединенных Штатов в Гаити» Рейфорда Логана, журналом «Вестник негритянской истории» под редакцией Картера Вудсона и, разумеется, всеми автобиографическими книгами самого Фредерика Дугласа.

Шерли ГРЭХЕМ

Москва, апрель 1959 г.

notes

Примечания

1

Происхождение этого слова не ясно. Первоначально английские солдаты так называли восставших в 1775 году колонистов Новой Англии. Позднее в Южных штатах этим словом обозначали уроженцев Севера. В период гражданской войны южане называли «янки» северян. В настоящее время это прозвище относят ко всем жителям США. (Прим. ред.)

2

Знаменитое восстание рабов, которое произошло в штате Виргиния в августе 1831 года. Восстание было жестоко подавлено, его руководители, в том числе и сам Нат Тернер, казнены. (Прим. ред.)

3

Аболиционизм (от латинского Abolitio — отмена, уничтожение) — общественное движение, добивающееся отмены какого-либо закона или института. В США с конца XVIII века — движение за отмену рабства негров. (Прим. ред.)

4

«Статьи конфедерации» — название первой конституции США. (Прим. ред.)

5

Маунт-Вернон — название усадьбы первого президента США Джорджа Вашингтона. (Прим. ред.)

6

«Фридэмс-Джорнэл» («Газета Свободы») — первая в США негритянская антирабовладельческая газета, издававшаяся в Нью-Йорке с 1827 года. (Прим. ред.)

7

«Призыв Уокера» — знаменитый памфлет, призывающий рабов подняться на борьбу за свободу. Написан свободным негром Дэвидом Уокером в 1829 году. (Прим. ред.)

8

Свобода! Братство! Равенство! (франц.).

9

Местонахождение американского конгресса. (Прим. ред.).

Из У. Уитмена. (Прим. ред.)

11

12 апреля 1861 года мятежники Южной Каролины напали на форт Самтер в гавани Чарльстон, ранее занятый федеральными войсками, и после тридцатичетырехчасового боя захватили его. Это нападение явилось началом гражданской войны. (Прим. ред.)

12

Из стихотворения У. Уитмена на смерть А. Линкольна.

13

Автор имеет в виду президента Гранта. (Прим. ред.)

14

Я изучил французский немножко, но моя жена… (франц.)

15

Возможно (франц.).